

Татьяна СМИРНОВА

«БЫВШИЕ ЛЮДИ»

СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Т. М. СМЕРНОВА

**«БЫВШИЕ ЛЮДИ»
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

*Стратегии выживания
и пути интеграции
1917—1936 годы*

ББК 60.54
С50

*Книга выпущена при поддержке Министерства по делам печати,
информации и средств массовых коммуникаций Российской Федерации
Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института российской истории РАН*

Смирнова Т. М.
С50 «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и
пути интеграции. 1917—1936 годы. — М.: Издательский дом «Мир
истории», 2003. — 296 с.

ISBN 5-98308-002-4

В предложенной книге впервые рассматривается весь комплекс проблем, связанных с судьбами так называемых «бывших людей», оставшихся в России после Октября 1917 г.: как складывалась политика новой власти по отношению к бывшим имущим классам в теории и на практике; как они ощущали себя в новых социально-экономических условиях, к каким явным и тайным способам прибегали, чтобы избежать общественного остракизма и адаптироваться к советским условиям: как повлияло «плохое» социальное происхождение на их повседневную жизнь и т. д. Повествование насыщено яркими красками, интересными биографическими подробностями, которые помогают прочувствовать события 20—30-х гг. XX века «изнутри».

Книга основана на широком круге «разноуровневых» «многоведомственных» источников, обеспечивающих возможность взаимной проверки информации, и опирается на комплексное использование методов социальной истории, истории повседневности, локальной истории, микроанализа, а также методов количественного анализа прошлого. Подавляющая часть использованных источников впервые вводятся в научный оборот.

ББК 60.54

ISBN 5-98308-002-4

© Смирнова Т. М., 2003
© Институт российской истории РАН, 2003
© Издательский дом «Мир истории», 2003

ВВЕДЕНИЕ

В судьбах представителей бывших привилегированных слоёв, лишенных привычной социальной ниши, как в зеркале отразились общие социально-экономические и политические проблемы послереволюционной России, особенности формирования нового общества и советской номенклатуры. Тщательное изучение на основе новых подходов всего комплекса проблем, связанных с положением «бывших» в Советской России, не только восполнит сохранившиеся до сих пор лакуны в социальной истории советского общества, но и поможет на практике проверить те или иные положения существующих концепций.

Ликвидация эксплуататорских классов, или Хождение «бывших» по мукам: историография проблемы

Бывшие господствующие классы Российской империи не были обделены вниманием советской историографии. Анализ исторических трудов, затрагивающих проблему ликвидации «эксплуататорских классов» в СССР, занял бы не один том. Положение представителей бывших имущих слоёв в Советской республике, особенности их социальной мимикрии так или иначе рассматриваются практически во всех работах, посвященных проблемам изменения социальной структуры России, становления нового «бесклассового» общества¹. Отдельные аспекты темы затрагиваются также в работах, посвященных формированию советской интеллигенции². Однако в центре внимания большинства советских исследователей были не люди как таковые, а социально-политические и экономические категории, такие как классовая борьба, политика ликвидации эксплуататорских классов, экспроприация экспроприаторов и т. п. Объектом изучения были не помещики и их после-

¹ Примечания вынесены в конец каждого раздела. См. оглавление.

революционные судьбы, а **конфискация помещичьих земель**; не предприниматели и домовладельцы в условиях строительства социализма, а **национализация промышленности и муниципализация строений**; не чиновничество и «старая» российская интеллигенция, а **«использование» старых чиновников и буржуазных специалистов на советской службе, «перевоспитание», «перековка» интеллигенции и т. п.**³ Жизненный мир «бывших», их отношение к революции, социальные связи, способы адаптации к новым социально-экономическим условиям и пути интеграции в советское общество, — все эти вопросы долгое время оставались за пределами исследований. В то же время и в сфере проводимой по отношению к «чуждым классам» политики «подавления» и «перевоспитания» оставалось много неясностей: каково соотношение репрессивных и «воспитательных» методов «переработки человеческого материала»; по каким принципам этот «материал» подразделялся на, выражаясь словами А.В. Луначарского, «доброкачественный» и «недоброкачественный»; что стало с тем «материалом», который нельзя «употреблять в работу» и т. п. Не ясным оставалось даже социальное пространство «бывших» — этого загадочного социального образования, существовавшего лишь в политической практике большевистской власти, но не в рамках официальной социальной структуры Советской России. Таким образом, представления о «бывших» базировались в советские годы более на художественной литературе, чем на научно-исторических фактах⁴. Литература и кинематограф создали некий абстрактный клишированный образ «бывших хозяев жизни», на которых, по образному выражению М. Горького, «классовый признак» наносился на лицо, «словно бородавка»⁵

Попытки методологически переосмыслить понятие «класс» и отказаться от втискивания крайне противоречивой, сложно структурированной социальной системы, каковой является советское послереволюционное общество, в прокрустово ложе классовой структуры, начали предприниматься уже в рамках советской историографии. В частности, с конца 1970-х гг. довольно активно стала разрабатываться тема места и роли в российских революциях средних социальных слоев города⁶. В последнее десятилетие XX в. начали появляться интересные исследования, посвященные отдельным аспектам социальной истории различных групп «бывших». Наиболее «повезло» в этом отношении «лишенцам», социальное пространство которых в значительной степени пересекается (но не совпадает!) с пространством «бывших»⁷. Одновременно начали разрабатываться проблемы выживания и социальной мобильности в послереволюционной России средних социальных слоев⁸. Новое освещение получили проблемы взаимоотношений власти с «буржуазной» интеллигенцией⁹ и духовенством¹⁰. Началось активное изучение биографий лидеров «белого» движения, оппозиционных большевикам

партий и анархистских группировок¹¹ Социальная практика «чуждых», их повседневная жизнь постепенно потеснили политику, переставшую быть главным объектом исследований¹².

Несмотря на значительный шаг вперед, сделанный за последние годы в реконструкции повседневной жизни «бывших» и путей их интеграции, приходится признать, что изучение данной проблемы и сейчас носит фрагментарный характер. Вопросов по-прежнему больше, чем ответов. «Новизна» заявленных «новых подходов» на деле нередко оборачивалась изменением идеологического вектора, при сохранении господствовавшей традиции «подгонки» фактического материала под готовую концепцию, что способствует не столько решению старых вопросов, сколько созданию новых. Наряду с уничтожением ложных догм и стереотипов советского образца, начали создаваться новые легенды и стереотипы, новые зоны умолчания, появились новые «герои» и «антигерои»*

Если советскую историографию справедливо упрекают в «лакировке» действительности, в игнорировании таких «социальных болезней» послереволюционного времени, как массовые эпидемии, беспризорность и детская преступность, наркомания, проституция, алкоголизм и т. п., то постсоветская историческая литература грешит чрезмерным увлечением именно девиантными формами поведения, социальными аномалиями, якобы заменившими собой социальные нормы. В современной историографии большевики нередко предстают в виде абстрактной разрушительной политической силы, абсолютно лишенной социальной базы. Слова «большевики», «выдвиженцы», «25-тысячники», «ударники», «стахановцы» и т. п. приобрели ярко выраженную негативную окраску, почти превратившись в бранные** Истории о добром де-

* Так, Ю.И. Кораблев совершенно справедливо отметил появившуюся в 90-е годы XX века тенденцию популяризации вождей и полководцев, возглавлявших белые армии, а также необоснованной идеализации той части военной интеллигенции, которая вступила в белое движение. (Кораблев Ю.И. Советская власть и военные специалисты (1918—1941 гг.) // Власть и общество России. XX век. М.—Тамбов, 1999. С. 121—129.

** Так, С.А. Шинкарчук, например, утверждает, что у всех выдвиженцев отсутствовали даже «минимальные нравственные принципы» (Шинкарчук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.. новые подходы. СПб., 1995. С. 31). Сторонникам данной точки зрения хочется напомнить, что «выдвижение» нередко носило формальный характер. «Выдвинутые» на руководящие должности рабочие часто не имели реальных полномочий, а выполняли роль «свадебного генерала». Попадая в новую, незнакомую, а зачастую и откровенно враждебную среду и не обладая при этом ни политическим влиянием, ни авторитетом, они нередко сами оказывались «жертвами» собственного неожиданного «возвышения».

душке Ленине и о голодном обмороке наркома продовольствия Цюрупы, которыми пичкались несколько поколений советских детей, сменили рассказы о спецпайках и спецобслуживании партийной номенклатуры, об «ожиревшем на выжатых из голодного населения деньгах» Г.Е. Зиновьеве, высокомерии и злоупотреблениях представителей новой власти, а также об их «распутстве» и «адюльтерах».

В то же время вокруг «бывших» постепенно создается ореол святости, благородства и мученичества. В середине 1990-х годов в связи с усилением монархических настроений, распространением идей реституции и стремлением возродить былую славу (а заодно и некоторые привилегии) дворянства достигла своего расцвета идеализация как самой монархической России, так и ее господствующих слоев. В последнее время шум вокруг этих проблем несколько стих, однако сама тенденция сохранилась, более того, получив активную поддержку церкви и государства (достаточно вспомнить канонизацию Николая II, в свое время более известного в народе как Николай Кровавый), она перешла из сферы популярной литературы и публицистики в сферу исторической науки. Так, например С. Чуйкина приходит к выводу о якобы присущей всему российскому дворянству «врожденной порядочности». *«Неправда, — утверждает Чуйкина с детской наивностью, — это одно из отрицательных качеств, которое в дворянстве редко встречается»*¹³. С.А. Шинкарчук, в свою очередь, пишет о «врожденной порядочности» всей дореволюционной интеллигенции¹⁴. Очевидно, что подобные сентенции, вполне уместные в семейных преданиях современных «дворян», совершенно недопустимы в научной литературе.

Судьбы представителей «социально чуждых» слоев в послереволюционной России были и остаются одной из наиболее «мифологизированных» тем социальной истории советского общества, освещающихся с диаметрально противоположных позиций. Изучение политики новой власти по отношению к свергнутым классам осуществляется в основном в рамках двух полярных концепций, каждая из которых опирается на солидное документальное обоснование. Вынужденная борьба с беспощадным классовым врагом и бережное отношение к интеллигенции и ко всем, перешедшим на сторону Советской власти — вот вкратце основная суть советской трактовки данной проблемы, за 70 лет не претерпевшей никаких существенных изменений. *«Пролетариат был чужд мести и не практиковал ни пыток, ни глумлений»*¹⁵, — пишет М.Я. Лацис в 1927 г. *«Рабоче-крестьянское государство не мстило своим классовым противникам лишь за то, что они принадлежали ранее к эксплуататорским классам, — соглашается с ним С.А. Федюкин, один из крупнейших советских специалистов по исследуемой проблеме, — не мстила советская власть также и интеллигенции ни за то, что она была связана с капиталом и служила эксплуататорским классам, ни за то, что большая*

часть ее не приняла социалистической революции и даже употребила во зло миролюбие новой власти»¹⁶.

Напротив, в постсоветской историографии, особенно в трудах сторонников теории тоталитаризма, подчеркивается, что советская власть беспощадно мстила всем, кто «был рожденным в «плохом» классе»¹⁷

Аналогичные метаморфозы претерпело и изучение отношения самих «бывших» к революции, к большевистской власти и послереволюционным преобразованиям. В советской историографии изучение данной проблемы сводилось к постулату о том, что в то время как бывшие эксплуататоры народа ненавидели советскую власть и либо вступали в открытую борьбу с ней, либо эмигрировали, либо «взрывали советские учреждения изнутри», лучшие представители интеллигенции в своем большинстве приняли ее и поддержали. В последние годы, напротив, подчеркивается, что именно лучшие представители научной и творческой интеллигенции якобы находились в абсолютной «духовной оппозиции» по отношению к власти большевиков, поддерживали же ее по преимуществу уголовники, аферисты и прочие «морально нечистоплотные» представители общества. Обе названные трактовки исторического прошлого страдают общим недостатком — абсолютизацией одной стороны многогранной послереволюционной действительности, представленной в черно-белом цвете, без оттенков и полутонов.

Изучение интеграции «бывших» и их детей в послереволюционное общество в настоящее время становится одним из приоритетных направлений социальной истории. Наибольшую активность в этой сфере проявляют социологи, которые поднимают такие проблемы, как «жизненные стратегии» «бывших» и их детей, «трансмиссия социального статуса между поколениями», «механизмы конвертации ресурсов», «сокрытие идентичности» как способ интеграции и т. п. Однако формулировка поставленных проблем зачастую оказывается более емкой и значительной, чем практическое их разрешение, сводящееся порой к пересказу (иногда двойному или тройному — со слов внуков и правнуков) чьих-то воспоминаний* Практически не подкрепленные документаль-

* Так, например, Д. Берто строит «научный анализ трансмиссии социального статуса между поколениями» семьи Николаевых на основе рассказа Людмилы, внучки главы семейства, родившейся в 1925 г. Таким образом, ее рассказ повествует в основном о событиях, произошедших еще до ее рождения и известных ей лишь со слов бабушки (Берто Д. Указ. соч. С. 207—239). Истории семей Земляниных и Малаховых также реконструируются по рассказам внучек, знакомых с событиями лишь по воспоминаниям бабушек (Фотеева Е. Указ. соч. С. 247, 250). Реконструкция биографии семьи Бурлаковых (начиная с середины XIX в.!) осуществляется на основе рассказов двух представителей семьи — 1934 и 1966 годов рождения. (Бигуаа В. Путь в номенклатуру: случай Бурлаковых // Судьбы людей... С. 92—121). Подобные семейные «биографии»,

ными материалами, эти передающиеся из поколения в поколение семейные легенды, в которых действительность переплетается с вымыслом, а желаемое порой выдается за действительное, безусловно, имеют определенную научную ценность, но отнюдь не достаточны для построения научных гипотез.

Не менее распространенной ошибкой современных исследований является и игнорирование особенностей конкретно-исторической ситуации (война и послевоенная разруха, продовольственный и жилищный кризис, безработица и т. п.): подробное описание бедствий и лишений «бывших» без сопоставления их положения с положением представителей других социальных слоев и вытекающий отсюда акцент на «месть за прошлое» как основную мотивацию политики большевиков по отношению к «бывшим». Анализ положения «чуждых» изолированно от положения других социальных слоев создает впечатление, что новая власть сознательно и целенаправленно морила их голодом и притесняла исключительно из соображений классовой нетерпимости¹⁸. На практике же положение широких слоев рабочих и крестьян нередко было не лучше (а иногда и значительно хуже), чем положение «бывших». Это понимали и руководители большевиков. В.И. Ленин, в частности, утверждал, что именно русский рабочий класс подвергся за первые три с половиной года своего «политического господства» «таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории»¹⁹. Пожалуй, в еще большей степени это относится к российскому крестьянству. Нельзя забывать, что **адекватная реконструкция положения того или иного социума возможна только в общеисторическом контексте, не изолированно, а с учетом взаимосвязей данного социума с другими социальными группами.** В этом отношении на фоне работ, посвященных непосредственно судьбам «бывших», своей взвешенностью выгодно отличаются работы демографов, изучающих все общество в целом, весь комплекс социальных отношений, не подразделяя отдельные социальные слои на «плохие» и «хорошие», на «жертв» и их «гонителей»²⁰.

Таким образом, сделанный более 10 лет назад вывод Ю.А. Полякова о необходимости «проследить судьбы тех, кого мы на протяжении десятилетий называли «бывшими»», тщательно изучить «весь «пакет проблем», связанных с судьбой классов, групп, слоев, отстраненных от власти, лишившихся доходов и привилегий»²¹, по-прежнему не потерял своей актуальности. До сих пор нет даже четкого представления о самом исследуемом объекте. Нередко приходится встречать отождествление понятия «бывшие люди» с широко распространенным в середине

созданные без привлечения каких-либо письменных источников, являются, скорее, семейными преданиями.

1920-х гг. термином «социально опасные» (или «социально вредные») элементы. Некоторые исследователи ставят в один ряд с ними и такие социальные категории, как «нэпманы» или «лишенцы», тем самым, объединяя не только различные социальные слои, но и совершенно разнохарактерные понятия. Очевидно, что отсутствие ясного понимания исследуемого объекта неизбежно приводит к получению ошибочных выводов, формированию неверного представления как относительно положения «бывших», так и о преобладающих социальных процессах в целом.

Судьбы «бывших» как неотъемлемая составляющая жизни советского общества

Предлагаемое исследование лежит в русле социальной истории и посвящено судьбам миллионов людей*, так или иначе, обоснованно или нет, оказавшихся включенными в число «социально чуждых элементов», «бывших людей», «остатков старого буржуазного мира». Ключевым и в то же время наименее изученным аспектом исследуемой проблемы является вопрос о социальном пространстве «бывших». Значимость данного вопроса и его противоречивый характер, невозможность кратко и однозначно обозначить границы социального пространства исследуемого объекта заставляют автора посвятить этой проблеме отдельную часть, предваряющую исследование, построенное в основном по хронологическому принципу.

Как ощущали себя «бывшие» в новых социально-экономических условиях, как складывались их взаимоотношения с представителями других социальных слоев и внутри собственного социума, как они реагировали на изменения внутривнутриполитического курса, к каким явным и тайным способам прибегали, чтобы избежать общественного ostracism и адаптироваться к советским условиям, и насколько успешными были их попытки интегрироваться в новое общество? Все эти вопросы рассматриваются в неразрывной связи с конкретно-исторической ситуаци-

* Общая численность имущих слоев на 1913 г., включая зажиточных хозяев и кулаков, составляет по подсчетам разных историков от 22,1 до 35,6 млн. чел. Численность же основной группы данной социальной категории (высшее чиновничество, крупная буржуазия и помещики) по разным оценкам колеблется от 4 до 5 млн. чел. (см.: Социалистическое строительство СССР Статистический ежегодник. М., 1936; Писарев И.Ю. О народонаселении СССР М., 1962; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956; Селунская В.М. Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987; Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Глезерман Г.Е. Указ. соч. и др.)

ей в стране, параллельно с изучением, во-первых, изменений, происходящих в политике советской власти (декларируемой и реальной) по отношению к «чуждым» классам и, во-вторых, положения других социальных групп. Особое внимание уделяется вопросу о том, в чем конкретно на разных этапах исследуемого периода выражалась дискриминация по признаку социального происхождения (как на уровне государственной политики, так и на уровне обыденных отношений), каковы ее причины и следствия.

Поскольку интеграция в советское общество молодого поколения «бывших», выросшего и сформировавшегося уже в условиях Советской России, но генетически связанного с различными группами «враждебных классов», имеет свои особенности, данная проблема рассматривается отдельно, в заключительной части.

Исследование охватывает 20 чрезвычайно сложных лет: с октября 1917 г., когда начался процесс кардинальной ломки социальной структуры и всех социальных отношений, и еще недавно преуспевающие граждане стали «бывшими людьми»; и до 1936 г., когда новая Конституция зафиксировала равенство всех граждан, независимо от их социального происхождения, и юридически, таким образом, социальная категория «бывших» ушла в прошлое. Столь значительные хронологические границы в сочетании с исключительной событийной насыщенностью периода вынуждают автора попутно с рассмотрением главной, сквозной, темы в той или иной степени затрагивать множество важных и крайне сложных проблем, изучение которых выходит за рамки данного исследования. Этим объясняется неизбежная «беглость» рассмотрения таких сюжетов, как положение интеллигенции в тот или иной период; национализация земли, промышленности и банков; введение трудовой повинности; развитие частной промышленности в период нэпа и формирование нэпманов как особой социальной группы; особенности судопроизводства в различные периоды; ужесточение цензуры в конце 1920-х гг.; становление системы учета населения и введение единой паспортной системы; принятие Конституции СССР 1936 г. и т. д. В данной монографии эти проблемы затрагиваются лишь в контексте основной темы.

-Необычайно широкий диапазон рассматриваемых проблем и значительный хронологический период исследования вынуждают автора ограничить его территориальные границы центральной частью Советской России, с акцентом на территории бывших Московской и Петроградской губерний. Особенности положения «бывших» в национальных республиках в данной монографии не рассматриваются.

Стремление передать «колорит» эпохи, посмотреть на события глазами современников, относящихся к различным социальным слоям (по образному выражению А.Я. Гуревича, получить на «наши» вопросы

«их» ответы) обусловило достаточно обильное цитирование документов. В отдельных местах (прежде всего это касается IV части) монография находится на грани перерастания в «повествование в документах». Этот путь выбран автором сознательно, так как одна из главных целей исследования — реконструкция взаимоотношений представителей разных социальных групп, особенностей восприятия ими событий, свидетелями и участниками которых им пришлось быть. Приведенные в монографии выдержки из документов составляют ее органичную и неотъемлемую часть, способствуют реконструкции дискурса различных групп формирующегося советского общества, что в данном случае имеет особое значение. Присоединяясь к замечанию А.К. Соколова о том, что обращение к языку в социальной истории «выступает одним из критериев продвижения к истине»²², следует подчеркнуть, что понятие социальное пространство «бывших», не изучив бытование данного термина, не проанализировав «язык власти», «язык прессы», язык доносов и т. п., практически невозможно*

Источниковедческая база и историческая концепция: что первично?

Переломный характер изучаемого периода, характеризующегося крайне противоречивыми социальными процессами, предоставляет широкие возможности для искажения (сознательного или невольного) исторического процесса на основе реальных источников. Достаточно лишь подобрать факты, подходящие под заранее выбранную концепцию (а таковых найдется множество, независимо от характера отстаиваемых позиций), и отместить в качестве «исключения, подтверждающего правило» все факты, ей противоречащие. Исходя из этого, принципиально важным представляется вопрос о постановке исследовательской задачи. Здесь в принципе возможно два пути: подтверждение с помощью новых источников заранее выдвинутой гипотезы, которая таким образом становится своеобразным фундаментом исторической реконструкции; либо сбор и сведение воедино бесконечного множества противоречивых фактов с целью реконструкции социальных пластов на макро- и микроуровне и лишь затем — осуществление их анализа. Автор отдает предпочтение второму пути, считая, что фундаментом исторической реконструкции должны быть источники, а построение гипотезы относится к завершающей части исследовательской работы.

Одним из главных необходимых условий адекватной реконструкции действительности является **комплексный источниковедческий подход**,

* Подробнее об этом см. часть I данного исследования.

предполагающий использование широкого круга «разноуровневых» источников, созданных представителями различных социальных групп (как идеологов различных политических течений, так и рядовых «обывателей»), а также параллельное применение методов макро- и микроанализа.

Любые попытки найти наиболее значимую, наиболее «объективную» группу источников, абсолютизация того или иного документального комплекса, якобы содержащего историческую «правду» во всей ее полноте, неизбежно приводят к одностороннему, предвзятому отражению прошлого. Так, разочарование в нормативно-распорядительной документации, отражающей не столько историческую практику и реальную жизнь общества, сколько декларируемую властью политику, желаемое, выдаваемое за действительное, привело в 1990-е годы к чрезмерному увлечению недоступными ранее исследователям материалами карательных органов. В результате тема насилия власти («красного террора», сталинских репрессий и т. п.) стала одной из приоритетных в современной отечественной историографии. Фактически история советского общества оказалась превращенной в историю ГУЛАГа. Сводки ВЧК—ГПУ—НКВД нередко безосновательно провозглашаются наиболее надежным и объективным источником и потому практически не подвергаются источниковедческому анализу. Автору ближе точка зрения исследователей, считающих, что, несмотря на «кажущуюся точность, достоверность и доказательность», «одна из наиболее ярких характеристик сводок — субъективизм, приобретающий особую значимость в условиях принадлежности документа к столь «серьезной» организации, как ОГПУ»²³. Нельзя не согласиться с Т. Мартином, утверждающим, что ОГПУ сосредотачивало свое внимание преимущественно на негативной информации, которая к тому же «пропускалась через искаженную призму существовавшей при советском режиме «марксистской» системе деления общества на классы»²⁴.

Наглядным примером того, к чему может привести реконструкция действительности преимущественно по материалам карательных органов, является коллективное исследование «Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии»²⁵. В соответствии с концепцией авторов, суть которой ясна уже из названия, *главными жертвами* режима были духовенство, люди свободных профессий, мелкие предприниматели, торговцы и ремесленники; крестьянство заплатило *«самую тяжелую дань»*. Возникает вопрос, кто же выиграл в процессе социалистических преобразований? Может быть, пролетариат? *«Население городов, — отвечают нам авторы, — входило отныне в категорию «рабочего класса, строителя социализма», однако и рабочий класс подвергся репрессиям, которые в соответствии с господствующей идеологией превратились в самоцель, тормозя активное движение общества к прогрессу»*²⁶.

Следует подчеркнуть, что в отличие от тех современных исследователей, которые склонны чрезмерно доверять материалам спецслужб, само руководство ВЧК-ОГПУ относилось к сводкам, составляемым подведомственными им службами, с большой осторожностью. *«Присылаемые с мест материалы, — говорилось, в частности, в одном из циркулярно-информационных писем Секретного отдела ВЧК в 1919 г., — страдают отсутствием элементарной вдумчивости и понимания окружающей жизни — в большинстве содержат в себе подробные описания нехарактерных эпизодов, по которым совершенно невозможно составить выуклой картины общего состояния губернии, и совсем не отражают текущий жизни»²⁷*

Наряду с преувеличенным доверием к материалам спецслужб, не менее опасной является и абсолютизация источников личного происхождения. Справедливое утверждение об особой значимости для социальной истории этой группы источников, недооценивавшихся ранее в силу своей субъективности, оказалось неправильно понято некоторыми исследователями как возможность реконструировать прошлое, опираясь преимущественно (или даже исключительно) на источники личного происхождения, прежде всего — интервью, популярные в последнее время. В частности, в 1990-е гг. получили широкое распространение историко-социологические исследования, в которых выводы, полученные на основе всего лишь нескольких интервью, письменных воспоминаний или даже устных семейных легенд, с легкостью экстраполируются на весь социум, что неизбежно приводит к искажению действительности.

Во избежание подобных «перекосов» в данной работе использован широкий круг **«разноуровневых» и «многоведомственных» источников**, обеспечивающий возможность **взаимной проверки информации**. В монографии присутствуют как опубликованные, так и не опубликованные ранее материалы центральных и местных советских и партийных органов, отдельных организаций, предприятий и учреждений, частных лиц различного социального происхождения и разных политических убеждений²⁸. Особенно широко используются разнообразные документы, **воспроизводящие взаимоотношения людей с властью** (всевозможные «письма во власть»: прошения, жалобы и т. д.; отчеты и сводки местных партийных и государственных органов, их переписка друг с другом; материалы «легкой кавалерии» и «летучих бригад» РКИ, партийных «чисток», «чисток» соваппарата и т. п.). Подавляющая часть источников этой группы впервые вводится в научный оборот.

Основной массив материалов, составивших фундамент данной работы, отложился в фондах центральных государственных архивов, а также архивов Москвы и Московской области (ГА РФ, РГАСПИ, ЦМАМ, ЦГАМО). Это, прежде всего, фонды высших органов государственной

власти и управления, а также высших партийных органов: СНК; ВЦИК и ее уполномоченных, комиссий и отделов (Комиссия по проверке служащих и сотрудников; Комиссия по проверке личного состава центральных учреждений Москвы, Комиссии по обследованию Наркоматов РСФСР, Междуведомственная комиссия при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах, Комиссия по улучшению жизни детей, Отдел детских учреждений и др.); НКВД; НК РКИ, Главного комитета по проведению трудовой повинности при СТО; ЦК КПСС, а также обширной коллекции писем и телеграмм В.И. Ленину за 1917—1923 гг. **Материалы этих фондов позволяют ответить на вопросы, как и почему изменялась политика советской власти по отношению к бывшим имущим слоям, насколько провозглашаемая центром политика соответствовала реальной практике.** Отложившаяся в фондах корреспонденция частных лиц, а также сводки и отчеты с мест отражают отношение к власти различных групп населения. Чрезвычайно ценные в этом отношении материалы отложились в фонде уполномоченных ВЦИК, регулярно проводивших обследование местного советского аппарата.

Среди материалов НКВД отдельно следует остановиться на материалах регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния», проведенной осенью 1919 г. на основании декрета СНК об «обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе». Массовый характер этих источников позволил применить по отношению к ним количественные методы анализа. В работе использованы обработанные на компьютере данные 764 анкет лиц, зарегистрированных в Москве и Московской губернии, и 394 анкет по Петрограду и Петроградской губернии²⁹. Полученная информация не только характеризует политику Советской власти по отношению к «бывшим», но и дает возможность проследить изменения, произошедшие в их социальном и имущественном положении с 1917 г. (а иногда и значительно раньше) до середины 1919 г.; помогает определить пути и степень интеграции той или иной группы «бывших» в советскую систему³⁰.

Материалы различных судебно-следственных органов (Верховного трибунала при ВЦИК и его Следственной комиссии, Революционного трибунала при Петроградском Совете рабочих и крестьянских и солдатских депутатов и его Следственной комиссии, Революционного трибунала печати) позволяют оценить особенности судебно-следственной практики исследуемого периода, **зависимость применяемых мер репрессий от социального происхождения обвиняемых**, а также реальную ответственность так называемой «системы хлопот». Кроме того, в фонде Революционного трибунала печати использованы уникальные экземпляры различных «буржуазных» газет и журналов, некоторые из которых

существовали всего несколько недель. Эти газеты, а также материалы к ним отражают восприятие послереволюционных событий социал-демократическими оппонентами большевиков.

Наряду с «Информационными листками НКВД РСФСР о борьбе с контрреволюцией», «Бюллетенями НКВД РСФСР о положении на местах», а также сводками местных ЧК, отложившимися в фонде НКВД, СНК, уполномоченных ВЦИК и ЦК КПСС, при работе над монографией были изучены и документальные материалы ОГПУ за 1922—1934 гг., хранящиеся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности. Свободное изучение этих материалов стало возможно лишь недавно, благодаря изданной Институтом российской истории РАН совместно с Центральным архивом ФСБ при участии ряда зарубежных исследователей фундаментальной публикации документов ««Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.)»³¹. Подчеркивая значимость данной публикации, ее энциклопедический характер, следует, тем не менее, обратить внимание на то, что исследуемая тема отражена в ее материалах слабо. Как отмечает Т. Мартин, ОГПУ изучало в основном четыре категории населения: крестьянство, рабочих, представителей восточных национальных меньшинств и солдат Красной Армии. Значительно меньше внимания уделялось кустарям, безработным, торговцам, духовенству, членам антисоветских партий и уголовным элементам. Настроения же промышленной интеллигенции, городских служащих и студентов в сводках ОГПУ практически не отражаются³². Выводы Мартина полностью подтверждаются исследованиями В.К. Виноградова³³. Нельзя не согласиться также с утверждением о том, что ОГПУ в своих сводках ограничивалось преимущественно «политической» информацией, и потому историк, исследующий социальные аспекты жизни, «вынужден по большей части обращаться к другим источникам информации»³⁴.

Из местных материалов в монографии наиболее широко представлены материалы Москвы и Московской губернии, отложившиеся в фондах Моссовета, МКК—МРКИ³⁵, а также районных РКИ. Материалы московских бирж труда, различных обследований служащих, отчетов администраций учреждений и предприятий о «социальном составе» служащих свидетельствуют о степени занятости «бывших», их распределении по профессиональным группам. Отложившиеся в фондах районных РКИ многочисленные жалобы частных лиц, а также материалы проводимых по ним расследований («выяснение социального лица» действующих лиц, опросы соседей и коллег по работе и т. п.) содержат яркие сцены из реальной жизни, отражают взаимоотношения и язык представителей разных социальных групп, их материальное положение, надежды и желания, отношение к власти и т. п., т.е. позволяют реконструировать целые пласты и «куски» реальной повседневной жизни.

В данной монографии впервые в отечественной историографии широко используются материалы о демунципализации жилых строений, позволяющие посмотреть, как на практике происходил «возврат» мелких и средних домовладений их бывшим собственникам. Некоторые дела по демунципализации того или иного строения содержат материалы за 3—5 и более лет, что при необходимости может быть использовано в ходе решения задач биографической реконструкции, а также для изучения истории конкретного дома и его обитателей.

Материалы московских районных РКИ (комиссий по чисткам, бюро жалоб, «легкой кавалерии» и т. п.) также впервые используются в столь широком объеме. Поскольку чистки характеризуются пристальным вниманием к биографии «прочищаемых», выяснением их связей, бытовых условий, взаимоотношений с коллегами и соседями, эти материалы позволяют реконструировать особенности повседневной жизни «бывших», а также некоторые подробности их биографии. Безусловно, для полноценной биографической реконструкции этих материалов недостаточно. Однако в сочетании с материалами регистрационных заявлений и разнообразных анкет, личных дел лишенцев, подавших заявление о восстановлении в правах, судебно-следственных и других материалов, а также писем и воспоминаний, они позволяют выявить общие черты биографий различных групп населения, создать своеобразную коллективную биографию того или иного социума. В редких случаях по этим материалам удавалось восстановить ту или иную судьбу с 1917 г. (и ранее) до середины 1920-х — начала 1930-х гг.

Автором также были изучены статьи и выступления советских и партийных лидеров различного уровня и их противников (меньшевиков, эсеров, лидеров «белого движения»); воспоминания и дневники как известных политических деятелей, так и «рядовых» граждан (в основном, представителей средней интеллигенции); синхронные публикации (труды историков, социологов и экономистов, опубликованные в 1917—1930-е гг.).

В качестве дополнительных источников при работе над монографией были широко использованы материалы периодической печати 1917—1930-х гг., отражающие все основные изменения социальной политики большевистской власти в целом и, в частности, по отношению к бывшим имущим слоям. Наряду с центральными изданиями общеполитического, идеологического, юридического и культурно-просветительного и сатирического характера, были использованы также периодические издания Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска (всего более 30 наименований)³⁶

Для реконструкции общественного мнения и воссоздания атмосферы изучаемого периода привлечены фольклорные источники (прежде

всего анекдоты тех лет)* и художественная литература, созданная современниками изучаемых событий на основе личных воспоминаний.

Использованные источниковые комплексы объединяют документы, отражающие как «официальную» трактовку событий сухим языком нормативно-распорядительной документации, так и эмоциональное восприятие тех же событий их «рядовыми» участниками — «простыми людьми». Таким образом, исследователь имеет возможность сопоставить результаты реконструкции прошлого как «снизу», так и «сверху», а различное социальное происхождение авторов обеспечивает возможность сопоставления «исторической правды» в понимании «социально чуждых», «социально близких» и пролетарских слоев. Сопровождающие повествование небольшие «биографические очерки» представителей различных групп «бывших» и своеобразные «бытовые зарисовки» их повседневной жизни позволяют на уровне конкретных судеб и частных ситуаций проверить выводы, сделанные на макроисторическом уровне. Таким образом, исследование опирается на комплексное использование методов социальной истории, истории повседневности, локальной истории, микроанализа, а также методов «количественного анализа» прошлого.

Примечания

¹ Глезерман Г. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; Жиромская В.Б. Советский город в 1921—1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988; Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма. М., 1961; Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. М., 1979; Селунская В.М. Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987.

² См. Федюкин С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР М., 1960; Он же. Советская власть и буржуазные

* Помимо самих анекдотов изучаемого периода (см.: Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. М., 1992; Соколова Н. Краткий курс. Материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. № 1. С. 29—31) были изучены также материалы, связанные с отношением власти к фольклору, идеологическим влиянием компартии на развитие самодеятельного искусства: материалы совещаний фольклористов, учебные планы специальных курсов для частушечников, материалы «олимпиад самодеятельного искусства» и т. д. (Фольклор России в документах советского периода. 1933—1941 гг. Сб. док. М., 1994; Гиппиус Е., Лебединский Л. Советский фольклор // Известия. 1935. 14 июня. С. 4; Назаров А. Искусство миллионов // Правда. 1936. 27 янв. С. 5; многочисленные подборки народных песен» о В.И. Ленине и И.В. Сталине к XIX годовщине Октября, опубликованные в 1936 г в газете «Правда» с комментариями редакции; и др.).

специалисты. М., 1965; *Его же*. Великая Октябрьская революция и интеллигенция. М., 1968; *Его же*. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; *Его же*. Партия и интеллигенция. М., 1983; *Соскин В.Л.* Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927). М., 1980; Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985; *Коржихина Т.П.* Профсоюзы и интеллигенция: борьба за демократизацию интеллигенции после Октября // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М.—Тамбов, 1984. С. 180—188; Советская интеллигенция. История формирования и роста. 1917—1965. М., 1968 и др.

³ См., например: *Архипов В.А.* Политика КПСС и Советского государства по отношению к капиталистическим элементам в промышленности и торговле СССР в годы нэпа // Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе. Омск, 1974; *Архипов В.А., Морозов Л.Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле: 20-е — начало 30-х гг. М., 1978; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (окт. 1917—1920 гг.). М., 1982; *Комин В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970; *Морозов Л.Ф.* Вопросы борьбы с нэпманской буржуазией в советской историографии // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 116—124; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968; *Его же*. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1975; *Его же*. Россия. 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987; *Трифонов И.Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937 гг.). М., 1960; *Его же*. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1925 гг.). Л., 1964. Ч. 1; 1969. Ч. 2; *Его же*. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

⁴ Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* Образ «бывших» в советской литературе // История России XIX—XX веков. Новые источники понимания. М., 2001. С. 222—230.

⁵ *Горький М.* О пьесах // *Горький М.* О литературе. Статьи и речи 1928—1936 гг. М., 1937. С. 153.

⁶ *Востриков Н.И.* Борьба за массы // Городские средние слои накануне Октября. М., 1970; *Его же*. «Третьего не дано!» М., 1988; Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М.—Тамбов, 1984; Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989; *Гречкин Э.В.* Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; *Степин А.П.* Социализм и средние слои города: опыт преобразования общественных отношений городских средних слоев. М., 1975; *Он же*. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975.

⁷ В Центре научного использования и публикации архивного фонда объединения «Мосгорархив» была создана база данных «Лишенцы», одновременно было опубликовано несколько работ *Добкин А.И.* Лишенцы. 1918—1936 // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.—СПб., 1992. С. 600—628; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. М., 1998; *Юшин И.Ф.* Социальный портрет московских «лишенцев» (конец 1920-х — начало 1930-х годов) // Социальный ежегодник 1997. М., 1998. С. 95—122.

⁸ *Булдаков В.П., Иванова И.А., Шелохаев В.В.* Место и роль средних слоев города в буржуазно-демократической и социалистической революциях // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7; *Зориков А.Н.* Криминальная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX века // Революция и человек. М., 1997. С. 5—11; *Канищев В.В.* Приспособление ради выживания (Мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Там же. С. 98—115; *Степанов А.И.* «Классовый паек» и социальная мобильность творческой интеллигенции в годы революции и гражданской войны (По материалам личных дневников) // Там же. С. 116—123 и др.

⁹ См. *Барбаков К.Г., Мансуров В.А.* Интеллигенция и власть. М., 1991; *Барнау Д.* Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2.; *Белова Т.Д.* Культура и власть. М., 1991; *Гречкина Э.И.* Ученые и власть // Власть и общество в СССР: Политика репрессий (20—40-е гг.). М., 1999. С. 123—145; *Дегтярев Е.Е., Егоров В.К.* Интеллигенция и власть. М., 1993; *Квакин А.В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа 1921—1927. Саратов, 1991; *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. М., 1991; *Куликова Г.Б., Ярушина Л.В.* Взаимоотношения Советской власти и интеллигенции в 20—30-е годы // Власть и общество России. XX век. М.—Тамбов, 1999. С. 96—110; *Они же.* Власть и интеллигенция в 20—30-е гг. // Власть и общество в СССР... С. 90—122; *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; *Перченков Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные члены Академии наук СССР М., 1991; Дело Академии наук // Природа. 1991. № 4. С. 96—105 и др.

¹⁰ См., например: *Бигуаа В.* Потомки духовного сословия: семья Вороновых // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996. С. 42—69; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне — Москва. С. 179—345.

¹¹ С конца 1980-х гг. началась интенсивная публикация документального наследия лидеров «белого движения» и представителей оппозиционных большевикам партий и политических деятелей. Крупнейшие из них: *Архив русской революции: В 12 т.* М., 1991; *Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев.* Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991; *Меньшевики в 1917 г.: В 3 т.* М., 1994—1996; *Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1905 — сер. 1930 гг.: В 6 т.* М., 1994—1999 и др. Несколько позже появились и первые исследования: *Меньшевики и меньшевизм.* Сб. ст. М., 1998; *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии. М., 1998 и др. Подробный историографический обзор см. в работах: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000.

¹² Наиболее показательны в этом отношении сборники статей: *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы / Под общ. ред. Тимо Вихавайнена.* СПб., 2000; *Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семенов и Е. Фотеевой.* М.: Институт социологии РАН, 1996.

¹³ *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград 1917—1941) // *Нормы и ценности повседневной жизни...* С. 160; см. также: Там же. С. 159—167.

¹⁴ *Шинкарчук С.А.* Указ. соч. С. 27, 18.

¹⁵ *Лацис М.Я.* ВЧК на страже завоеваний Октября // *Рабочий суд.* 1927. № 24. Стб. 1943.

¹⁶ *Федюкин С.А.* Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР М., 1960. С. 23; см. также его работы: *Советская власть и буржуазные специалисты.* М., 1965. С. 35; *Октябрьская революция и интеллигенция.* М., 1968. С. 11, *Великий Октябрь и интеллигенция.* М., 1972. С. 30.

¹⁷ *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 262; см. также *Иванов В.А.* Бывшие люди // *Родина.* 1999. № 4; *Берто Д.* Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // *Судьбы людей...* С. 207, 227; *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград 1917—1941) // *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы / Под общ. ред. Тимо Вихавайнена.* — СПб., 2000.

С. 151—192; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 98, 141 и др.

¹⁸ В этом смысле автору близка позиция В.П. Булдакова считающего, что в значительной степени «людей косило не прямое насилие, а всеобщий развал, ставший подобным природному бедствию» (*Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997 С. 244).

¹⁹ *Ленин В.И.* П.С.С. Т. 45. С. 95.

²⁰ Так, например, вполне обоснованным представляется вывод В.Б. Жиромской о том, что в результате социальных потрясений первой четверти XX века «пострадали все социальные слои» (*Жиромская В.Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 156).

²¹ *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России. (Поиски нового видения) // История СССР 1990. № 2. С. 108.

²² *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 72—73.

²³ Об особенностях источниковедческого анализа сводок см.: *Журавлев С.В.* Документальная история «четвертой российской революции» // Рязанская деревня в 1929—1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С. Журавлев и др. М.—Торонто, 1998. С. VI—XXI

²⁴ *Мартин Т.* Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М., 2001. С. 22, 23—24.

²⁵ *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999.

²⁶ Там же. С. 175.

²⁷ Цит. по: «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М. 2001. С. 35. См. также: Там же. С. 58.

²⁸ См. список использованных архивных фондов в приложении.

²⁹ Машинная обработка материалов регистрации по Москве и Московской губернии была осуществлена автором в конце 1980-х гг. (регистрационные анкеты Петрограда были еще ранее обработаны студентом V курса исторического факультета МГУ Исмаиловым Р.Р.). К настоящему времени методика, применявшаяся при обработке анкет, уже несколько устарела, однако это никак не сказывается на значимости полученных данных.

³⁰ Подробнее об информационной значимости, сохранности и степени репрезентативности материалов регистрации см.. *Смирнова Т.М.* Политика «ликвидации эксплуататорских классов» в Советской России и ее последствия. 1917—1920 гг. (Проблемы поиска, выявления и обработки источников). К. д. Специальность 07.00.09. М., 1995. С. 97—133; *Ее же.* Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов. (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 87—126.

³¹ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова, Я.Ф. Погоний, В.К. Виноградова, Т. Вихавайнена и др. М., 2001. ТТ 1—4.

³² *Мартин Т.* Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»... С. 24.

³³ См.: Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»... С. 46, 57

³⁴ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 22—23.

³⁵ Материалы этого фонда хранятся в двух архивах: за 1920—1929 гг. в ЦГАМО, за 1931—1934 гг. — в ЦМАМ.

³⁶ См. список в приложении.

Часть I

**«БЫВШИЕ»:
ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

ГЛАВА 1

«ОСТАТКИ СТАРОГО МИРА»

В ОФИЦИАЛЬНОМ И ОБЫДЕННОМ ПОНИМАНИИ

Весь общественной строй этой эпохи был проникнут духом беспощадной классовой исключительности [...] Буржуа превратился в презренное и отверженное существо — в пария, лишенного не только имущества, но и чести. Он был лишен всех гражданских и политических прав, в том числе права избирать и быть избранным в какое бы то ни было общественное учреждение [...] всякий, кто хотел стать равноправным членом советского общества, упорно стремился доказать своё незапятнанное рабочее или крестьянское происхождение, подкрепляя его всякого рода документами и показаниями.

Крицман Л. Героический период великой русской революции: Опыт анализа так называемого «военного коммунизма» (М.—Л., 1926)

Принятая III съездом Советов в январе 1918 г. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» провозгласила в качестве основной задачи нового государства «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» и «беспощадное подавление эксплуататоров». Что же представляли собой эти эксплуататоры? Какие именно социальные слои входили в данную категорию и почему их нужно было «беспощадно подавлять»?

Эксплуататоры и их «приспешники» в дискурсе большевиков

В соответствии с марксистско-ленинской трактовкой, эксплуататорскими считались «общественные классы, присваивающие чужой труд, труд эксплуатируемых классов, на основе владения частной собственностью на средства производства»¹. На практике же категория «эксплуататор» практически не имела границ, охватывая крайне пестрый конгломерат различных классов, слоев, групп населения, существенно отличающихся по своему отношению к власти, по уровню доходов и способу их получения, по политическим убеждениям, культурным традициям и уровню образования. Это и духовенство, и многочисленное российское чиновничество различных рангов; и предприниматели всех уровней, от

крупных капиталистов до мелких лавочников; представители интеллигенции, в том числе земской, профессора и учителя провинциальных гимназий и приходских школ; элитарные, высокооплачиваемые врачи и сельские фельдшеры и т. п.

Со временем понятие эксплуататор практически вышло из употребления, став атрибутом дореволюционного общества. На смену ему пришли такие определения как «враждебные классы», «остатки старого умирающего мира», «осколки проклятого прошлого», «социально чуждые элементы», «чуждые», «бывшие люди» или просто «бывшие». Последнее понятие вобрало в себя представителей всех социальных слоев, по тем или иным причинам не вписывавшихся в представления большевиков о создаваемом ими бесклассовом обществе.

Выражение «**бывшие люди**» говорит само за себя. Не бывшие помещики, чиновники, предприниматели или представители каких-либо иных имущих социальных слоев. Именно «бывшие люди». Очень удобная формулировка, не содержащая никаких идентификационных критериев и очень точно характеризующая положение представителей данного социума в советском государстве. Символично в этом отношении, что на протяжении 1920—1930-х гг. для обозначения представителей данной социальной группы употреблялись преимущественно понятия, обозначающие неодушевленные предметы, такие, как «элемент» («чуждый», «мелкобуржуазный», «враждебный» и т. д.), «остатки» («остатки эксплуататорских классов» и др.), «осколки» («осколки старого мира») и т. п.

Проблема критериев социальной идентификации «бывших» является одной из наиболее сложных и «болезненных». Данная социальная категория не только не была юридически оформлена, но и вообще не существовала в рамках официальной социальной структуры. Социальное пространство «бывших» складывалось стихийно и определялось не столько теорией, сколько практикой, то расширяясь, то сужаясь в зависимости от политической конъюнктуры, удаленности от центра и множества других причин. В настоящее время в отечественной историографии под «бывшими» подразумевают представителей всех социальных слоев, которые были лишены власти и привилегий в результате Октябрьской революции: верхушка чиновничества, буржуазия, помещики, высшее духовенство². Однако большевистская трактовка данной социальной категории значительно сложнее и неопределеннее.

*«Сортировка по происхождению»:
за и против*

В первое время после революции понятие «бывшие люди» имело не столько социальный, сколько политический оттенок. В 1917—1920 гг.

определение «бывшие» часто использовалось большевистскими лидерами по отношению к эсерам и представителям прочих партий, чье «время прошло»³; а также ко всем, «которые считают себя обиженными новым строем», независимо от их социального происхождения. Не секрет, что среди лидеров РКП(б) было немало выходцев из непролетарских слоев населения, которых, тем не менее, никто не относил к «бывшим людям». Более того, именно их порой называли «истинными пролетариями», ссылаясь на их «пролетарскую идеологию»* Как объяснила в 1924 г. подобный подход к определению «пролетариата» и «буржуазии», «своих» и «чужих», Н.К. Крупская, *«и люди непролетарского происхождения прекрасно могут стать на точку зрения пролетарской идеологии и внести в нее ценный вклад (непролетарского происхождения были и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и сотни других борцов за рабочее дело), и люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями»*. *«Вообще сортировка по «происхождению», — продолжает Крупская, — пережиток средневековой сословности и в корне противоречит классовому принципу. Пролетарское происхождение есть лишь известная предпосылка, благоприятный шанс, что из человека выйдет сознательный пролетарий, которому легче понять, усвоить идеологию пролетариата. Но эта предпосылка и не необходима и недостаточна»*⁴.

Именно такой, идеологический, подход к идентификации классовой принадлежности, не подразумевающий необходимость пролетарского происхождения для вхождения в ряды пролетариата, господствовал в рядах так называемой «ленинской гвардии большевиков», в составе которой было немало представителей интеллигенции и даже дворянства. Однако в широких кругах партийных работников и рядовых коммунистов более распространено было мнение, что **идеология человека неизбежно определяется его социальным происхождением**. В отличие от Крупской, выступавшей против «сортировки по происхождению», значительная часть большевиков считала «враждебность» пролетариату чем-то от рождения обусловленным, внутренне присущим всем непролетарским слоям, относящимся если не к собственно эксплуататорам, то к их приспешникам, пособникам, прислужникам, лакеям или к уж совсем не понятной социальной группе «тянущих руку буржуазии». В частности, Н.И. Бухарин считал, что «господствующему пролетариату» неизбежно будут противостоять следующие группы населения: *«1) паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предпри-*

* Любопытно, что непролетарское происхождение имела почти вся «верхушка» ВЧК—ОГПУ: Ф.Э. Дзержинский, В.Р. Менжинский, И.С. Уншлихт, Г.Г. Ягода. М.Я. Лацис, в отличие от них был родом из крестьянской семьи, однако сам крестьянством не занимался, а получил образование и стал учителем. (Подробнее см.. *Виноградов В.К.* Указ. соч. С. 53—54.)

ниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры; 2) вербовавшаяся из тех же слоев непроизводительная административная аристократия (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и проч.); 3) буржуазные предприниматели-организаторы и директора (организаторы трестов и синдикатов, «деляги» промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром, изобретатели и проч.); 4) квалифицированная бюрократия — штатская, военная и духовная; 5) техническая интеллигенция вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.); 6) офицерство; 7) крупное зажиточное крестьянство; 8) средняя, а отчасти и мелкая городская буржуазия; духовенство, даже неквалифицированное»⁵ Аналогичных позиций придерживался и видный партийный руководитель Г. Сафаров, причислявший к «враждебным пролетариату» социальным группам всех «обывателей», «жаждущих порядка». «Против пролетариата и примыкающего к нему полупролетариата и среднего крестьянства, — утверждает Сафаров, — стоит одна сплошная «серая масса». Эта «масса» не имеет никакого оправдания перед историей, перед человечеством, кроме того, что она хочет грабить и душить»⁶.

Идея наличия четкой взаимосвязи между социальным положением человека («социальной природой») и его мировоззрением активно пропагандировалась в прессе. В частности, один из корреспондентов журнала «Всходы» (издание Московского уездного совета рабочих и крестьянских депутатов), скрывшийся за псевдонимом «Игорь», в 1918 г. утверждал, что население Советской республики характеризуется резким разграничением классов «почти как по статистике». По словам «Игоря», все князья, генералы и помещики придерживались «явно черносотенных воззрений»; политические убеждения «средней буржуазии и либеральствующей интеллигенции» определялись «учредилловщиной», и все они якобы были «готовы ринуться в бой» против т. н. класса бедняков, к которому «Игорь» относил пролетариата и батраков. Крестьянство же, по утверждению корреспондента, лишь формально, по происхождению, относилось к классу бедняков, практически же, в силу темноты и неосознанности, ему противостояло⁷.

Таким образом, в дискурсе представителей новой власти наблюдается очевидное смещение идеологического и генеалогического, как его называет Ш. Фицпатрик, подходов к определению классовой принадлежности⁸ Наряду с ними практиковались также образовательный, имущественный и другие подходы. Так, Ю. Ларин, противопоставлял рабочим всех, окончивших при царизме высшие и средние учебные заведения»⁹ И.В. Сталин разделял общество на 2 класса: бедных и богатых. «Вы

возражаете против упрощенной классификации людей на богатых и бедных, — говорил Сталин в беседе с Г. Уэллсом в июле 1934 г. — Конечно, есть средние слои, есть и техническая интеллигенция, о которой Вы говорите, и в среде которой есть очень хорошие и очень честные люди [...] Всякие есть. Но прежде всего человеческое общество делится на богатых и бедных, на имущих и эксплуатируемых, и отвлекаться от этого основного деления и от противоречия между бедными и богатыми — значит отвлекаться от основного факта [...] Повторяю, отвлекаться от этого основного деления общества, этой основной борьбы между двумя основными классами — значит игнорировать факты. Эта борьба идет и будет идти. Исход этой борьбы решается классом пролетариев, классом работающих»¹⁰. Разделение общества на два основных противоборствующих класса — богатых и бедных — было чрезвычайно популярно и в первые послереволюционные месяцы*.

Столь разнообразные и разносторонние подходы к определению социальной принадлежности позволяли максимально широко трактовать социальное пространство «нетрудовых», «буржуазных элементов», «эксплуататоров» и их «пособников».

«Интеллигентские обыватели» и прочие «приспешники» буржуазии

К числу если не эксплуататоров, то их приспешников, покровителей и прислужников, «пиявок трудящихся масс» и т. п. нередко причисляли и старую интеллигенцию, в том числе и т. н. полупролетарскую**

* Прекрасной иллюстрацией к практическому применению этой социальной классификации может послужить случай, описанный С.П. Мельгуновым. «При обсуждении в Московском Совете вопроса о прерогативах Ч.К. и тезиса Лациса о ненужности судебного следствия, — пишет Мельгунов, — Мизикин заявил: «К чему даже и эти вопросы? (о происхождении, образовании, занятии и пр.). Я пройду к нему на кухню и загляну в горшок: если есть мясо — враг народа! К стенке!» (Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990. С. 104.)

** Существовала даже точка зрения, что именно «рядовая» «трудовая» интеллигенция наиболее враждебна пролетариату. В частности, Ю. Ларин утверждал, что с «верхушкой» интеллигенции, «более ушедшей в область науки» и потому «формально» стоящей на «платформе аполитичности», деловое сотрудничество и необходимо, и возможно. Напротив, «рядовая многотысячная средняя» и даже низшая, полупролетарская интеллигенция, по его словам, абсолютно «безнадежны» (Ларин Ю. Частный капитал в СССР М., 1993. С. 13. См. также: Там же. С. 10, 34—35, 41, 55). Любопытно при этом, что к числу «рядовой интеллигенции» Ларин фактически причислял каждого, кто до революции получил хотя бы среднее образование (Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1993. С. 443.)

Ссылаясь на то, что всякий интеллигент по характеру своего труда является индивидуальным производителем, большевики обвиняли «интеллигентских обывателей» в индивидуализме, в мелкобуржуазной идеологии и собственнической психологии. *«Так как он [интеллигент — Т.С.], — писал А.В. Луначарский, считавший себя, кстати, человеком интеллигентным, — мелкий буржуа, который живет исключительно оригинальным трудом своей личности, ее знаниями, талантом и т. д., то он бесконечно ценит личность и выдвигает ее на первый план [...] Он, я бы сказал, боится коллектива и социального начала как ущерба для своей личности»*¹¹. По утверждению Луначарского, проповедуемый «врачами, адвокатами, профессорами, инженерами, учителями и т. п.» демократизм неизбежно будет носить «явный индивидуалистический оттенок», что противоречит пролетарской идеологии, чуждой всякого индивидуализма¹².

Несмотря на довольно значительное число представителей интеллигенции среди лидеров РКП(б), отношение большевиков к этой социальной группе было особенно настороженным. Местным партийным органам рекомендовали «быть крайне осторожными с допущением в партию примазывающихся из интеллигентов»¹³. Интеллигенцию называли либо «поставщиком буржуазной идеологии», «ударным отрядом буржуазии», проявившим особое упорство и особую организованность в борьбе с новым режимом¹⁴, либо никчемной группой рефлексирующих паразитов, характеризующихся «психологией мелких жуликов», «тупоумием, вырожденством, слюнявой, сюсюкающей дряблостью, а главное — глупостью»¹⁵.

Безусловно, были и счастливые исключения. Отдельные представители новой власти воспринимали интеллигенцию как социально близкую пролетариату группу, живущую хотя не физическим, а интеллектуальным, но все же трудом, а не эксплуатацией. В частности возглавлявший Центральный институт труда А.К. Гастев включал спецов, «далеко не коммунистов, но полюбивших новую Россию и новое государство и отдающих себя безо всяких задних мыслей», а также ученых, учителей, артистов и писателей, независимо от их социального происхождения, в состав «настоящего комвзвода» Советской республики¹⁶. Однако точка зрения Гастева — не более чем исключение. В целом же сущность отношения новой власти к интеллигенции коротко и ясно выразил В.И. Ленин в одном из своих писем А.М. Горькому. *«Интеллектуальные силы рабочих и крестьян, — писал он в сентябре 1919 г., — растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитализма, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...»*¹⁷ Пожалуй, к этим словам председателя Совнаркома сложно что-либо добавить.

Так или иначе, вследствие ли мелкобуржуазной психологии или в силу темноты и несознательности, но «промежуточные слои» также были отнесены к враждебным (возможно, даже неосознанно, против своей воли, но все же враждебным) пролетариату слоям. В частности, А.В. Луначарский «самое большое препятствие в победе пролетариата над капитализмом» видел именно в «наличности очень большой массы промежуточных элементов»¹⁸.

Представители этой «массы» остро чувствовали на себе последствия такого отношения. *«Эти люди, — с горечью писал Ленину в ноябре 1918 г. юный представитель «промежуточных слоев», — невольно занимают положение между молотом и наковальней [...] Вы можете заметить мне, что, мол, все это одни рассуждения, а в действительности козлом отпущения служит только крупная буржуазия, но, увы, есть налицо уже факты, говорящие о том, что промежуточная группа страдает наравне с буржуями»*¹⁹.

В практике новой власти (особенно на местах) такие понятия, как буржуй или помещик, подчас полностью лишались социального содержания, что приводило к практически полному размыванию границ социального пространства «бывших людей». Так, по свидетельству бывшего земского деятеля Вятской губернии К. Дробинина, местные власти относили к числу деревенских буржуев всех «хороших, трудолюбивых, честных и трезвых хлеборобов»²⁰. Дробинин был хорошо известен В.Д. Бонч-Бруевичу, как талантливый человек, инициатор основания Вятским губернским земским собранием университетской стипендии для беднейших крестьян, находившийся до революции под надзором полиции. Пересылая письмо Дробинина в НКВД, ЦИК и Наркомат юстиции, Бонч-Бруевич подчеркнул, что «сведения его несомненно точны»²¹.

К буржуям нередко причисляли и наиболее «привилегированный» слой прислуги (дворецких, личных горничных, дворников и т. п.) — т. н. «челядь буржуазии», якобы в любой момент готовую не за страх, а за совесть содействовать восстановлению священных прав своих бывших хозяев²².

Представители местной власти и их добровольные помощники нередко употребляли такие слова, как помещик, специалист и т. п., практически не понимая их смысла и наполняя их лишь эмоциональным содержанием. Отчеты студентов Пролетарского университета и курсантов школы агитаторов ВЦИК, работающих вместе с уполномоченными ВЦИК, показывают их крайне свободное обращение с подобными терминами. Так, Л.М. Ступеченко, помощник уполномоченного ВЦИК в Обоянском уезде Курской губернии, в мае 1919 г. объяснила нежелание работников сахарных заводов выдвигать из своей среды добровольцев

на фронт влиянием «помещиков» из Главсахара, а также всех директоров, их помощников, кассиров и «протчую публику», являющуюся, по мнению Ступеченко, «разсадниками контр-революции»²³.

Вплоть до середины 1920-х гг. такие понятия, как **контрреволюционер, изменник, дезертир, буржуй, помещик, капиталист, кулак** и т. п. нередко использовались как тождественные. В дискурсе большевиков они могли означать любого, кто недоволен новой властью или в чем-либо с ней не согласен. Так, например, Г. Хасанов из Чистополя в 1920 г. писал Бонч-Бруевичу о том, как солдаты, отбивавшие хлеб у пассажиров, называли контрреволюционерами всех, кто пытался «защищаться словами и объяснять»²⁴. Один из волисполкомов Бельского уезда попал в разряд «кулацких» за то, что отказался проводить мобилизацию среди крестьян и хуже того — «предложил послать на фронт коммунистов»²⁵. Даже путиловцев, составлявших общепризнанную «элику» пролетариата, власти не постеснялись назвать «сбродом контрреволюционеров и буржуазии» после того, как те в марте 1919 г. осмелились собраться на митинг с требованием хлеба²⁶. То же самое — участники Кронштадтского мятежа: еще вчера герои революции, а сегодня — прислужники буржуазии.

Социальное пространство «бывших» зависело не только от политической конъюнктуры момента или удаленности территории от центра, но и от степени экономического благосостояния данного региона, а также от так называемого субъективного фактора. В частности, по наблюдению современников, в 1920-е годы в экономически развитых волостях процент «лишенцев» и их основной составляющей — «бывших», был минимальным. В то же время в экономически слабых волостях процент «лишенцев» был очень высоким. Если в первом случае в число кулаков и «эксплуататоров чужого труда» попадали в основном люди состоятельные, то во втором — кто угодно. Так, например, в Сергиевском уезде Московской губернии лишили избирательных прав как представителей чуждых пролетариату слоев крестьянку с бедняцким хозяйством (члена сельсовета, члена ВИКа и кандидатку в УИК), а также двух ее сыновей (один из которых секретарь местной комсомольской ячейки, а другой — секретарь волостного комитета партии). Основанием для данного решения послужило то, что глава семьи, умерший еще до Октябрьской революции, до 1914 г. занимался сельской торговлей²⁷.

Таким образом, определить четкие границы социального пространства «бывших» в понимании большевистской власти не представляется возможным. Решая, кто буржуй, кто помещик, а кто их приспешник или пособник, облеченные властью лица нередко руководствовались классовым чутьём, размахом собственного революционного рвения и

силой классовой ненависти и фанатизма, а также личными симпатиями и антипатиями или корыстными соображениями. Современники событий нередко вспоминают о том, как в ЧК с легкостью «переводили» заключенных или мобилизованных по трудовой повинности из категории буржуев в категорию пролетариев. Так, например, по свидетельству А. Изгоева, при мобилизации буржуазии на окопные работы власти Петрограда нередко за деньги освобождали подлинных буржуев (в том числе и крупных капиталистов) в качестве пролетариев, а в Вологду отправляли бедняков из интеллигенции, учащейся молодежи, рабочих, мещан²⁸. Ту же практику впоследствии применяли и при проведении чисток соваппарата*

Ревностные строители нового, бесклассового общества обычно не делали никакого различия между «бывшими кулаками, торговцами, урядниками, попами, помещичьими сынками и прочей сволочью»²⁹. Очевидно, что под последними может пониматься кто угодно.

Представления о «буржуях» на уровне обыденного сознания

Если для представителей партийной и государственной власти понятие «чуждый» имело преимущественно политический оттенок, то для рядовых граждан слова буржуй, кулак, жандарм и т. п. имели, прежде всего, эмоциональное, нравственно-оценочное значение и часто заменяли бранные слова. Так, например, крестьяне Обоянского уезда Курской губернии, называли рабочих и служащих расположенного в уезде сахарного завода **буржуями и изменниками**, а сам завод — «каким-то помещиком, действующим в контакте с дезертирами, которые служат в охране завода»³⁰. Врача, владевшего двумя домами и сдающего внаем комнаты, рассерженные непомерно высокой платой жильцы называли «**кулаком**, живущим потом и кровью трудящихся»³¹.

Очевидно, что во всех этих и подобных случаях понятия, обозначающие ту или иную социальную группу, имеют абстрактное значение, совершенно не соответствующее их социальному содержанию. Подобное бытование этих понятий в повседневной практике наблюдалось и ранее. Известный публицист А. Яблоновский еще в марте 1917 г. обратил внимание на то, что в дискурсе широких слоев населения понятие «буржуй» по своему значению «занимает как бы среднее место между под-

* Подробнее об этом см. часть IV настоящей работы, а также: Смирнова Т.М. «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // Россия в XX веке. Реформы и революция. Т. 2. М., 2002. С. 187—205.

лец и скотина»³². Аналогичная ситуация наблюдалась и после октября 1917 г.

Ненависть «простолюдей» к «чистым господам»

Прекрасной иллюстрацией к словам Яблоновского может служить письмо в «Правду» рабочего Ухнина, для которого слова «буржуй», «паразит», «негодный, шкурный элемент» и т. п. являются абсолютно тождественными по своему значению. К «буржуям» Ухнин относит всех «бывших людей, лавочников, домовладельцев, хозяйчиков мастерских, специалистов всех сортов, **всех тех, кому раньше жилось хорошо**»³³. Последние слова являются ключевыми для понимания позиции представителей социальных низов царской России. В них со всей определенностью проявилась извечная **ненависть голодного к сытому**, или, используя формулировку Ю. Ларина, **ненависть простолюдей к «чистым господам»**³⁴. Для нищего крестьянина или рабочего, солдата, кормящего в окопах вшей, «буржуем», «помещиком», «эксплуататором», «паразитом» был всякий, кто жил лучше, кто относился к **другому** миру, вел **другую** жизнь, говорил на **другом**, непонятном для них языке. *«Озлобление низших классов населения против каждого, носившего внешние признаки принадлежности к классам привилегированным, — вспоминал о первых месяцах советской власти известный до революции в Петрограде адвокат Н. Майер, — вылилось до такой степени бурно, что стало невозможным, например, ездить в трамваях, не подвергаясь оскорблениям»*³⁵ Порой достаточно было иметь пару лошадей, относительно приличную квартиру или такие атрибуты «умирающего буржуазного» мира, как библиотека, пианино, или даже пенсне или шляпа-котелок, чтобы оказаться представителем «враждебного класса»³⁶. Даже использование в разговоре с подчиненными обращения «господа», изящные манеры или подчеркнуто вежливое отношение к женщине нередко воспринималось окружающими с неприязнью и раздражением, как проявление враждебной трудовому народу буржуйской сущности. Так, например, среди претензий, предъявленных в 1919 г. на общем собрании служащих 181 эвакуационного госпиталя главврачу госпиталя Иванову были и такие: обращение к должностным лицам словом «господин»; неоднократные «распоряжения о мытье полов и расстановке коек» в палатах и т. д. В вину Иванову поставили даже то, что повар Яцыневич целовал руку его жене. Все эти претензии, несмотря на их абсурдность, послужили поводом для обвинения главврача в «незаконной деятельности»³⁷ Традиция определения классовой принадлежности исходя из внешних признаков сохранилась и в последующие годы. Типичным в этом отношении является описание комиссаром МЧК праздничного вечера Управления по снабжению

Красного Воздушного флота, состоявшегося в октябре 1920 г. *«При чем сообщают, — с раздражением пишет комиссар МЧК, — что на вечере присутствовала публика чисто буржуазная, шикарно разодетая как то: в визитках, шелковых платьях и т. п.»*³⁸

Данную психологическую особенность умело использовали большевики, подогревая ненависть представителей низших социальных слоев к так называемым «чистым господам». *«Обвинением против буржуазии, — пояснял член Исполкома Петросовета С.С. Зорин, — должно служить его выхоленное лицо, его руки без мозолей»** Исходя из этого принципа, холеная, рафинированная интеллигенция «без мозолей» порой вызывала даже большую ненависть, чем не столь «выхоленный» и элегантный бывший помещик, не знакомый с правилами хорошего тона. Ю. Ларин вряд ли преувеличивал, утверждая, что накануне (и особенно после) октябрьских событий 1917 г. среди рабочих господствовало озлобленно-отрицательное отношение к интеллигенции. *«Ибо каждый буржуазный инженер или даже студент, — поясняет Ларин, — каждая скромная чиновница и даже дочь чиновника в глазах крестьянина и рабочего вполне основательно являлись частью господствующего класса. Стоит барышне из скромной чиновничьей семьи как следует повернуть глазками — и она легко окажется женой фабриканта, помещика, офицера. А дочь рабочего могла попасть к ним обычно лишь в качестве временной любовницы, а затем на улицу — социальная пропасть лежала между двумя мирами, миром чистых господ и миром простонародья»*³⁹

О резко негативном отношении населения к «бывшим», на первый взгляд, свидетельствует также и бесконечный поток доносов на них, начавший поступать в органы новой власти буквально с первых же дней ее существования. «Доброжелатели» и «советчики» сообщали властям о скрывающих свое происхождение домовладельцах, чиновниках, капиталистах и т. п.; рекомендовали сделать обыск у того или иного лица, сообщали адреса «царских прислужников», предупреждали, что известный им бывший предприниматель приобрел фальшивые документы или загранпаспорт и собирается покинуть страну и т. д.** Иные давали

*Петроградская правда. 1919. 27 сент. С. 1. Внешний облик человека, его одежда и манеры поведения, еще долгое время воспринимались как атрибут классовой принадлежности, отражение «идеологической сущности». Так, например, во второй половине 1920-х гг. комсомольцы никак не могли решить вопрос «о совместимости галстука и брюк-дудочек с твердым пролетарским сознанием» (Известия ВЦИК. 1927. 1 февр. С. 3.)

** Любопытно, что аналогичное явление наблюдалось и в так называемых «белых зонах», где «по единичным доносам каждого, даже малолетнего», арестовывали всех, подозреваемых в сотрудничестве с большевиками или симпатиях к ним (См: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

ценные советы. Например, ввести в правило, чтобы все советские служащие носили на головных уборах или на груди («на видном месте») красную звезду «как знак солидарности с правительством»; не желающих носить такой знак — увольнять как «явных врагов»⁴⁰. Однако, судя по изящному почерку, высокому уровню грамотности, а также стилистическим и лингвистическим изыскам этих писем, большинство их авторов и сами были отнюдь не пролетарского происхождения. Кто-то таким образом сводил личные счеты, стараясь при этом соблюсти инкогнито. Другие же, напротив, торопились выслужиться перед новой властью, заслужить прощение за собственное «нехорошее» происхождение. Последние обычно сопровождали свои сообщения подписями следующего (или аналогичного) содержания: «Стараюсь, товарищи услужить. Покорнейший слуга...»⁴¹

Новые и старые «баре»

По мере ухудшения экономического положения в стране росло недовольство рядовых граждан представителями новой власти, особенно коммунистами. Именно их рабочие и крестьяне (а подчас и представители средних социальных слоев) все чаще стали «награждать» ненавистными им «званиями» буржуя, капиталиста, помещика, жандарма и т. п. Так, женщину-фининспектора по фамилии Гордон посетители называли *помещицей*, аргументировав это следующим образом: «Пока не выпьет стакан чаю, выкурит папиросу, прочтет газету, переложит с одного места на другое бумаги — это около 2-х часов, соблаговолит ответить: «Товарищи, видите, я была занята, и сейчас мне нужно по делу»». Помощника же Гордон, Москалева, прозвали *жандармом*, так как он, «что начальство приказывает — делает, а чтобы заработать награду, то и пересаливает»⁴². Да и большевистские лидеры зачастую воспринимались общественностью как типичные буржуи. «Вы в декретах пишете: всех уравнивать, — жаловалась в июне 1918 г. В.И. Ленину дама, пожелавшая остаться неизвестной. — Отнимаете: капитал, жилище и даже хлеб. Я уверена, что у Вас и капитал, и квар[тиры], и продукты. А если все уравнивать, то надо начинать с себя. Троцкий кричит: буржуи. А он кто? Имеет большую квар[тиру] и гувернанток [...]»⁴³ Аналогичного мнения придерживается и некий «Л.Н.», сетующий на то, что представители новой власти захватили себе все права и «все преимущества, включительно до права ходить в баню вне очереди»⁴⁴

С. 232—242). В этом отношении представляется несправедливым достаточно широко распространенное в последние годы утверждение о том, что доноительство как социальное явление было порождено советской общественной системой.

В то же время, к своим бывшим хозяевам рядовые рабочие и крестьяне нередко относились с симпатией и сочувствием. Известны даже случаи заступничества крестьян за бывших помещиков. Так, например, по свидетельству современников, бывшие помещики в 1918 и даже 1919 годах нередко укрывались от новой власти в имениях, под покровительством собственных крестьян. *«Переехали в подмосковные имения Шереметевы, Самарины, Осоргины, — вспоминает С.М. Голицын. — В Тамбовском имении укрылся дядя Альда — Александр Васильевич Давыдов с женой Екатериной Сергеевной — сестрой моей матери и с детьми. Крестьяне приняли его в свою общину, выделили ему участок, и он сам стал его обрабатывать»*⁴⁵. Эта информация подтверждается и сводками ЧК. В частности, в 1919 г. Вятская губернская ЧК по борьбе с контрреволюцией сообщила в Центр, что «представители буржуазного мира» прячутся в деревнях и лесах, **«согретые и накормленные крестьянами»**⁴⁶.

Местные партийные работники также нередко сетовали в эти годы на благосклонное отношение многих крестьян к своим бывшим помещикам. Так, по свидетельству некоего «члена Московской губернской организации РКП(б)» А.В. Тарабарина, у жителей Хотьковской и Сергиевской волостей **«любовь к барину-батюшке еще не отвратило»**. В частности, большой любовью местного населения пользовались, по словам Тарабарина, бывшие помещики Грузинов и Норман. *«И посредством этих-то любовничков, — возмущался бдительный большевик, — в обществах идут разногласии и поэтому всякая советская инициатива не проводясь в жизнь подвергается нередко надруганию»*. Особую симпатию местные жители испытывали к бывшей помещице Мамонтовой, под обаянием которой, как писал Тарабарин, находилось «все непосредственно соприкасающееся с ней»⁴⁷. По свидетельству Л.М. Ступеченко, в некоторых волостях Курской губернии крестьяне в разгар «красного террора» открыто говорили на митингах, что **«совсем незачем делить кулаков и бедняков, так как им вместе жить лучше»**⁴⁸.

Наибольшее распространение получило заступничество рабочих и крестьян за тех представителей «буржуазного мира», кого они традиционно считали своими «благодетелями» и «заступниками»: приходских священников, земских или заводских врачей, учителей воскресных школ и т. п. Так, рабочие Самарского трубочного завода летом 1919 г., узнав об аресте бывшего заводского врача Хренникова, организовали собрание в его поддержку, на которое пришли около 2000 человек. Собрание единогласно приняло постановление об обращении к властям с просьбой немедленно освободить Хренникова. Выступивший на собрании рабочий Дьячков сказал: *«[...] Врач Хренников служит на Самарском трубочном заводе с первых чисел февраля 1915 г. и по сие время, но 8 мая его мобилизовали, несмотря на все наши протесты, которыми мы хотели*

оставить его на работах в заводе [...] Далее мы узнали, что доктор Хренников 25 июня распоряжением власти был отправлен на Петроградский фронт, а теперь, спустя три недели, мы узнаем, что врач Хренников арестован и сидит в тюрьме, что для нас не безразлично, и мы, рабочие и работницы [...] должны сказать всю правду о его прошлом и послать наше постановление коменданту Военной Петроградской тюрьмы и Наркомвнудел для облегчения его участи и просить их отпустить т. Хренникова, если на то предоставится возможность, на поруки рабочих с Трубочного завода, так как всё прошлое т. Хренникова говорит за то, что он всегда шёл с рабочими и в критические моменты рабочим всегда помогал. Т. Хренников работал на заводе врачом не покладая рук, и мы все им очень довольны. Я думаю, что никто из рабочих не может отозваться о нём дурно, так как это была бы несправедливость [...]»⁴⁹

В Федосьинской волости Коломенского уезда Московской губернии конфликт между крестьянами и волисполкомом из-за конфискации дома у местного священника едва не привел к открытому столкновению⁵⁰.

По мере затухания гражданской войны и налаживания мирной жизни такие социальные категории, как капиталисты, помещики, чиновники все более теряли свое прежнее значение, наполняясь при этом новым содержанием. Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в дискурсе большевиков «бывшим» мог оказаться всякий, недовольный новой властью, независимо от социального происхождения. С другой стороны, представителей «рабоче-крестьянской власти» в народе нередко называли «буржуями», «барами», «капиталистами» или «эксплуататорами», не делая таким образом различия между бывшими господствующими классами и представителями свергнувшей их власти.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ «БЫВШИХ»

Но укажите мне, Бога ради, ту границу, где кончается буржуй и начинается пролетарий. Границы этой нет и ее немислимо провести.

Из письма неизвестного В.И. Ленину,
25.11.1918

В условиях классовой борьбы, когда «классовый принцип» официально был положен в основу всей социальной политики, классовая идентификация каждого гражданина Советской Республики приобрета-

ла особую значимость* Однако отсутствие четкой социальной структуры общества, переплетение различных общественных слоев и «прозрачность» их границ обусловили сложность и неоднозначность социальной идентификации значительной части граждан предреволюционной России. В России же послереволюционной, характеризующейся крайней степенью деструктуризации общества, массовой утратой идентификационных признаков, а также разительными противоречиями между социальной самоидентификацией некоторых групп населения и их классовой идентификацией представителями новой власти, однозначно определить социальное положение значительной части населения было практически невозможно.

Социальная мобильность российского обывателя накануне революции

Социальная структура предреволюционной России была крайне сложна и не укладывалась в рамки упрощенного классового подхода, к тому же в конце XIX в. значительно возросла социальная мобильность общества. Различные социальные слои дореволюционной России были тесно переплетены: чиновники часто имели акции, дома, имения; то же можно сказать и о предпринимателях, помещиках. Тип «чистого» помещика, живущего исключительно на доходы от своего имения, к 1917 г. почти исчез. Класс помещиков был тесно связан с предпринимательской деятельностью, с государственной и военной службой. Фактически грань между «буржуями» и интеллигенцией, чиновниками и домовладельцами или помещиками и т. д. чаще всего не просматривается.

Наиболее сложной представляется социальная идентификация представителей средних социальных слоев. Несмотря на значительные мировоззренческие, психологические, имущественные и иные различия, они представляли собой единый социум, перегородки между отдельными группами которого были «прозрачными» и легко преодолимыми. Известно немало примеров перемены общественного и имущественного положения в течение жизненного пути: профессор или чиновник, на склоне лет купивший имение и занявшийся хозяйством; разорившийся дворянин, ранее занимавший высокие посты, а затем, в силу жизненных обстоятельств, превратившийся в рядового чиновника или вы-

* Любопытно, что в большинстве школ, во избежание путаницы, понятие «класс» в 1920—1930-е годы было заменено понятием «группа». По свидетельству М. Эпштейна, московские школьники на вопрос «Какого ты класса?» всегда отвечали: «Пролетарского». (Эпштейн М. О советской школе // Большевик. 1934. № 16. С. 8.)

нужденный заняться хозяйством, и т. д. Для наглядности остановимся на нескольких конкретных примерах.

Актриса — помещица — домовладелица — домохозяйка-иждивенка. «Актриса-певица» С.С. Павлова в 1912 г., «желая заняться молочным хозяйством», на сбережения от артистической деятельности купила в Верейском уезде Московской губернии за 23 тыс. руб. имение площадью 700 десятин. Имение было обременено долгом банку в 155 тысяч рублей и частными долгами. Из-за отсутствия опыта и средств хозяйство оказалось убыточным, выплачивать долги было нечем. Во избежание продажи имения с торгов Павлова обменяла его на дом в Москве, также обремененный закладными. Однако уже через несколько месяцев она была вынуждена продать дом. Таким образом, к концу 1916 г., после ряда неудачных попыток заняться предпринимательством, Павлова потеряла все свои сбережения. После революции она занималась домашним хозяйством, находясь на иждивении отца, красноармейца⁵¹.

Крестьянин — мелкий предприниматель — крестьянин. Крестьянин П.К. Александров на заработанные тяжелым трудом деньги в 1900-х гг. приобрел раздаточную контору, но разорился и в 1910 г. был вынужден продать контору и вновь вернуться к крестьянскому труду⁵².

Счетовод — помещик. Н.Г. Ефремову повезло больше: проработав много лет старшим счетоводом 5-го участка службы тяги Нижегородской железной дороги, он построил дачи «на те гроши, какие удалось отнимать от скудного жалованья и путем займа у родных лиц под заклад этих дач». На территории дач были разбиты фруктовые сады, что позволило бывшему счетоводу дать своим детям высшее образование и оставить им в наследство недвижимость и небольшой капитал. Сын Ефремова, старший врач Куракинской больницы Московского уезда, в своем письме В.Д. Бонч-Бруевичу с жалобой на действия местных властей подчеркивал, что его «отец все делал своими руками. Эти дачи уносили массу сил и времени»⁵³.

Крестьянин — инженер — совладелец завода. Выходец из крестьян Владимирской губернии И.К. Курицын, получив образование и став горным инженером, всю жизнь занимался разработкой полезных ископаемых. Единственным «источником средств для жизни», по его словам, была служба в различных промышленных предприятиях. На трудовые сбережения в 1914 г. приобрел 1/5 долю Дубенского чугунолитейного завода в Тульской губернии. После революции поступил на советскую службу. В 1919 г. заведовал подотделом минерального топлива отдела топлива Московского городского СНХ⁵⁴.

Приведенные выше примеры — не просто случаи из частной жизни. Они отражают наиболее типичные направления социальной мобильно-

сти российского «обывателя», стремящегося «выбиться в люди», накопить на старость. Все перечисленные выше лица в 1919 г. были зарегистрированы на основании декрета «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе», т. е. причислены к числу бывших господствующих классов, хотя по существу таковыми не являлись.

Определяя реальную социальную принадлежность того или иного лица, необходимо помнить, что связь с бывшими привилегированными слоями часто была весьма условна, **формальные признаки «классовой» принадлежности (владение той или иной собственностью, запись к определенному сословию и т. п.) далеко не всегда отражали истинную суть вещей.** В частности, лица, приобретшие (или получившие по наследству) какую-либо собственность в 1917—1918 гг., формально оказывались для новой власти собственниками-буржуями. На деле же многие из них даже не успели вступить в права собственника. Именно такая ситуация сложилась у братьев А.С. и Н.С. Литковых, купивших дом незадолго до октября 1917 г.; или у братьев О.С. и В.С. Смирновых, формально являвшихся наследниками дома, но в связи с малолетним возрастом в права наследования так и не вступивших (дом находился в ведении Сиротского суда)⁵⁵. Аналогичные ситуации встречаются и среди «владельцев» ценных бумаг, которые в действительности по различным причинам (малолетство, служба в армии и др.) никогда не получали никаких денежных выплат*

Наличие высоких чинов и званий также не всегда свидетельствовало о принадлежности к господствующим слоям. Даже среди обладателей чина действительного статского советника, дающего право занимать такие высокие государственные должности, как министр, губернатор, директор департамента и т. д., встречаются люди, не имеющие реально-го отношения к правящей верхушке. Например, Р.И. Клейн, как известно, получил чин действительного статского советника за проектирование и руководство строительством музея изящных искусств в Москве,

* Например, К.И. Соколиковой в товариществе ее тестя Ф.И. Соколикова были, как она пишет, «предназначены» паи на сумму 50 000 рублей, однако паи она на руки не получила и ни одного дивиденда ей выплачено не было. Сын Ф.И. Соколикова, Н.Ф. Соколов, был избран членом правления и ему также были выделены паи на ту же сумму. Однако участия в управлении товариществом он не принимал, так как находился на военной службе. По той же причине паи он на руки не получил и «дивиденда товариществом не было выдано ни одного раза, вплоть до момента национализации предприятий». (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. ЛЛ. 544, 545; см. также: Там же. ЛЛ. 490, 541; 749; Там же. Д. 314. Л. 219 и др.)

однако в 1919 г. он был зарегистрирован среди прочих «эксплуататоров» именно как представитель верхушки чиновничества на основе формальных признаков принадлежности к ней⁵⁶.

Где кончается буржуй и начинается пролетарий? (Особенности социальной самоидентификации «бывших»)

«Но укажите мне, Бога ради, — с отчаянием вопрошает Ленина 23-летний молодой человек, выросший в семье, «где постоянно приходилось думать о завтрашнем дне и где личный труд был единственным источником существования», — ту границу, где кончается буржуй и начинается пролетарий. Границы этой нет и ее немислимо провести»⁵⁷

Вопрос о том, где граница между буржуем и не буржуем, волновал в послереволюционной России сотни тысяч людей. В то время как в политической практике большевиков социальная категория «эксплуататоров» и их «приспешников» трактовалась предельно широко, сами «бывшие», в подавляющем большинстве, причисляли себя к представителям «трудового» населения. С одной стороны, страх за свою судьбу вызывал естественное желание любым способом принизить свой прежний социальный статус, скрыть истинное материальное положение до революции. С другой стороны, как справедливо подметил автор одного из писем В.И. Ленину, определение социальной принадлежности нередко осуществлялось новой властью по внешним признакам, в связи с чем представители многочисленной «промежуточной группы», живущей исключительно собственным трудом, оказались противопоставлены пролетариату только потому, что внешне их жизнь имела «довольно сносный вид»⁵⁸. Очевидно, что сами «бывшие» иначе подходили к собственной социальной идентификации. Не только мелкие собственники и «средняя» интеллигенция, но и офицерство, чиновничество (в том числе и высшее), а также жандармы и полицейские стремились доказать свою непричастность к классу «эксплуатирующих чужой труд», социальную значимость своей «трудовой» деятельности.

«Ключки «буржуй» и «контрреволюционер» ко мне не подходят»⁵⁹, — с возмущением писал в 1918 г. в СНК «курский дворянин», бывший предводитель дворянства, 48 лет проработавший в суде и потому считавший себя трудящимся. Такого же мнения придерживались и многочисленные представители российского чиновничества всех уровней.

Подавляющая часть мелких собственников категорически отказывались признавать себя «буржуями», подчеркивая, что все, что они имеют — заработано честным трудом. Так, Е.И. Даровская недоумевает, почему у нее в 1918 г. реквизировали дом и мебель, «нажитые собствен-

ным трудом»⁶⁰. В таком же недоумении оказался Д.Д. Дмитриев, 28 лет проработавший учителем в небольшой уездной школе и продолжавший после революции учить детей в новой, советской школе. *«Отказывая себе в самом необходимом, — жалуется Дмитриев Ленину в декабре 1918 г., — я нажил небольшой домик, купленный мною за 4500 рублей, чтобы иметь уют и свой теплый угол под старость [...] Чтобы купить дом пришлось влезть в долги, а чтобы платить их приходилось работать чрезвычайно много»*. Однако все эти труды оказались напрасны — дом конфискован, а местные власти требуют от Дмитриева также уплатить чрезвычайный военный налог в сумме 1000 руб., что почти вдвое превышает его месячный заработок⁶¹. А.В. Борисова, вдова рабочего Перовских мастерских Московско-Казанской железной дороги в своем прошении от 31 марта 1919 г. об отмене конфискации ее дома также утверждает, что дом *«был приобретен не посредством эксплуатации, а личным трудом»* ее и ее покойного мужа, который 25 лет *«не покладая рук»* работал обойщиком. 5-квартирный дом в селе Перово Московского уезда был единственным источником существования 57-летней Борисовой, один из сыновей которой с 1914 г. находился в плену, второй был на излечении в психиатрической больнице, а третьему еще не исполнилось 16 лет. Тем не менее, дом был национализирован, а саму Борисову местные власти причислили к эксплуататорам⁶².

В не менее тяжелой ситуации оказалась и бывшая домовладелица П.В. Смирнова, у которой за одну ночь произвели 2 обыска, конфисковали все деньги и предметы домашнего обихода, включая посуду, а в завершение — опечатали дом, в котором уже ничего, кроме носильных вещей не оставалось. *«Я всю свою долгую жизнь работала, не допивала, не доедала, жила чуть ли не впроголодь, чтобы на старости своих лет никого не беспокоить, никому не быть бременем, — с отчаянием обращается Смирнова к председателю СНК в феврале 1919 г., — [...] Если я являюсь тягостью для власти, то прикажите расстрелять меня, чем глумиться надо мною старухой, да еще больной, притом всю жизнь работавшей не покладая рук»*⁶³

Не менее мелких собственников возмущались несправедливым отношением новой власти и представители т. н. **«рабочей интеллигенции»**. По утверждению врача И.К. В-ша, **«интеллигентный пролетариат»** (в ряды которого В-ш включает всю интеллигенцию, а не только работающую непосредственно на производстве) до 1917 г. подвергался эксплуатации ничуть не менее, чем пролетариат, не имеющий образования⁶⁴.

В письмах В.И. Ленину и другим руководителям нового правительства в 1917—1920-х гг. работники просвещения, представители инженерно-технической или художественной интеллигенции обычно называют себя *«честными тружениками»*, *«типичными рабочими»*, *«абсолют-*

ными пролетариями» и т. п.⁶⁵ «Типичным рабочим» считал себя, например, некий доктор Н.Ф. Николаевский. Вот, что он пишет о себе: «По своим политическим убеждениям я — социалист (не первый десяток лет), хотя ни к одной из существующих русских партий формально не принадлежу. За все время революции ни активного, ни пассивного участия не принимал и не проявлял. По образованию — естественник. По складу мышления и своему отношению к окружающим явлениям — ни романтик и не метафизик. По своей психологии и социальному положению — **типичный рабочий пролетарий (интеллигент)**. Собственником и приобретателем (эксплуататором) никогда не был. В той или другой степени и в том или другом объеме знаком с литературой: по политической экономии (в юности был ортодоксальным марксистом), социологии, истории, философии, юридического и финансового права и т. д.; недурно знаком с историей и сущностью русского политического и социального движения и мышления...»⁶⁶

Как и Николаевский, настоящей трудящейся считает себя и О.Л. Климова, «всю жизнь работавшая не покладая рук в качестве учительницы фортепьянной игры». Окончив Петроградскую консерваторию, она давала частные уроки и искренне считала это занятие не менее нужным, чем труд рабочего. «Горячо любила я свое дело и занималась не жалея себя, — пишет Климова Ленину, — и от чрезмерного усердия нажила тяжелую и неизлечимую неврастению»⁶⁷ А вот еще один «абсолютный пролетарий» — «специалист по применению электротехники в горном деле»* В письме Н. Горбунову (июнь 1921 г.) он излагает свои представления о «пролетариях» следующим образом: «Существуют относительные и абсолютные пролетарии. Я принадлежу к абсолютным пролетариям. И чтобы это доказать я перечислю все, что у меня есть:

1) Орудия моего ремесла: Нютте, счетная линейка, готовальня и пенсне с разбитыми стеклами, предоставленное в мое распоряжение тетей Машей,

2) Одежда: френч и брюки, имеющие анархический вид, разрыв непрерывности снизу, а на уровне колен пропитанные мазутом из нефтяной цистерны, что по-видимому гарантирует их долговечность, 3) Смена белья, 4) 2 катушки ниток и 9 аршин ситца (специально для товарообмена), шинель, 6) 2 фуражки, 7) 1 пара сапог, весьма изношенных с зиянием и 1 пара башмаков без такового. И больше ни одного предмета сколько-нибудь ценного [...]

Я личного счастья в жизни не имел никогда. Я получил от старого буржуазного мира понятие о долге и ему следовал до сих пор. Я не умею быть

* Нижняя часть письма, на которой находилась подпись автора, не сохранилась.

веселым. Я знаю только работу, только в ней получаю удовлетворение. И тем более был бы счастлив я работать теперь, когда работа осмыслена предстоящими великими задачами [...]»⁶⁸

Совершенно очевидно, что столь витиевато выражающегося господина во «френче» и в «пенсне», как и бывшего «ортодоксального марксиста», отличающего «романтика» от «метафизика», ни один рабочий никогда не признал бы за «своего». В их понимании, как и в представлении большевистской власти, все эти «пролетарии» были и останутся представителями чуждого «буржуйского» мира.

Критерии классовой принадлежности: социальное происхождение или социальное положение?

После октябрьских событий 1917 г. провести границу между буржуями и пролетариями стало еще сложнее. Резкое изменение социальных основ общества вызвало его массовую маргинализацию. Привычную социальную нишу теряли не только бывшие помещики или буржуи, но и многие представители средних социальных слоев, крестьяне и рабочие. В то же время вопрос о «классовой принадлежности» приобретал все большую значимость. На повестку дня встал вопрос: что важнее, **прежнее социальное положение или нынешнее?** По какому принципу определять классовую принадлежность — по происхождению или исходя из занятия в текущий момент?

Наркомюст, исходя из норм права, разумно рассудил, что происхождение относится к дореволюционному прошлому. Поскольку в Советской Республике все сословия и чины отменены, а земля и промышленность национализирована, следовательно, нет ни дворян, ни мещан, ни тайных или статских советников и т. д. Все являются гражданами Советской Республики и в зависимости от рода занятий в текущий момент подразделяются на **трудящихся** и тех, кто **живет на нетрудовые доходы**. «Они принадлежат к трудящимся», — говорится, в частности, в заключении Наркомата юстиции о семье Гладынцева, отец которого до революции был крупным коммерсантом. Ссылаясь на то, что Гладынцев состоит на советской службе, а прошлое социальное положение в расчет приниматься не должно, Наркомюст потребовал у Ковровской городской милиции вернуть Гладынцевым все конфискованное имущество, несмотря на то, что значительная часть этого имущества принадлежала ранее Гладынцеву-старшему и предназначалась для продажи⁶⁹

Аналогичное отношение к существу социальной принадлежности встречалось и среди рядовых граждан различного происхождения и раз-

ных идеологических убеждений. «Советский строй не знает сословий, не знает привилегированных, не знает ни правоверных, ни гонимых, — соглашается с Наркомюстом некий З.Т., убежденный большевик, — для советской республики важно лишь, участвует ли гражданин в производительной деятельности страны, существует ли он действительно на заработок или нет, и какова его роль в той великой коллективной работе, которая должна совершаться в трудовом государстве»⁷⁰. По свидетельству современников, понятия «рабочие» и «служащие» в первые послереволюционные годы нередко заменялись единым понятием «трудящиеся». Так, профком [Переверзевского] сахарного завода Курской губернии всех, кто работал на заводе, независимо от должностей и происхождения включал в категорию «трудящиеся», не подразделяя их на рабочих и служащих⁷¹.

Однако местные власти не склонны были соглашаться с тем, что как происхождение, так и имущественное положение до революции относятся к прошлому и отныне учитываться не должны. В частности, Ковровская городская милиция категорически отказалась возвращать Гладынцевым конфискованное имущество, так как те по своему происхождению являются «эксплуататорами». Нынешнее же занятие, с точки зрения Ковровской милиции, значения не имело⁷².

Первые опыты группировки населения по социальному составу

Определяя социальный состав населения, местные власти обычно демонстрировали не только полное непонимание сущности таких понятий, как социальное происхождение, социальное положение и классовая принадлежность, но и полное пренебрежение ими. Например, власти Кинишемского уезда Иваново-Вознесенской губернии разделили в июне 1919 г. все население, обязанное выплатить единовременный чрезвычайный революционный налог, на 22 «категории». Среди них перечислены следующие: помещики, домовладельцы, духовенство, эксплуататоры чужого труда, судовладельцы, лесопромышленники, фабриканты, заводчики, держатели публичных заведений, капиталисты, «другие промышленники», «противники Советской власти» и т. д.⁷³ Совершенно непонятно, кто входит в группу «другие промышленники» и почему от группы капиталистов обособлены, например, лесопромышленники и фабриканты и, в конце концов, кто же входит в группу «эксплуататоров чужого труда», если и «капиталисты», и помещики, и деревенские кулаки, и владельцы разнообразных предприятий и заведений подсчитывались отдельно?

Возникшая после отмены сословий неопределенность понятия социальное происхождение порой приводила к курьезным ситуациям. Так, по свидетельству заведующего статистическим отделом Моссовета В.Г. Михайловского, после упразднения сословий местные статистические органы в графе «происхождение» часто записывали место рождения. В результате среди жителей Москвы оказалось несколько «граждан гор. Варшавы» и даже один «гражданин гор. Токио»⁷⁴.

Не больше понимания в этом вопросе проявляли и власти крупных городов, в том числе представители Моссовета, а также руководство различных предприятий и учреждений. Так, определяя в 1919 г. классовый состав семей красноармейцев, Моссовет в качестве отдельных «классов»* выделил следующие группы: 1) рабочие и низшие служащие; 2) служащие; 3) кустари, торговцы и крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд; 4) ремесленники, торговцы и крестьяне, использующие наёмный труд; 5) лица свободных профессий; 6) лица неопределенных занятий и безработные⁷⁵. Еще любопытнее оказалась предложенная Моссоветом в 1920 г. группировка по классовому составу лиц, обеспечиваемых в инвалидных домах. Здесь в качестве самостоятельных «классов» фигурируют калеки от рождения, беженцы, лица физического труда, лица нефизического труда и даже «бюрократический и нетрудовой элемент»⁷⁶. Последний «класс» наиболее интересен, так как он фактически объединяет самих работников Моссовета и многочисленный отряд служащих различных бюрократических органов новой власти с т. н. эксплуататорами.

Администрация Московского городского ломбарда в отчете за 1923/24 г. разделила свою клиентуру на следующие 5 «классов»: рабочие, служащие, безработные, военнослужащие, инвалиды⁷⁷. Похожее подразделение по социальному составу содержится и в отчете клинической больницы Первого МГУ за 1927 г., в котором в качестве отдельных социальных групп выделены студенты, кустари, инвалиды, нетрудовые элементы и т. д.⁷⁸ Служащие аппарата Сокольнического районного рабочего общества потребителей были разделены на 8 социальных групп: рабочие, служащие, кустари, бывшие помещики и фабриканты, бывшие торговцы и домовладельцы, бывшие белые офицеры, служители культа, бывшие охранники и полицейские⁷⁹ и т. п.

Можно привести еще немало примеров произвольной (порой, просто абсурдной) классификации населения по социальному составу. На

* Здесь и далее понятие «класс» по отношению к различным социальным группам, не являющимся таковым, используется в соответствии с терминологией документов. Следует подчеркнуть, что в источниках 1918—1920-х гг. практически любая группировка населения (служащих, учащихся и т. д.) называется группировкой по «социальному составу», а выделяемые социальные группы — «классами».

какие бы группы ни подразделяло то или иное учреждение своих служащих или клиентов, эта классификация непременно подавалась в качестве классового (или социального) состава. Ни ВЦИК, ни СНК, ни органы Наркомата по внутренним делам так и не смогли предложить четких принципов социальной идентификации. Более того, сами представители высшей власти проявили полное непонимание этой проблемы, путаясь в таких понятиях, как происхождение, имущественное положение, род занятий и профессия. Так, помощник прокурора СССР И.С. Кондурушкин, в 1926—1927 гг. рассматривая социальный состав тех, кто в период нэпа оказался связан с частным предпринимательством, в графе «социальное положение» указывал: инженер, инженер-химик, инженер-дворянин, бывший адвокат, инженер-электрик, дьякон и т. п. В то же время в графе «профессия» среди прочих указаны — купец 1-й гильдии, торговец и т. п.⁸⁰

На протяжении всего изучаемого периода мы в самых разных источниках постоянно сталкиваемся с подменой или смешением понятий «социальное происхождение» и «социальное положение». В 1920-е гг. критерием для определения социального статуса граждан помимо их происхождения, могли стать **профессия, занятие в настоящий момент**, в том числе и временное (студент, мелкий торговец, домохозяйка, безработный); трудоспособность человека (инвалид) или его место рождения («гражданин такого-то города»). Отсюда и вполне очевидная неразбериха в определении социальной принадлежности граждан.

С одной стороны, сложившаяся ситуация позволяла многим «бывшим» скрывать свое «нехорошее» социальное происхождение, сменив его на более нейтральный статус советского служащего, рабочего или студента. С другой стороны, отсутствие четких, юридически закрепленных критериев социальной идентификации открывало представителям власти широкие возможности для манипуляций классовым принципом в угоду собственным интересам. Так, например, бывший помещик дворянского происхождения, юрист по образованию, устроившийся после революции служащим в какое-нибудь учреждение, а затем вследствие травмы или болезни получивший инвалидность и потерявший работу, по своему социальному положению в 1920-е гг. мог быть с равной степенью вероятности отнесен к дворянам, помещикам, служащим, юристам, инвалидам или безработным.

Неудивительно, что значительная часть граждан не только не знали своего собственного социального положения, но и вообще не понимали, что это такое. Кто-то подразумевал под этим уровень материального достатка, кто-то — партийность, другие — профессию или образование и т. п. На вопросы анкет о «социальном положении» можно встретить самые различные ответы. Так, например, один из студентов за-

писал в анкете: «социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома». Социальное положение другого студента «состояло» из мельницы, которой до революции владел его отец. Однако комиссии, проверявшей студентов, эта информация показалась неточной и, чтобы понять его истинную социальную принадлежность, у бедного студента допытывались, была ли мельница «с одернухой» или без⁸¹.

В официальных статистических изданиях 1920—1930-х гг., обязательной составляющей которых были разделы о классовом составе населения, также не было единообразия в системе определения социальной принадлежности. Обычно в качестве основного критерия социальной идентификации выступало занятие лица, являющееся его основным источником средств существования в данный момент, а также факт применения или неприменения им наемной рабочей силы. Так, в статистическом справочнике Наркомпроса за 1923/1924 учебный год указаны следующие группы учащихся по социальному составу: крестьяне, рабочие, красноармейцы, служащие, ремесленники, лица свободных профессий, торговцы и промышленники, прочие⁸². Подготовленный и изданный Кабинетом партработы агитационно-пропагандистского отдела МК ВКП(б) в 1928 г. сборник диаграмм по советскому строительству содержит 2 таблицы с данными о социальном составе членов ВКП(б): по социальному положению перед вступлением в партию и по роду занятий в данный момент⁸³. Во многих статистических изданиях классификация населения основана на смешении сразу нескольких идентификационных признаков: «социально-классовый и политический состав», «партийно-классовая принадлежность», «социальный состав и происхождение», «социальный состав и занятия», «состав по социальным группам и профессиям» и т. п. Так или иначе, во всех статистических справочниках изучаемого периода указывается преимущественно социальное положение граждан в текущий момент, данные же о происхождении встречаются крайне редко.

Начало разработки научно-обоснованной социальной структуры СССР

Неразбериха в вопросах социальной идентификации в сочетании с тем значением, которое придавала большевистская власть проблеме социальной принадлежности, вынудила правительство заняться научной разработкой этой проблемы. В мае 1927 г. была образована специальная комиссия СНК для разработки «методологии определения социальной структуры СССР». В состав комиссии вошли ответственные работники Наркомфина во главе с заместителем наркома М.И. Фрумкиным; заме-

стителем председателя ЦСУ Е. Пашковский; известный статистик и экономист, заместитель председателя Госплана СССР С.Г. Струмилин, а также представители Коммунистической академии Ю. Ларин и Л. Крицман. Разработанная комиссией социальная структура была утверждена 25 октября 1927 г. В соответствии с этой структурой, население Советской республики во второй половине 1920-х гг. по своему «классовому составу» подразделялось на 4 основные группы: пролетариат; трудовое непролетарское население; мелкая, средняя и крупная капиталистическая буржуазия и деклассированные элементы. Предложенная группировка населения основывалась не на происхождении граждан, а на их занятии в настоящий момент. Таким образом, официально провозглашался **приоритет социального положения над социальным происхождением**. Однако неопределенность критериев социальной идентификации по-прежнему оставляла возможность для произвольного толкования той или иной группы. В частности, в состав «пролетариата» наряду с рабочими по найму вошли все безработные, личная прислуга, служащие, пенсионеры труда и учащиеся-стипендиаты. К числу «трудового непролетарского происхождения» были отнесены, помимо кустарей без наемных рабочих, все «прочие трудящиеся по найму», а также, что уж совсем не понятно, все «лица свободных профессий». В разряд «капиталистической буржуазии» попали все кустари и ремесленники, использующие наемный труд; все владельцы торговых или промышленных заведений; домовладельцы, без указания площади владения, и арендаторы; комиссионеры и рантье; а также «лица с неопределенными источниками доходов» и «прочие, не имеющие определенных источников дохода» (в чем отличие между двумя последними группами, остается неясным). Иждивенцы госучреждений попали в число «деклассированных»⁸⁴.

Таким образом, предпринятый в 1927 г. первый «опыт научного установления социальной структуры (классового состава)» не только не внес ясности в критерии социальной идентификации той или иной социальной группы, а, напротив, еще более все запутал*. Так, духовенство (которое, как известно, в то время относили к числу «лиц свободных профессий») формально должно было входить в группу «трудового непролетарского населения». В то же время кустарь или ремесленник, на которого работал хотя бы один наемный рабочий, или крестьянин, владевший собственным, хотя и полуразвалившимся, домом, оказывались представителями «капиталистической буржуазии». К этой же группе по формальным признакам должны были относиться и рабочие, прожи-

* Подробнее об особенностях социальной идентификации в те или иные годы изучаемого периода см. соответствующие главы данной работы.

вавшие в арендованном для них заводоуправлением доме (а таких в середине 1920-х гг. было немало). Не удивительно, что данная методология определения социальной структуры на практике почти не применялась. Каждое ведомство при издании статистических справочников продолжало определять «социальный состав» по своему усмотрению. Так, например, в статистическом справочнике 1932 г. «Народное хозяйство СССР» городское население страны 1926—1931 гг. подразделяется по «социальному составу» на следующие 5 групп: рабочие, служащие, младший обслуживающий персонал, самостоятельные производители, «прочее население»⁸⁵

Постепенно бесконечное разнообразие «социальных групп» и «классов» в официальной документации вытесняется 4 основными социальными категориями: **рабочие, крестьяне, служащие и прочие**. Такая система значительно упрощала определение социальной принадлежности и облегчала положение «бывших». Еще в марте 1922 г. Ленин сетовал, что «сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а **всяческий случайный элемент**»⁸⁶. К концу 1920-х гг. весь этот «случайный элемент», отвечая на вопрос анкет о социальном положении, смело писал «рабочий». Так, например, проведенное в 1926 г. обследование состава рабочих крупных предприятий Петроградского района показало, что за 1924—1925 гг. он обновился на 71%⁸⁷. Очевидно, что значительную часть обновленного состава рабочих составляли вчерашние крестьяне, но и наиболее дальновидная молодежь из «бывших» также не брезговала рабочими специальностями, воспринимая их не только как способ сокрытия своего происхождения, но и наиболее удобный плацдарм для последующего продвижения*. Еще больше «бывших» оказалось среди «служащих». Универсальная и безликая категория «прочие» объединяла лиц свободных профессий, включая духовенство; учащихся и домохозяек из «бывших», врачей или педагогов, занимающихся частной практикой и прочие чуждые слои населения с безработными или инвалидами из потомственных рабочих.

С другой стороны, отсутствие в учетной документации информации о социальном происхождении нередко раздражало власти, позволяло обвинить любого в том, что он якобы «прикрылся» званием совслужащего или рабочего, «замаскировал» им свое истинное социальное лицо, что в итоге приводило к трагическим последствиям. Впрочем, как показала жизнь, все это было делом случая.

* Подробнее об этом см. часть V, главу 2 данного исследования («Молодежь «чуждых классов»: пути интеграции»).

Примечания

БСЭ. Т. 48. М. 1957. С. 414.

А.И. Черных, например, относит к «бывшим» «всех состоятельных людей, у которых было, что отнять» (см.: *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 262).

³ См., например: *Луначарский А.Б.* Бывшие люди: очерк истории партии эс-эров. М., 1922.

⁴ *Крупская Н.К.* Партия и студенчество // *Красная молодежь.* 1924. № 1. С. 18—19.

Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 163.

⁶ Правда. 1919. 23 авг. С. 1.

⁷ Восток. 1918. № 5/6. С. 12—13.

⁸ См.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 143.

⁹ *Ларин Ю.* Уроки кризиса и экономическая политика. М., 1924. С. 123.

¹⁰ Большевик. 1934. № 17. С. 11.

Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. С. 41, 43.

¹² *Луначарский А.В.* Концентрация интеллигенции // *Мещанство и индивидуализм.* М.—Пг., 1923. С. 90.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 70. Л. 59—60.

¹⁴ См., например: *Бубнов А.С.* Политические иллюзии НЭПа на ущербе // *Бубнов А.С.* Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Пг., 1923. С. 40; *Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 109—110; *Красная Москва, 1917—1920 гг.* М., 1920. Ст. 456 и др.

¹⁵ Правда. 1919. 22 авг. С. 1.

¹⁶ *Гастев А.К.* Восстание культуры. Харьков, 1923. С. 8.

¹⁷ *Ленин В.И.* П.С.С. Т. 51. С. 48.

¹⁸ *Луначарский А.В.* Указ. соч. С. 5.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1501. Л. 37.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. Л. 192.

²¹ Там же. ЛЛ. 122, 191.

Изаксон А. Коммунальный съезд и текущая коммунальная политика // *Власть Советов.* 1920. № 5. С. 10; См. также: ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 119. Л. 6; *Мельгунов С.П.* Красный террор... С. 105.

²³ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 2. Л. 106. Здесь и далее сохраняется орфография подлинника.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 233. Л. 16.

²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 73. Л. 23.

²⁶ Подробнее о волнениях рабочих Путиловского завода в 1919 г. см.: *Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 36—42.

²⁷ Известия ВЦИК. 1927. 9 февр. С. 5. См. также: *Чугунов С.* Лишение избирательных прав // Там же. 6 февр. С. 2.

²⁸ *Изгоев А.* Пять лет в Советской России // *АРР* Т. X. Берлин, 1923. С. 34; см. также: *Смильг-Бенарио М.* На советской службе // *АРР* Т. III. Берлин, 1921. С. 162.

²⁹ *Гурьянов А.* За революционную бдительность! М.—Иваново, 1933. С. 1.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³¹ ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 60. Л. 73об.

- ³² Русское слово. 1917. 22 марта. Подробнее об этом см. *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // *Анатомия революции.* СПб., 1994. С. 188—202.
- ³³ Правда. 1919. 3 авг. С. 4.
- ³⁴ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М., 1924. С. 4.
- ³⁵ *Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде // *АРР.* Т. VIII. Берлин, 1923. С. 56. См. также: Там же. С. 98.
- ³⁶ См., например: ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 219. ЛЛ. 131, 300, 305, 352; Там же. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 99 Л. 40—41.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 73. ЛЛ. 48—49.
- ³⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 12. Л. 67.
- ³⁹ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 4.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1498. Л. 44.
- ⁴¹ См., например: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. ДД. 33—34; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1498. ЛЛ. 6, 25, 44 и др.
- ⁴² ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. Л. 69.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1501. Л. 16—16об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 47.
- ⁴⁵ *Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 5.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 126. Л. 1.
- ⁴⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 12. ЛЛ. 30об, 35.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-1240. Д. 2. Л. 2об.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 314. Л. 42.
- ⁵⁰ Там же. Д. 574в. Л. 1.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. Л. 470.
- ⁵² Там же. Л. 783.
- ⁵³ Там же. Д. 47. Л. 209.
- ⁵⁴ Там же. Д. 49. Л. 250.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. ЛЛ. 360—361, 504—505.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. Л. 254.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1501. Л. 37.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 69. Л. 9.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1028. Л. 15.
- ⁶¹ Там же. Д. 1003. Л. 11—12.
- ⁶² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 219. Л. 306об.
- ⁶³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. Л. 305об.
- ⁶⁴ *В-ш И.К.* О формах борьбы интеллигентного пролетариата // *Общественный врач.* 1918. № 2. С. 13.
- ⁶⁵ См., например: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1126. Л. 31; Там же. Д. 1235. Л. 14; Там же. Д. 1481. ЛЛ. 6—9; Там же. Д. 1498. 8; ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1091. Л. 228об—230 и др.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1235. Л. 14.
- ⁶⁷ Там же. Д. 1126. Л. 31.
- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1091. Л. 228об—230.
- ⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1056. ЛЛ. 89—105.
- ⁷⁰ «Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов». 1919. 2 июля. С. 1.
- ⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 2.

- ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1056. ЛЛ. 89—105.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.
- ⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056а. Л. 88об.
- ⁷⁵ Красная Москва. 1917—1920 гг. М., 1920. Ст. 437—438.
- ⁷⁶ Там же. Ст. 450.
- ⁷⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1077. Л. 1—2.
- ⁷⁸ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. ЛЛ. 25—28.
- ⁷⁹ ЦМА М. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 211. Л. 10.
- ⁸⁰ Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.—Л., 1927. С. 232.
- ⁸¹ Красная молодежь. 1924. № 2. С. 127.
- ⁸² Народное образование в РСФСР за 1923—1924 год. Статистический ежегодник. М., 1925. С. 102—103.
- ⁸³ Хозяйственное, советское и партийное строительство: Альбом диаграмм. М.—Л., 1928. Диаграммы 114, 115.
- ⁸⁴ См.: Ларин Ю. Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М.—Л., 1928. С. 45—47.
- ⁸⁵ Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932. М.—Л., 1932. С. 408.
- ⁸⁶ Ленин В.И. П. С. С. Т. 54. С. 107. См. также: Там же. Т. 45. С. 18.
- ⁸⁷ Ленинградская правда. 1927. 12 мая. С. 3.

Часть II

**ПЕРВЫЕ ШАГИ
НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВУ
РАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ
1917–1920-е ГОДЫ**

❦

Большевизм обещает прекрасные вещи: покончить с несправедливостью богатства и бедности, с экономическим рабством, войной. Он обещает устранить и разобщение между классами, которое отравляет политическую жизнь и грозит развалом промышленности. Он предрекает крах торгашеского духа, той утонченной фальши, которая побуждает человека оценивать все лишь в деньгах, а денежную стоимость часто ставит в зависимость от капризов праздных плутократов.

Б. Рассел. Практика и теория большевизма

ГЛАВА 1

«БЕСПОЩАДНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ ЭКСПЛУАТАТОРОВ» КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА НОВОГО ГОСУДАРСТВА

Адекватная реконструкция политики советской власти по отношению к «бывшим» осложняется не только неопределенностью самого объекта политики, о чем уже говорилось выше, но и особенностью исторического периода, характеризующегося разгулом революционной стихии, отсутствием твердой власти центра и вытекающим отсюда «многовластием», а также не проработанностью основных принципов политики новой власти по отношению к свергнутым классам, сочетанием в этой политике принципов «революционной законности» и «классовой справедливости» с принципами неприкосновенности личности и «классового мира».

На страже интересов революции или по пути «революционной романтики»: две тенденции социальной политики

Социальная политика новой власти, формирующаяся в условиях революции и гражданской войны, неизбежно должна была носить дискриминационный по отношению к бывшим господствующим классам характер. Все, кто так или иначе был до революции связан с господствующими слоями, были включены в категорию «классовых врагов». Для обеспечения контроля над ними в декабре 1917 г. В.И. Ленин предложил поставить на учет всех «лиц, принадлежащих к богатым классам», а также «служащих в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях»¹. Это предложение было осуществлено лишь спустя 2 года, осенью 1919 г.*, однако разделение общества на «своих» и «чужих», с вытекающими отсюда «классовыми» стандартами во всех сферах жизни («классовое правосудие», «классовый паек», «классовая культура», классовый прием в вузы и на работу и т. п.), про-

* См. раздел 4 данной главы («Буржуазный обыватель в условиях красного террора»).

изошло уже в первые месяцы после революции. Тем не менее, было бы ошибкой представлять первые месяцы большевистской власти «кровавой бойней» по отношению к представителям «бывших». Вплоть до начала периода «красного террора» в социальной политике новой власти отчетливо прослеживается противостояние двух тенденций: пропаганда «классовой справедливости», понимаемая как месть всем непролетарским слоям за прошлые мучения рабочего класса, с одной стороны; и призыв отказаться от противоречащей принципам социальной справедливости и всеобщего равенства «мести за прошлое», с другой.

Принцип «классовой справедливости»

Основной принцип политики «классовой справедливости» можно выразить общеизвестной формулой: «Тюрьма для богатых, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян». Дискриминация по признаку классового происхождения постепенно проникала во все сферы жизни. Для тех, кто занимал до революции «видное общественное положение», устанавливалась более высокая уголовная ответственность или, выражаясь словами Я.Х. Петерса, по отношению к ним применялись «самые репрессивные меры»². Так, в декрете «О взяточничестве» (8.5.1918) особо оговаривалось, что «если лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежит к имущему классу и пользуется взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, то оно приговаривается к наиболее тяжким и неприятным принудительным работам и все его имущество подлежит конфискации»³. На заседании Малого СНК 17 апреля 1918 г. было принято решение о «нежелательности назначать в качестве командного состава в Красную армию генералов»⁴. По решению V Всероссийского съезда Советов представителям буржуазии запрещалось служить в строевых частях Красной Армии, так как «вооружать буржуазию, значило бы вооружать врага». Новые правила приема в высшие учебные заведения установили преимущественные права на высшее образование представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. Нормы жилплощади, как и ее оплата, также ставились в зависимость от классовой принадлежности* Летом 1918 г. началось введение классово дифференцированной системы

* Так, например, 1 марта 1918 г. Петроградским советом был принят декрет, ограничивающий жилищные права буржуазии: по 1 комнате на взрослого человека и 1 комнату на детей. Остальная площадь реквизировалась вместе с мебелью. Причем за реквизируемую жилплощадь по-прежнему должны были платить бывшие владельцы; новые же, «пролетарские», жильцы полностью освобождались от оплаты. За невыполнение этого постановления грозило выселение с конфискацией всего имущества (Известия ВЦИК. 2 марта. 1918. С. 1.)

снабжения населения продуктами питания* Разосланная на места в начале февраля 1918 г. директива Наркомата по внутренним делам «На какие средства должны существовать Советы» рекомендовала местным властям «изыскать источник средств существования на месте путем беспощадного обложения имущих классов»⁵. Юридическое оформление принцип классовой дискриминации получил в июле 1918 г., когда V съезд Советов принял первую Конституцию РСФСР, в соответствии с которой «отдельные лица» и «отдельные группы» (в том числе «члены царствовавшего в России дома»; лица, «прибегающие к наемному труду» или живущие на доходы с предприятий, домовладений, капитала и прочей собственности; монахи, служащие и агенты бывшей полиции и т. п.) были лишены права избирать и быть избранными⁶.

«Революционное творчество масс» в значительной степени опережало официальное правосудие и было еще жестче по отношению к представителям бывших имущих слоев. В конце 1917 г., по свидетельству известного партийного и государственного работника, одного из руководителей ВЧК, М.Я. Лациса, «каждый революционно настроенный гражданин считал своей высшей обязанностью расправляться с врагами народа»⁷.

Нет необходимости доказывать дискриминационный по отношению к бывшим имущим классам характер социальной политики большевистской власти. В последние годы эта тема получила достаточно широкое освещение. Однако нельзя отрицать и того, что наряду с методами физической расправы с «классовыми врагами», применялись и методы убеждения и перевоспитания, порой шокирующие своей неожиданной для революционной эпохи либеральностью. Как справедливо отметил А.Н. Чистиков, в первые годы после революции многим большевикам был присущ «дух революционной романтики»⁸. Одним из главных его было утопическое стремление отдельных представителей новой власти на практике руководствоваться идеалами справедливости, принципами свободы, равенства, братства, классового мира.

* Впервые дифференцированное снабжение населения продовольствием было введено в Петрограде с 1 июля 1918 г., когда все взрослое население города было разделено на 4 категории. Осенью 1918 г. «классовый паек» был введен Наркомпродом практически на всей территории Советской республики. Исключение было сделано лишь для детей: вводимое в середине 1919 г. бесплатное питание для детей до 12, а затем и до 16, лет не предусматривало классовых различий. Подробнее о «классовом пайке» см.: *Вишневский Н.* Принципы и методы организованного распределения продовольствия и предметов первой необходимости. М., 1920; *Потехин М.Н.* Петроградская трудовая коммуна. (1918—1919 гг.). Л., 1980. С. 77; *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 238—239.

«Дух революционной романтики»

Несмотря на раздающиеся отовсюду угрозы и призывы к беспощадной расправе с классовыми врагами, по свидетельству самих же «бывших», которых трудно заподозрить в излишней симпатии к новой власти, «в первое время большевики действовали нерешительно, а **своими многочисленными декретами только страшали**»⁹. Даже ставшая впоследствии символом советской карательной политики ВЧК в первые месяцы работы, согласно постановлению, должна была использовать такие методы, как конфискация имущества, выдворение за пределы Советской республики, лишение продуктовых карточек, включение в списки «врагов народа», тюремное заключение. Очевидно, что в реальной практике ВЧК и особенно местные ее комиссии нередко игнорировали правительственные постановления и инструкции. Тем не менее, на первых порах перечисленные меры социальной защиты применялись достаточно широко. Общеизвестно, в частности, что в первые несколько месяцев после революции (а частично и в годы «красного террора») в судебной-следственной практике и в практике ЧК довольно широко практиковалось освобождение «классовых врагов» на поруки, под честное слово, под подписку об отказе от вооруженного сопротивления советской власти и просто по личной просьбе и по поручительству какого-либо известного и авторитетного среди большевиков лица или рабочего коллектива. Так, в декабре 1917 г. на поруки членов Домового комитета был отпущен арестованный за контрреволюционную агитацию владелец обувного магазина Н.А. Алексеев¹⁰. М.Д. Гневыхев, публично высказывавший «сожаления, что Каледин не пришел в Москву» и агитировавший на улице против большевиков, был освобожден 27 ноября 1917 г. после написания им следующей подписки: *«Я, нижеподписавшийся Иван Дмитриевич Гневыхев, даю честное слово не выступать вооруженной силой против власти и обязуюсь явиться в [Следственную] Комиссию по первому требованию»*¹¹. Инженер Орлов, осужденный в 1919 г. по делу Национального центра, благодаря личным связям тут же по прибытии в Вологду, куда его сослали в соответствии с приговором, был назначен на советскую работу и впоследствии занимал ряд ответственных должностей, включая должность инспектора **Рабоче-Крестьянской (!) инспекции**¹². Благодаря ходатайству М. Смильг-Бенарио, служившего (несмотря на отнюдь не пролетарское происхождение) в Петроградском военном комиссариате, уже через неделю после ареста был освобожден двоюродный брат его невестки, арестованный в Петрограде после убийства М.С. Урицкого в разгар кампании по нагнетанию классовой ненависти. Арестованный в те же дни родной брат Смильг-Бенарио, благодаря заступничеству военного комиссара Петроградской коммуны Б.П. Позерна, пробыл под арестом лишь около

суток¹³ И т. д. Вышеперечисленные примеры отнюдь не являются исключением, как может показаться на первый взгляд.

«Большое значение имели хлопоты, — вспоминал о послереволюционном периоде С.М. Голицын. — *Надо было найти ход к какому-либо видному коммунисту и постараться убедить его в невиновности арестованного. И нередко благодаря своему авторитету этот коммунист, или хорошо знавший ходатая, либо самого арестованного, или только одним ухом слышавший о нем, снимал трубку — и вскоре заключенный выпускался на свободу. Таких коммунистов называли «ручными» * [...] Система хлопот действовала с начала революции до середины тридцатых годов*¹⁴. В фондах Управления делами СНК, Следственной комиссии Верховного революционного трибунала при ВЦИК, Следственной комиссии революционного трибунала при Петроградском Совете РСИКД и некоторых других сохранилось немало подтверждений действенности этой «системы хлопот»¹⁵. Причем чаще всего «хлопотали» не за рабочих и крестьян, обычно неграмотных и не имевших знакомых в рядах партийно-правительственной «верхушки», а именно за тех, кто по всем формальным признакам относился к числу «бывших». По свидетельству современников, представителям бывших имущих слоев получить ходатайство или поручительство ответственных работников, «целых коллективов, даже рабочих собраний» было значительно проще, чем рядовым рабочим и крестьянам. Причем, как утверждает И.С. Кондурушкин, много лет проработавший в органах прокуратуры России и СССР, случавшиеся в силу несовершенства судебного аппарата ненужные аресты и судебные ошибки, также затрагивали в основном «малограмотную, беспомощную часть населения, тех, у кого нет знакомства, за которых некому просить»¹⁶.

Некоторые центральные органы власти, в частности, Наркомюст, а также отдельные работники ВЦИК, СНК и даже НКВД, какое-то время пытались противостоять разгулу революционной стихии, протестовали против беспорядочных конфискации и расстрелов без суда и следствия, отстаивая приоритет общечеловеческих нравственных и юриди-

* Наиболее популярными среди «бывших» «ручными» коммунистами были управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич и А.В. Луначарский. Многие «бывшие» впоследствии вспоминали их с благодарностью. Именно Луначарский поддержал в 1929 г. ходатайство издателей М. и С. Сабашниковых о восстановлении их в избирательных правах (см.: *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1988. С. 487); благодаря его покровительству «благополучно дожил до своей смерти» граф П.С. Шереметев (см.: *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 144—145). Заступничество Бонч-Бруевича спасло арестованного в июле 1918 г. как «врага народа» издателя уникального энциклопедического словаря А.Н. Гранат, работавшего в то время инженером-механиком на химическом заводе (см.: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. Л. 161, Там же. Д. 69. Л. 106); а также многих менее известных представителей «чуждых пролетариату слоев».

ческих норм над принципами «классовой справедливости». *«В те дни было не мало товарищей, — вспоминал позднее М.Я. Лацис, — которые принцип неприкосновенности личности ставили выше интересов революции, конечно, находясь все еще в идейном плену у обывателя»*¹⁷

В «идейном плену у обывателя» находился, видимо, и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич. Подавляющая часть поступающей в Управление делами корреспонденции (жалобы, заявления, прошения) имеет его личную резолюцию, свидетельствующую о внимательном отношении ко всем письмам, независимо от социального происхождения их авторов. Среди тех, за кого он заступает, есть и дворяне, и помещики, и домовладельцы, и представители других категорий «бывших людей»¹⁸. С сочувствием отнесся управляющий делами СНК, например, к известному в прошлом промышленнику А.И. Коншину. *«Можно ли вообще лишать крова лиц, живущих по жилищной норме, хотя бы и в своем доме, — пишет Бонч-Бруевич в жилищно-земельный отдел Московского совета, протестуя против выселения Коншина. — Ведь, право же, и им, как и всем другим, надо же где-либо жить»*¹⁹. Принимая во внимание тяжелое финансовое положение бывшей владелицы кинотеатра И.А. Синяевой, Бонч-Бруевич просит местные власти оказать помощь ее семье, *«хотя бы путем зачисления бывшей владелицы в служащие кинематографа»*²⁰. *«Сообщаю Вам, — с возмущением обращается Бонч-Бруевич к комиссару квартирных дел НКВД Матвееву в связи с поступающими к нему от разных лиц жалобами на запрет проживать в квартире родственников, — что Росс. Ф. С. Р. не издавала и никогда не издаст такого стеснительного закона, по которому ближайшие родственники [...] могли бы приезжать к своим родственникам только по особому разрешению комиссара квартирных дел. Конечно, каждый такой родственник может приезжать к своим близким без всякого разрешения, и решительно никто из Советских властей не может препятствовать его жительству вместе со своими семейными»*²¹.

В своей переписке с местными органами власти в июне 1918 г. управляющий делами СНК не раз подчеркивал: *«Не надо забывать, что наша Республика — свободное государство, а не полицейское»*. Призывая представителей власти «быть сдержанней, спокойней [...] и ни в коем случае не создавать *кажущихся* преступлений», он напоминал, что ложный донос является «большим преступлением вообще, если же он исходит от человека, облеченного властью, карается особо строго»²². Наряду с частными просьбами, Бонч-Бруевич не оставлял без внимания и сообщения местных жителей о том, как на практике происходит установление «новых порядков». В частности, пересылая для расследования в НКВД, ЦИК и Наркомат юстиции сообщение бывшего земского деятеля Вятской губернии К. Дробинина о бесчинствах в деревнях Красной гвардии и местных властей (*«стоящие у власти, хватают деньги, грабят*

и раскладывают по своим карманам, а не раздают бедным. Из кого состоят Советы и Красная гвардия! Здесь я нагляделся. Это все отбросы общества, хулиганы, воры, пьяницы, убийцы»), Бонч-Бруевич, подчеркнул, что «крайне необходимо разъяснить местным совдепам, что уничтожение культурных участков строго воспрещается законом и крайне вредно»²³ Пытаясь противостоять произволу ВЧК, Бонч-Бруевич способствовал встрече бывшего присяжного поверенного А.А. Жданова, собравшего материал «о недопустимой деятельности ВЧК», с народным комиссаром юстиции П.И. Стучкой и наркомом Госконтроля РСФСР К.И. Ландером; переслал Ф.Э. Дзержинскому записку инженера Кирпичникова «О чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией», излагающую недостатки в деятельности ВЧК, и предложил ему создать комиссию из представителей ВЧК, НКВД и Наркомюста «для выработки некоторых изменений в деятельности комиссии» в целях устранения «неправильностей»²⁴. Неоднократно протестовали против незаконных действий ВЧК и местных органов власти и многие сотрудники Наркомюста, отстаивавшие приоритет закона²⁵. Одним из самых известных заступников за арестованных и необоснованно обиженных «бывших», особенно интеллигенции, был М. Горький.

По свидетельству меньшевика Г. Аронсона, «на заседаниях ВЦИК весной 1918 г. представители РСДРП Мартов, Дан, Абрамович выступали систематически с протестами, разоблачениями и острой критикой диктатуры, в буквальном смысле слова отравляли существование Ленину и его народным комиссарам»²⁶. М.Я. Лацис, в свою очередь, вспоминал, что в тройке по расстрелу с эсерами совершенно невозможно было работать, так как они постоянно голосовали против, а для приговора было необходимо единогласное решение²⁷.

Ярким проявлением существовавшей в первое время тенденции демократического развития является декрет Совета Комиссаров Петроградской трудовой коммуны от 1 мая 1918 г. «О смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния». Пункт «3» этого декрета освобождал от наказания всех, «осужденных за политические деяния»²⁸. Весной—летом 1918 г. на основании этого декрета Следственной комиссией революционного трибунала при Петроградском Совете было прекращено значительное количество дел по таким обвинениям, как: саботаж, контрреволюционная пропаганда, контрреволюционные действия, агитация против советской власти, распространение прокламаций, направленных к подрыву власти большевиков и т. п.²⁹ Среди освобожденных от ответственности оказались и бывшие домовладельцы, и помещики, в том числе и печально известные своей жестокостью, как, например, бывшая помещица Беяницкой волости Тверской губернии М. Дюкова. Помимо препятствий к установлению новых порядков и непризнания советской власти, Дюкова обвинялась в «нечеловечески-жестоком» от-

ношении к крестьянам, «выражавшемся в таких фактах, как, например, сечение плетью и травля собаками за собирание грибов или ягод малолетними детьми» в ее угодьях. По утверждению общего собрания граждан Беяницкой волости, «глумлению Дюковой до революции над человеческой личностью не было границ». Несмотря на протест жителей Беяницкой волости, Дюкова была полностью амнистирована³⁰.

«Долой большевистских предателей!», «Долой Совет Народных Комиссаров!», «ВРК — незаконное детище незаконного «Правительства»», «Советская власть не является еще властью общенародной. Она есть власть меньшинства, и в настоящее время власть ничтожного меньшинства над огромным большинством [...], добрая половина населения их власти не признает, и большевики удерживают власть только насильем», — все это слова из листовок, авторы и распространители которых были амнистированы летом 1918 г. на основании указанного декрета³¹.

«Вся власть на местах»

Торжество принципа классовой справедливости над духом революционной романтики и подчинение общегражданских прав «интересам революции» особенно сильно проявились на местах. Слабые попытки Наркомюста и ВЦИК ввести действия местных властей в рамки закона не имели желаемых результатов. Указания центра в большинстве случаев игнорировались. В этом отношении показателен проведенный в мае—сентябре 1918 г. Московским областным бюро РКП(б) письменный опрос местных партийных организаций о проведении в жизнь на местах декретов советского правительства. Наиболее распространенными были следующие ответы: *проводятся «по силе возможности», «стараятся проводить, но не очень успешно прививаются», проводятся «по мере сил, так как все ответственные работники принуждены, можно сказать, разрываться на части»; «проводятся непоследовательно, а если и проводятся, то нерешительно»; проводятся, «как позволяют условия местной жизни»; «проводятся слабо» и т. п.*³²

«В первое время после Октябрьской революции, — писал в 1921 г. член Президиума ВЦИК М. Ф. Владимирский, — Советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром советов. Эти городские и сельские советы, объединенные лишь общей ненавистью к эксплуататорам и общностью борьбы с ними, устанавливали формы организации власти в зависимости от местных условий, не признавая никакого вмешательства со стороны «центра». «Вся власть на местах» — таков был их лозунг»³³

Насколько «непоследовательно» проводились в жизнь постановления центральной власти даже в столичных (Московской и Петроградс-

кой) губерниях, можно проследить на примере муниципализации недвижимости, которая, по свидетельству современников, «началась, как и все почти основные явления нашего революционного творчества, стихийно и прямолинейно, и проводились местными органами власти часто без всякой системы и плана»³⁴.

30 октября 1917 г. было опубликовано постановление Наркомата по внутренним делам «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса». В соответствии с этим постановлением, полномочия местных властей ограничивались правами секвестра пустующих помещений и вселения нуждающихся в жилые помещения. Тем не менее, уже в ноябре 1917 г. на местах началась конфискация недвижимости, сопровождающаяся массовым выселением жильцов без учета их социального происхождения, причем тон задавали столицы — Петроград и Москва.

В январе 1918 г. Петроградский совет поставил вопрос о немедленной массовой муниципализации. После его обсуждения было решено ограничиться введением оценочного сбора и подоходного налога с условием конфискации по мере возникновения задолженности³⁵. Однако уже 31 января решением Петроградской городской управы оказалось конфисковано 29 жилых домов, а 27 февраля — еще 258. С мая дома начали конфисковать целыми улицами, и к 1 августа в Петрограде уже было конфисковано 2585 домов³⁶.

Аналогичный процесс, хотя и не в таких масштабах, проходил и в Москве. Причем выселения проводились без соблюдения формальностей и каких-либо приличий. Типичным в этом отношении является случай с выселением жильцов дома № 7 по Глазовскому переулку. 11 июля 1918 г. ими было получено предписание отдела по распределению жилищ о выселении всех без исключения жильцов в трехдневный срок, не предоставляя взамен никакой другой жилой площади³⁷.

20 августа 1918 г. декретом ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах»³⁸ была сделана попытка ввести определенный общегосударственный порядок в беспорядочный и бесконтрольный процесс муниципализации строений и конфискации жилья. Однако, по свидетельству современников, декрет «был понят не совсем правильно и преподанные в нем начала осторожности и плановости были или пренебрежены, или незамечены»³⁹. Выселения приобрели еще больший размах, причем если раньше они оправдывались экономической необходимостью, то теперь работники коммунальных служб не скрывали свои репрессивные цели — «выбить буржуазию из ее основных крепостей», лишить ее этого «последнего форпоста ее бывшего могущества». Была поставлена задача «удалить» из домов не только их бывших владельцев, но и всех их родственников, управляющих, заведующих, а также всех вообще буржуазных жителей и всю «челядь», кото-

рые «по классовому своему инстинкту, по молчаливой круговой поруке класса пытались бы сохранить прежнее положение, мешали бы всякой коренной ломке этого положения, дабы в удобный момент помочь бывшему домовладельцу восстановить его былые и «священные права» на это владение»⁴⁰.

Внутренние конфликты на местах

Особенно тяжелой оказалась ситуация в глубинке, где сталкивались интересы местных властей различных уровней. *«Представьте себе наше, то есть уездных работников, положение, — возмущалась председатель Порховского уездного исполкома И. Крощинская в 1918 г., — по одному и тому же вопросу получили две бумажки, одна из губернии, другая непосредственно из области, и обе совершенно различного содержания. Становишься в тупик — что же проводить в жизнь?»*⁴¹ Потерявшие голову от внезапно обрушившейся на них власти местные «царьки» никак не могли распределить между собой полномочия и постоянно боролись за «раздел сфер влияния». *«Крайне прискорбны внутренние конфликты среди коммунистов, — говорится в телеграмме В.И. Ленина в Пензенский губисполком и пензенский губернский комитет РКП(б). — Будет позором, если они не уладятся. Выберите тотчас комиссию для улажения в два дня, например, путем раздела уездов между виднейшими работниками, чтобы разнять ссорящихся»*⁴².

От постоянных конфликтов местных исполкомов, парткомов и ЧК друг с другом и с центром страдали рядовые граждане, и в первую очередь — представители «старого буржуазного мира», ставшие для новой власти весьма удобным «козлом отпущения». Недостающие средства и помещения на местах пытались восполнить за счет огромных контрибуций, конфискации и реквизиций, незаконных выселений. *«Местные совдепы, в особенности волостные и уездные, — сообщает «Информационный листок отдела местного управления НКВД» от 23 апреля 1918 г., — предпочитая местные интересы общегосударственным, продолжают арестовывать лесозаготовителей, также их служащих, накладывать налоги, конфисковывать топливо, лес, материалы, предназначенные для железных дорог, фабрик»*⁴³.

В июне 1918 г. СНК разработал проект декрета «О правах и обязанностях совдепов по взиманию налогов с местного населения». Этот проект в какой-то мере защищал права «бывших». В нем были предложены, например, такие меры, как запрет облагать налогом «отдельных определенных лиц», чем-то не угодивших местным властям; запрещение производить национализацию, социализацию и муниципализацию любого недвижимого имущества без разрешения центральных властей и т. п.⁴⁴ Однако проект так и не был утвержден.

Слабость центральной власти и непроработанность механизма контроля за исполнением ее указаний; особенности военного времени, сложная политическая и экономическая ситуация; отсутствие связи центра с регионами; недостаток квалифицированных (и даже просто грамотных) работников наряду со стремлением местных властей к самостоятельности, вплоть до полной автономии, привели к тому, что декларируемые центральной властью принципы, а также принимаемые ею постановления и инструкции (и без того противоречивые и запутанные) на местах либо полностью игнорировались, либо трактовались «по-своему».

Нельзя забывать также, что разгул революционной стихии нередко выбрасывал наверх людей морально нечистоплотных, бывших уголовников. Например, в январе 1918 г. было установлено, что бывший председатель Московского революционного трибунала Моисеев в действительности является рецидивистом⁴⁵. В августе того же года судья Мясницкого участка Москвы арестовал за пьянство комиссара по военным делам одного из районов столицы, и в ходе следствия выяснилось, что тот имел до революции 7 уголовных судимостей⁴⁶. Летом 1919 г. следственным комитетом при Революционном трибунале было установлено, что главный полевой контролер В.И. Азаров накануне революции находился под следствием по делу о растрате 40 тысяч рублей и поджоге с целью сокрытия растраты⁴⁷. Уполномоченный ВЦИК и ЦК РКП(б) по проверке губернских, уездных и волостных советских органов Н. Овсянников в своем докладе по результатам проведенной в мае-июне 1919 г. проверки Рязанской губернии писал, что местная ЧК до января 1918 г. была проходным двором, в местном совете заседал «притон бандитов», а «что касается советских служащего, то это такая же дрянь, как и везде»⁴⁸ и т. п. Подобные примеры можно продолжить*

«Не мало пришлось затратить советскому центру усилий, — вспоминает М.Ф. Владимирский слова работника НКВД Тихомирова, — чтобы путем разъяснения, посылок специальных инструкторов, а подчас и репрессий, подчинить общесоветской воле и направить в русло единой советской работы работу всех этих разбросанных по безграничной русской равнине разрозненных рабочих и крестьянских советов»⁴⁹ Состоявшийся в июне

* Признавая очевидный факт наличия в составе «ответственных советских работников» т. н. «уголовного элемента», а также просто аферистов и безнравственных людей, автор в то же время категорически не согласен с широко распространенной в 90-е годы прошлого века характеристикой представителей большевистской власти всех уровней как «воров» и «убийц», а также с тем, что ВЧК якобы состояла исключительно из «психопатов, параноиков, откровенных садистов и сексуальных маньяков, большинство из которых коммунистами никогда не были». (Хлысталов Э.А. 13 уголовных дел Сергея Есенина. М., 1994. С. 12.)

1918 г. I съезд председателей губисполкомов и зав. отделами управления констатировал, что «раздробленность Советов, неподчинение их центру окончательно изжиты», однако реально провинция ещё не один год продолжала жить по законам, устанавливаемым местными властями. Наивысшей точки разгул самодурства и произвола на местах достиг в период официально провозглашённого красного террора.

Буржуазный обыватель в условиях красного террора

Фактически красный террор, являвшийся (как и «белый») одной из форм проявления гражданской войны, начался еще до его официально-го объявления. Уже в августе 1918 г. в Петрограде на всякий случай, для обеспечения тыла от попыток восстания, были арестованы все офицеры⁵⁰. Убийство Урицкого и покушение на Ленина не были реальной причиной введения террора, а лишь послужили удобным поводом для перехода от политики «экономического подавления» свергнутых классов к непосредственной их ликвидации.

Была ли реальная необходимость в применении столь жестоких репрессивных мер? В этом не были убеждены даже сами большевики. «Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» в сентябре 1918 г., призывая к беспощадному террору против буржуазии, в то же время отмечает, что «все беспристрастные наблюдатели нашей внутренней жизни сходятся сейчас в признании одного основного положения, а именно, что внутренней контрреволюции, способной сокрушить революцию рабочих и беднейших крестьян, сейчас нет»⁵¹.

На состоявшихся 1 сентября похоронах М.С. Урицкого ЦК РКП(б) выдвинул следующие лозунги: «Они убивали личности, мы убьем классы!», «За каждого нашего вождя — тысячи ваших голов»⁵². Эти лозунги подхватила пресса, ежедневно публиковавшая разнообразные обращения к населению, бюллетени ЧК и письма трудящихся, призывавшие «снести сотни голов буржуазии и ее приспешников» «за голову и жизнь одного из наших вождей»⁵³. Вскоре из местных ЧК в «Еженедельник Чрезвычайных комиссий» начали поступать списки взятых в заложники, арестованных или расстрелянных «господ» (священников, учителей, инженеров, бывших офицеров, земских деятелей и т. д.)⁵⁴. 1 сентября 1918 г. на совещании уездных ЧК Московской губернии было предложено ввести во всех уездах пролетарский режим и «изолировать бывших царских слуг, как-то: жандармов, полицейских, земских начальников, а также явно контрреволюционного офицерства»⁵⁵. Окончательное оформление курса на физическую ликвидацию «бывших людей» получил в постановлении СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г.

Вокруг «бывших» все более создавалась атмосфера нетерпимости, ненависти. Выступая 17 сентября на 7-й общегородской партийной конференции, Г.В. Зиновьев откровенно заявил: *«Мы должны увлечь за собой 30 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить»*⁵⁶. Широкая пропаганда классовой ненависти развернулась в прессе. «Еженедельник Чрезвычайных комиссий» своей основной задачей провозгласил обеспечение всем комиссиям на местах возможности «однообразнее, планомернее, методичнее проводить борьбу, уничтожение идеологов, организаторов и руководителей враждебных непримиримых классовых врагов пролетариата и его диктатуры»⁵⁷. Страницы этого еженедельника наполнены угрозами. *«Дрожайте, палачи рабоче-крестьянской Руси! Не дрогнет рука. Ждите. За вами очередь»*⁵⁸, — обращается некий «Я» к «бывшим великим мира сего и их прислужникам — чиновникам и интеллигентам-саботажникам».

Основанием для ареста все чаще становится занимаемое до революции социальное и имущественное положение. Например, курская ЧК в конце 1918 г., отвечая на запрос СНК, сообщила, что «Сергей Ребиндер арестован как бывший миллионер»⁵⁹; тверская губернская ЧК сообщила в СНК 30 декабря того же года, что основанием для ареста Е.А. Данилова послужило то, что «гражданин Данилов являлся представителем бюрократического строя, по мнению комиссии, фигурой довольно реакционной»⁶⁰. Подобными критериями нередко руководствовались и высшие судебные инстанции. Достаточно вспомнить комментарии председателя чрезвычайного трибунала к только что вынесенному трибуналом оправдательному приговору: *«Кто такой Миронов? Представитель враждебного Советской власти класса? Отнюдь нет, иначе мы не судили бы его, а просто расстреляли»*⁶¹.

Характерным явлением этого периода становится практически неограниченная власть ВЧК и ее местных комиссий. 29 сентября 1918 г. «Еженедельник Чрезвычайных комиссий» опубликовал в связи с участием на местах «большими трениями» между отделами управления Советов и ЧК циркуляр № 47 всем губернским чрезвычайным комиссиям, в котором подчеркивалось, что «в своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК»⁶². Резко изменился тон переписки управляющего делами СНК с руководящими работниками ВЧК (от указаний и рекомендаций к просьбам, донесениям и отчетам), а все возрастающий поток поступающих в СНК жалоб на незаконные действия ВЧК отныне переправлялся в контрольно-ревизионную коллегию той же ВЧК.

Обыски, «облавы на паразитов», аресты буржуазии и просто «подозрительных элементов», а также расстрелы классовых врагов стали

обычным явлением. Под видом борьбы с классовым врагом происходили обыкновенные грабежи и убийства. По словам А.М. Горького, произвол был возведен в принцип⁶³.

В СНК непрерывным потоком поступали жалобы на неправильные действия местных властей и неисполнение ими законов; просьбы о заступничестве, прошения об освобождении из-под ареста и т. д.⁶⁴ Представители местных властей откровенно признавали, что центр им «не указ». Так, председатель комячейки Осташковского уездного исполкома Тверской губернии летом 1919 г. заявил прибывшему для расследования жалоб на незаконные действия исполкома уполномоченному ВЦИК Л.С. Сосновскому: *«Никаких комиссаров юстиции и даже Московской власти не знаем»*⁶⁵. Типичную ситуацию обрисовал в своем отчете за январь 1919 г. уполномоченный ВЦИК по Вятской губернии Ю.М. Стеклов: *«Гов. Пятков [заведующий отделом юстиции Вятской губернии — Т.С.] заявил мне, что Центр это одно, а власть на местах это другое. Если представители Центра приезжают на места и говорят, что мы Вас расстреляем, то им говорят, что мы Вас расстреляем»*⁶⁶.

Уполномоченные ВЦИК, проводившие ревизии деятельности советских учреждений на местах, отмечали «хаос в делах», плохое состояние отчетности (или полное отсутствие ее), незаконные действия властей, превышения полномочий и т. п.⁶⁷ По словам секретаря инструкторского отдела НКВД Е. Соловей, в 1919 г. во всей республике не было ни одного «органа, с помощью которого все декреты, распоряжения, обязательные постановления в кратчайший срок делались бы достоянием широких масс», а выпускаемые кустарным способом «Информационные бюллетени» никто не читал. *«В некоторых местах, — сообщает Соловей, — даже инструктора, посылаемые от отделов, имеют самое превратное представление о политике Центрального Советского правительства и откровенно сознаются в полной своей неосведомленности и незнании даже тех декретов и распоряжений, которые теснейшим образом касаются и направляют деятельность отделов управления»*⁶⁸. Положение усугублялось обилием противоречащих друг другу постановлений и инструкций, постоянными конфликтами между советскими органами власти разных уровней и между советскими и партийными властями, а также между отдельными «ответственными работниками» и их «личными группами».

Эти конфликты оправдывались якобы возрастающей контрреволюционной опасностью и необходимостью усиления борьбы с классовыми врагами, в то время как реальная причина заключалась в нежелании расставаться со своими льготами (или хотя бы делиться ими). Так, в Саратовской губернии в 1919 г. все коммунисты, независимо от социального происхождения и партийного стажа, по решению губисполкома получали продовольственные пайки I категории, для них были предус-

мотрены специальные (сниженные) цены в столовых и театрах, а также другие льготы. Неудивительно, что в Саратовской губернии наблюдался «грандиозный наплыв в партию». В конце концов, обеспечить всех коммунистов льготами оказалось просто невозможно, что привело к «острому раздору» как между партийными и советскими органами, так и между городскими и губернскими партийными и советскими властями, а также между отдельными ответственными работниками. Разгоревшаяся в губернии борьбу ее власти оправдывали (причем, по свидетельству уполномоченного ВЦИК по Самаре и Царицыну А. Метелева, «без всяких конкретных данных») «необходимостью гегемонии городского пролетариата над сельским» и, как утверждает Метелев, **воображаемой опасностью мелкобуржуазного засилья**⁶⁹.

Прикрываясь задачами классовой борьбы, местные власти реквизировали «в интересах революции» всё, что «плохо лежало» и всё, что им понравилось: одежду, мебель, посуду, предметы роскоши. Обычно на местах одновременно действовали несколько реквизиционных отделов (при совете депутатов, ЧК, милиции), деятельность которых не была согласована. В результате нередко у одного и того же лица проводилось подряд по несколько обысков и конфискаций. Именно такая ситуация сложилась в 1919 г. в Иваново-Вознесенске. По свидетельству бывшего члена Иваново-Вознесенского горисполкома Н.М. Корнилова, реквизиции в городе проходили без соблюдения каких-либо «формальностей», что, по мнению Корнилова, было вполне нормальным, так как «дело было спешным», а специального штата служащих не было. Вопросы, что и у кого конфисковать, решались исходя из «тактических соображений членов исполкома или президиума его»; никаких расписок в ходе реквизиции не выдавали и вообще учет реквизированного имущества (как и его дальнейшего местонахождения) не производился⁷⁰.

Массовый характер приобрела конфискация у населения продуктов. Уполномоченные ВЦИК и «Информационные листки НКВД» регулярно сообщают о том, что «местные власти по собственному почину реквизируют и режут животных, отбирают у голодающих хлебные пайки, при этом отношение к населению крайне грубое»⁷¹. Обоснования конфискаций зачастую звучали очень просто: **«взял, потому что было надо»**. Именно так обосновал свои действия заведующий отделом соцобеспечения исполкома Новосильского уезда Тульской губернии Сахаров. На следствии, проводимом в связи с обвинением его в незаконных конфискациях и присвоении чужого имущества, Сахаров сказал: *«[...] Мне оставалось одно, или окончательно замерзнуть, или же взять лишнюю одежду у Семенова, которому разъезжать было некуда, а мне еще предстояло объехать три волости и провести митинги. Ну и я взял самые необходимые вещи. Тут рассуждать не приходилось, а тут нужно было действовать. Мне представлялось два выхода, или сидеть у моря и ждать*

погоды, или же выкачивать хлеб и собирать подарок красным городам на имя тов. Ленина. Ну и я решил на последнее. Почему я взял свиту? Потому что мог бы замерзнуть. Дальше не следует разъясняться по этому поводу. Пояс взял, потому что в свите не было пуговиц. Шапка, валенки, рукавицы, шарф, чулки взяты, потому что находился в летней фуражке, сандалиях и без перчаток. Седла нам были необходимы для разъезда по уезду во время осенней распутицы [...] Яиц взял штук до 30. Помню, что 2 раза ел: вечером и утром. Вечером с маслом коровьим, а на утро на воде, потому что масла взял очень мало, хватило только на один раз»⁷².

«Тактическими соображениями» и собственным классовым чутьем местные власти руководствовались не только при конфискации имущества, но и при решении более важных вопросов, касающихся человеческих жизней. Так, например, по постановлению Усмерского волисполкома в августе 1919 г. был расстрелян дезертир Самарин. Вышестоящие органы довольно снисходительно отнеслись к такому превышению волисполкомом его полномочий: президиум уездного совета постановил «указать волисполкому на неправильность его действий»⁷³.

Ярким примером произвола и безнаказанности местных властей является дело о злоупотреблениях представителей советской власти Новосильского уезда Тульской губернии. Председатель исполкома Хвостов и председатель чрезвычайного Быковский обвинялись в незаконных конфискациях, присвоении чужого имущества, участии в «неправильных» обысках и «поднятии травли членов исполкома-интеллигентов», в том числе «припугивании выстрелами», которые иногда заканчивались тяжелыми ранениями⁷⁴. Зав. отделом управления Тульского губисполкома, член трибунала, член президиума А.И. Мотягин не увидел ничего предосудительного в действиях Хвостова и Быковского. Он охарактеризовал Хвостова как «горячего революционера, настойчивого в работе». Губисполком вынес следующее решение:

«[...] Так как Новосильский уезд в общем кулацкий, который при ослаблении власти готов поднять голову, то вполне понятно, что Хвостов прибегал к таким мерам, как припугивание выстрелами [...] Тов. Мотягин, выражая мнение губисполкома, утверждает, что к этим поступкам Хвостова и Быковских нужно отнестись со снисхождением, так как, отдавая их под суд, рискуем остаться совершенно без людей. В таких ситуациях губисполком прибегает к перетасовке работников из одного уезда в другой»⁷⁵.

С этим мнением согласился и ответственный председатель губисполкома и губкома Куманев, командированный в Новосильский уезд специально для расследования этого дела. Он решил, что «не следует разгонять советских работников в угоду кулацких элементов Новосильского уезда»⁷⁶. Перевод советских работников, превысивших свои полномочия, в другую губернию с назначением на равноценную долж-

ность, становился обычной практикой. Аналогичная ситуация произошла, например, с секретарём партячейки одной из волостей Пензенской губернии Метелевым, который «не сошёлся с местными людьми» и по предложению уполномоченного ВЦИК по Пензенской губернии Н. Осинского был переведен на партийную работу в другую губернию⁷⁷

Не лучше обстояло дело и в центре Республики* В частности, принятое Моссоветом 1 ноября 1918 г. постановление об отмене права частной собственности на домовладения, доход которых на 1 января 1917 г. составлял более 750 рублей, на практике привело к настоящей «вакханалии выселений»⁷⁸. Районные власти муниципализировали все подряд, без учета доходности владения, выбрасывая жильцов на улицу. Причем многие муниципализированные строения впоследствии были пущены «на топку»⁷⁹ Наряду с «вакханалией выселений» в Москве, как и в провинции, наблюдалась и «вакханалия с конфискацией имущества и обстановки»⁸⁰. *«У нас в уезде, — сообщает один из членов Московского уездного совета, — тоже по пословице «что ни Фома, то дворянин». Один перечень различных организаций, претендующих на власть и пользующихся этой властью, служит тому ярким доказательством [...] Понятно, что при крайней неопределенности в строгом разграничении функций, все эти организации и члены их в своих распоряжениях перекрестным огнем обстреливают не только обыкновенных граждан, буржуев и обывателей, но зачастую возгорается немалый спор и между нашими организациями»⁸¹.*

Провинция обманывает Центр?

Многие современники пытались объяснить беспорядочные конфискации и реквизиции, незаконные обыски конца 1918—1919 гг. отсутствием прочной центральной власти. Так, пожелавший остаться неизвестным автор одного из опубликованных в «Правде» в разгар красного террора писем сетовал на «полную оторванность периферии от центра» и отсутствие «сколько-нибудь разработанных практических положений, устанавливающих веши и направления, в которых должно развиваться на местах наше отношение к мелкой буржуазии». В духе свойственной русскому народу идиллической веры в справедливого, хорошего царя (в роли которого в данном случае выступали ВЦИК и СНК) и его нечестных помощников, он попытался снять с центральной власти всякую ответственность за охвативший страну разгул репрессий. По мнению анонимного корреспондента, корень зла заключался в том, что комму-

* О неразберихе, царящей в органах власти послереволюционного Петрограда и многочисленных жалобах на незаконные действия советских властей см., например: Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 9—32; 42—47.

нисты в провинции работали «без всякого коммунистического контроля», а распоряжения Центра оставалось «гласом вопиющего в пустыне», не доходя до периферии⁸². Аналогичного мнения придерживается и некий «идейный коммунист», не подписавшийся, так как местные власти способны на «дикую и систематическую месть». В январе 1920 г. он сообщал Ленину: *«Всюду кошмарные явления. Провинция нагло обманывает центр. Чудные декреты центра игнорируются [...] Суды стали ареной личной мести и аудиторией для агитации: нет справедливости, нет правосудия [...] Расстреливали всех, неудобных «властям», например, в Пугачеве с августа—сентября 1918 г. расстреляли до 1000 человек под именем душевного контрреволюции (этим прикрывались), причем контрреволюционеров настоящих было мало»*⁸³.

Авторы этих писем выразили настроения многих жителей провинции, веривших в несоответствие реальной политической практики «чудным декретам центра». Так, по свидетельству заместителя уполномоченного ВЦИК и ЦК РКП(б) по Рязанской губернии Ф. Крюкова, летом 1919 г. местные жители, категорически не признавая местные власти, считая их представителей ворами и обманщиками, в то же время доверяли центральной власти⁸⁴.

Однако стремление некоторых современников снять с Центра всякую ответственность за царящий на местах произвол абсолютно неправомерно. Осуждая самоуправство местных властей, центральная власть в то же время нередко сама предоставляла сотрудникам местных советских и партийных органов карт-бланш на беззаконие. Так, 30 октября 1918 г. ВЦИК принял декрет «О единовременном чрезвычайном революционном налоге», а на следующий день СНК утвердил «Положение о единовременном чрезвычайном революционном налоге, устанавливаемом местными советами депутатов», по которому местным советам предоставлялось право не только определять в каждом конкретном случае размер революционного налога, но и самостоятельно устанавливать единовременные чрезвычайные революционные налоги для «лиц, принадлежащих к буржуазному классу»⁸⁵. Нетрудно догадаться, что местные власти воспользовались этим правом для сведения личных счетов и укрепления собственного положения (как в материальном, так и в социальном плане). В соответствии постановлением Совнаркома «О порядке осуществления всех форм трудовой повинности» от 27 декабря 1919 г., губернские исполкомы получили практически неограниченные права в деле «всемерного понуждения населения» к исполнению объявляемой ими трудовой повинности или мобилизации, а также «уловлении и преследовании лиц уклоняющихся или дезертирующих»⁸⁶.

Описанная выше практика «перетасовки» провинившихся «ответственных» работников и раздела волостей между «ссоращимися» коммунистами также поощряла беззакония на местах.

Принудительный труд для «буржуазных элементов»

Одной из форм осуществления принципа «классовой справедливости» стало принудительное привлечение буржуазии к труду⁸⁷ 5 октября 1918 г. СНК принял декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся». В соответствии с этим декретом, лица, живущие на «нетрудовой доход», должны были получить в местном Совете трудовую книжку и в установленные Советом сроки (не реже 1 раза в месяц) делать в этих книжках отметки о выполнении общественных работ или повинностей. «Нетрудящиеся элементы», не имеющие трудовых книжек или соответствующих отметок в них, лишались продовольственных карточек и права свободного передвижения по территории Республики.

В июне 1919 г. декретом ВЦИК трудовые книжки были введены для всех жителей Москвы и Петрограда, достигших 16 лет. *«В советском строе не должно быть привилегированного класса бездельников-паразитов, — писали в связи с введением трудовых книжек «Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов». — [...] И вот крупным шагом в деле осуществления трудовой повинности является изданный ВЦИК декрет о трудовых книжках [...] Трудовая книжка служит для своего владельца доказательством того, что он не паразит, а труженик, существующий на свой заработок»⁸⁸*. Несмотря на то, что декрет относился лишь к двум столицам, введение трудовой повинности в той или иной форме (с применением трудовых книжек или без) приняло в этот период широкие масштабы и в других городах Советской республики*.

Осуществление трудовой повинности принимало иногда совершенно абсурдные формы. Так, например, в Серпухове в июне 1919 г. «для того, чтобы с успехом провести трудовую повинность среди монахинь», последние должны были «избрать из своей среды Совет сестер в составе пяти человек, которые будут ответственны за правильное ведение работы перед исполкомом». (Впрочем, попытка эта не увенчалась успехом, так как монахини, «не желая исполнять общественные работы вне стен монастыря, подняли волнения, звонили в набат и этим вызвали волнения среди соседних жителей»⁸⁹.)

В январе 1920 г. декретом СНК была введена всеобщая трудовая повинность. Эта мера применялась по отношению ко всем слоям населения и юридически не должна была иметь классовую направленность. Однако методы ее проведения в жизнь предусматривали различный подход к представителям разных социальных слоев. *«Дезертиры тру-*

* Например, «на высоком организационном уровне» было проведено введение трудовой повинности для буржуазии в Витебске, где был зарегистрирован 821 человек. Затем специальная медкомиссия разделила всех зарегистрированных на три группы в соответствии с состоянием здоровья. (Беднота. 1919. 13 авг. С. 1.)

да, — подчеркивалось в «Отдельных тезисах, учрежденных Центральной комиссией по привлечению лиц, незанятых общественно-полезным трудом», — являются сознательными или бессознательными пособниками контрреволюции, и пути принуждения их к труду нужно проводить массовым порядком, с определенной беспощадностью и революционной строгостью [...] Категорий лиц, не приобщенных к труду общественно-полезного характера, много. Они разные. У каждой из категорий свои специальные и психологические основы, мешающие добровольному введению их в трудовое пролетарское общество. Поэтому пути привлечения их к труду, методы поднятия сознательности должны отличаться революционной гибкостью»⁹⁰. Главный комитет по трудовой повинности под председательством Ф.Э. Дзержинского разработал специальные рекомендации, анализирующие «причины трудового дезертирства, методы и аппарат борьбы с ними». Среди прочих причин особо выделялись «мелкобуржуазные, собственнические инстинкты массы, думающей найти спасение в благополучии «собственного» хозяйства, мещанский индивидуализм интеллигенции, боязнь и пренебрежительное отношение к физическому труду». В зависимости от причин дезертирства предлагалось применять различные методы борьбы с ним: «Система репрессий должна быть гибкой и эластичной, чтобы для каждого случая можно было применить подходящую меру». При каждой мобилизации на трудовые работы рекомендовалось «возможно точнее указать мобилизуемые категории граждан»⁹¹.

«Меру репрессий», необходимую в каждом конкретном случае, обычно определяли местные власти. Для наиболее злостных «дезертиров труда» создавали лагеря принудительных работ. Сотни трудмобилизованных отправляли рыть окопы на фронт, где их помимо голода и болезней настигали пули противника. Многие «буржуи», отправленные по трудовой мобилизации, например, в Вологду, так и не вернулись домой. Высокому уровню смертности трудмобилизованных способствовал тот факт, что при направлении на те или иные «общественные работы» обычно не учитывали ни возраст, ни пол, ни состояние здоровья человека. В этом отношении показательна реакция заведующего организационно-инструкторским отделом Главкомтруда на опубликованное в «Известиях ВЦИК» письмо гражданина Приградова, критикующее методы проведения трудовой повинности среди женщин, которых направляли на тяжелые работы наравне с мужчинами. «Каких это женщин имеет в виду т. Приградов, говоря о невозможности требовать от «женского пола» умения владеть топором», — с возмущением спрашивал работник Главкомтруда⁹².

В то же время нередко привлечение к трудовой повинности носило формальный характер и было не слишком обременительно. Так, в период эпидемий в связи с острой нехваткой врачей исполком Моссовета

привлекал к обязательным бесплатным работам в городских больницах всех медицинских работников, включая частнопрактикующих врачей, а также студентов медицинских вузов⁹³ Трудовая повинность по специальности практиковалась достаточно широко, в том числе и среди заключенных лагерей принудительного труда, которых направляли на работу в различные советские учреждения. Так, более 7 тысяч арестованных, помещенных в петроградский лагерь принудительных работ на территории бывшей Чесменской богадельни, работали вне пределов лагеря, в том числе участвовали в работах по возведению памятника на Марсовом поле, служили в хозяйственном отделе Петросовета, в государственной типографии, в Военно-морском порту, в учреждениях Наркомпроса и Российской Академии наук, в Совете народной гигиены, в воздухоплавательном парке и даже в политотделах армий⁹⁴.

Введение трудовой повинности равно затронуло интересы и бывших «эксплуататоров», и потомственных рабочих, которые страдали от трудовых мобилизаций не меньше «буржуев». Так, по свидетельству М. Смилыг-Бенарио, возглавлявшего в Петрограде Центральную комиссию по трудовой повинности, «действительные капиталисты и спекулянты среди сосланных совершенно не были привлечены к трудовой повинности», по всей вероятности, «вовремя откупившись»⁹⁵. *«Когда стало известно среди населения, что в центральной комиссии принимают посетителей, — вспоминает Смилыг-Бенарио, — ко мне ежедневно стали являться десятки людей с прошениями и жалобами. И почти всегда мне приходилось наталкиваться на возмутительные случаи. Так я помню, как однажды ко мне явилась одна бедная прачка, муж которой [...] также, в качестве «буржуя», был отправлен на работу. В ее прошении полным орфографических ошибок, находились, между прочим, следующие фразы: «Как раньше, так и теперь, должен страдать простой рабочий. Буржуи же сидят у себя дома и спят в теплой постели. Рабочий же должен мучиться. Если мой муж не вернется, то я с моими детьми скоро умру с голоду»»⁹⁶.*

Появлению среди мобилизованных «буржуев» значительного количества простых рабочих способствовали и сами методы проведения трудовых мобилизаций: в случае недостатка где-либо рабочих рук, на улице «отлавливали» всех, кто не мог предъявить партийный билет или удостоверение от какого-нибудь государственного учреждения⁹⁷ Очевидно, что при такой постановке «мобилизации» больше всего страдали обычные «рядовые» граждане.

«Скорей же всех на учет!»

Введение видов на жительство, трудовых книжек и трудовой повинности в какой-то степени позволяло выявлять нетрудовые, «паразити-

ческие элементы», однако с точки зрения учета «враждебных элементов» эти меры не вполне оправдали возлагаемые на них надежды. В сентябре 1919 г. Петрограде, а затем и Москве была проведена регистрации «нетрудового населения мужского пола»⁹⁸. Эта акция получила горячее одобрение центральной печати, призвавшей рабочих «оказать самое широкое содействие Комитету обороны для регистрации и, в случае надобности, для мобилизации нетрудового элемента». Предполагаемая помощь должна была выражаться в проведении массовых облав для выявления уклонившихся от регистрации лиц. В Питере в облавах приняли участие около 20 тысяч рабочих и красноармейцев, партийных и беспартийных. *«Пусть буржуазия знает, — предупреждал Я.Х. Петерс, — что ей не будет покоя, пока она окончательно не примирится с существованием Советской власти и не станет в точности исполнять все ее декреты и приказы»*⁹⁹

23 сентября того же года СНК принял декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе». *«Рабоче-крестьянское правительство, — говорилось в декрете, — в интересах самозащиты трудящихся масс, находит необходимым [...] открыто установить определенный и тоже регулируемый экономический контроль над бывшими помещиками и капиталистами, выяснить их наличность, местопребывание и их нынешнее занятие. Рабоче-крестьянское правительство желает установить, оказывают ли эти бывшие эксплуататоры народа своими специальными знаниями действительную помощь трудящимся массам [...]»*¹⁰⁰.

В соответствии с первоначальным проектом декрета, написанным Ю. Лариным, «всякий, кто принадлежал к классам угнетателей и их приспешников» должен был автоматически считаться «подозрительным» и подлежал постоянному «надзору». По замыслу Ларина, под надзор следовало брать также и всех ближайших родственников подлежащих регистрации лиц, проживающих с ними в одной квартире (за исключением детей младше 17 лет). Каждый зарегистрированный должен был получить особое удостоверение о зачислении в поднадзорные, заменяющее ему все документы, удостоверяющие личность. «Поднадзорные» лишались права без специального разрешения менять квартиру, не говоря уже о переезде в другой город или деревню; обязывались раз в две недели лично являться в специально назначенное место для соответствующей отметки об их пребывании¹⁰¹. Предложение Ларина об установлении открытого надзора за всеми «бывшими» и членами их семей не встретило поддержки СНК. В соответствии с окончательным вариантом декрета, утвержденном СНК, регистрация проводилась с целью обеспечения «экономического контроля» над бывшими имущими классами и была направлена не против «всякого, кто принадлежал к клас-

сам угнетателей и их приспешников» (как это предполагалось ранее), а лишь против **«активных врагов советской власти»**.

Пресса, как центральная так и местная, восприняла предпринятую правительством регистрацию как акцию классовой борьбы. Была проведена широкомасштабная агитационно-пропагандистская кампания с целью привлечь широкие слои населения к делу выявления и постановки на учет бывших «буржуев» и их «прихвостней», всячески препятствующих строительству «коммунистического общества труда и справедливости». Уже 27 сентября на подписание декрета откликнулась «Петроградская правда», в передовице которой говорилось:

«Строжайшая бдительность и тщательнейший контроль за той буржуазией, которая, перекрасившись в защитный цвет «советских служащих», творит подлое дело предательства и измены в пользу Деникина и Антанты, — вот задача момента. Наркомвнудел уже принял для этого необходимую меру, установив тщательную регистрацию представителей буржуазии на местах, и об успешном проведении в жизнь этой меры должны позаботиться сознательные рабочие [...] Во что бы то ни стало пролетариат покончит с агонизирующим зверем контрреволюции»¹⁰².

Опубликованная в том же номере статья члена Исполкома Петросовета С.С. Зорина «Надо уничтожить буржуазию» логически дополняет и развивает эту мысль. «Уничтожена ли буржуазия и ее пособники внутри Советской России, — спрашивает Зорин. — Нет. Они придушены, придавлены, но как социальная категория они еще существуют. Существуют не только физически, но и экономически [...] В советских учреждениях они для видимости «работают». Советская власть постепенно выводит их на чистую воду, их постепенно лишают жизненных удобств и удобств жизни вообще, но это делается чересчур медленно и постепенно»¹⁰³.

Вслед за Зориным К. Шелавин призвал всех рабочих и крестьян «неустанно» следить за «бывшими барами». Он писал:

«[...] Часть прежних хозяев осталась в Советской России. И разве мирятся они с нынешним положением, когда хозяевами в государстве стали, по их мнению, «хамы» — рабочие и крестьяне? Конечно, нет. [...] Все бывшие помещики, капиталисты и чиновники сочувствуют своим боевым организациям и молятся на Деникина и Колчака. Само собою разумеется, рабоче-крестьянскому государству надо обезвредить бывших господ [...] Что же с ними делать? Их прежде всего надо взять на учет. Это и предписывает декрет, только что изданный рабоче-крестьянским правительством. Выяснить — где сейчас, на каких советских должностях находятся эти бывшие «господа»? А выяснивши, следить за ними неустанно и неослабно. А чтобы из этого всего вышел толк — надо прямо сказать: без рабочих и крестьян тут чрезвычайные комиссии мало сделают! Надо, чтобы за слежку взялись сами рабочие и крестьяне. В этой слежке позорного ничего нет. Наоборот, честь и слава тому, кто выудил «барина» и следит

за каждым его шагом [...] Надо, чтобы рабочие и крестьяне, лично знающие господина, который позабыл свое родство, пришли к Советской власти и сказали:

— Врет он! Вот он какой гусь на самом деле.

А потом взялись бы и следили за этим гусем»¹⁰⁴.

Совершенно очевидно, что все вышеуказанные статьи и письма являются не выражением частного мнения отдельных журналистов и граждан, а частью санкционированной правительством кампании по формированию пробольшевистского массового сознания и разжиганию ненависти к неугодным новой власти социальным слоям. Советская печать («Известия ВЦИК», «Правда», «Пролетарская диктатура», «Беднота», «Петроградская правда» и др.) в один голос призывала жестоко расправляться со всеми представителями «старого мира». Достаточно перечислить названия опубликованных в этих изданиях статей и писем: «Надо уничтожить буржуазию», «Нужно кончить», «Как бороться с бывшими барами?», «Бывшего помещика — вон!», «Будьте бдительны». Основную мысль всех этих публикация можно выразить словами Н. Бухарина: «Как жалки те, кто — подобно эсерам и меньшевикам — надеются на буржуазную демократию, как на опору борьбы за социализм! На деле вся буржуазия — всюду и везде — держит нож мясника, чтобы перерезать горло пролетариату»¹⁰⁵

В соответствии с инструкцией НКВД «О регистрации лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» обязательной регистрации подлежали: а) чиновники прежних правительств в чине не менее действительного статского советника, бывшие офицерские чины особого корпуса жандармов, бывшие прокуроры, товарищи прокуроров, председатели и члены судебных палат, министры, товарищи министров, директора и вице-директора департаментов, сенаторы, члены Государственного совета, губернаторы, вице-губернаторы, полицмейстеры, исправники, градоначальники, председатели губернских и уездных земских управ, городские головы губернских и уездных городов; б) бывшие владельцы какого бы то ни было предприятия, в котором было не менее 20 рабочих и служащих*; в) бывшие председатели или члены правления акционерных обществ, имевших основной капитал не менее, чем полмиллиона рублей; г) лица, которые имели не менее 100 десятин собственной земли** или дом, оцененный в 1916 г. для взимания налога

* В соответствии с первыми проектами декрета регистрации подлежали для все лица, владевшие предприятиями, на которых работало не менее 50 рабочих. (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1 Д. 317 Л. 28.)

** Предварительные варианты декрета предусматривали обязательность регистрации для владельцев участков земли площадью не менее 200 десятин. (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 317. Л. 28.)

или страхования свыше пятидесяти тысяч рублей»¹⁰⁶ В своих регистрационных заявлениях вышеперечисленные граждане должны были указать прежнее общественное, служебное и имущественное положение, нынешнее свое занятие, службу, источник средств к жизни; состав своей семьи с указанием имени, отчества, фамилии, возраста, занятия (нынешнего и прежнего) и адреса каждого из них «с указанием также всех отсутствующих членов семьи со всеми из указанных сведений, какие известны заявителю». В Инструкции подчеркивалось, что «исполкомы не имеют права вносить на основании представленных им сведений какие-либо отметки в паспорта зарегистрированных лиц или выдавать им взамен паспортов особые удостоверения личности».

Параллельно с регистрацией по анкетам проводилась и регистрация по спискам, поданным домовыми комитетами, контролировавшая исполнение постановления представителями бывших имущих классов. В соответствии с приказом № 31 Отдела управления Петроградского Совета, «в случае обнаружения в доме лиц, подлежащих регистрации и не имеющих предусмотренных приказом № 30 квитанций», председатель домового комитета должен был нести ответственность наравне с уклонившимся от регистрации лицом и подлежал «немедленному аресту и самому суровому наказанию по законам осадного положения»¹⁰⁷ Выявление «уклонившихся» производилось и другими методами: по спискам служащих, по частным доносам и т. п.

Поскольку крупные капиталисты к 1919 г. уже успели покинуть Советскую республику, большинство попавших в сети регистрации предпринимателей составила мелкая и средняя буржуазия: домовладельцы, рантье, лавочники, владельцы магазинов, мастерских, раздаточных контор и т. п.¹⁰⁸

Жертвы «красного террора»

Репрессии периода «красного террора» на практике далеко не всегда имели классовую направленность. Перед произволом местных властей, самодурством новоиспеченных государственных лиц одинаково беззащитны были представители всех социальных слоёв, от бывших дворян, до рабочих и крестьян. Так, муниципализация, по признанию самих же представителей советской власти, коснулась широких слоев мелких собственников и привела к «катастрофическому разрушению домового хозяйства»¹⁰⁹. *«Жилищные комиссии переселяют всех, кто так или иначе попадает ей в руки, — писали «Известия» в ноябре 1918 г. — При этом не разбирают: под один ранжир подгоняют и буржуазию, и советских работников, ответственных и безответственных, и рабочих, и коммунистов. Переселяют, выселяют и уплотняют абсолютно всех, без всякого разбора»*¹¹⁰. То же можно сказать и о беспорядочных конфискации.

По мере ужесточения социальной политики и ухудшения экономического положения раздражение, вызываемое у широких слоёв населения представителями новой власти, особенно коммунистами, стало вытеснять классовую ненависть. По свидетельству современников, население нередко смотрело на представителей местных властей «как на царских (пожалуй, и хуже) жандармов»¹¹¹. Так, например, зав. земельным отделом одного из сельсоветов Бельского уезда Смоленской губ. А. Журавлев на съезде сельских Советов уезда 18 мая 1919 г. заявил, что в партию коммунистов вошли «воры и плуты», которые начали «грабить народ и расстреливать», «большевики-коммунисты делают насилия и не дают говорить на съездах», а потому «кулацкие восстания были правильны». Выступление Журавлёва встретило горячее одобрение собравшихся¹¹². Подобные случаи, как в сельской местности, так и в городах, носили массовый характер¹¹³. Вчерашние друзья, рабочие и крестьяне, внезапно попавшие из «низов» в «верхи» и лихорадочно стремившиеся максимально использовать свалившуюся к ним в руки власть, вызывали в широких народных массах большее раздражение, чем бывшие буржуа или помещики¹¹⁴.

От массового террора к выявлению отдельных врагов: декларации и реальность

*«Не пользоваться террором,
но пресекать корни козней и злонамеренностей врагов»*

Официально об отказе от политики красного террора, якобы навязанного большевистской власти терроризмом Антанты и внутренней контрреволюции, было объявлено в конце 1919 — начале 1920 г. Однако современники расходятся во мнениях о том, как долго продолжался красный террор на практике. Так, по утверждению Ю. Ларина, «время открытой и прямолинейной ставки на уничтожение» буржуазии продолжалось вплоть до введения нэпа в 1921 г.¹¹⁵, а С.П. Мельгунов продлевает хронологические рамки «красного террора» до 1923 г. включительно¹¹⁶. П. Сорокин также распространяет политику террора на период нэпа¹¹⁷.

Первые «уступки» властей оппозиционным группам были сделаны еще в конце 1918 г., когда 30 ноября ВЦИК отменил декрет от 14 июня 1918 г. об исключении меньшевиков из Советов, а 26 февраля 1919 г. сделал то же в отношении правых эсеров. Впрочем, на практике это почти ничего не изменило. В феврале 1919 г., в связи с изменением внутреннего положения и международной обстановки Советской власти, а также успехами, достигнутыми «в деле подавления белогвардейс-

кого заговора внутри и военные успехи в борьбе с контрреволюцией вовне», были ограничены полномочия ВЧК¹¹⁸. В соответствии с обращением ЦК РКП(б) ко всем коммунистам-работникам ЧК от 8 февраля 1919 г. и принятым 17 февраля того же года постановлением ВЦИК «О Всероссийской чрезвычайной комиссии», право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в ЧК, передавалось реорганизованным трибуналам. Выступавший на заседании ВЦИК Дзержинский указал, что «контрреволюционеры» теперь предпочитают действовать изнутри, «пролезая» в советские учреждения, а **сплоченных контрреволюционных сил уже нет**, в соответствии с этим должны быть изменены и методы борьбы с ними: от массового террора следует переходить к **выявлению отдельных преступников**¹¹⁹. 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК по представлению Дзержинского отменили смертную казнь, как по приговору ВЧК и ее местных органов, так и по постановлениям революционных трибуналов (за исключением военных трибуналов)¹²⁰. Это постановление было утверждено 2 февраля на сессии ВЦИК. Выступавший на этой сессии Ленин сказал: *«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. [...] Само собой понятно, что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор»*¹²¹. Фактически это заявление означало официальный отказ от политики «красного террора», хотя и оставляло пути возврата к ней. На 4-й Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий (3—6 февраля 1920 г.) Дзержинский призвал «изыскать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, **не пользоваться террором**, однако все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамеренностей врагов»¹²². Однако уже в марте того же года было принято новое Положение о революционных трибуналах, в котором последним предоставлялось **«не ограниченное ничем право в определении мер репрессии»**. Признавая революционные трибуналы единственными органами, имеющими право вынесения приговоров, Положение делало одно исключение: *«В целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за ВЧК и губЧК с утверждения ВЧК сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет»*¹²³. Приказ ВЧК № 48 от 17 апреля 1920 г. дал местным ЧК некоторые разъяснения по поводу этого пункта. В частности, отмечалось, что на его основании заключению могли подвергаться **бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники, члены враждебных советской власти партий**, лица, уличенные в связи с явными контрреволюционерами, хранившие их переписку или деньги,

а также лица, подозреваемые в спекуляции, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь республики¹²⁴.

Амнистия офицерам и солдатам «белой» армии

Первые шаги новой власти в сторону примирения с бывшими офицерами были предприняты еще до окончания Гражданской войны. Декретом СНК от 2 июня 1920 г. от ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа освобождались бывшие офицеры, которые окажут содействие в ликвидации белогвардейских отрядов¹²⁵. В конце 1920 — начале 1921 гг. были ликвидированы основные фронты гражданской войны. Перед большевистской властью встал вопрос о том, как строить свои дальнейшие отношения с многочисленной армией солдат и офицеров, воевавших на стороне противника. Победившая сторона обещала быть великодушной к побежденным соотечественникам. 3 ноября 1921 г. декретом ВЦИК была объявлена амнистия для значительной части лиц, участвовавших в белогвардейских военных организациях в качестве рядовых солдат. *«[...] Тысячи русских трудящихся путем обмана и насилия втянуты в борьбу с рабоче-крестьянской властью на стороне царских генералов, помещиков и фабрикантов, — говорилось в декрете. — Этих обманутых людей вводили в бой за чуждое им дело и когда им пришлось очутиться на чужбине, их бросили на произвол судьбы. Они оказались сейчас выброшены из родных сел, деревень и станций [...] Много таких обманутых в настоящее время оказалось заточенными в лагерях в качестве интернированных, многие работают на принудительных работах»*. Идя навстречу всем, кто стремился вернуться на родину, чтобы «искупить свои ошибки и помочь восстановлению народного хозяйства», Президиум ВЦИК объявил **полную амнистию** тем, кто в качестве рядовых солдат участвовал в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича, Савинкова, Петлюры, Перемыкина и Булак-Балаховича [в тексте декрета — Булак-Блахович — Т.С.]. Им предоставлялась возможность вернуться на родину на общих основаниях с военнопленными. Контроль за выполнением декрета и практическим обеспечением гарантируемых в нем прав возлагался на НКВД, НКВД и ВЧК¹²⁶.

О том, чего в действительности стоили подобные обещания, можно судить по свидетельствам современников. Так, например, В.В. Вересаев вспоминал о событиях в Крыму в 1920 г..

«Когда после Перекопа красные овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым на выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться с Советской властью [...] Вскоре

после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явятся, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей»¹²⁷

Аналогичный случай описал в письме Ленину от 13 октября 1921 г. И. Сатиков. «В одном из недавних номеров «Известий», — упрекает Сатиков председателя СНК, — Вы старались доказать по вопросу о возвращении эмигрантов, что «Советская власть благосклонно относится ко всем честным и дельным работникам, кои с «открытой душой» пойдут к ней на службу». «Бумага все терпит», но жизнь показывает другое». Далее Сатиков рассказал о том, как весной 1920 г. после отступления белых из Черноморской губернии часть белых офицеров остались на родине, так как были «чисты душой» пред Советской властью. Эти офицеры, «вверили свою судьбу Советской власти», явившись в соответствии с приказом Особотдела IX Кубармии в июне 1920 г. на регистрацию в Краснодар, где их арестовали и немедленно отправили в Холмогоры и Архангельск. «С тех пор, — заканчивает свой рассказ Сатиков, — ни одной строчки, ни одной весточки о тысяче людей их родные не имеют. Ходят лишь слухи, что этих «без вины виноватых», лояльных, больных людей, стариков и инвалидов империалистической войны утопили на барже в Холмогорах»¹²⁸.

Для контроля над бывшими офицерами, вернувшимися в Москву, в октябре 1920 г. при МЧК (с февраля 1921 г. — при Московской Бирже труда) была создана специальная комиссия, осуществлявшая их регистрацию, учет и распределение на работы. До получения работы зарегистрированные офицеры обязывались «еженедельно являться лично для отметки». Офицер, получивший направление на работу, должен был дать подписку о невыезде из той местности, куда он назначался на работу. На 15 июня 1923 г. в этой комиссии было зарегистрировано 1215 человек¹²⁹

Старая «чернь» и новый «трудовой элемент», или Причуды классового сознания

Гражданская война не завершилась после окончания военных действий. Она стала менее явной, изменились ее методы. По-прежнему продолжалось нагнетание классовой ненависти. «Во всех наших несчастьях виноваты наши классовые враги, помещики и капиталисты», — утверждает в 1920 г. в духе эпохи «красного террора» известный государственный и партийный деятель В.И. Невский. «От кого все зло? — спрашивает далее Невский и отвечает: — От вас, милые, ласковые

люди, баре да капиталисты, тунеядцы и кулаки! Молчите! Ваше время прошло. Вы скоро все вымрете, мы роем вам могилу»¹³⁰.

В то же время «классовая заостренность» социальной политики даже в годы «красного террора» не всегда выдерживала заданное направление. В то время как у крестьян, объявленных кулаками, местные власти нередко отбирали последнее, многие помещики Московского уезда, будучи «признанными за трудовой элемент», благополучно проживали в своих бывших имениях¹³¹. Несмотря на пропаганду классового превосходства пролетариата, даже среди большевиков **не была полностью изжита традиция противопоставления лиц «образованных классов» «простонародью» как высших слоев низшим**. В частности, 1 марта 1920 г. в губчека, губисполком и губком РКП(б) Казани была отправлена телеграмма за подписью В.И. Ленина с требованием разобраться в деле вдовы председателя Толстовского общества С.М. Ивановой, которую якобы «обижают» местные власти, натравливая на нее «чернь» (под последними глава государства, видимо, подразумевал представителей тех самых трудящихся, которым большевики призывали передать «всю власть»). «Проверьте немедленно, — требует далее Ленин, — прекратите безобразия, сообщите мне телеграфом исполнение»¹³².

ГЛАВА 2

НА ПЕРЕПУТЬЕ:

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БЫВШИХ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СЛОЕВ В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НИШИ

Мы желаем только одного, чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь.

Из письма «курского дворянина» в СНК,
1918 г.

Социальная дезориентация и поиск путей интеграции

Крушение привычной социально-политической системы, разрушение традиционных социальных связей приводило к массовой утрате правового статуса, потере привычной социальной ниши. В наибольшей степени произошедшие изменения затронули представителей бывших господствующих классов, внезапно сброшенных с верхушки социальной лестницы на ее нижние ступени. Вслед за привычными социальными привилегиями многие из них потеряли значительную часть имуще-

ства, работу и даже жилье* Необходимо было заново налаживать жизнь, искать новую социальную нишу. При этом начинать приходилось не «с чистого листа», а с тяжелым грузом «плохого» социального происхождения, «эксплуататорского» прошлого. Разумеется, не все пожелали смириться с произошедшими изменениями, не все захотели приспособливаться к новой жизни** Нельзя отрицать, что значительная часть представителей крупной буржуазии и высшего чиновничества, а также некоторая часть интеллигенции, заняли активную антибольшевистскую позицию. Однако в целом реакция бывших имущих слоев на революционные события 1917 г. была значительно сложнее и противоречивее. Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые выступают против того, чтобы проводить «водораздел между принявшими революцию и осудившими ее» исключительно по классовому признаку¹³³.

Первая реакция

Пожалуй, преобладающим чувством основной массы мелкой и средней буржуазии, широких слоев старой интеллигенции, а также некоторой части представителей высшего чиновничества и крупных предпринимателей в первые месяцы после революции была растерянность. *«Преобладало растерянное, взволнованное, беспомощное настроение»*¹³⁴, — писал В.Д. Набоков о состоянии верхушки столичной аристократии в октябре-ноябре 1917 г. Аналогичные чувства испытывала и интеллигенция. *«Никто ничего не знает, никто толком не осведомлен; в «революционной демократии» — раскол, в войсках тоже [...] Известия противоречивые — одни от большевиков, другие не от них; ясно себе представить положение дела нельзя»,* — записал в своем дневнике 26—27 октября 1917 г. профессор Московского университета Ю.В. Готье. В следующие несколько месяцев положение так и не прояснилось. В дневниковых записях Готье за октябрь 1917 г. — апрель 1918 г. лейтмотивом проходят две основные темы — о неопределенности положения и о предчувствии «общего краха всей жизни, всего мирозерцания» («сведений вообще ни у кого никаких — сколько-нибудь определенных», «известия извне смут-

* Последнее было особенно болезненно. Восприятие «бывшими» произошедших в их жизни изменений хорошо отражает появившийся в те годы анекдот:

— Революция сломала все классовые перегородки!

— Если бы только перегородки, а то у меня целый дом сломали на дрова».

(См.: Красный ворон. 1922. № 2. С. 3.)

** Впрочем, тем «бывшим», которые, не желая приспособливаться к новому режиму, предпочли покинуть страну, также пришлось заново устраивать жизнь, искать свою социальную нишу. Как известно многие представители российской аристократии в эмиграции работали таксистами, официантами и т. п.

ные», «о внешнем мире по-прежнему нет известий», «состояние подавленное», «на улице хмуро по погоде, хмуро у меня на душе», «страшный гнет на душе», «сознание всеобщей гибели и разрушения все более овладевает мной» и т. п.)¹³⁵.

Чувства растерянности и страха, охватившие большую часть населения, были вызваны не столько отношением к самой новой власти (широкие массы обывателей пока еще не были знакомы с идеологией большевиков), сколько разрушением привычного жизненного уклада и неопределенностью будущего. *«Громадное большинство служащих, — вспоминал бывший камергер, действительный статский советник, директор Департамента общих дел МИД В.Б. Лопухин, — составляли беспартийные люди, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели [...] До прихода большевиков к власти служившая интеллигенция в ее большинстве не ведала идеологии большевизма [...] Интеллигенция оказалась в стороне, в недоумении перед чем-то неведомым, а по темпераментности выступлений и пропаганды — и перед чем-то грозным»*¹³⁶. «В недоумении» оказались не только рядовые служащие, но и известные общественные деятели. *«В силу чрезвычайной сложности современного внутреннего государственного положения, — писал, в частности, П.А. Сорокин в открытом письме, опубликованном 29 октября 1918 г. в газете «Крестьянские и рабочие думы», — я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасательные рецепты и брать на себя ответственность руководства и представительства народных масс»*¹³⁷

Если даже для наиболее образованной части столичной интеллигенции разворачивающиеся события были чем-то «неведомым», то широкие массы населения и вовсе растерялись. С одной стороны, совершенно не ясно было, чего можно ждать от нового режима и как обезопасить себя от негативных последствий смены власти. С другой стороны, никто не знал, как долго продержится эта власть и следует ли вообще что-то предпринимать, или надо просто подождать, пока все как-то само собою наладится, войдет в привычную колею. Даже тот, кто с первых же дней четко определил свое отношение к событиям, не мог определить свое место в них. *«Что мог бы я сделать большего, чем писать эти горькие строки, я — профессор, специалист по русской истории, — спрашивал себя Ю.В. Готье, придерживавшийся откровенных антибольшевистских позиций. — Сколько я ни думал, я не находил другого ответа, как ничего»*¹³⁸. Ответа на этот вопрос не находила подавляющая часть так называемого обывательского населения России.

Наиболее квалифицированные специалисты и т. н. высшие служащие столицы поначалу отказались подчиняться новой власти, пытавшейся разрушить привычный порядок вещей, и объявили забастовку протеста. В ноябре 1917 г. в Петрограде был создан Союз союзов служащих государственных учреждений. Союз принял воззвание, в котором

заявил о решении немедленно приостановить занятия во всех учреждениях города¹³⁹ и образовал Центральный совет стачечных комитетов учреждений и ведомств г. Петрограда. К забастовке служащих государственных учреждений присоединились врачи Пироговского общества, преподаватели Союза Педагогических советов правительственных средних учебных заведений г. Петрограда и его окрестностей, а также Петроградский Совет депутатов трудовой интеллигенции¹⁴⁰. Солидарность с бастующими служащими проявили и многие учащиеся старших классов средних учебных заведений. В частности, ученики 8-го класса училища св. Екатерины следующим образом мотивировали объявленную ими трехдневную забастовку: *«Считая, что 3 не учебных дня не могут вызвать «умственного застоя», мы бастуем из солидарности со всей русской интеллигенцией, добывающейся созыва Учредительного собрания [...] Мы считаем необходимым разрушить надежду большевистской власти на поддержку учеников старших классов»*¹⁴¹.

26 ноября 1917 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано заявление ВРК, в котором чиновники государственных и общественных учреждений, «саботирующие» работу в важнейших отраслях народной жизни, были объявлены врагами народа¹⁴². Центральный совет стачечных комитетов был арестован, на бастующих возложили ответственность за разрушение промышленности, усиление голода и гибель людей. Действительно, массовые забастовки не могли не сказаться на нормальном функционировании учреждений, в том числе и таких жизненно важных ведомств, как здравоохранение. В частности, по свидетельству народного комиссара внутренних дел Г.И. Петровского, в результате забастовки врачей Управления врачебной инспекции без рассмотрения остались 3 телеграммы, уведомляющие о появлении эпидемии чумы в Астраханской губернии и холеры в Бакинской губернии, и необходимые меры не были приняты вовремя¹⁴³. По утверждению З.Л. Серебрянского, в результате забастовки медицинских работников в 235 лазарете Петрограда сестры отказались делать перевязки больным и раненым солдатам, а также не оказали помощь больному инвалиду, который умер по их вине¹⁴⁴.

Бастующие категорически отказывались признать себя саботажниками, подчеркивая, что забастовки «сознательно провоцировались представителями большевистской власти, которые врывались в чуждое и незнакомое им дело и навязывали порядки, уничтожавшие все плоды прежней работы»¹⁴⁵. *«Раз никакой умышленной порчи орудий производства, ни уничтожения и порчи материалов забастовщиками не производится, — утверждали бастовавшие врачи, — это не есть «саботаж». Это есть обычная забастовка, и этим русским термином, хорошо известным и понятным каждому пролетарию, она и должна именоваться [...] Стачечное движение, охватившее огромную массу служащих разных правитель-*

ственных и общественных учреждений столичных центров, возникло в связи с агрессивными действиями новой «советской» власти, оказавшейся в руках большевиков, и носит двойной — политический и профессионально-правовой характер»¹⁴⁶.

Так или иначе, вскоре забастовки прекратились¹⁴⁷. Помимо принятых властью репрессивных мер, сыграло роль и то, что, признанию самих бастовавших, «стачка в качестве формы общественно-политического протеста не может иметь слишком длительного течения». *«Раз враждебная политика становится более или менее стационарной, — высказал мнение врачей Пироговского общества некий И.К. В-ш, — борьба с ней не может вестись путем забастовки, и приходится избирать иные, более целесообразные формы борьбы, не связанные с нарушением жизненных функций общественно-хозяйственного аппарата»¹⁴⁸.* Однако в чем конкретно должны выражаться эти более целесообразные формы борьбы, по-видимому, никто не знал. По свидетельству одного из участников так называемой забастовки адвокатов в Петрограде Н. Майера, «защищавшаяся общественность» так и не смогла «выставить никакого иного орудия защиты, кроме пассивного сопротивления»¹⁴⁹. В частности, бурное проявление протеста адвокатов, вызванное упразднением адвокатуры декретом «О суде» от 24 ноября 1917 г., дальше словесных угроз не пошло. *«Расхрабрившиеся адвокаты, — писал по этому поводу другой петроградский адвокат, а впоследствии видный советский юрист Б.С. Утевский, — помахивая кулачками заявили, что 28 ноября они организуют шествие к Учредительному собранию. Это был смешной и дешевый жест. Никуда адвокаты не пошли. Бывшая адвокатура быстро рассыпалась. Часть молодежи пошла в «правозаступники», кое-кто из молодых адвокатов — в суд и прокуратуру. Многие окопались в продкомах, продснабах, железкомах, во всевозможных продовольственных и снабженческих организациях, где можно было получше питаться и подкормить своих домочадцев. Часть адвокатов, у которых были накопления, саботировали Советскую власть и отсиживались дома, ожидая скорого ее конца, или ехала в хлебные города, на юг, поближе к Деникину. Кое-кто ждал Юденича»¹⁵⁰.*

По мере укрепления власти большевиков надежд на скорое падение режима становилось все меньше и, следовательно, возрастало стремление «бывших» жить в мире с новой властью, независимо от отношения к ней. Людям нужно было на что-то существовать, кормить семью. Нужно было как-то адаптироваться к новым условиям, где-то жить и где-то работать. Способы адаптации к советским условиям и мотивировка сотрудничества с большевиками были различными. Начался процесс, позднее названный П.А. Сорокиным «обратной циркуляцией». *«Множество рабочих и крестьян, попавших на верхи в начале революции, теперь обратно выбрасывается оттуда, — писал Сорокин в 1922 г. — И*

наоборот: множество лиц, выкинутых в 1917—1918 гг. из командующих позиций на низы, теперь снова поднялись в *status quo ante*. В армии наверху снова старый генералитет [...] и офицерство, разбавленное процентом «новичков». В комиссариатах, кроме членов коллегий, остальные директора и начальники департаментов — старые «спецы»; здесь немало старых министров, товарищей министров, директоров и вице-директоров, членов комитета министерств и экспертов. Так дело обстоит во всех этих «Госпланах», «Совнархозах», «Наркоматах»¹⁵¹. Так или иначе, по утверждению И.С. Кондурушкина, уже к 1919 г. «большинство исполнительного аппарата Советской власти» составили именно «старые служащие»¹⁵².

Кондурушкин разделил всех оставшихся в России и постаравшихся устроиться на советскую службу «бывших» на 4 основные группы. «Наиболее умные представители буржуазии, — пишет Кондурушкин, — шли работать «при советской власти», не думая, сколько времени она удержится. Другие шли «по идее», с целью попасть в стан противника. Третьи шли как авантюристы, когда «карьеру» можно было сделать со сказочной быстротой. И часть, выбитая из колеи экономически, не успевшая или не могущая укрыться за границу, шла в учреждения просто кормиться»¹⁵³. Предложенная группировка в значительной степени справедлива, однако согласиться с ней полностью нельзя.

Авантюристы-карьеристы на советской службе

По утверждению Кондурушкина, наибольший процент «бывших», изъявивших желание служить в советских учреждениях, составляли разнообразные авантюристы, почувствовавшие возможность воспользоваться ситуацией. Действительно, как и любое социальное потрясение, революция создала благоприятные условия для почти молниеносного социального взлета наверх так называемой «пены» — беспринципных карьеристов, аферистов и представителей уголовного мира. О том, с какой легкостью лица с уголовным прошлым проникали в различные советские учреждения, являвшиеся, по словам уполномоченных ВЦИК «проходным двором», уже говорилось выше. Значительную часть тех, кто легко адаптировался к большевистскому режиму, составляли также не отягощенные нравственностью представители бывших имущих слоев, стремившиеся во что бы то ни стало сократить до минимума свои потери после революции, а если возможно, то и, напротив, увеличить имевшиеся ранее привилегии, имущество, власть. Играя на недостатках советской системы, они порой достигали немалых результатов. Так, например, Николай Рябушинский единственной из многочисленной семьи Рябушинских оказался на советской службе. Шесть его братьев эмигрировали, причем двое из них (Павел и Владимир) числились среди самых ненавистных врагов советской власти за оказание активной

материальной поддержки армии генерала Л.Г. Корнилова. Тем не менее, по непонятным причинам Николай никаким репрессиям не подвергся, в то время как две его сестры, оставшиеся в России, были сосланы на Соловки и впоследствии погибли. Устроившись консультантом и оценщиком произведений изобразительного искусства при большевистской власти, Николай даже сумел накопить значительное состояние. Существует точка зрения, что, даже покинув в 1922 г. Советскую Россию, он не порывал связи с большевистскими спецслужбами. Так, в эмигрантских кругах его считали одним из главных наводчиков ВЧК при экспроприации частного имущества; утверждали даже, что Николаю принадлежит коллекция драгоценностей, полученных в результате национализации частных состояний. Впрочем, последняя информация нуждается в проверке¹⁵⁴.

Наличие среди интеллигенции и прочих представителей образованных классов определенной части «морально дешевого люда», который с готовностью поддержит политику большевиков (а также и какую угодно) в личных интересах: «пристроиться», «устроиться», признавали и сами «бывшие». В частности, именно об этом предупреждал Ленина в своем письме доктор Н.Ф. Николаевский¹⁵⁵. Стремясь укрепиться при новой власти, выслужиться перед ней, отдельные личности торопились поскорее «сдать» своих вчерашних друзей и коллег. Активную деятельность такого рода развил, например, помощник бухгалтера 1-го разряда бывшего Дворянского банка Н.Ф. Захаровский. Тотчас после создания нового правительства Захаровский отправил ему приветственное письмо. Затем он начал бомбардировать редакцию газеты «Правда» статьями, прославляющими новую власть и обличающими старую администрацию банков и прочих учреждений и предприятий. Однако, «читая изо дня в день «Правду», Захаровский так и не обнаружил на ее страницах свои писания, после чего начал обращаться непосредственно в правительство. Так, 17 августа 1918 г. он отправил прошение на имя «комиссара по заведованию делами бывших государственных земельных банков товарища Сергеева», в котором, в частности, говорилось:

«Ввиду предстоящего увольнения всего штата служащих, каковой участи подвергаюсь и я, прошу зачислить меня кандидатом в тот штат служащих, какой будет образован для занятий по ликвидации дел и операций бывших банков. При этом открыто заявляю, что я горячо сочувствую партии коммунистов и самоотверженно защищаю Рабоче-Крестьянское правительство во всех случаях, когда на него сыплются несправедливые нападки и распространяется грязная клевета, доказательством чему служит то обстоятельство, что в среде сослуживцев я не имею друзей; напротив, все они мои идейные враги, за самым малым исключением.

Октябрьская революция наполнила все мое существо величайшим восторгом [...] Если вы предоставите возможность говорить с Вами, то я

беру на себя смелость высказать соображения о том, какие меры следует принять к тому, чтобы младшие служащие явно увидели, по какому ложному пути вел их все время Исполнительный Комитет»¹⁵⁶.

Однако и этого Захаровскому показалось недостаточно, и 30 августа он отправил письмо уже лично В.И. Ленину. В очередном послании, выражая бесконечную радость по поводу декрета о национализации банков, Захаровский среди прочего заявил:

«Проклятие и вечный позор разжиревшему народным потом и кровью имущему классу, ибо они в бессильной злобе желают кровью лучших людей Советской Республики преградить путь могучему шествию социальной революции [...] Покойники стали смердеть. Пора их похоронить да зарыть поглубже, и на могилах забить по осиновому колу. При этом необходима одна решительная и быстрая мера, а именно — арест всего состава Правления профессионального союза служащих упраздненных банков со всеми документами, а равным образом и одновременно должна быть арестована Временная Комиссия во всем ее составе со всеми документами».

Далее Захаровский поименно перечислил всех своих сослуживцев, коих, по его мнению, необходимо было немедленно арестовать¹⁵⁷.

«Трудно не сойти с ума, — писал позже М.А. Булгаков, возмущаясь способностью многих представителей старинных дворянских родов, а также разночинной интеллигенции менять свои убеждения, подстраиваясь под ситуацию — Бобрищев пишет о Володарском [...] Старый, убежденный погромщик, антисемит (Бобрищев-Пушкин) пишет хвалебную книжку о Володарском, называя его «защитником свободы печати». Немеет человеческий ум»¹⁵⁸.

Безусловно, таких «хамелеонов», было немало, но не они составляли большинство.

«Чтобы кушать и не рыть могил...»

Основная масса мирных обывателей, растерянных и испуганных, просто «плыли по течению», не зная, что предпринять и как жить дальше. «Общая апатия, крайняя утомленность, забота исключительно о продовольствии»¹⁵⁹, — так охарактеризовала в середине 1918 г. настроение жителей Москвы специальная комиссия «Национального центра». Ощущение безвыходности в сочетании с аполитичностью большей части рядовых обывателей породило ту покорность русского буржуа, на которую сетует Ю.В. Готье в своем дневнике. *«Удивительно кроток и покорен судьбе русский интеллигентный буржуй, — записал Готье 22 апреля 1918 г., — среди этой компании были очень богатые люди и очень богатые женщины, и все они удивительно просто примирялись со своей судьбой; я не знаю, хвалить ли их за философское мирозерцание или же презирать за рыхлость»¹⁶⁰.* Позицию большинства далеких от политики

граждан можно выразить словами из письма в СНК «курского дворянина» 76 лет, бывшего предводителя дворянства: *«Мы желаем только одного, чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь»*¹⁶¹.

Стремление многих представителей бывшего чиновничества, предпринимателей, интеллигенции, а также помещиков и домовладельцев так или иначе влиться в новую систему отчетливо проявилось уже в середине 1918 г. Как справедливо отметил Б.В. Лопухин, выбор у них был не большой, так как «предложение работы сосредоточилось в руках одного правительства». Нельзя забывать также, что всех, кто не числился на советской службе, привлекали к уборке мусора, расчистке дорог от снега, рытью могил для умерших от холеры и прочим видам трудовой повинности. *«Надо было во что бы то ни стало поступить в какое-нибудь советское учреждение или предприятие на работу, — вспоминал Лопухин, — во-первых, ради нее самой в идеологических соображениях любого толка, во-вторых, чтобы кушать и не рыть могил»*¹⁶².

Помимо пропитания, советская служба давала также возможность скрыть свое происхождение или хотя бы сделать его не таким «плохим». *«Время было горячее, — писал по этому поводу И.С. Кондурушкин, — некогда было проверять знания даже по документам. Анкетное время: заполни анкету, все принимается на веру [...] В такой сумятице можно было и «затерять» свое прошлое»*¹⁶³ Действительно, несмотря на то, что заполняемые при поступлении на службу анкеты непременно содержали вопросы об имущественном и социальном положении анкетированного и его родителей до октября 1917 г., «затерять» свое прошлое было в те годы не так уж сложно. Вплоть до конца 1920-х гг. отношение к этим анкетам было довольно формальным, при их заполнении часто давались уклончивые, неясные, а иногда и откровенно лживые ответы. Так, например, из 21 вопроса анкеты, разработанной в 1919 г. Комиссией ВЦИК по обследованию Наркоматов РСФСР, 11 были посвящены до-революционному положению анкетированного и его семьи¹⁶⁴. Однако при внимательном изучении ответов на эти вопросы практически невозможно понять прежнее социальное положение большинства респондентов. Так, из 196 служащих Единой трудовой школы и дошкольного отдела Наркомпроса, заполнивших анкету в марте 1920 г., на вопросы о службе и чине отца до революции 54 человека ответили, что отец уже умер, тем самым фактически уйдя от ответа; десятки человек дали уклончивые ответы (*«отец старик 75 лет»*, *«в настоящее время отец слепой»*, *«в могиле»*, *«служил в разных коммерческих фирмах»*, *«вследствие старости живет на помощь детей»* и т. п.). Не менее интересные ответы были даны и на вопрос о наличии у отца правительственных наград. Например: *«Наградами отца не интересовалась»*. Или еще лучше: *«Медаль за освобождение крестьян»*. Если же верить ответам на вопросы о прежнем имущественном положении (*«никаким имуществом не владел»*,

«ничем не владел», «средства на содержание себя и семьи зарабатывал всегда личным трудом» и т. п.), то приходится признать, что в дореволюционной России значительная часть чиновничества, включая статских и тайных советников, представители высших офицерских чинов, руководящие работники различных торговых и промышленных обществ, а также купцы и «коммерсанты» (как они сами себя именуют) никогда не владели вообще никаким имуществом, ну разве что одним «очень ветхим» домиком¹⁶⁵. Причем, судя по сделанным на полях анкет пометкам, эти ответы принимались на веру, несмотря на их очевидную недостоверность. В результате в наихудшем положении оказывались самые честные респонденты: на всех анкетах, авторы которых признались в наличии у них или их родителей какой-либо собственности (включая самый незначительный крестьянский надел земли), значится пометка «Вл.», что означает «владелец». На прочих анкетах, будь их автор даже бывшим предпринимателем или сыном действительного статского советника, подобной пометки нет.

Стремление многих «бывших» скрыть свое крамольное с точки зрения новой власти дореволюционное прошлое — очевидный и неоспоримый факт* Даже элита научной и художественной интеллигенции старалась не афишировать знатное происхождение и прежнее материальное благосостояние. В частности, А.И. Черных, проанализировав анкеты ЦЕКУБУ, пришла к выводу, что степень достоверности данных этих анкет крайне мала¹⁶⁶.

Следует отметить, что предпринимаемые в это время попытки скорректировать биографию нередко были довольно успешными. Кому-то помогала счастливая случайность, кому-то — связи и собственная предусмотрительность. Так, бывший директор Департамента общих дел МИД В.Б. Лопухин, воспользовавшись тем, что выдачей паспортов в первые послереволюционные дни по-прежнему заведовал смотритель зданий министерства, бывший с ним в хороших отношениях, еще в конце 1917 г. получил новый вид на жительство без упоминания упраздненных революцией титулов. *«Последующие события показали, — пишет Лопухин, — какую неоценимую услугу оказала мне проявленная мною предусмотрительность. Переехав с умалчивавшим о моем прежнем положении паспортом из казенной квартиры на Мойке в маленькую частную квартирку [...], где никто меня не знал, а по паспорту люди видели во мне рядового обывателя, я счастливо избег производившихся, преимущественно по домовым книгам, арестов и преследований, которым подвергались лица*

* С. Чуйкина, напротив, полагает, что «сокрытие социального происхождения, подделка документов не были повсеместно распространённой практикой». (Чуйкина С. Указ соч. С. 172.) Однако данный вывод, сделанный на основе нескольких интервью, не выдерживает критики.

моей категории [...]»¹⁶⁷ Наиболее благоразумные, «обзаведясь подходящей легендой», отправлялись на Урал, в сельскую или горнозаводскую местность, где их никто не знал и где дефицит в служащих был особенно острым¹⁶⁸. Позднее известный партийный и государственный деятель, участник Гражданской войны В.П. Антонов-Саратовский назовет 1918—1920 гг. периодом «великого переселения». *«Лица, принадлежавшие к помещикам, капиталистам, торговцам, администрации и охранным агентам старой власти, — вспоминал Антонов-Саратовский послеоктябрьские годы в апреле 1929 г., выступая в Институте советского строительства Коммунистической академии, — спасались от железной руки пролетарской диктатуры тем, что переселялись из места своего постоянного жительства в другие районы страны, где ничего не было известно об их классовой принадлежности»*¹⁶⁹.

Те, кому не удавалось скрыть свое прошлое (и кто этого не хотел), стремились подчеркнуть свою лояльность или даже особую преданность новому режиму. В Совнарком шел непрерывный поток восторженных, благодарственных писем от представителей всех социальных слоев, в том числе и от интеллигенции. Руководство вузов и научных учреждений настойчиво добивалось присвоения подведомственным им заведениям имени Ульянова-Ленина; практически каждая научная встреча (конференции, совещания, съезды) начинались с отправления приветственной телеграммы В.И. Ленину — «вождю», «отцу и учителю», «покровителю науки», «лучшему первому теоретику в аграрном вопросе», «освободителю церкви от опеки государства» и т. п.¹⁷⁰ *«Собрание представителей научных учебных учреждений, — говорится, например, в одной из приветственных телеграмм Ленину от научной общности Петрограда, — приветствует председателя Правительства пролетарской диктатуры, создавшего формы помощи науке, подобных которым нет нигде в мире»*¹⁷¹. 22 апреля, в день рождения Ленина, или в октябре, накануне годовщины революции, количество приветственных телеграмм резко возрастало. Можно ли осуждать их авторов за столь откровенное подхалимство?

«До последней возможности отстаивать свое дело»

К тем, кто поступал на работу под давлением обстоятельств, чтобы «кормиться» (а если повезет — то и скрыть свое истинное происхождение), тесно примыкает группа «бывших», отказавшихся эмигрировать и сознательно пошедших на сотрудничество с новой властью из патристических соображений, считая долгом чести «до последней возможности отстаивать свое дело»¹⁷².

Так, например, бывший начальник политического кабинета в Министерстве иностранных дел В.Н. Муравьев, по свидетельству

С.А. Котляревского, в 1918 г. «категорически высказался, что внешняя политика Советской России есть прежде всего внешняя политика России и она должна направляться в ее интересах» и что «нужно кончить здесь с нелепыми бойкотами и предубеждениями»¹⁷³. В.И. Анучин категорически отказался от предложения В.И. Унгерна стать президентом Республики Сибирь. «Оставаясь при мысли, что применением насилия можно породить только новое насилие, что штыком и пулеметом можно только разрушать, не создавать, — писал Анучин в марте 1921 г., — я естественно не могу возлагать надежд на вооруженное восстание, хотя бы и успешное [...] Надеюсь, что нашей родине я еще сумею послужить, но в совсем иной сфере деятельности»¹⁷⁴. М. Смильг-Бенарио так объяснил своему брату решение работать с большевиками: «Я знаю, что хозяйственная жизнь страны разрушается, знаю, что большевизм понемногу превращается во владычество отдельных комиссаров, знаю также, что многие из этих комиссаров — люди с темным прошлым, но именно поэтому я глубоко убежден, что мы, интеллигенты и социалисты, должны работать вместе с большевиками. Ибо только таким образом мы сможем очистить революцию от той мрази, которая к ней присосалась»¹⁷⁵. О «горячем желании» многих «бывших» «принести посильную пользу нашей настрадавшейся родине», свидетельствуют и их многочисленные письма Ленину за 1918—1920 годы¹⁷⁶.

Ученые, медики, работники искусства пытались отстоять независимость своей деятельности от политической конъюнктуры. «Я стою на той точке зрения, — писал Готье, — что мы (Румянцевский Музей) — учреждение, которое должно хранить и которое ни в коем случае не должно принимать участие в политике»¹⁷⁷. Это же пытался объяснить Ленину М. Горький, утверждавший, что «огромное большинство представителей положительной науки нейтрально и объективно, как сама наука. Это люди аполитичные»¹⁷⁸.

Многие ученые, несмотря на то, что, по словам Г.К. Орджоникидзе, «Октябрьская революция пришла им не по возрасту, — ибо они в это время были уже с установившимися нравами и настроениями, с уже сложившимися политическими взглядами», не хуже молодежи «впряглись в колесницу» социалистического строительства¹⁷⁹. Важную роль в привлечении технической интеллигенции на сторону новой власти сыграл план электрификации важнейших районов страны, разработка которого началась весной 1918 г.* К работе в утвержденной в марте 1920 г.

* Среди тех, кто активно сотрудничал с большевиками, можно назвать, например, талантливого инженера, дворянина, включенного современными историками в состав деловой элиты царской России, Т.М. Алексенко-Сербина (подробнее о нем см.: Ламан Н.К. Тихон Михайлович Алексенко-Сербин. М., 1969; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920—1930-х гг. М., 2000. С. 51—57, 88, 127, 129—140).

Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) было привлечено около двухсот виднейших ученых и специалистов, многие из которых впоследствии были репрессированы¹⁸⁰.

Мощным объединяющим началом стала для интеллигенции все увеличивающаяся опасность разрушения памятников культуры. «*Сейчас не время заниматься обвинением друг друга в переживаемых Россией тяжелых испытаниях, надо забыть вражду*, — говорилось, в частности, в одном из писем преподавательского коллектива МВТУ председателю СНК. — [...] *И мы готовы работать, и давно уже работаем вместе с существующей властью в попытках создания и сохранения культурных и материальных ценностей*»¹⁸¹. Осознание необходимости сохранения памятников культуры, по словам С.О. Шмидта, «сплачивало всех, кто понимал их общекультурную и историческую ценность, даже людей несходных общественно-политических взглядов». «Более того, — продолжает Шмидт, — не принимающие революции или напуганные всем, что происходило вокруг, отторгнутые от привычного дела и привычных жизненных удобств, некоторые деятельные по натуре, образованные интеллигенты находили именно в этой сфере применение своих знаний и культурных навыков, не поступаясь при этом, по существу, общественно-политическими принципами, как бы уходили от активной жизни (в прежних ее формах) в краеведение и сферу охраны памятников»¹⁸².

«Поддались демагогическому соблазну»

Наряду с теми представителями интеллигенции, кто искал применение своей профессии при новой власти, не принимая ее идеологию, было не мало и тех, кто критически относился к царскому режиму и встретил революцию с надеждой. Трудно согласиться с широко распространенным в последнее время утверждением, что старые специалисты сотрудничали с большевиками лишь по необходимости, «в глубине души понимая, что режим порочен»¹⁸³. Значительная часть старой интеллигенции, тех представителей «бывших», кто до революции активно участвовал в общественно-политическом движении, так или иначе, поверили в идею социализма, выражаясь словами современников, «поддались демагогическому соблазну» большевистских лозунгов¹⁸⁴. Как вспоминала впоследствии известная эсерка Б.А. Бабина, «это был какой-то гипноз слова «социализм», наивная вера в то, что большевики все же «смогут построить в России справедливый строй, а то, что сейчас происходит — издержки гражданской войны»¹⁸⁵.

Важную роль сыграло и отношение к прежнему, окончательно скомпрометировавшему себя в глазах передового общественного мнения, режиму. «Вся Россия, — писал В.Г. Короленко, выражая, прежде всего

мнение интеллигенции, — от нее [монархии — Т.С.] отступилась сразу»*

«Бывшие» на советском рынке труда: успехи и неудачи

Несмотря на провозглашенную дискриминационную по отношению к представителям бывших привилегированных классов социальную политику, в 1918 — начале 1920-х гг. среднее звено советских служащих в значительной степени состояло из «бывших». Более того, уже к середине 20-х гг. бывшие мещанские семьи, по свидетельству современников, состояли «от мала до велика из портфельников»¹⁸⁶. Экономическая разруха, острая нехватка квалифицированных кадров, а, порой, и просто образованных людей, делали очевидной необходимость привлекать специалистов всех отраслей. «Что же, мы разве выкинем их, — рассуждал Ленин о бывшей буржуазии, занятой на советской военной и хозяйственной работе. — Сотни тысяч не выкинешь! А если бы мы выкинули, то себя подрезали бы»¹⁸⁷.

В рядах столичных служащих

Особенно высоким был процент «бывших» среди служащих Москвы и Петрограда, в том числе и среди верхних слоев номенклатуры. Даже среди руководителей отдела информации ВЧК—ОГПУ преобладали выходцы из непролетарских слоев (причем четверо были дворянского происхождения)** Однако в целом, как справедливо отметил А.Н. Чистиков, детально изучивший аппарат управления послереволюционного Петрограда, **в верхние слои номенклатуры «бывшие» попадали редко, но «на более низком уровне их было множество»**¹⁸⁸.

По данным Моссовета, наибольший процент безработных в 1918—1920 гг составляли чернорабочие (20,4—26,5%), а также «торговый, конторский и бухгалтерский персонал» (более 20%). Напротив, специа-

* *Короленко В.Г.* Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. № 1. С. 191. Аналогичные мысли неоднократно высказывали также В.Д. Набоков, утверждавший, что после октября 1905 г. оставались лишь «развалины» самодержавия; Н.А. Бердяев, считавший, что «старый режим сгнил и не имел приличных защитников», и многие другие общественные деятели России того времени. (*Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 9; *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 150).

** Интересен также профессиональный состав сотрудников Информационного отдела ВЧК—ОГПУ Как установил В.К. Виноградов, среди них преобладали юристы, учителя, литераторы, редакторы, киноработники; были даже музыкант и агроном. (*Виноградов В.К.* Указ. соч. С. 66.)

листы разных отраслей, т. е. те, кто так или иначе входил в социальное пространство «бывших», составляли в этот период минимальный процент безработных, в среднем от 0% до 0,6%¹⁸⁹. По данным регистрации осени 1919 г. занятость на советской службе врачей, инженеров, химиков и технических работников в 1919 г. превышала 90%¹⁹⁰. То есть специалисты в столицах были востребованы новой властью даже в большей степени, чем пролетариат.

Бывшие служащие государственных учреждений также составляли в 1918 г. крайне незначительную часть безработных столицы — всего 0,7%¹⁹¹. Так, летом 1918 г. служащие бывших государственных, общественных и частных предприятий составляли более 58% сотрудников центрального государственного аппарата Москвы¹⁹². В частности, в советском госаппарате активно использовали старых чиновников-специалистов по перлюстрации. 2635 старых специалистов работали в этот период в банковских учреждениях Москвы¹⁹³. Личный состав главков центров и производственных отделов ВСНХ, по данным на август 1919 г., состоял на 29,6% из представителей бывшего высшего административно-технического персонала; еще 22,6% составили бывшие конторские служащие и средний административно-технический и 15,4% — прочие бывшие госслужащие¹⁹⁴. В архивах, музеях, библиотеках и прочих столичных очагах культуры в это время работали, по-видимому, преимущественно «бывшие»* Даже в таком идеологическом Наркомате, как Наркомпрос, их было очень много. По данным регистрации лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния осени 1919 г. занятость в советских учреждениях Москвы и Петрограда бывших чиновников высших государственных учреждений колебалась от 70 до 90%, причем не вошедшие в их число бывшие чиновники в подавляющем большинстве были людьми преклонного возраста**.

Правда, бывали случаи, когда бывшие чиновники высших государственных учреждений, несмотря на свою высокую квалификацию, не только не могли устроиться на советскую службу, но и жестоко поплатились за попытки сделать это. Ярким примером того, до какого абсурда порой доводило недоверие к бывшим царским чиновникам, является

* Интересно, что доля работников искусств среди столичных безработных с 1918 по 1920 гг. сократилась с 1,2 до 0,5%, а по Московской губернии — до 0,01% (Красная Москва... Диаграммы 3, 5).

** Например, бывший сенатор, тайный советник *Н.П. Гарин*, 58 лет, владевший имением, после революции поступил на службу в Народный Комиссариат государственного контроля. Бывший директор Департамента общих дел, тайный советник *Е.Г. Шинкевич*, 58 лет, после революции поступил на службу в финансово-счетное отделение Главного топливного комитета ВСНХ. (Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших»... С. 112—126).

«дело» бывшего статского советника В.И. Кривоша, заведенное следственной комиссией революционного трибунала при Петроградском совете РСИКД в феврале—марте 1918 г. 53-летний Кривош, в совершенстве владевший несколькими иностранными языками, предложил советскому правительству свои услуги в качестве переводчика. Это предложение было воспринято неожиданно враждебно. Ссылаясь на то, что до революции Кривош много лет проработал в ведомстве цензуры, его арестовали и предали суду революционного трибунала «за принадлежность к политической агентуре самодержавного правительства и за попытку опорочить советскую власть предложением услуг и сокрытием своей прошлой деятельности»¹⁹⁵. Вынесенное обвинение поражает своей абсурдностью:

«Революционный трибунал, не находя доказательств, что таковые попытки Кривош (получить должность при советском правительстве) производил с предумышленной целью дискредитировать Советскую власть, считает, однако, обвинение по существу доказанным. Находя, что всякое поползновение лиц, запятнавших себя службой при политической агентуре царизма, проникнуть на службу к новой Рабоче-Крестьянской власти, чем бы это поползновение ни объяснялось — отсутствием заработка, тяжелым семейным положением, даже голодом или другими какими-либо причинами, не может быть оправдано».

Кривош был приговорен к тюремному заключению на 1 год¹⁹⁶.

Традиционно высокий процент занятости на службе в советских учреждениях Москвы и Петрограда составляли **профессора, преподаватели вузов, научные и медицинские работники** (в 1919 г. — 100% занятости в Петрограде, 96% — в Москве)*. Поскольку в первое время после революции вузы еще не подвергались коренной реорганизации, почти все бывшие профессора высшей школы продолжали работать на прежних местах. То же можно сказать и о медицинских работниках, потребность в которых в послереволюционные годы была чрезвычайно высокой**

* Например, А.А. Достоевский, 56 лет, до революции в течение 4 лет занимал пост председателя Русского географического общества, был действительным статским советником; с 1919 г. занимал должность заведующего секцией народного образования в статистическом отделе Совкомхоза (по рекомендации профсоюза), имел поручительство о лояльности, данное профсоюзом муниципальных рабочих и служащих. Карпинский А.П., 72 лет, до революции был тайным советником Академии Наук; после революции стал президентом Российской Академии Наук, имел поручительство о лояльности ответственного партийного работника. (Подробнее см.: Смирнова Т.М. Социальный портрет «бывших»... С. 112—126.)

** В частности, материалы чисток Ленинского районного отдела здравоохранения Москвы 1931 г. свидетельствуют о том, что все 26 врачей-сотрудников отдела, начавшие свою профессиональную деятельность до Октябрьской революции, после 1917 г.

Среди научных работников наиболее благополучно сложилась судьба криминалистов. По утверждению Б.С. Утевского, все оставшиеся в России профессора и доценты-криминалисты, начавшие свою научную деятельность до Октябрьской революции, впоследствии стали советскими учеными. Исключение составил лишь бывший профессор Московского университета С.В. Познышев. Впрочем, и он, по словам Утевского, относился к Советской власти лояльно и «никогда не отказывался от выполнения отдельных поручений». В частности, он неоднократно консультировал работников НКЮ РСФСР по сложным правовым вопросам, принимал участие в работе над проектом УК РСФСР 1922 г.¹⁹⁷

Неожиданно востребованными оказались **военные специалисты** прежнего режима¹⁹⁸. Общая численность военных специалистов в Красной Армии в 1918—1920 гг. составляет, по оценкам разных историков, от 43 до 75 тысяч человек. По подсчетам А.И. Андогского, в годы Гражданской войны в Красной Армии служили около 35% офицеров русского генерального штаба¹⁹⁹. Эти данные в основном подтверждаются исследованиями А.Г. Кавтарадзе, считающего, что к концу Гражданской войны в Красной Армии служило около 75 тысяч военных специалистов, что составляет около 30% всего корпуса офицеров на октябрь 1917 г.²⁰⁰ Важную роль военспецов в Красной Армии не отрицали и лидеры большевиков. В частности, Г.К. Орджоникидзе, выступая в августе 1933 г. на собрании партийного и хозяйственного актива Сталинска, отметил, что в рядах Красной Армии было немало «хороших командиров из бывшей царской армии». В то же время он подчеркнул, что к каждому военспецу был приставлен комиссар, «основное назначение» которого было — «иметь наготове маузер, и если который из командиров посмеет предать, пустить ему пулю в висок»²⁰¹. По свидетельству Ю.И. Кораблева, военные комиссары, имея «маузер наготове», не только расстреливали неугодных командиров, но и способствовали привлечению в Красную Армию тысяч бывших офицеров. «В этой среде, — пишет Кораблев о красных комиссарах, — было немало революционеров-интеллигентов, которые помогли многим военным специалистам занять свое место в новом государстве»²⁰².

Не принятые в РККА (или счастливо избежавшие ее) офицеры находили себя в преподавательской, бухгалтерской и многих других областях. Представленные в августе 1918 г. в Моссовет списки бывших офицеров, состоящих на службе в районных Советах, свидетельствуют не только о высокой степени востребованности офицеров на советской службе, но и о доброжелательном отношении к ним исполкомов, рабо-

продолжали служить по специальности, в основном, на прежней должности. Никто из них за 14 лет Советской власти не имел перерыва в стаже. (ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. ЛЛ. 1—21.)

чих секций и даже местных партийных комитетов. Так, Правление Рабочей секции по благоустройству Москвы охарактеризовало 14 бывших офицеров, состоящих на службе отдела благоустройства, как «ответственных и незаменимых лиц»; 10 бывших офицеров-сотрудников отдела соцобеспечения Моссовета были охарактеризованы как «лояльные по отношению к Советской власти» и в большинстве своем «безусловно необходимые»; сотрудники подотдела дефективных несовершеннолетних Мосотсобеза решительно поручились за всех 13 бывших офицеров, работающих в подотделе в качестве воспитателей и обследователей-попечителей. Большинство из 19 бывших офицеров, работающих в строительном отделе, получили поручительство заводских комитетов или партийных организаций. Бывшими офицерами оказались также около 100 технических специалистов райсоветов (конторщики, чертежники, счетоводы и т. п.); 27 сотрудников финансово-податного отдела; 17 сотрудников административного отдела; 14 сотрудников МОНО; 13 сотрудников транспортного отдела; 16 милиционеров (среди них — старший помощник по уголовно-следственной части Бутырского комиссариата); 10 инспекторов уголовно-розыскного подотдела; 6 сотрудников пожарной службы; 5 сотрудников Управления делами; 39 сотрудников исполкома Замоскворецкого района и 37 служащих Московского почтамта. Все они получили положительные характеристики*

Уровень занятости в различных советских учреждениях, включая органы охраны порядка, бывших **служащих полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений**, традиционно входивших в число «классовых врагов» и в соответствии с Конституцией 1918 г. лишенных избирательных прав, по свидетельству самых разнообразных источников, также был достаточно высоким. В частности, старый большевик М.Ю. Козловский, вспоминал, что советская власть довольно либерально отнеслась к тюремной охране, и штат тюрем «остался тот же», назначили только новых комиссаров²⁰³. По словам И.С. Кондурушкина, бывшие приставы, жандармы и стражники не только с легкостью устраивались на работу в советские учреждения, но и нередко занимали ответственные государственные или партийные должности. Так, бывший стражник Косенко обосновался в Туркестане, где вошел в состав Турцика и военного трибунала²⁰⁴; бывший урядник Голубев был избран председателем Совета депутатов г. Себеж²⁰⁵ и т. д. О том, что бывшие полицейские «быстро освоились с требованиями нового времени и перекрасились в красный цвет», писали также В.Д. Набоков²⁰⁶ и М. Смилыг-Бенарио, хорошо знавший эту проблему по долгу службы²⁰⁷

* См.: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 89. Лл. 3—51. В данном случае речь идет об офицерах царской армии, не принимавших участия в Гражданской войне. Положение бывших «белых» офицеров было значительно сложнее.

Немало бывших полицейских поначалу были оставлены в органах милиции, правда, впоследствии все они были взяты на учет, а Главное управление рабоче-крестьянской милиции предложило 3 февраля 1919 г. на основании этого учета «немедленно уволить всех бывших чинов полиции, состоящих на службе в советской милиции». Впрочем, по особому разрешению Главного Управления допускались исключения²⁰⁸. Да и спектр занятости бывших «чинов полиции» был достаточно широк: дворники, сторожа, технические служащие различных учреждений, школьные учителя, воспитатели детских домов или исправительных учреждений и т. п. В 1919 г. прием бывших жандармов и полицейских на советскую службу был поставлен под контроль местных советских и партийных органов. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 11 февраля 1919 г. для принятия на службу в какое-либо советское учреждение или организацию лиц, ранее работавших в полиции, требовалось разрешение местных исполкомов и комитетов РКП, а в случае разногласия между ними вопрос передавался на решение соответствующих вышестоящих органов²⁰⁹. Тем не менее, уровень востребованности новой властью работников бывшей системы охраны порядка по-прежнему оставался достаточно высоким. В частности, по данным московского статотдела доля представителей этой группы среди московских безработных была сравнительно невелика и имела тенденцию к сокращению: с 2,5% в 1918 г. до 1,1% в 1920 г. (в то же время уровень безработицы среди московских рабочих в эти годы не опускался ниже 20,4%)²¹⁰.

Не сразу справились с возникшими на их пути трудностями **мелкие и средние предприниматели**. *«Буржуа — биржевой игрок, купец, спекулянт и прочее, — писал И.С. Кондурушкин, — имеет знания, в этот период неприложимые, и не знает, как взять топор и пилу. В 1918 г., утром, по улицам города можно было видеть толпы бывшей буржуазии под конвоем, которые с метлами и лопатами шли на уборку улиц от мусора и снега. Вот это было самое страшное для них, не знавших физического труда»*²¹¹. Как в столицах, так и на местах, буржуазию предпочитали использовать, выражаясь языком прессы того времени, «как рабочий скот для черных работ»²¹².

Несмотря на острый недостаток специалистов, бывших владельцев предприятий (а также их директоров и управляющих), прекрасно знавших производство, нередко увольняли с работы исключительно из-за их бывшего положения. Эта практика стала практически повсеместной после принятия ВСНХ в августе 1919 г. постановления, согласно которому бывшие владельцы национализированных предприятий лишались права занимать технические и административные должности на этих предприятиях. ЦК Всероссийского союза металлистов обратился в ВЦСПС с просьбой принять меры к отмене постановления, мотивируя

свою просьбу отсутствием специалистов-технических руководителей предприятий. Однако Президиум ВЦСПС постановил считать проект правильным²¹³. В марте-октябре аналогичное решение было принято и по отношению к текстильщикам²¹⁴.

Тем не менее, по свидетельству того же Кондурушкина, уже к концу 1918 г. подавляющая часть бывших предпринимателей прочно обосновались в советских учреждениях или в Красной Армии²¹⁵. Это утверждение полностью подтверждается материалами регистрации лиц «бывшего буржуазного и чиновного состояния», в соответствии с которыми осенью 1919 г. в различных советских учреждениях служили более 80% бывших предпринимателей Москвы и около 60% — Петрограда* По мнению Кондурушкина, столь успешная адаптация буржуазных слоев объясняется их «глубокой бытовой обывательской связью» со специалистами, которых большевистская власть была вынуждена с первых же дней привлекать и в армию, и в учреждения²¹⁶. Действительно, как уже указывалось выше, различные группы «бывших» были тесно переплетены между собой. Кроме того, их объединяли общие трудности социальной адаптации. Все эти факторы в значительной степени помогли им выжить в послереволюционные годы.

Сложнее всего устроиться на службу в советские учреждения, а, следовательно, и получить статус «совслужащего» со всеми вытекающими отсюда возможностями, оказалось бывшим **домовладельцам, помещикам, рантье**. Представители этих групп не всегда имели хорошее образование и редко обладали профессией. Привыкшие жить за счет доходов, приносимых их имуществом, а не какой-либо деятельностью, они были наиболее консервативны. В силу своих психологических особенностей они с трудом меняли привычный жизненный уклад и традиционные социальные связи. Не обладающие полезными для нового общества специальными навыками, эти люди считались «пригодными» только для черной работы. Так, в Московской губернии им поручали в основном заготовку и возку топлива, разгрузку угля, огородные работы, неквалифицированную физическую работу на железных дорогах и предприятиях²¹⁷. Следует также учитывать, что подавляющую часть так на-

* Например бывший лесопромышленник, член правления Тригорского лесопромышленного общества «Братья Цвылевы» *Н.С. Цвылев*, 62-х лет, владевший также акциями Азовско-Донского банка, домом в Петрограде и 1000 десятин леса в Тверской губернии, после революции поступил на службу в банк. Бывший председатель правления акционерного общества Московского народного банка *В.А. Перелешин*, 51-го года, имевший до революции 500 десятин леса в Нижегородской губернии и 299 десятин земли в Воронежской губернии, в 1919 г. возглавлял правление Всероссийской советской промысловой кооперации. (Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших»... С 112—126.)

зываемых «чистых» помещиков или домовладельцев составляли люди преклонного возраста, что также затрудняло их адаптацию к новым социально-экономическим условиям, новому режиму. Лишь незначительная их часть впоследствии влилась в ряды мелких служащих советских учреждений. В большинстве же случаев они после революции жили на иждивении родственников, продавали личное имущество, кто-то сдавал комнаты. Многие пытались работать на дому: давали частные уроки, шили, стирали, занимались переводами; известно также, что распространенным способом заработка для них было самогоноварение²¹⁸.

Представителей именно этой группы как лиц, не занятых «общественно-полезным трудом», в первую очередь привлекали к трудовой повинности, отправляли в лагеря принудительных работ. По положению Главкомтруда от февраля 1920 г., лицами, не занятыми общественно-полезным трудом, считались: а) живущие на «нетрудовые доходы» (при этом плата, полученная за частные уроки, стирку или шитье на дому для частных лиц, также относилась властями к «нетрудовым доходам»); б) не имеющие определенных занятий; в) безработные, незарегистрированные в подотделе учета и распределения рабочей силы; г) хозяева, ремесленники, кустари, не зарегистрированные соответствующими органами и зарегистрированные, но нарушающие кодекс о труде и правила, установленные для частных предприятий; д) торговцы, нарушающие правила частной торговли; е) советские служащие, занимающиеся посторонними делами в рабочее время или манкирующие службой; ж) фиктивно-учащиеся. Этот перечень не был окончательным, Центральной комиссии предоставлялось право дополнять его в рабочем порядке²¹⁹.

Особенности трудоустройства «бывших» в провинции

Крайне противоречивой была картина трудовой занятости «бывших» в провинции.

В 1918—1919 гг. В.И. Ленину из разных концов Советской республики регулярно приходили письма представителей чуждых слоев с жалобами на невозможность из-за своего прежнего социального положения найти хоть какую-то работу и с просьбами помочь²²⁰. На невыносимые условия работы медицинских специалистов на местах не раз указывал нарком здравоохранения Н. Семашко: *«Непростительным, просто преступным головоунытием являются все те мелкие придирки, которые чинятся на местах [...] Когда, наконец, наши органы на местах поймут, что к каждому работнику нужно подходить осторожно [...]; добросовестных работников нужно всячески оберегать, облегчать их положение в настоящих тяжелых условиях, устранять препятствия к работе и беспощадно*

преследовать всякого рода интриги, сплетни, доносы, памятуя, что доносчику «первый кнут»»²²¹.

С конца 1918 г. средства массовой информации все чаще стали публиковать статьи и письма читателей с требованиями немедленно уволить с государственной службы бывших фабрикантов, помещиков, домовладельцев, кулаков²²². Особое рвение, как обычно, проявили местные советские и партийные власти. Подольский уездный исполком в октябре 1919 г. постановил: «Всех появившихся вновь помещиков немедленно арестовать и заключить в лагерь для принудительных работ, не считаясь ни с какими охранными грамотами»²²³. Постановление получило горячую поддержку центральной прессы: «Правильно, товарищи! Пора этих господ, пролезающих всюду под знаком специалистов, поставить на место»²²⁴. Отчеты партийной организации Александровского уезда Владимирской губернии за 1919 г. регулярно сообщают об «очистке советских учреждений от несоответствующих элементов»²²⁵. Ковровский уездный комитет за период с 1 по 23 февраля 1919 г. провел 8 общегородских собраний, на которых среди прочих регулярно обсуждался вопрос «об удалении лиц буржуазного класса из отделов совдепа и замене таковых пролетарскими работниками»²²⁶. Местные власти Чернского уезда Тульской губернии в июле 1919 г. в целях обеспечения продовольствием города решили выслать всю местную буржуазию за пределы уезда, одновременно всем руководителям учреждений порекомендовали уволить их со службы²²⁷. Подобные случаи носили столь массовый характер, что НКВД был вынужден в феврале 1919 г. разослать губисполкомам циркуляр следующего содержания:

*«С мест поступают сведения об увольнении со службы без разбора всех чиновников старого правительства, не считаясь с той пользой, какую они могли бы принести делу. Народный Комиссариат Внутренних Дел предлагает огульно старых чиновников со службы не увольнять. Прежние слуги старого правительства Советской России не опасны. Не давая им ответственных постов, нужно учесть пользу, которую они могут принести делу, а потому желательно оставить их на службе»*²²⁸.

В то же время именно в провинции, где не хватало не только квалифицированных специалистов, но и просто грамотных людей, нередко складывались наиболее благоприятные возможности для интеграции «бывших» в новую жизнь. Отчеты уполномоченных ВЦИК о состоянии советской и партийной работы на местах свидетельствуют о том, что как Советы, так и партийные комитеты в провинции нередко возглавляли лица непролетарского происхождения. В частности, по сообщению уполномоченного ВЦИК Н. Овсянникова, летом 1919 г. в партийном комитете Рязанской губернии не было ни одного коммуниста с дооктябрьским стажем, в целом же комитет характеризовался «исключительно интеллигентским составом и малым партийным стажем».

Практически все уездные советы также находились в руках интеллигенции. Например, исполкомом Скопинского уездного совета руководил учитель гимназии, а партийный комитет того же уезда возглавлял бывший частный поверенный²²⁹.

По свидетельству Вятской губернской ЧК, в г. Советске в 1919 г. было «очень много на постах в советских учреждениях буржуазии»; это же подтвердил и председатель местного комитета РКП («во всех учреждениях сидит буржуазия»), объясняя ситуацию отсутствием грамотных людей²³⁰. Возможно, именно этим объясняются те чудесные перемены, которые периодически происходили в жизни буржуазии Советска. Так, отец и сын Стрельниковы в 1919 г. были обложены чрезвычайным революционным налогом, за неуплату которого вскоре были приговорены трибуналом к высшей мере наказания. Однако вместо расстрела трибунал принял обоих на работу: сына — секретарем, а отца — заведующим одного из отделов. Жителя того же города И.К. Жаровцева как «кулака» обложили чрезвычайным налогом на сумму 10 тысяч рублей. Поначалу Жаровцев скрылся, но затем вернулся домой и «тотчас же поступил на службу в отдел топлива». Примерно такая же история приключилась и с братьями Ольковыми²³¹.

Стремление многих «бывших» обосноваться в провинции объясняется также необходимостью создать себе новое прошлое, спрятавшись от тех, кто их знал до 1917 г. Так, офицер деникинской армии Н.В. Марченко, будущий известный писатель Н. Нароков, бежав из плена, благополучно укрылся в провинции, где устроился на работу учителем математики* Муж Инессы Арманд, бывший совладелец торгового дома «Евгений Арманд с сыновьями» и владелец многочисленной недвижимости А.Е. Арманд, в начале 1930-х гг. работал слесарем в колхозе. Немало людей с «неподходящим прошлым» оказалось и в советских учреждениях Урала²³².

Очевидно, что по формальному признаку занятости на советской службе нельзя оценивать степень интеграции той или иной группы «бывших» в послереволюционное российское общество. Служба не означала ни признания «служащим» новой власти, ни принятия его этой властью. С другой стороны, как ни парадоксально это звучит, нередко те, кто категорически не признавал большевистскую власть и ни одного

* Затем Марченко переехал в Киев, где также преподавал математику. В 1932 г. был арестован, но вскоре освобожден и благополучно прожил в Киеве вплоть до начала Великой Отечественной войны. В 1944 г. в числе перемещенных лиц вместе с семьей оказался в Западной Германии, откуда в 1950 г. переселился в Калифорнию. С 1951 г. начал печататься под псевдонимом Н. Нароков и уже через год получил широкую литературную известность. (Подробнее см.: Турбина В. Возвращение из небытия // Нароков Н. Могу. М., 1991. С. 3—4; Нароков Н. Мнимые величины. М., 1990.)

дня не работал при новом режиме, устраивали свою жизнь в СССР значительно лучше и основательнее, чем многие «незаменимые специалисты». Типичным примером успешной адаптации представителей чуждых слоев, категорически отрицающих все «большевистское», может служить образ бывшего «чиновника особых поручений» Г.М. Володеева из романа «Мнимые величины» Н.В. Марченко, бывшего офицера Добровольческой армии, оставшегося после Гражданской войны на Родине и не понаслышке знавшего о жизни в Советской России.

«Чиновник особых поручений при к-ском губернаторе Григорий Михайлович Володеев до революции был на очень хорошем счету. Кроме «хорошего счета», у него в Петербурге был дядя, директор одного из департаментов министерства внутренних дел, имевший в министерстве большой вес и не без оснований надеявшийся стать товарищем министра. Володеев готовился к очень хорошей карьере, но «революция все оборвала, все уничтожила, и Григорий Михайлович вознегодовал». «Он долго надеялся на то, что «большевики скоро провалятся» и из года в год назначал срок их провала, а сам только злопыхательствовал, проклинал, бессильно угрожал и мечтал о расправе. Сначала он мечтал о расправе только над коммунистами-партийцами, но потом и над «советскими хамами» и над теми, которые «пошли на службу к большевикам», и над теми, которые «до мозга костей просоветились» [...] Первое время он «принципиально» не хотел работать «на этих милостивых государей», а потом привык к безделью». Григорий Михайлович сначала «сидел на шее» жены, занимаясь только тем, что проклинал Советскую власть и всех своих «обольшевичившихся» и «осоветившихся» знакомых; затем жил на деньги зятя, которого он с презрением называл «типичнейшим большевиком», одновременно «подрабатывая» осведомителем ЧК/НКВД; а в конце концов оказался на полном обеспечении дочери, мужа которой он отправил в тюрьму»²³³.

Совсем иным человеком была жена Володеева, Мария Владимировна, неизменно находившая способы адаптироваться к изменившимся условиям, несмотря на свою принадлежность к той группе «бывших», которая была признана нами наиболее консервативной в социальном плане.

«В свое время она окончила только институт благородных девиц в губернском городе, а выйдя замуж, стала только тем, что называлось «барыней», то есть ничего не делала, а жила на средства мужа и на приличный доход с капитала, который был дан ей в приданое. Но после революции, когда служба мужа кончилась, а капитал был национализирован и когда настали трудные времена, она ничуть не растерялась, а сумела сразу приспособиться к новой, необычной жизни. В тяжелые годы военного коммунизма, когда в городе все голодали, она ездила в близлежащие села и так и там меняла сохранившиеся вещи на продукты. В этом деле она проявила и смекалку, и находчивость: умела обходить особо опасные места, где сви-

репствовали заградительные отряды, умела прятать под вагонами куски сала и масла и даже сумела войти в компанию с одним уездным чекистом, который, «за долю», снабжал ее охранными свидетельствами: продукты, мол, везутся для школы или для больницы. И таким образом муж и дочь [...] жили не только не голодая, но даже и безбедно. А во времена нэпа Марья Владимировна развернулась еще шире: она начала торговать мехами и драгоценными камнями. Стало совсем хорошо. Но с отменой нэпа и с первой пятилеткой все оборвалось: о торговле и о спекуляции нечего было и думать. Однако Марья Владимировна не растерялась и тут. Она очень быстро поняла, что наступили новые времена, что надо начать работать. Она ни одной минуты не поколебалась и сразу нашла область, где она могла пригодиться: выручило знание иностранных языков. Она поступила в местный областной отдел госиздательства и занялась переводами»²³⁴.

Так, или иначе, независимо от побудительных мотивов и применяемых методов, большинство представителей «старого, умирающего мира» уже в первые годы после революции попытались найти свою нишу, сферу приложения сил и умений, адаптироваться к новым условиям, влиться в формирующееся советское общество.

Примечания

¹ Ленин В.И. П.С.С. Т. 50. С. 16.

² Вечерне известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 22 авг. 1918.

³ СУ 1918. № 35. Ст. 467.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 341. Л. 70.

⁵ Цит. по: Лацис М.Я. Возникновение Народного Комиссариата Внутренних Дел и организация власти на местах // Пролетарская революция. 1925. № 3(38). С. 161—162.

⁶ Подробнее о категориях лиц, лишенных избирательных прав, см.: Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. М., 1998. С. 22—26.

⁷ Лацис М. Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 83—84.

⁸ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 28.

⁹ Голицын С.М. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 54. ЛЛ. 8—9.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

Кондурушкин И.С. Указ. соч. С. 204.

¹³ Смильг-Бенарио М. На советской службе // АРР Т. 3. М., 1991. С.150, 154.

¹⁴ Голицын С.М. Указ. соч. С. 25.

¹⁵ См., например: ГА РФ. Ф. Р-543, оп. 1. Д. 8; Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 14. Л. 9; Д. 72. Л. 47; Там же. Ф. Р-1074. Оп. 1. ДД. 52, 54, 59, 64, 65, 86, 123, 124.

¹⁶ Кондурушкин И.С. Указ. соч. С. 204—205.

¹⁷ Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 86.

- ¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. ДД. 66, 97
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. Л. 142.
- ²⁰ Там же. Л. 230.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. Л. 128.
- ²² Там же.
- ²³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. ЛЛ. 122, 191—192.
- ²⁴ Там же. Л. 109; Д. 97 Л. 2.
- ²⁵ См., например: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1956. ЛЛ. 89—105; Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. ЛЛ. 803—805; Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 125 и др. См. также: *Лацис М.Я.* Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 89.
- ²⁶ *Аронсон Г.* К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. Chalidze publications. 1990. С. 211.
- ²⁷ *Лацис М.Я.* Товарищ Дзержинский и ВЧК. С. 88.
- ²⁸ Сборник декретов и постановлений Союза коммун Северной области. Вып. I. Пг., 1919. С. 99—101.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. ДД. 35, 37, 38, 40, 41, 62, 64, 66, 73, 75, 83, 93, 94, 103, 121, 123, 130, 162, 176, 196, 197.
- ³⁰ Там же. Д. 75. ЛЛ. 9—10.
- ³¹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. ДД. 35, 69, 73.
- ³² См.: РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 42.
- ³³ *Владимирский М. Ф.* Организация Советской власти на местах. М. 1921. С. 105.
- ³⁴ *Изаксон А.* Муниципализация недвижимостей // Власть Советов. 1920. № 1. С. 4.
- ³⁵ Известия ВЦИК. 30 янв. 1918. С. 1.
- ³⁶ *Потехин М.Н.* Петроградская трудовая коммуна (1918—1919 гг.). Л., 1980. С. 85.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 69. ЛЛ. 88—89.
- ³⁸ Проект декрета был принят СНК в принципе 23 ноября (6 декабря) 1917 г. (Декреты Советской власти. Т. 1. 1957 С. 132—137).
- ³⁹ *Изаксон А.* Муниципализация недвижимостей // Власть Советов. 1920. № 1. С. 5.
- ⁴⁰ *Изаксон А.* Коммунальный съезд и текущая коммунальная политика // Власть Советов. 1920. № 5. С. 10; Он же. Коммунальный съезд. С. 10.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 9. Л. 28.
- ⁴² Там же. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 732. Л. 43.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 341. Л. 154.
- ⁴⁴ Там же. Д. 55. ЛЛ. 52—54.
- ⁴⁵ Новый луч. 21 янв. 1918. С. 3.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. Л. 219.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.
- ⁴⁸ Там же. Д. 72. ЛЛ. 4, 7.
- ⁴⁹ *Владимирский М. Ф.* Указ. соч. С. 106.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 825. Л. 15.
- ⁵¹ *Никольский С.* Революция и контрреволюция // Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 4.
- ⁵² Известия ВЦИК. 3 сент. 1918. № 1.
- ⁵³ См., например: Петроградская правда. 1 сент. 1918. С. 1; Красная газета. 1 сент. 1918. С. 1; Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 22 сент. 1918 С. 24—25.
- ⁵⁴ Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 1. С. 24—25, 31; Там же. № 3. С. 7—8.
- ⁵⁵ Известия ВЦИК. 1 сент. 1918. С. 1.
- ⁵⁶ Северная коммуна. 19 сент. 1918.
- ⁵⁷ Еженедельник чрезвычайных комиссий ... 1918. № 1. С. 1.

- ⁵⁸ Там же. С. 6.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1099. Л. 7
- ⁶⁰ Там же. Д. 98а. Л. 16.
- ⁶¹ Известия ВЦИК. 1919. 7 дек. С. 1.
- ⁶² Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 2. С. 11—12.
- ⁶³ *Смильг-Бенарио М.* Указ. соч. С. 182.
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. ДД. 233—245, 434—468.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 119. Л. 8об.
- ⁶⁶ Там же. Д. 125. Л. 3.
- ⁶⁷ См., например: ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. ДД. 7, 72.
- ⁶⁸ Власть Советов. 1919. № 1. С. 22.
- ⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 71. ЛЛ. 1—2; Там же. Д. 72. ЛЛ. 4—8.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 99. ЛЛ. 40—41.
- ⁷¹ Там же. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 574в. Л. 34.
- ⁷² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 9. ЛЛ. 44—45.
- ⁷³ Там же. Оп. 13. Д. 581. Л. 183об.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 11. Д. 9. Л. 35.
- ⁷⁵ Там же. Л. 38.
- ⁷⁶ Там же. Л. 38об.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 73. Л. 3.
- ⁷⁸ Известия ВЦИК. 29 ноября. 1918. С. 1; см. также: Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 200 С. 113—115.
- ⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 247. Л. 53.
- ⁸⁰ *Гельбрас Г.* Рабочие домовые коммуны в Москве. Итоги массового улучшения жилищного быта рабочих за время 1918—1919 гг. // Власть Советов. 1920. № 5. С. 13.
- ⁸¹ Вспомогательные. 1918. 30 ноября. № 8. С. 17.
- ⁸² Правда. 10 авг. 1919. С. 1.
- ⁸³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 247. Л. 51.
- ⁸⁴ Там же. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 72. Л. 36об.
- ⁸⁵ Экономическая политика СССР. Сб. док. Т. 1. Конец 1917 — февраль 1921 г. М., 1947.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 336. ЛЛ. 5, 34.
- ⁸⁷ Подробнее о трудовой повинности и других формах принудительного труда в Советской России см.: *Борисова Л.В.* Указ. соч.
- ⁸⁸ Вечерние известия Московского Совета... 1919. 2 июля. С. 1.
- ⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 58. Л. 19—19об.
- ⁹⁰ Там же. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.
- ⁹¹ Там же. ЛЛ. 173—175.
- ⁹² Там же. Л. 119.
- ⁹³ См., например: Красная Москва... Ст. 28.
- ⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 314. Л. 69.
- ⁹⁵ *Смильг-Бенарио М.* Указ. соч. С. 162; см. также: *Изгоев А.* Указ. соч. С. 34.
- ⁹⁶ *Смильг-Бенарио М.* Указ. соч. С. 162; см. также: Там же. С. 160—163.
- ⁹⁷ *Смильг-Бенарио М.* Указ. соч. С. 156. См. также: Там же. С. 155, 160.
- ⁹⁸ См. Известия ВЦИК. 1919. 18 сент. С. 1; Вечерние известия Московского **Совета** рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 22 сент. С. 3.
- ⁹⁹ Известия ВЦИК. 1919. 18 сент. С. 1.
- ¹⁰⁰ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 124—125.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 11. Д. 317 Л. 28—28об; Д. 318. Л. 21.
- ¹⁰² Петроградская правда. 1919. 27 сент. С. 1.

- Зорин С.С. Надо уничтожить буржуазию // Петроградская правда. 1919. 27 сент. С. 1.
- ¹⁰⁴ Шелавин К. Как бороться с бывшими барами // Беднота. 1919. 2 окт. С. 3.
- ¹⁰⁵ Правда. 1919. 16 ноября. С. 1.
- ¹⁰⁶ Власть Советов. 1919. № 10. С. 30.
- ¹⁰⁷ Петроградская правда. 1919. 2 ноября. С. 4.
- ¹⁰⁸ Подробнее о ходе регистрации см.: *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших»... С. 87—126.
- ¹⁰⁹ *Изаксон А.* Муниципализация недвижимостей... С. 5.
- ¹¹⁰ Вакханалия выселений // Известия ВЦИК. 29 ноября. 1918. С. 1; О том, как при выселении «враждебных классов» пострадали рабочие и низшие служащие Петрограда см.: Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 200 С.113—115.
- ¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 233. Л. 16.
- ¹¹² Там же. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 22. Л. 142.
- ¹¹³ См. например: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 247. Л. 67; Там же. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 143, 146, 150, 152, 162; Там же. Д. 27. ЛЛ. 4, 48—51; Там же. Д. 30. ЛЛ 19—21, 34об, 44; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 903. Л. 36—42 и др.
- ¹¹⁴ Подробнее об отрыве бюрократического аппарата от народных масс, о привилегиях «верхушки» аппарата и ненависти к ним рядовых рабочих и крестьян см.: Питерские рабочие и «Диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. СПб., 2000; *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001. С. 56—82; *Измолик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный контроль за населением Советской России в 1918—1928 гг. СПб., 1995. С. 20, 33—39, 68, 97, 130; *Чураков Д.О.* Социально-политический протест рабочих в 1918 г. // Отечественная история. 2001. № 4. С. 67—78; *Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб, 1999. С. 37, 48—50.
- ¹¹⁵ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 19.
- ¹¹⁶ *Мельгунов С.П.* Указ. соч.
- ¹¹⁷ *Сорокин П.* Жизнь среди смерти. 1919—1922 // Господин народ. 1991. № 7. С. 12—13.
- ¹¹⁸ Правда. 8 февраля. 1919. С. 1.
- ¹¹⁹ Цит. по: *Голинков Д.Л.* Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 166.
- ¹²⁰ СУ 1920. № 415. Ст. 22.
Ленин В.И. П.С.С. Т. 40 С. 100—101.
- ¹²² Исторический архив. 1957. № 5. С. 184.
- ¹²³ СУ 1920. № 22/23. Ст. 115.
- ¹²⁴ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. М., 1958. С. 386.
- ¹²⁵ Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 7—8.
- ¹²⁶ СУ 1921. № 74. Ст. 611. См. также: Там же. № 75. Ст. 614.
- ¹²⁷ Огонек. 1988. № 30. С. 30.
- ¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 47. Л. 2.
- ¹²⁹ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 640. Л. 17об, 28.
- ¹³⁰ *Невский В.И.* Как образовалась Советская власть и что ею сделано за три года. М., 1920. С. 26, 45.
- ¹³¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 13. Д. 82. Л. 1.
- ¹³² ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 454. Л. 71.
- ¹³³ См., например: Петроград на переломе эпох... С. 210.

- ¹³⁴ *Набоков В.Д.* Временное правительство // АРР Т. 1. М., 1991. С. 85.
- ¹³⁵ *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 169—171, Там же. № 9/10. С. 168—171.
- ¹³⁶ *Лопухин В.Б.* После 25 Октября // Минувшее. Вып. 1. М., 1990. С. 14—15.
Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 5. С. 191.
- ¹³⁸ *Готье Ю.В.* Указ. соч. № 6. С. 157
- ¹³⁹ Подробнее об этом см.: *Владимирова В.* Год службы социалистов капиталистов. М., 1927. С. 76.
- ¹⁴⁰ См.. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 12—19; 30.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 61.
- ¹⁴² Известия ВЦИК. 1917 26 ноября. С. 1.
- ¹⁴³ Известия ВЦИК. 1917. 6 дек. С. 1.
- ¹⁴⁴ *Серебрянский З.Л.* Саботаж и создание государственного аппарата // Пролетарская революция. 1926. № 10. С. 5.
- ¹⁴⁵ Начало. 1918. 4 февр. С. 1.
- ¹⁴⁶ *В-ш И.К.* О формах борьбы интеллигентного пролетариата // Общественный врач. 1918. № 2. С. 14—15.
- ¹⁴⁷ О борьбе Советского правительства с забастовками служащих см.: *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государств. 1917—1918. М., 1987. С. 89, 168—182.
- ¹⁴⁸ Общественный врач. 1918. № 2. С. 15—16.
- ¹⁴⁹ *Майер Н.* Указ. соч. С. 58.
- ¹⁵⁰ *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 211.
- ¹⁵¹ *Сорокин П.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 193—194.
- ¹⁵² *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М., 1927 С. 21.
- ¹⁵³ Там же. С. 15.
- ¹⁵⁴ Подробнее см.: *Думова Н.* Московские меценаты. М., 1992. С. 262—265.
- ¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1235. Л. 15.
- ¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1028. Л. 7
- ¹⁵⁷ Там же. ЛЛ. 4—6.
- ¹⁵⁸ *Булгаков М.А.* «Под пятой». Мой дневник. М., 1990. С. 34.
- ¹⁵⁹ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1990. С. 360.
- ¹⁶⁰ Вопросы истории. 1992. № 2. С. 148.
- ¹⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 69. Л. 9.
- ¹⁶² *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 61—62.
- ¹⁶³ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 17
- ¹⁶⁴ См. ГА РФ. Ф. Р-1250. Оп. 1. ДД. 80—88.
- ¹⁶⁵ См., например: ГА РФ. Р-1250. Оп.1. Д. 81. ЛЛ. 2об, 9, 54, 63, 69, 95, 100, **122**, **142**, **172**, **178** и т. д.
- ¹⁶⁶ *Черных А.И.* Становление России советской... С. 145.
- ¹⁶⁷ *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 21.
- ¹⁶⁸ О положении «бывших» на Урале см.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 445—468.
- ¹⁶⁹ Строительство советского государства. М., 1929. С. 47
- ¹⁷⁰ См.. ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 7. ДД. 191, 194, 195, 197, 198.
ГА РФ. Ф. Р.—130. Оп. 7 Д. 191. Л. 117
- ¹⁷² См: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1235. Л. 3; Там же. Д. 1501. ЛЛ. 9об, 47об; Там же. Ф. 17 Оп. 84. Д. 115. Л. 21; *Готье Ю.В.* Указ. соч. Вопросы истории. 1991. № 11. С. 166 и др.
- ¹⁷³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 300.
- ¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 115. Л. 21.

- ¹⁷⁵ *Смильг-Бенарио М.* Указ. соч. С. 147
- ¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1003. ЛЛ. 5—6; Д. 1126. ЛЛ. 40—48; Д. 1297. ЛЛ. 20—21; Д. 1419. ЛЛ. 7—8.
- ¹⁷⁷ Вопросы истории. 1991. № 9/10. С. 162—163.
- ¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 980. Л. 1 об.
- ¹⁷⁹ *Орджоникидзе Г.К.* О советском инженерере // Орджоникидзе Г.К. Избранные речи и статьи. М., 1939. С. 418.
- ¹⁸⁰ Подробнее см.. *Перельман И.Я.* Электрификация СССР М.-Л., 1934; *Жимерин Д.Г.* История электрификации СССР. М., 1962 и др.
- ¹⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 869. Л. 37 об.
- ¹⁸² *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. С. 16—17
- ¹⁸³ См, например: *Шинкарчук С.А.* Указ. соч. С. 36.
- ¹⁸⁴ *Р.В.* Врачи в стане большевиков // Общественный врач. 1918. № 1. С. 11. См. также: *Шен Н.* К переживаемому моменту // Там же. С. 4—5.
- ¹⁸⁵ *Бармин Н.* Беседа с Б.А. Бабиной // Минувшее. Вып. 2. М., 1990. С. 382, 378.
- ¹⁸⁶ *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.—Л., 1927. С. 203.
- ¹⁸⁷ *Ленин В.И.* П.С.С. Т. 38. С. 58.
- ¹⁸⁸ Петроград на переломе эпох... С. 43—44.
- ¹⁸⁹ Красная Москва, 1917—1920 гг. М., 1920. Диаграмма 3.
- ¹⁹⁰ *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших»... С 125—126.
- ¹⁹¹ Красная Москва... Диаграмма 3.
- ¹⁹² Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 43.
- ¹⁹³ *Алещенко Н. М.* Московский Совет в 1917—1941 гг. М., 1976. С. 144.
- ¹⁹⁴ *Ледер В.Л.* Специалисты и их роль на производстве. М., 1926. С. 14.
- ¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-1074. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 11.
- ¹⁹⁷ *Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 285—286.
- ¹⁹⁸ Подробнее о судьбах бывших военспецов см.. *Звягинцев В.Е.* Изъять до последнего // Военно-исторический журнал. 1994. № 6; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988; *Его же.* Военспец в революции. Какую роль сыграли в военном строительстве бывшие офицеры и генералы старой русской армии // Переписка на исторические темы. М., 1989. С. 179—214; *Кораблев Ю.И.* Защита Республики. Как создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия // Переписка на исторические темы. С. 129—178; *Его же.* Советская власть... С. 121—129; *Раппопорт В.Н., Геллер Ю.А.* Измена Родине. М., 1965.
- ¹⁹⁹ *Андогский А.И.* Как создавалась Красная Армия Советской России (уроки недавнего прошлого). Критически-исторический очерк. Владивосток, 1921. С. 29.
- ²⁰⁰ *Кавтарадзе А.Г.* Военспец в революции... С. 192—193.
- ²⁰¹ *Орджоникидзе Г.К.* Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 308—309.
- ²⁰² *Кораблев Ю.И.* Советская власть... С. 122.
- ²⁰³ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 67
- ²⁰⁴ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 17
- ²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
- ²⁰⁶ *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 39.
- ²⁰⁷ *Смильг-Бенарио М.* Указ. соч. С. 159.
- ²⁰⁸ Власть Советов. 1919. № 2. С. 31.
- ²⁰⁹ Декреты Советской власти. Т. IV М., 1968. С. 358.
- ²¹⁰ Красная Москва... Диаграмма 3.
- ²¹¹ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 16.

- ²¹² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1498. Л. 66.
- ²¹³ Известия ВЦИК. 1919. 18 сент. С. 4.
- ²¹⁴ Вечерние известия Московского совета... 1919. 14 окт. С. 3.
- ²¹⁵ Кондурушкин И.С. Указ. соч. С. 16.
- ²¹⁶ Там же.
- ²¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 400. Л. 1об.
- ²¹⁸ Куфаев В.И. Рецидивисты // Преступный мир Москвы. М., 1924. С. 128.
- ²¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.
- ²²⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1003. Л. 5—6; Там же. Д. 1126. Л. 40; Там же. Д. 1297. Л. 20—21; Там же. Д. 1419. Л. 7—8; Там же. Д. 1498. Л. 8.
- ²²¹ Семашко Н.А. О работе специалистов в Наркомздраве // Правда. 1919. 16 ноября. С. 1.
- ²²² См., например: Беднота. 1919. 6 мая. С. 2; Там же. 5 июня. С. 4; Там же. 21 окт. С. 2; Пролетарская диктатура. 1919. 7 окт. С. 4.
- ²²³ Пролетарская диктатура. 1919. 7 окт. С. 4.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 29. ЛЛ. 22, 24об.
- ²²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 34. Л. 65.
- ²²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2615. Л. 9об.
- ²²⁸ Власть Советов. 1919. № 2. С. 3.
- ²²⁹ ГА РФ. Р-1240. Оп. 1. Д. 72. ЛЛ. 4, 9.
- ²³⁰ Там же. Д. 126. Л. 16.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Нарский И.В. Указ. соч. С. 445; см. также: Там же. С. 446—468.
- ²³³ Нароков Н. Мнимые величины. М., 1990. С. 14—15, 17.
- ²³⁴ Там же. С. 15.

Часть III

НЭП

В СУДЬБАХ «БЫВШИХ»

Пусть те, кто на соблазны падки,

Все ж не выходят из границ...

Нэп — не реакции начатки:

Он лишь — ежовые перчатки

Взамен ежовых рукавиц.

И.Ф., 1922 г.

Период нэпа принято считать наиболее либеральным и наиболее «открытым» в Советской истории, отличающимся сравнительно «мягким» режимом¹. Компромисс в экономической сфере неизбежно сопровождался компромиссом в сфере социально-политических отношений. Что же принесла «бывшим» общая либерализация режима: возрождение старых возможностей и надежды на то, что наконец-то «все образуется», или новую «головную боль», необходимость бороться с новыми проблемами и опасностями?

ГЛАВА 1

«НОВЫЕ ШИРОКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ», или ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ «БЫВШИХ»

Господа концессионеры, всевозможные Гаммеры, Петерсоны и Ван-Берги, обосновывались в Москве и Ленинграде прочно, обзаводились молоденькими содержанками, тайно скупали меха и валюту, рублевские иконы и вологодские кружева, драгоценные картины и хрусталь, потихоньку сплавляли это за границу, а попутно увлекались балетом и балеринами и вздыхали «о бедном русском народе, захваченном врасплох коммунистами, отрицающими нормальный человеческий порядок, но теперь как будто взявшимися за ум...»

Шейнин Л. Р. Записки следователя

Если верить большевистским лидерам, то новая экономическая политика вызвала у «ухмыляющегося по случаю нэпа обывателя» этакое «задорное» настроение². Эту «задорность» обывателя они объясняли его предвкушением будущего обогащения. «Новая экономическая политика, — писал, в частности, известный партийный деятель, редактор «Известий ВЦИК» Ю.М. Стеклов, — открывает гораздо более широкие перспективы не только перед буржуазными элементами, и до того игравшими значительную роль в советских учреждениях, но и перед такими, которые раньше стояли в стороне от советского аппарата, и вообще от хозяйственной жизни страны»³. В чем конкретно выражались эти «широкие перспективы» и насколько они были реальны? Воспользовались ли этими перспективами представители бывших привилегированных слоёв, и если нет, то почему?

Демуниципализация и особенности жилищной политики

Одной из важнейших экономических уступок нэпа была демуниципализация мелких и средних домовладений. Возможность вернуть свой дом, свое «родовое гнездо», привычные условия повседневной жизни, все то, что на языке представителей новой власти называлось «романтикой мещанства» и «спертой атмосферой уюта личной жизни», имела для многих «бывших» не только экономическое, но и (возможно, даже в большей степени) моральное значение. Как справедливо отметила А. Черных, лишение своего дома являлось одной из важнейших составляющих утраты «бывшими» собственного места в мире⁴. Демуниципализация давала возможность представителям средних социальных слоев вернуть частицу этого «места». Тот факт, что в период нэпа большинство мелких домовладений (не превышающих пять квартир) было возвращено бывшим владельцам, нередко принимается за аксиому⁵. Однако о том, как реально происходило возвращение муниципализированных домовладений их бывшим собственникам и в какой степени эти владения действительно были возвращены, мы практически ничего не знаем.

Первая волна демуниципализации прошла уже в 1920 г. и затронула лишь незначительный процент домовладений, муниципализированных с явным нарушением закона, и в первую очередь тех, что были почти полностью разрушены. Компенсация ущерба не предусматривалась. *«Принимая во внимание, что здания и мебель частных лиц пострадали в период острой классовой борьбы и принадлежали действительно нашим классовым врагам, — говорилось в решении по этому вопросу исполкома Московского уездного Совета, — ни о какой компенсации не может быть и речи»*⁶. Фактически речь шла не о возвращении незаконно конфискованной собственности, а об освобождении коммунальных служб города от бесполезного балласта в виде строений, нуждающихся в срочном ремонте и непригодных для использования.

Частичная демуниципализация не могла решить всё более обостряющуюся жилищную проблему. Коммунальные власти не имели ни средств, ни опыта, для того чтобы содержать в порядке муниципализированную недвижимость. Состоявшийся в мае 1920 г. съезд заведующих уездными коммунальными отделами Московской губернии был вынужден констатировать, что коммунотделы «муниципализировали слишком большое количество домов, не справляясь ни с ремонтом, ни с очисткой»⁷. Так, в 1920 г. в Москве насчитывалось 15 598 пустующих квартир (в то время как в 1917 г. — лишь 3585), что составляло более 8% общего жилого фонда, причём, исходя из санитарно-гигиенических норм «действительно жилыми» были признаны лишь около поло-

вины занятых квартир. По утверждению Н. Семашко, 2000 московских рабочих «гнили» в подвалах⁸. Не лучше обстояло дело и в других регионах.

С началом новой экономической политики власть попыталась восстановить полуразрушенный жилищный фонд за счет частного капитала — путем демунICIPализации, а также сдачи в аренду муниципализированных строений. При этом коммунальные службы и органы управления недвижимым имуществом полностью освобождались от расходов по содержанию демунICIPализированной недвижимости, а вернувшие свои владения домовладельцы и арендаторы обязывались в годичный срок осуществить капитальный ремонт всех строений и впоследствии содержать их в полном порядке. *«Для борьбы с жилищной разрухой в целом, — подчеркивалось в докладе НКВД на заседании СНК 30 июля 1921 г., — должно вызвать самодеятельное попечение населения о сохранности, ремонте и восстановлении жилищ, для чего необходимо: а) Создать в населении уверенность в беспрепятственном пользовании своим жилищем, отказавшись от системы выселений и переселений [...] в) Пересмотреть на местах проведенную муниципализацию [...]»⁹.*

Началом второй волны демунICIPализации стало постановление СНК от 8 августа 1921 г. «О пересмотре списков муниципализированных домов». В соответствии с постановлением коммунальные отделы обязывались в течение 2-х месяцев составить списки домов, которые **ввиду незначительных размеров и непригодности для коммунальных и общегосударственных нужд** могут быть «в интересах их сохранности и благоустройства» переданы частным лицам или коллективам¹⁰. Специальная Инструкция НКВД позже еще раз подтвердила, что главная суть данного постановления в том, чтобы предоставить коммунальным отделам «возможность разгрузить себя от попечения о домах, не пригодных для коммунальных и государственных нужд»¹¹.

«Изменение жилищной политики, означает ли изменение основного, руководящего принципа ее: удовлетворение нужд рабочих, интересов трудящихся, — спрашивал Н. Семашко и пояснял. — Ничуть нет. Даже совсем наоборот: старая жилищная политика именно тем и была плоха, что она неправильно проводила этот принцип, дискредитировала его. Ибо, как правильно писал мне один рабочий-коммунист, “разве в интересах рабочих разрушать жилища в своей столице?”»¹².

В соответствии с постановлениями СНК от 8.8.1921, 28.12.1921, а также многочисленными инструкциями и циркулярами НКВД и разъяснениями Главного Управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД, демунICIPализации подлежали домовладения, число квартир в которых не превышало 5, а жилая площадь была не более 50 кв. саженей (около 106,7 кв. м) в Москве и Ленинграде и не более 25 кв. саженей (около 53,3 кв. м) в прочих городах РСФСР (в 1924 г. специальным

постановлением СНК Моссовету Ленинградскому губернскому исполнительному комитету было предоставлено право в уездных городах и городских поселках демунципализировать дома площадью до 50 кв. саженей¹³). Исключения составляли строения, находящиеся в аренде жилищно-арендных кооперативных товариществ, занятые государственными и коммунальными учреждениями или общежитиями рабочих, а также дома, построенные по типу «особняк» (или «барская усадьба»)¹⁴. В соответствии с материалами Совещания при ГУКХ от 10.10.1923 г., «барской усадьбой» считались владения, которые до октября 1917 г. обладали одним из следующих признаков: 1) индивидуальное электрическое освещение; 2) гараж или конюшня для выездных лошадей; 3) оранжерея и теплицы; либо совокупностью следующих признаков: 1) наличие земельного участка площадью не менее 1200 кв. саженей (около 256 кв. м); 2) не менее 45 кв. саженей (около 96 кв. м) жилой площади; 3) водопровод и уборная; 4) закрытая терраса; 5) комнатное отопление. В случае если перечисленные признаки появились после революции — владение не могло быть отнесено к типу «барской усадьбы» и подлежало демунципализации на общих основаниях¹⁵. К категории жилых домов, подлежащих исключению из муниципализированного дачного фонда, относились также дачевладения, в которых жильцы проживали круглый год. Право на демунципализацию ограничивалось условием, чтобы «в руках одного лица не сосредотачивалось более одного владения, понимая под владением дом и примыкающие к нему жилые и служебные дворовые постройки»¹⁶. Кроме того, демунципализация не распространялась на входящие в состав владения пристройки торгового и промышленного назначения¹⁷. Если в демунципализированном строении насчитывалось 8 и более комнат, то 10% полезной площади поступала в распоряжение местных жилищных органов¹⁸.

Таким образом, юридически демунципализации подлежали практически все мелкие и средние владения, не занятые советскими учреждениями и не имеющие художественно-исторической ценности. Однако сама процедура демунципализации была организована таким образом, что исход дела зависел не столько от юридических норм, сколько от воли местных властей. Возвращение муниципализированных ранее строений бывшим собственникам проходило следующим образом. Коммунальные отделы составляли списки домов, подлежащих демунципализации в соответствии с постановлениями СНК, и передавали эти списки на рассмотрение губернской комиссии по демунципализации, в состав которой помимо представителя коммунотделов, исполняющего роль председателя, входили также представители РКИ и профсоюзных органов. Первое время решение комиссии передавалось на утверждение в ГУКХ НКВД, однако затем СНК решил упростить процедуру, и с

26 апреля 1923 г. решение Комиссии считалось окончательным, за ГУКХ НКВД сохранялось лишь общее руководство¹⁹

И без того широкие полномочия местных властей еще более расширялись благодаря полному отсутствию какого-либо порядка в их деятельности и слабому контролю со стороны Центра. Так, проведенное в июле—августе 1922 г. ревизионное обследование работы коммунального отдела Московского уездного Совета показало, что отдел не проводил практически никакой учетной работы: не было сведений ни о количестве муниципализированных строений, ни о количестве пустующих помещений, ни об общей площади жилых помещений в уезде. Проверочная комиссия пришла к выводу, что в области жилищной политики отдел работает «в слепую», не имея ни плана, ни какого-либо учета²⁰. Последующие проверки показали, что ситуация практически не изменилась. В частности, в ходе проведенного комиссией РКИ в декабре 1923 г. обследования низового аппарата Московской губернии выяснилось, что демуниципализация, как и ранее муниципализация, производилась «вне какого-либо плана, бессистемно»; в большинстве уездов по-прежнему отсутствовал учет как муниципализированных, так и не муниципализированных строений; практически не учитывались вопросы выгоды муниципализации данного конкретного строения, социальное положение его владельцев также не всегда принималось во внимание. То есть, **демуниципализация осуществлялась как очередная кампания**. Отсутствие учета открывало простор для злоупотреблений и вольной трактовки закона и инструкций. Так, в Дмитровском уезде, по свидетельству проверяющих, некоторые владения муниципализировались и демуниципализировались по несколько раз, причем основанием для муниципализации нередко служило лишь превышение жилой площади, определяемой на глаз без соответствующих измерений²¹.

В результате лишь часть недвижимости, соответствующей указанным требованиям, была действительно возвращена бывшим владельцам²². С другой стороны, некоторые прежние собственники, наряду с городской квартирой или домом, сумели благодаря демуниципализации восстановить свои права также и на бывшую дачу, а некоторые — и на две дачи. Известны даже случаи, когда местные власти вопреки всем постановлениям и инструкциям передавали в аренду или возвращали бывшим владельцам дома, занятые детскими или лечебными учреждениями с выселением последних. В отдельных губерниях этот процесс принял столь массовый характер, что понадобилось вмешательство центральной власти для ее ограничения. Так, например, уполномоченный Деткомиссии ВЦИК по Костромской губернии в декабре 1921 г. обратился в Москву с просьбой издать специальное распоряжение о «категорическом запрещении возвращения бывшим владельцам домов, занятых детскими учреждениями»²³.

Для того чтобы понять, во что на практике вылилась политика демуниципализации и какую роль играло (если играло) социальное происхождение прежних владельцев, рассмотрим несколько наиболее типичных случаев возникших в ходе неё конфликтов местных властей Москвы и Московской губернии с бывшими домовладельцами.

«Что же вы не берете свои дачи?..»

«Запрягая частный интерес в боевую колесницу социализма, — писал много лет спустя по поводу демуниципализации 20-х годов Ю.М. Лужков, — Моссовет исходил из трезвой оценки реальности. Он стремился повесить заботы о жилфонде на шею новых арендаторов. Однако столкнулся с неожиданным явлением: нежеланием многих бывших владельцев получить обратно свою собственность. К концу двадцатых годов в Москве насчитывалось примерно 2000 бесхозных домов»²⁴. В Петрограде на 1 августа 1922 г., т. е. через год после начала демуниципализации, было зарегистрировано 742 пустующих и 1888 разрушенных дома²⁵. Отчего же их не заняли бывшие владельцы?

«Что же вы не берёте свои дачи», — недоумевала «сторожиха» бывшей дачи А.В. Серова в Останкино А.Н. Павлова, упрекая бывшего владельца в бесхозяйственности. Павлова также сообщала Серову, что с тех пор, как закрылась располагавшаяся в его и соседней дачах детская колония № 24, дача Серова всю зиму простояла пустая. Затем на 1-м этаже начали держать скотину — козлят, телят и т. д.; кухню превратили в сарай, в то же время «прекрасные сараи» стояли пустыми. На лето один флигель взял в аренду некий Рыбаконь, а во второй флигель изредка приезжала учительница с сыном. Постепенно строения стали приходить в негодность, имущество разворовывалось, доски растаскивали на топку и на «закутки» для скотины; в саду спилили 5 плодовых деревьев и разобрали деревянные подмости. «Как видно СОНО наши дачи не нужны, а за зиму, наверное, от дач ничего не останется, пожгут на дрова»²⁶, — завершает свое письмо Павлова. Однако ее упреки, как оказалось, были совершенно несправедливы. К моменту написания письма Серов уже в течение полугода пытался демуниципализировать своё прежнее владение (кстати, соседняя дача в то время уже была возвращена бывшему владельцу), однако получил отказ Московского управления недвижимого имущества (МУНИ). Жалоба Серова в Президиум Моссовета была отклонена без объяснения причин²⁷

Случай с дачей Серова не единичен. Напротив, как свидетельствуют документы, большинство бывших владельцев, желающих вернуть свою собственность, так или иначе сталкивались с противодействием местных властей, не торопившихся расставаться с муниципализированной недвижимостью. Стремясь извлечь из демуниципализации наибольшую

выгоду, местные исполкомы и отделы управления недвижимым имуществом под любыми, порой совершенно нелепыми, предложениями откладывали возвращение бывшим владельцам подлежащих демунципализации владений. Нередко местные власти пользовались тем, что за годы первой мировой и Гражданской войн многие документы оказались утеряны, и отказывали демунципализировать владение под предлогом «недостаточности доказательств» того, что дом ранее принадлежал заявителю*. Рассмотрение дела часто растягивалось на несколько лет, и каждый раз окончательное решение вопроса откладывалось по новой причине: сначала требовали собрать какие-либо дополнительные документы; затем вдруг обнаруживалось, что строение по своему типу «напоминает» особняк; потом исполком вспоминал, что дом вполне может быть использован под государственное учреждение; то вдруг пропадал какой-нибудь из собранных ранее документов; и, наконец, замученному волокитой просителю сообщали, что, мол, с демунципализацией вы опоздали, но зато можете взять свой дом в аренду (арендная плата поступала в местный бюджет, расходы которого контролировались слабо)²⁸. Примерно такая история приключилась с Г.В. Андрич, которой по неясным причинам было отказано в демунципализации строения, состоящего из 3 квартир и сторожки. Андрич пыталась обжаловать это решение, но каждый раз под разными предложениями получала отказ. Более того, в процессе рассмотрения дела МУНИ неоднократно пыталось выставить строение на торги²⁹

В отличие от тех исполкомов, что придумывали причины для «затягивания» дела, Президиум Московского уездного Совета (МУС), рассматривая дело о демунципализации дачи М.И. Колондадзе, был предельно откровенен: вопреки указаниям Президиума ВЦИК и ГУКХ НКВД об отмене муниципализации дачи Колондадзе, дачу было решено не возвращать на том основании, что она «является одной из лучших дач Перовского района»³⁰. М.И. Колондадзе, вдова с тремя детьми (младшему не было и года) проживала на даче круглый год, другого жилья не имела. В соответствии с указаниями ГУКХ НКВД, подобные дачи входили в категорию жилых домов и включению в муниципализированный дачный фонд не подлежали. Признаками «барской усадьбы»

* Достаточно широкое распространение подобной практики вынудило ГУКХ НКВД в 1926 г. направить на места циркуляр НКВД и НКЮ в котором, в частности, подчеркивалось, что «неясность или неполнота документальных данных, свидетельствующих о владении строением», не могут служить основание для отказа в признании собственности. «В этих случаях, — указывалось в циркуляре. — документальные данные дополняются опросом непосредственных соседей заявителя и обследованиями на месте, производимыми представителями органов коммунального хозяйства». (Жилищное законодательство. Систематизированный сборник... С. 44.)

дача не обладала: жилая площадь до 33 кв. саженей, без водопровода, канализации и прочих установленных ГУКХ признаков. После того, как Президиум ВЦИК указал на незаконность муниципализации дачи, МУС выдвинул ряд причин, будто бы обуславливающих острую потребность района именно в этой даче. В частности, указывалось, что в ней проживают рабочие, но при проверке выяснилось, что все жильцы — «лица свободных профессий». После того, как ВЦИК неоднократно (11 октября 1923, 13 января 1924, 9 и 29 февраля 1924, 5 июля 1926, 31 декабря 1926 гг.) подтвердил свое решение о необходимости немедленной демуниципализации дачи Колондадзе, в редакцию «Рабочей Москвы» пришло анонимное письмо «Как акула эксплуататорского преступного мира поглотила барскую дачу и как советские чиновники помогли этому», протестующее против возвращения Колондадзе ее бывшего владения. *«Дачи для них служат не как помещения для жилья, — говорилось в письме, — а как убежище и более уютное для праздного проведения времени [...] Несмотря на бесхозяйственное содержание помещения раньше, бесхозяйственное содержание сейчас, крыша вся течет, ступеньки у крылец сгнили, стены облупились, обои оторваны и т. д. Налоги не платила и не платит. Не страховано строение и не страхуется [...] Лестниц и коридоров не освещает, ведёт себя как старый николаевский офицер и т. д. Спрашивается, за что подарена барская дача?»* Проведенное Перовским горсоветом расследование полученную информацию не подтвердило, тщательное обследование дома не выявило никаких следов бесхозяйственности. Все налоги оказались уплачены в срок, строения — застрахованы. Тем не менее, решение об отказе в демуниципализации осталось неизменным.

Шесть лет (с 1923 по 1928 гг.) длилась переписка по делу Колондадзе. Несмотря на неоднократные напоминания центра о «недопустимости невыполнения решений ВЦИК», Московский уездный совет остался при своём мнении, однако никаких санкций относительно руководства Совета так и не последовало³¹.

*Двойная сделка,
или «Деньги решают всё!»*

Как уже говорилось выше, обязательным условием демуниципализации было осуществление капитального ремонта строений. Это условие сыграло печальную роль в судьбах многих бывших домовладельцев. В соответствии с постановлением СНК, в ответ на заявление бывшего домовладельца о демуниципализации районные отделы управления недвижимым имуществом (РОУНИ) или коммунальные отделы в случае своего согласия передавали заявителям их бывшую недвижимость по акту с обязательством в течение года провести капитальный ремонт

строения³². По истечении указанного срока в случае действительного осуществления ремонта бывший собственник должен был немедленно получить свидетельство о демунципализации владения. Если ремонт по каким-либо причинам затягивался, то срок демунципализации отодвигался до его завершения; и лишь в случае «непроизводства ремонта и ухудшения состояния дома» коммунальные отделы получали право передать строение другому лицу³³. На практике же нередко происходило иначе. Завершив капитальный ремонт в положенный срок, заявитель вновь писал заявление о демунципализации с приложением акта о приемке здания и полной сметы на проведенные работы, однако, вопреки своим ожиданиям, получал категорический отказ³⁴. Причем зачастую этот отказ был заранее «спланирован». Так, например, при составлении акта о передаче прежнему владельцу 5-квартирного дома, РОУНИ среди прочих условий демунципализации обычно требовали отремонтировать и привести в состояние жилого помещения подвал или чердак (сарай, чулан и т. п.). При этом сотрудники РОУНИ прекрасно понимали, что в случае добросовестного выполнения бывшим владельцем вышеуказанных требований демунципализация данного строения станет невозможной, так как количество его квартир превысит установленное соответствующей инструкцией. Впрочем, повод для отказа в демунципализации всегда можно было найти, да и в большинстве случаев местные власти не считали себя обязанными объяснять бывшим владельцам причины отказа.

Так, например, артист МХАТа В.В. Лужский весной 1922 г. принял по акту от Хамовнического РУНИ принадлежавший ему ранее 2-квартирный флигель. В это время во флигеле проживали 3 семьи: Лужский с женой и двумя сыновьями (артист МХАТа и врач 41-го стрелкового полка), семья его старшего сына и семья его друга, также артиста МХАТа, оказавшегося без собственного жилья. Выполняя условия договора с Хамовническим РУНИ, Лужский при помощи других жильцов отремонтировал флигель, после чего вместо подтверждения демунципализации получил отказ в ней**

* В дальнейшем условия проведения ремонта были изменены. В соответствии с постановлением СНК от 4 июля 1924 г. срок окончания ремонта дома должен был устанавливаться отдельно в каждом конкретном случае исходя из «общего состояния и степени доходности дома, а также от имущественного положения владельца». (Жилищное законодательство. Вып. V... С. 6—7.)

** ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. Л. 172. Интересно, что в это же время заслуженная артистка Государственного академического малого театра Гликерия Федотова по личному распоряжению Л.Б. Каменева не только благополучно проживала в собственном доме, но и ежемесячно получала от Моссовета дрова. (См. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 2, 52.)

В аналогичной ситуации обманутого оказался и известный ученый, юрист и филолог В.Ю. Мусин-Пушкин, имевший длинный перечень заслуг перед новой властью: с августа 1918 г. по мая 1922 г. — зав. библиотечно-издательской частью театральной секции Моссовета; одновременно управляющий делами театрального отдела Наркомпроса (с 1920 г.) и зав. материальной частью Наркоминдела (в 1921 г.); в мае 1922 г. после расформирования библиотечно-издательской части Моссовета был зачислен следователем в Московский Революционный трибунал; в декабре того же года оставил эту должность по собственному желанию и возглавил Институт слова³⁵.

Любопытно, что столь непорядочно местные власти поступали не только с представителями «старого», «враждебного мира», но и с рабочими, от имени которых они руководили и чьи интересы, в том числе и жилищные, должны были защищать. Так, например, 200 рабочих, проживающих в доме № 21 по Печатникову пер., в 1923 г. объединились в жилтоварищество и заключили договор с МУНИ об аренде дома при условии его капитального ремонта. Летом того же года рабочие собственными силами осуществили ремонт, а в ноябре неожиданно узнали, что в то время, как они занимались ремонтом, дом был сдан в аренду Ассоциации изобретателей. Причем как новый арендатор, так и МУНИ не спешили сообщить об этом жилтовариществу вплоть до окончания ремонта³⁶. Сделать ремонт дома за чужой счет, а затем передать его «нужному» арендатору, не забыв при этом и свои интересы — это ли не высший пилотаж нарождающейся советской бюрократии!

Данная практика нашла откровенную поддержку центральной власти. В частности, в феврале 1925 г. на места было разослано разъяснение Наркомюста, в котором подчеркивалось, что акт о демунICIPализации является «документом внутреннего делопроизводства исполкома, который может быть изменен и отменен исполкомом» по собственному усмотрению. Правда, Наркомюст в то же время напоминал исполкомам о том, что отмена уже состоявшейся демунICIPализации недопустима, даже в случае внезапно обнаружившейся для них выгоды сдачи дома в аренду³⁷. Впрочем, данное напоминание привело к результатам, обратным желаемым: исполкомы стали еще более затягивать дела, под разными причинами отказываясь принимать окончательное решение о демунICIPализации.

*Принцип «классовой справедливости»
в жилищной политике местных властей*

Уверенность некоторых исследователей в том, что и в годы нэпа «рядовые коммунисты всегда предпочитали проводить политику резкой дискриминации «бывших» — представителей прежних привилегирован-

ных классов и наибольшего благоприятствования рабочим — новому «классу-диктатору»³⁸, представляется не совсем обоснованной. Получив возможность «делать деньги» на муниципализированной ранее недвижимости, местные власти не слишком придерживались принципов «классовой справедливости» и стремились «драть три шкуры» с каждого арендатора и квартиросъемщика, будь то преуспевающий нэпман или больной туберкулезом рабочий. Так, например, Московское уездное управление коммунальным хозяйством в 1924 г. в нарушение арендного договора потребовало дополнительных выплат с рабочих Московского газового завода. За несколько месяцев до этого заводоуправление газового завода по рекомендации врачей арендовало в Московском уезде дачи для своих рабочих и их детей, большинство из которых были больны туберкулезом. По условиям договора, заключенного сроком на 5 лет, рабочие обязывались произвести капитальный ремонт дач, оплатить аренду и налоги, однако не прошло и года, как власти Московского уезда потребовали с рабочих также и квартплату. Похожая ситуация произошла и с рабочими-железнодорожниками, арендующими для постоянного проживания дачи в поселковых дачных управлениях Московского уезда³⁹. Не больше пиетета проявляли столичные власти и по отношению к государственным учреждениям. Так, например, в начале 1920-х гг. ВЦИК взял у МУНИ в аренду помещение в Столешниковом переулке для организации фотоателье с целью создания фотоархива революции и послереволюционных лет. В 1924 г. после того, как ВЦИК на свои средства отремонтировал строение, приспособив его под фотоателье, Московское управление недвижимым имуществом неожиданно сократило обговоренные ранее льготы арендной платы⁴⁰. Аналогичная история приключилась и с Военно-кооперативным управлением Московского Военного округа, арендовавшего помещение у МУНИ⁴¹. Удивительно, но ни ВЦИК, ни руководство Московского Военного округа не смогли найти управу на МУНИ.

По утверждению Ю. Ларина, в суде жилищные дела в эти годы также нередко решались в пользу «бывших» и нэпманов, а отнюдь не рабочих. Так, например, он с возмущением рассказал, как московский районный народный суд вынес решение в пользу «буржуазных руководителей жилтоварищества, которые 20 рабочих и мелких служащих держат в такой самой комнате, какую рядом предоставляют 7 человекам из «хорошего» общества (как бывший фабрикант, как скрывшийся затем и разыскиваемый ГПУ белогвардеец и т. п.)»⁴².

В числе «злостных эксплуататоров», которым властями было категорически отказано в демуниципализации, зачастую оказывались представители среднего сословия, владевшие одним небольшим строением, купленным на скопленные многолетним трудом деньги или даже выстроенным собственными руками.

«Знаю, что некоторым гражданам вернули дома по размеру больше, а некоторым даже по два дома. У меня встаёт вопрос: почему же отказали мне», — недоумевают жительница г. Воскресенска Московской губернии О.И. Акелькина, которой Воскресенский УИК отказал в демунципализации единственного дома, по всем параметрам подходящего под действие постановлений о демунципализации. Муж Акелькиной родом из крестьян Рязанской губернии, «откуда выехал за недостаточностью земельного надела», с 1887 г. и до описываемого момента служил в почтово-телеграфном ведомстве; один из ее сыновей в 1919 г. добровольцем вступил в Красную Армию; остальные служили в различных советских учреждениях. «Наше материальное положение таково, — поясняет Акелькина, — получаемое жалование — единственное средство к существованию. Никакого движимого имущества мы не имели и не имеем. Дом этот был построен с большим трудом и с массой лишений; до 1922 г. мы клали на него последние гроши, уплачивая страховку от огня. Как-то не верится, что власть народа отбирает последний угол у рабочих»⁴³.

По неясным причинам МУНИ отказался демунципализировать и единственное жильё слесаря с 20-летним стажем, выходца из крестьян С.И. Шаврина (3-квартирный дом). Все годы после революции Шаврин прожил в этом доме с матерью, женой и двумя детьми; ремонтировал его; исправно платил налоги. Тем не менее, МУНИ отказалось возвращать Шавриным их дом, предложив им взять его в аренду⁴⁴.

Несмотря на заявление столяра Н.А. Кудряшова о демунципализации собственноручно выстроенного одноквартирного дома с плотнично-столярной мастерской и сараем в деревне Бармины Егорьевского уезда Московской губернии, по решению МУНИ дом был выставлен на продажу. В результате Кудряшов, его жена и 4 детей (причем старший сын — красноармеец) остались без жилья⁴⁵.

Управление коммунального хозяйства Ухтомского района Московской губернии муниципализировало в качестве дачевладения построенный крестьянином С.И. Никитиным и принадлежавший ему деревянный дом в селе Вешняки, в котором он с семьей (жена, 3 детей, невестка, 3 внука и находящаяся на иждивении нетрудоспособная родственница) жил с 1912 г. *«УКХ представляет мою дачу как барскую, — возмущается Никитин, — но я считаю, что в этом предположении громадное заблуждение. С точки зрения УКХ всякая дача, которую живущие в ней сумели за всё трудное время сохранить в чистом и исправном виде — барская. Законодатель многими своими постановлениями и декретами призывал граждан к заботе о строениях и усовершенствовании их, и гарантировал им за соблюдение строений в исправности невыселением, а с точки зрения УКХ, лица [последовавшие] приказу своей Верховной власти ни более, ни менее как баре, подлежащие выселению из сохраненных*

ими строений и лишены права собственности на имеющееся у них одно строение»⁴⁶

О полном забвении Моссоветом «классового принципа» в угоду своим интересам свидетельствует и дело И.Ф. Круглова, 40 лет проработавшего рабочим-железнодорожником⁴⁷ 25 сентября 1917 г. Круглов на многолетние трудовые сбережения купил у А.М. Соколова 2 полуразрушенных строения, о чём имеется расписка бывшего владельца с подписями 2 свидетелей. Вскоре обе постройки были заняты красноармейцами (до 1919 г.), в результате чего один дом был полностью разрушен. Во втором доме после произведенного собственными силами капитального ремонта поселилась семья Круглова, где и жила с 1919 г., регулярно уплачивая все налоги (все налоговые квитанции вместе с договором на землю приложены к делу), пока в октябре 1926 г. им не сообщили, что дом является собственностью треста «Дачное хозяйство». Как выяснилось, дом был муниципализирован в июне 1923 г. в качестве владения А.М. Соколова, якобы «бесхозного», причем проживающим в доме Кругловым об этом даже не сообщили. Несмотря на заключения Московской губернской прокуратуры и Главного управления коммунальным хозяйством НКВД о незаконности муниципализации и неоднократные требования ГУКХ НКВД исключить дом из муниципального фонда, Ухтомский волисполком и Президиум Моссовета настаивали на своем, невозмутимо заявив, что «ходатайство гр. Круглова слишком запоздало». *«Необходимо прежде всего иметь в виду, — писал в Президиум ВЦИК поверенный Круглова, — что в данном случае заинтересованным лицом является рабочий, не понимающий всех тонкостей юриспруденции. Для него просто является непонятным тот факт, что выстроенный им для личного пользования небольшой домик, которым он владел бесспорно 9 лет, вдруг ныне не его домик, что его от него отняли и что ему ныне приходится много и долго хлопотать для возвращения его к нему»*. 3-х летняя переписка различных государственных инстанций, насчитывающая 102 листа, так ни к чему и не привела.

В аналогичной ситуации оказалась некая Алексеева, купившая в октябре 1917 г. строение у Масалова, но не закрепившая покупку нотариально. Несмотря на то, что в 1922 г. акт купли-продажи был подтвержден судом, дом, в котором проживала Алексеева, был муниципализирован как дача Масалова — владельца 3 дач, одна из которых уже была ему возвращена⁴⁸.

Дело токаря Московско-Нижегородской железной дороги А.П. Смирнова, также купившего перед революцией летнее строение близ станции Салтыковка Московско-Нижегородской железной дороги, очень похоже на дела Алексеевой и Круглова, но, в отличие от них, имело счастливое завершение. 63-летний А.П. Смирнов начал работать с 12 лет, благодаря упорному труду приобрел квалификацию механичес-

кого токаря. Оба его сына также работали, по его словам, с малых лет: один — «по механическому делу», другой — «на телеграфе». Зброшенная «летняя стройка», около 13 лет простоявшая бесхозной, была куплена сообща «всем семейством на последние трудовые гроши» (за 600 руб.) и сообща же приведена в пригодное для жилья состояние. *«Меня страшно поражает, — жаловался Смирнов в Воскресенский уисполком, — такое отношение местного Совета, когда у человека, всю свою жизнь трудившегося и у моего такого же трудящегося семейства, нецелесообразно отбирать его последнее достояние, нажитое таким тяжелым и упорным трудом, не озабочась даже хотя бы тем, чтобы хорошенько осмотреть его технической комиссией на предмет пригодности или непригодности для чего-либо (кроме, конечно, как на дрова) [...]»* Благодаря ходатайству в Президиум Моссовета Разинского волисполкома, поддержавшего жалобу Смирнова, дом был возвращен. Однако решение Президиума Моссовета удовлетворить ходатайство о демунципализации было обосновано отнюдь не соображениями соблюдения закона и элементарной человеческой справедливости, а лишь «незначительным размером дома и его большой изношенностью» (в решении подчеркивалось, что «дача требует ремонта на 50%»)⁴⁹

В то время как у одних семей в качестве «дачевладений» отбирали единственное более чем скромное жилье, многие владельцы городских квартир возвращали себе свои дачи без особых проблем. *«Так как все граждане для отдыха обычно выезжают на дачу летом при наличии квартиры в Москве»⁵⁰*, — столь наивное обоснование одного из старых московских профессоров своих прав на демунципализацию второй дачи, на первый взгляд, выглядит по меньшей мере странным. Однако случаи демунципализации бывшим владельцем двух и даже трех владений не так уж и редки. Обычно в таких случаях бывшие владельцы с целью внешнего соблюдения законности использовали подставных лиц (чаще близких родственников) или оформляли фиктивный развод. Так, например, профессор А.И. Гуляев (зарегистрирован в ЦЕКУБУ), постоянно проживавший в собственной квартире в Москве, в 1922 г. демунципализировал одну из своих бывших дач в Пушкинской волости Московского уезда и одновременно арендовал вторую дачу в той же волости, фактически заняв таким образом сразу 2 дачи и 1 квартиру, что значительно превысило допустимые жилищные нормы тех лет. В 1925 г. Гуляев подал заявление о демунципализации еще одной, второй дачи на том основании, что первая дача построена якобы на деньги жены и принадлежит ей. Изложенные профессором основания для демунципализации второй дачи столь противоречивы, что наводят на мысль о фиктивном разводе. То он утверждает, что после развода его жена проживает на первой даче с новой семьей, а сам Гуляев теснится с 4 детьми в московской квартире. В других же документах указано, что дети по-

Жилищные нормы в эти годы сплошь и рядом продолжали существовать лишь на бумаге, на практике же, как это ни парадоксально звучит в эпоху диктатуры пролетариата, их применяли в основном по отношению к неимущим слоям населения. Те, у кого были деньги, устанавливали для себя собственные «нормы». В январе 1924 г. Президиум Моссовета, проанализировав жилищную практику, установившуюся в столице с началом нэпа, пришел к выводу, что *«домоуправления стали считать себя вправе не соблюдать жилищных норм и сдавать и распределять площадь, а кто и прямо продавать ее за громадные суммы, не сообразясь с этими нормами»*⁶¹. Фактически домоуправления вели себя как полноправные собственники подконтрольной им жилой площади, по своему усмотрению перераспределяя ее между жильцами, отбирая у одних и одаривая (вероятно, не бескорыстно) других. Так, рабочий Ф.К. Орлов, больной туберкулезом легких, проживавший с семьей из 9 человек (жена и семеро детей от 2 до 16 лет) в 4-комнатной квартире на 3-м этаже московского дома, вернувшись из деревни, куда он ездил для ухода за больной тифом женой, обнаружил, что его семья переселена в подвал. Квартира же Орлова решением председателя домоуправления была со всей обстановкой передана его соседке — П.М. Силаевой, которой Орлов перед отъездом оставил ключи, попросив присмотреть за детьми⁶².

Размер арендной платы также устанавливался произвольно и зависел лишь от «аппетита» того, кто распоряжался строением, будь то частный домовладелец, домоуправление или заводоуправление. Например, с рабочих Государственного пивоваренного завода № 1 за аренду 2 этажей пустующего здания бывшего общежития Московского сахарного завода заводоуправление потребовало совершенно фантастическую по тем временам плату: 1 рубль золотом за кв. сажень в месяц плюс оплата коммунальных услуг⁶³.

Открытая торговля коммунальными отделами недвижимостью, подлежащей демунципализации, получила настолько широкое распрост-

кровке, 38 многочисленные портреты предков и царей, в течение 5 лет пролежавшие в чулане у бывшего управляющего Голицыных Корнеева. В дальнейшем эти портреты благополучно пережили несколько переселений и 6 обысков. (См.: Там же. *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 154—156.)

* Интересно, что средства на покупку квартиры были получены от продажи жемчуга и диадемы Бухарского эмира. Но этим имуществом Голицыных в те годы не ограничивалось. Купив новую квартиру они забрали из «родового голицынского дома» на Покровке, 38 многочисленные портреты предков и царей, в течение 5 лет пролежавшие в чулане у бывшего управляющего Голицыных Корнеева. В дальнейшем эти портреты благополучно пережили несколько переселений и 6 обысков. (См.: Там же. *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 154—156).

ранение, что ГУКХ НКВД было вынуждено неоднократно принимать специальные циркуляры, запрещающие подобные акции. В частности, в циркуляре НКВД от 14 августа 1922 г. говорилось: *«То обстоятельство, что коммунальный отдел нуждается в средствах, не дает ему права и основания распродавать муниципализированные дома»*⁶⁴ Однако вскоре политика центра изменилась и местным властям было предоставлено право практически бесконтрольно распоряжаться подлежащими демунципализации строениями. *«В случае нецелесообразности непосредственной эксплуатации тех или иных муниципализированных домов отделами местных исполнительных комитетов, — говорилось в циркуляре ВЦИК от 12 апреля 1926 г., — последние не обязаны демунципализировать эти дома в пользу бывших владельцев или наследников бывших домовладений, если означенные лица фактически не имеют хозяйственной связи с домом»*. Циркуляр предоставлял местным исполкомам право **по своему усмотрению продавать или сдавать в аренду подлежащее демунципализации владение, а также демунципализировать его в пользу не бывших собственников, а прочих лиц**, которые, с точки зрения исполкома, имеют больше возможностей обеспечить нормальное содержание недвижимости⁶⁵. Таким образом, с санкции государства, образовался своеобразный конкурс на звание наиболее «подходящего» домовладельца. Очевидно, что для победы в этом конкурсе нужны были либо связи, либо деньги, а лучше и то и другое.

Проследив за тем, как на практике (а не на законодательно-распорядительном уровне) проходила демунципализация недвижимости и что вообще представляла собой жилищная политика этого периода, нетрудно объяснить нежелание бывших владельцев получить обратно свою собственность. Во-первых, далеко не у всех бывших собственников были средства на восстановление своей изрядно пострадавшей за годы муниципализации недвижимости. Во-вторых, некоторые «бывшие» не доверяли Советской власти и боялись (причем, как видно из выше изложенного, вполне справедливо) зря потратить деньги на ремонт. Кто-то по вполне понятным причинам скрывал своё прежнее имущественное положение и не хотел легализовать оставшиеся средства. Но самая главная причина заключается в том, что желания бывших владельцев было отнюдь не достаточно. Кроме закона и инструкций, необходимо было также желание местных властей, а его-то как раз зачастую и не было. Используя любые, порой совершенно абсурдные предлоги, облеченные властью лица вынуждали бывших собственников (будь то профессор, артист, рабочий или крестьянин) брать в аренду (вместо демунципализации) законно принадлежащую им недвижимость, в противном случае строение передавалось тому, кто со связями или при деньгах. Те, у кого не было ни первого, ни второго, были вынуждены апеллировать к закону, писать бесконечные, но чаще всего бесполезные

стоянно живут вместе с женой на даче, там же якобы проживают ее многочисленные родственники, о новой же семье жены нет ни слова. Да и сам факт развода документально нигде не подтвержден, более того, в различных документах Гуляев указывает разные даты развода (от 1919 г. до 1924 г.), а по свидетельству соседей, Гуляевы все это время продолжали жить совместно. Интересно также, что все переговоры о демунICIPализации второй дачи вела жена Гуляева, «действуя в качестве доверенного от своего мужа». (К сожалению, окончательного решения в деле нет, известно лишь, что до мая 1927 г. Гуляевы продолжали занимать 2 дачи.)⁵¹

Семья сотрудника Ленинского райздравотдела врача В.П. Смирнова, владевшего до революции собственной санаторией, несколькими дачами в Уфимской губернии и двумя домами в Москве, также сохранила за собой 2 столичных дома благодаря тому, что один из них был зарегистрирован на жену В.П. Смирнова (11 комнат свободного дома Смирновы сдавали жильцам, извлекая из этого неплохие деньги)⁵².

Нет смысла продолжать перечень примеров того, как местные власти, включая Моссовет, понимали «классовую справедливость» в жилищной политике. Прикрываясь революционной риторикой и классовой борьбой, они преследовали свои собственные корыстные интересы, произвольно трактуя (а порой и просто игнорируя) законодательство и распоряжения центра по вопросам жилищной политики вообще, и демунICIPализации в частности. В то время как СНК и НКВД принимали постановления и циркуляры о демунICIPализации, на местах продолжались массовые выселения людей на улицу без предоставления жилья⁵³. *«Срочно телеграфируйте мотивы выселения семьи Лапиных из 3 человек и Лапина второго [его брат — Т.С.] с двумя маленькими детьми и беременной женой. На основании Постановления СНК от 8 августа 1921 г., опубликованного ВЦИК 12 августа, пункт № 12, категорически воспрещается выселение домовладельцев из собственных домов»*⁵⁴, — подобные телеграммы в середине 1920-х гг. регулярно отправлялись из ГУКХ НКВД в разные концы страны. Мотивы действия местных властей почти всегда просты, в частности, квартира Лапиных была так поспешно освобождена для передачи ее заведующему отделом управления исполкома города Красный Холм Румянцеву⁵⁵. Ради таких Румянцевых порой выселяли даже детские учреждения, что уж говорить о Лапиных и им подобных. При этом на запросы и даже прямые распоряжения Центра местные власти, как правило, находили формальные отговорки. Например, отвечали, что ввиду остроты жилищного вопроса и крайне тяжелых условий рабочих-членов профсоюзов «имеют место единичные случаи переселения лиц нэпмановского происхождения из муниципализированных домов», а также «единичные случаи выселения частновладельческих домов по постановлению губисполкома в случае не-

достижения соглашения и крайней необходимости разместить госучреждения, детские дома, школы»⁵⁶. На практике же за так называемыми «единичными случаями» просматривается вполне определенная тенденция.

Несмотря на острейший квартирный кризис, всяческие «уплотнения» и «подселения», случаи проживания кого-либо на огромной площади были не такими уж редкими. Так, например, некоей гражданке Найдёновой в 1923 г. «по очень энергичному настоянию» (как говорится в документе) представителя Винторгправления Юмашева была предоставлена 7-комнатная квартира (!), в которой она проживала вдвоем с «компаньонкой»⁵⁷. Среди тех, кто уютно располагался в больших многокомнатных квартирах с удобствами, были не только крупные партийные и хозяйственные руководители или их протеже, как принято считать ныне. По знакомству или за некоторое денежное вознаграждение представители местной власти могли и «не заметить» излишки жилплощади, чем активно пользовались нэпманы и те «бывшие», кому каким-то образом удалось сохранить какие-то сбережения (чаще в драгоценностях, произведениях искусства и антиквариате*). Вот, например, как описывают современники квартиру типичного нэпмана: *«В квартире роскошь для наших дней необычная. Атласные обои, художественные лепные украшения и роспись; в каждой комнате особый стиль. Редкие произведения искусства»*⁵⁸. Примерно в такой четырехкомнатной ленинградской квартире проживала в 1920-е годы семья Уша (трое братьев Уша занимались торговлей и не раз были уличены в спекуляции и взяточничестве)⁵⁹. Не хуже выглядит и «убежище» графини Е.Б. Шереметевой, по словам С.М. Голицына, жившей в эти годы в принадлежавшем ей ранее особняке на Воздвиженке со своими золовками, А.С. Сабуровой и графиней М.С. Гудович, и их семьями. *«На Воздвиженке, — вспоминает Голицын, — кроме жилых комнат, был просторный зал с фортепьяно, со стульями, креслами и диванами по стенам [...] отдельные предметы являлись шедеврами мирового искусства [...] Были ковры, гобелены, мебель красного дерева, бронза, фарфор. А одна комната всегда стояла запертой. Ходили легенды, что она битком набита несметными сокровищами»*⁶⁰. Сами князья Голицыны также жили не в тесноте. В конце 1922 г. они купили у В.Е. Гиацинтова, который получил казенную жилплощадь при Музее изящных искусств, квартиру из 5 комнат, не считая прихожей и проходной**

* Судя по воспоминаниям современников, в годы нэпа многие «бывшие» жили распродажей своего имущества, в том числе и драгоценностей.

** Интересно, что средства на покупку квартиры были получены от продажи жемчуга и диадемы Бухарского эмира. Но этим имуществом Голицыных в те годы не ограничивалось. Купив новую квартиру они забрали из «родового голицынского дома» на По-

жалобы и прошения. Иногда кому-то везло, и благодаря вмешательству ВЦИК или РКИ справедливость восстанавливалась. Так, например, для демунципализации дома В. Г. Шухова, известного инженера, автора более 25 изобретений, в том числе крекинг-процесса, впоследствии почетного члена АН СССР (1929) и Героя Труда (1932), понадобилось специальное ходатайство в Моссовет от Президиума ВСНХ⁶⁶. Для возвращения в Екатеринбург дома сестры академика А.П. Карпинского М. П. Редикорцевой, понадобилось вмешательство НК РКИ, Наркомюста и лично заместителя управляющего делами СНК В.А. Смольянинова⁶⁷. Но далеко не у всех находились заступники такого ранга.

Нельзя сказать, что жалобы на незаконные действия местных властей оставались без внимания. Но представители центральной власти и работники Московской губернской РКИ—РКК были физически не в состоянии проверить каждое дело. Да и в контрольно-ревизионных органах работали обыкновенные люди, которым ничто человеческое не было чуждо. К сожалению, приходится в значительной степени признать справедливость слов начальника следственной части Революционного Военного трибунала Крымобласти, в июне 1921 г. писавшего о представителях местной власти в России: *«Кругом одни только корысть, бесчестность, продажность. С болью, но без преувеличения можно сказать, что честный представитель власти — исключительное явление»*⁶⁸. Символично, что тема продажности властей разных уровней нашла широкое отражение и в фольклоре тех лет. В частности, именно в начале 1920-х годов появился следующий анекдот (впрочем, не утративший своей актуальности и в дальнейшем):

*«— Папа! Какая разница между народным судом и ревтрибуналом?
— Ого!.. Очень большая разница: ревтрибунал в три раза дороже!»*⁶⁹

Таким образом, для кого-то демунципализация действительно стала реальной возможностью улучшить свои жилищные условия и материальное положение, для других — вернуть хотя бы видимость прошлой красивой жизни. Третьи же, напротив, потеряли на ней остатки своих сбережений, не получив взамен ничего. Жилищные условия как «бывших», так и «истинных пролетариев» определялись не только и не столько постановлениями СНК и инструкциями ГУКХ НКВД и не прежними заслугами того или иного лица перед революцией и новой властью, его научными достижениями и т. п. **Деньги, личные связи и важные государственные и партийные должности в период нэпа, как и в последующие времена, оказались более важным фактором, чем социальное происхождение и юридические права.** Известная поговорка о том, что «закон, что дышло...», оказалась справедливой и для государства диктатуры пролетариата.

Денационализация и аренда промышленных предприятий

Наряду с возвращением собственного жилья, бывшим владельцам небольших промышленных предприятий с началом нэпа предоставили также возможность вернуть частичку своего бывшего материального благополучия путем денационализации принадлежавших им ранее предприятий. 17 мая 1921 г. СНК принял постановление о развитии кустарной и мелкой промышленности как в кооперативной форме, так и в форме частных предприятий⁷⁰. Одновременно было отменено действие постановления ВСНХ от 29 ноября 1920 г. «О национализации предприятий» (с сохранением действительности национализации, уже осуществленной к этому времени)⁷¹. В соответствии с Декретом СНК от 10 декабря 1921 г., мелкие промышленные предприятия (с числом рабочих до 5 чел. при наличии двигателя и до 10 чел. при его отсутствии), не эксплуатируемые государством, в случае, если на них не было произведено технических улучшений и дооборудования, подлежали возвращению бывшим владельцам. При наличии ходатайства бывших владельцев и специального постановления ВСНХ предприятия, насчитывавшие до 20 рабочих, также могли быть денационализированы⁷².

Таким образом денационализации подлежали более половины национализированных ранее предприятий* Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что возвращение зачастую осуществлялось лишь на бумаге, так как денационализация происходила примерно по той же схеме, что и демунICIPализация. На практике всей недвижимостью обычно распоряжались местные власти, и именно им (а не законам и инструкциям) принадлежало решающее слово. В результате подлежащее денационализации предприятие нередко под видом бывшего владельца получали родственники или друзья ответственных лиц, занимающихся этими вопросами, либо третье лицо (за соответствующее вознаграждение). Так, например, после вступления в силу декрета СНК от 10 декабря 1921 г. некий Левин, исполнявший обязанности заведующего одной из национализированных мельниц, используя свое служебное положение, оформил договор о передаче ему мельницы в пользование на правах владельца. Действительному же владельцу, Л.М. Болдыреву,

* По данным переписи 1920 г., 13,9% национализированных промышленных предприятий составляли предприятия с 1 рабочим и 53,7% — мелкие предприятия с числом рабочих от 2 до 15 (Народное хозяйство России за 1921/1922 г. С. 325). Отсутствие опыта, квалифицированных кадров и средств, необходимых для управления ими, привели к тому, что к 1921 г. значительная часть национализированных мелких предприятий либо были убыточными, либо бездействовали, многие были практически разрушены.

на его заявление о денационализации был дан отказ на том основании, что арендатор мельниц, т. е. Левин «аккуратно выполняет договор». При этом местные власти отнюдь не смущало, что Левин на самом деле вообще не уплачивал арендную плату, так как по документам числился собственником, а не арендатором⁷³.

В декабре 1922 г. секретарь управления делами СТО Алейников сообщил в СНК о нарастающем потоке жалоб бывших владельцев мелких предприятий, которым под различными предлогами (или вовсе без объяснения причин) было отказано в денационализации⁷⁴. Так, из 532 заявлений бывших хозяев о денационализации, поступивших в комиссию по денационализации при МСНХ с 1 марта 1922 г. по 15 июня 1923 г., на 1 июля 1923 г. было удовлетворено только 136, а 296 — отклонено, остальные же еще не были рассмотрены⁷⁵.

Большинство исследователей придерживаются мнения что, более широкое распространение получила арендная практика, позволявшая местным властям существенно пополнить свой бюджет⁷⁶. В качестве арендаторов могли выступать как старые хозяева (многие из которых имели права на денационализацию, но были вынуждены соглашаться на аренду), так и любое другое лицо. По данным статистики, 31,6% арендуемых предприятий были сданы бывшим владельцам, 21% — прочим частным лицам, остальные кооперации (23%), трудовым артелям (14%) и государственным учреждениям (11%)⁷⁷. По подсчетам И.Я. Трифонова, к 1923 г. бывшие владельцы составили более половины арендаторов⁷⁸.

Помимо бюрократической волокиты и сознательного препятствия местных властей, осуществлению денационализации в полном объеме и развитию аренды препятствовали также вполне понятные сомнения бывших владельцев. Как уже указывалось выше, многие из них не доверяли Советской власти и потому предпочитали вкладывать деньги в торговлю, избегая мелкой и средней промышленности. Именно такой вывод был сделан в 1922 г. ЭКОСО РСФСР на основе присылаемых с мест сводок материалов о развитии частной и кооперативной торговли и промышленности⁷⁹. Однако и развитие частной торговли местные власти также попытались использовать в своих интересах. Даже в Москве многие районные Советы, вопреки категорическому запрещению ЭКОСО, облагали торговцев различными «натуральными налогами» (а по сути занимались банальным рэкетом)⁸⁰, что уж говорить о провинции, где власть Центра все еще была слабой.

Курс на «сжатие хозяйственной роли буржуазии» ясно обозначился, по утверждению Ю. Ларина, уже к началу 1924 г. Этот процесс он назвал «вытеснением нэпманов из нэпа»⁸¹, а уже в 1926 г. был взят курс на ликвидацию арендной промышленности⁸². Так, если в 1925/26 гг. в руках частных находилось 73,3% всех торговых точек Москвы (что со-

ставляло 36% торгового оборота города), то в 1927/28 гг. соответственно 54,7% и 22,2%; если в 1926/27 гг. в Москве значилось 340 арендных предприятий, то в 1927/28 — 260, из них лишь 54 были частными⁸³.

Фактически в области промышленности, по словам Д.И. Курского, с первых же дней нэпа неуклонно проводился принцип: «*Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое*»⁸⁴. Иначе говоря, для подавляющей массы средних слоев «бывших» обещанные с началом нэпа «широкие перспективы» на деле оказались весьма ограниченными. Как метко подметил некий «И.Ф.» в написанном им в 1922 г. стихотворении, власть лишь сменила «ежовые рукавицы» на «ежовые перчатки»⁸⁵.

ГЛАВА 2

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: КЛАССОВАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ?

*Ленин ведет, конечно, чисто зубатовскую политику:
экономические уступки при сохранении политической диктатуры.*

Л. Мартов, 1921 г.

«Время обещанной свободы» в условиях политической диктатуры

**«Фронту возрождающейся буржуазной идеологии
противопоставить могучий натиск
революционной идеологии коммунизма»**

Несмотря на некоторую либерализацию режима и все явственнее ощущавшиеся в отдельных областях тенденции классового сотрудничества, в действительности о переходе к политике примирения большевистской власти со своими бывшими врагами не было и речи. Собственно, большевики это и не скрывали. Напротив, лидеры РКП(б) неоднократно подчеркивали, что нэп таит в себе опасность возрождения буржуазной идеологии и усиления частного капитала, а потому экономические уступки возможны лишь при сохранении политического господства пролетариата и, более того, непременно должны сопровождаться усилением классовой бдительности и идеологического контроля. «*Мы должны сказать, — подчеркивал В.И. Ленин, выступая в октябре*

Буржуй о новом мыле: «Оказывается, оно великолепно намыливает шею!»

Пролетарий: «Еще бы! Шея-то у тебя буржуазная, а мыло — пролетарское»⁹⁸.

«Веселились искренно, безмятежно и легкомысленно...»

Тем не менее, для многих «бывших» этот период стал «временем обещанной свободы». «Благотворное влияние приспущенных вожжей новой экономической политики — нэпа — сказывалось всюду, — вспоминал С.М. Голицын. — [...] На первых порах гнет власти ослаб, арестовывали реже, и то больше уголовников»⁹⁹ Существенным подспорьем для «бывших», имевших родственников или друзей за границей, в условиях голода стали продуктовые посылки, присылаемые в Советскую Республику через АРА. Вот как Голицын описал первую американскую посылку, полученную его семьей:

«Ящик, весивший пуда полтора, был из чисто оструганных досок, с крупными буквами на английском языке по бокам, с большим ярким американским флагом, наклеенным на крышке. Ящик привезли. Няшенька клещами и топором торжественно его вскрыла. Все захали от восторга. На банках со сгущенным молоком были изображены пасущиеся коровы, на разных мешочках и коробках тоже красовались цветные картинки. Вытащили свиное сало, носившее звонкое название бекон, муку крупчатку, метровой длины макароны, сахар длинными кусочками, рис»¹⁰⁰.

Свою жизнь в эти годы в «спиридоновской коммуне» (старинном особняке на Спиридоновке, 18, «битком набитом враждовавшими или дружившими между собой жильцами») Голицын вспоминал как веселую и вполне благополучную:

«Спиридоновская коммуна славилась весельем и гостеприимством. Лина и обе сестры Бобринские служили в АРА, которая помещалась тут же, на Спиридоновке; Юша¹⁰¹ и Миша¹⁰² учились на историко-филологическом факультете университета; сестра Соня только что провалилась на экзаменах по политграмоте на естественном факультете. За нее усиленно хлопотал отец, чтобы устроить ее учиться куда-либо еще. Питались все вместе. Девушки приносили американские пайки [...] Юша, считавшийся домовладельцем, время от времени вытаскивал из пыльных куч какую-нибудь статуэтку и нес ее продавать антикварам, а деньги вносил в общую кассу [...] Миша разыгрывал из себя барина, а впрочем, изредка привозил продукты из Сергиева посада, где жили его родители».

Обитатели спиридоновского особняка «веселились искренно, безмятежно и легкомысленно»: устраивали вечеринки и «кутежи» в ресторане

«Прага», катались на лихачах, ходили к Шереметевым на «настоящие балы» с фраками, смокингами и крахмальными рубашками¹⁰³.

Было ли это веселье «пиром во время чумы», как назвал его сам Голицын, или политическая диктатура была не такой уж и жесткой, как казалось Мартову?

Границы терпимости к «выползанию буржуазии на свет»

Утверждение о сохранении в период нэпа политической диктатуры, будучи безусловно справедливым, тем не менее, не отражает всей сложности и многогранности социально-политической жизни середины 1920-х гг. Ю. Ларин метко охарактеризовал первые 2 года нэпа периодом **«сравнительной и довольно относительной терпимости ко все большему выползанию буржуазии на свет»**¹⁰⁴.

Эта двойственность социальной политики ощущалась практически во всех сферах жизни: нехотя, «сквозь зубы», но буржуазию терпели, а в чем-то и поощряли. Публиковавшиеся в газетах объявления о поиске работы нередко начинались словами «бывший», «интеллигентный», «опытный» (имея в виду наличие дореволюционного стажа) и др.: *«бывший нотариус...»*, *«бывшая классная дама...»*, *«опытный инженер с большим административным стажем...»*, *«интеллигентная немка...»* и т. д. Наличие на рынке труда столь большого предложения услуг разнообразных «бывших» и «интеллигентных» подпитывалось соответствующим спросом.

Пресса тех лет превратилась в пестрый калейдоскоп, в котором перемешались различные (порой взаимоисключающие) политические и экономические идеи. Требования «четко проводить классовую линию» соседствовали с резкой критикой все возрастающей роли партии и преувеличения значимости партийности и происхождения в оценке человека. Рядом с рубриками «Партийная жизнь», «Советское строительство», «Оздоровление труда и революционизация быта» и т. п. размещалась реклама дорогих ресторанов и кабаре (*«Веселье день и ночь в ресторане Мартьяныч»*, *«Парижская новинка» — ночной кабаре-концерт «В гостях у Белки»* и т. п.), западных кинофильмов, наполненных духом авантюризма (*«Авантюристка из Монте-Карло. В азарте наживы и конкуренции»*), женской косметики (*«Пудра Адон — идеальное средство для придания коже прелестного, нежного цвета и уничтожения морщин»*), гардин с бахромой, уроков маникюра, танцев, хороших манер и изящного почерка, а также прочих атрибутов «мещанского быта».

В выступлениях партийных и государственных лидеров все чаще звучали слова в защиту интеллигенции. Настойчиво говорил о значимости

1921 г. на II Всероссийском съезде политпросветов, — *что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, — и тогда останется жить наша Советская республика, — либо, наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика [...] И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности»⁸⁶*

Опасаясь последствий собственной «классовой либеральности» и ожидая натиска частника, многие большевистские лидеры призывали компенсировать экономические уступки ужесточением политического контроля. «*Фронту возрождающейся буржуазной идеологии, — писал А.С. Бубнов, — мы должны противопоставить могучий организованный натиск революционной идеологии коммунизма [...] Тут надо пустить в дело все действующие роды оружия, придав и обороне и наступлению максимальную маневренность»⁸⁷*

В 1927 г. нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский признался, что начиная с 1922 г. ГПУ и НКЮ предприняли «своего рода контратаку», ряд мероприятий, которые «могут характеризоваться как меры не только обороны, но и наступления пролетариата»⁸⁸. Курский, к сожалению, не пояснил, какие именно мероприятия он имел в виду. Если же говорить о социально-экономической политике в целом, а не только о мероприятиях ГПУ и Наркомюста, то следует отметить, что «контратака» началась еще ранее. Так, на разных уровнях власти постоянно звучали призывы к основательной чистке, как служащих учреждений, так и населения городов (в первую очередь, Москвы и Петрограда). В частности, Ю. Стеклов в декабре 1921 г. указал на необходимость в связи с введением нэпа немедленно провести вслед за партийной чисткой «не менее, если не более строгую» чистку беспартийных, состоящих на государственной службе и, «в первую голову — спецов»⁸⁹. Как известно, этот призыв был услышан. В ноябре—декабре 1922 г. была проведена общесоюзная «чистка» безработных от «примазавшихся с целью получения льгот нетрудовых элементов».

Перерегистрация безработных, проведенная в рамках «регулирования рынка труда в направлении создания для наиболее ценной и пролетарской рабочей силы таких условий, чтобы последняя как можно скорее получила работу», привела к значительному сокращению их численности, в первую очередь, за счет «случайного» «мелкобуржуазного элемента»⁹⁰. Так, в Саратове численность зарегистрированных безработных сократилась на 40%, в Туле на 37%, в Иваново-Вознесенске — на 35%, в целом же по Республике — примерно на 30%⁹¹. «Вычищенные» безработные оказались лишены всякой возможности получить официальный источник средств существования, а, следовательно, независимо от происхождения и политических взглядов оказались среди

«социально чуждых» как живущие на «нетрудовые доходы». Всех остальных Наркомат труда разделил на 2 группы. В первую очередь работу предоставляли безработным первой группы, в которую входили: квалифицированные фабрично-заводские рабочие; работники умственного труда, имеющие стаж работы по найму не менее 3 лет; чернорабочие со стажем не менее 1 года. Вторую группу безработных составлял т. н. «случайный и недавно попавший на рынок труда элемент». Представителям этой группы, состоящей преимущественно из «пролетаризованного революцией мелкобуржуазного элемента», предоставляли работу в последнюю очередь. Фактически в условиях начала XX в. их шансы получить работу приближались к нулю⁹².

Между тем, со страниц газет и журналов продолжали раздаваться требования уничтожать буржуазию и «слуг капитала», в том числе буржуазную интеллигенцию, которая в силу своей индивидуальной деятельности якобы неизбежно противопоставляется народу. Главный интеллигент страны, нарком просвещения А.В. Луначарский, в частности, утверждал, что «интеллигенция всех цехов, вплоть до школьного учителя», является ни чем иным, как «новым поповством», задача которого — «одурачивать массы»⁹³. В материалах прессы постоянно ощущалось влияние дихотомичного восприятия властью общества, подразделявшегося на «своих» и «чужих». Символично в этом отношении появление на страницах печати корреспонденции, подписанной псевдонимом «Свой»⁹⁴.

Помимо привычных уже форм классовой борьбы, в период нэпа появились и новые специфические формы — высмеивание, окарикатуривание «толстого человека коммерческого типа». Пресса призывала **«убивать смехом» классовых врагов, использовать «гиперболу юмора» для «раскрытия их ничтожной сущности»**⁹⁵. Как справедливо отметил В.П. Булдаков, «власти сделали все, чтобы окарикатурить образ новых предпринимателей в глазах народа. Нелепая фигура толстого человека во фраке и котелке сделалась непременным атрибутом многочисленных театрализованных шествий»⁹⁶. Яркой иллюстрацией к этому утверждению могут послужить специально разработанные партийными и советскими агитационными отделами, клубными секциями и т. п. органами «инструкции об устройстве массовых зрелищ» и их сценарии. В частности, А.В. Луначарский рекомендовал сопровождать народные празднества выступлениями клоунов с карикатурами на «враждебные силы», поясняя далее: *«Хорошо, если в нее влит будет просто безудержный, непосредственный смех»*⁹⁷. Нередко высмеивание сочеталось со скрытой или явной угрозой представителям буржуазного мира. Типична в этом отношении «шутка», опубликованная в 1924 г. в юмористическом журнале «Красный ворон»:

интеллигенции А.В. Луначарский, в то же время деливший ее на «доброкачественный» и «недоброкачественный материал», на ту, что можно и нельзя «употреблять в работу». *«Если бы в какой-нибудь стране, — писал Луначарский, — развилась эпидемия, которая специально косила только работников интеллектуального, мозгового труда, и если бы в результате этого вымерла вся интеллигенция, то это был бы для страны такой удар, от которого ей было бы необычайно трудно оправиться. Никто не может отрицать, что врачи, инженеры, люди искусства играют чрезвычайно большую роль в нашей нынешней цивилизации. Она в значительной степени ими держится и живет»*¹⁰⁵.

В наибольшей степени либерализация режима коснулась «спецов», необходимость которых осознавали даже сторонники радикально «левых» взглядов.

«Как зеницу ока» беречь всякого спеца»

*«Если все наши руководящие учреждения, — предупреждал В.И. Ленин в самом начале нэпа, — т. е. и компартия и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке [...] жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов»*¹⁰⁶.

Следуя рекомендациям Ленина, ГУКХ НКВД принял ряд инструкций и постановлений о жилищных льготах для научных работников и специалистов¹⁰⁷. Кроме того, в ряде случаев «особо ценным» работникам предоставлялись дополнительные льготы. Так, в феврале 1924 г. управляющий Центральным статистическим управлением П. Попов обратился к Л.Б. Каменеву с ходатайством о предоставлении в Москве квартиры экономисту П.П. Маслову, известному своим «буржуазным мировоззрением». *«Мне нет необходимости, — продолжает Попов, — писать Вам о том, что работы Маслова, как бы мы не относились к его общей схеме мировоззрения, представляют из себя в области экономики крупный вклад в науку о народном хозяйстве. Живет П.П. Маслов в квартире сырой, мало приспособленной для жилья и для работы, и вот я, как Председатель Сельско-Хозяйственной Секции Госплана, обращаюсь к Вам, как Председателю Московского Совета, с просьбой оказать содействие в*

предоставлении Маслову квартиры, обеспечивающей ему возможность работать. Его семья очень многочисленная, а потому ему нужна квартира в 4 комнаты, в том числе одна комната для его работ»¹⁰⁸.

Большую огласку приобрело дело о доведении до самоубийства «буржуазного специалиста» В.В. Ольденборгера, главного инженера московского водопровода. Судебный процесс по этому делу, состоявшийся в марте 1922 г., приобрел показательный политический характер. На скамье подсудимых оказались рабочие Алексеевской водокачки С.П. Меркулов и Н.В. Елагин, старший инспектор РКИ инженер Н.С. Семенов, инспектор РКИ Макаров-Землянский (бывший конторщик водопровода), представитель профсоюза Герасимов и партийный работник Седельников, обвиненные в создании атмосферы травли, «поливания», которая «при исключительной преданности делу и высокой нравственной чуткости инженера Ольденборгера, привела его к самоубийству». Сотрудникам РКИ было также предъявлено обвинение в дискредитировании Рабоче-крестьянской инспекции и принятии решений, основанных не на принципах экономической целесообразности, а на личной недоброжелательности. Н.В. Крыленко, выступавший в качестве обвинителя, требовал приговорить сотрудников РКИ к лишению свободы сроком на 4 года, а остальных обвиняемых — на 3 года. Суд приговорил Седельникова как ответственного партийного работника к 2 годам лишения свободы с сокращением срока исполнения по применению амнистии от 7.11.1921 г. до 1 года. Герасимов был оправдан. Остальные подсудимые получили общественное порицание и были лишены права занимать ответственные должности в течение 3 лет¹⁰⁹.

В отношении к буржуазным спецам, чуждым в идеологическом отношении, но необходимым с точки зрения развития народного хозяйства и функционирования госаппарата, наиболее ярко проявились противоречия социальной политики периода нэпа. Принцип экономической целесообразности нередко одерживал верх над идеями классовой диктатуры. Как справедливо отмечает В.Б. Жиромская, «в первой половине 20-х годов привлечение «старых» специалистов вопреки комчванству партработников было главным источником формирования интеллигенции»¹¹⁰. Тем не менее, утверждение некоторых исследователей о том, что буржуазные специалисты достаточно легко «влились в систему» и что в период нэпа противостояние большевиков и специалистов — «не более, чем легенда» представляется несколько упрощенным¹¹¹.

Призывая бережно относиться к специалистам, подчеркивая важность их знаний для социалистического строительства, большевистские лидеры в то же время постоянно подчеркивали, что надо, не надеясь на перерождение буржуазных спецов и интеллигенции, идти по пути их

полной замены¹¹². «Чем скорее мы сможем обходиться без них, — откровенно заявлял Луначарский, — тем лучше, ибо они искалечены и самая наука их в большей или меньшей степени отравлена»¹¹³. Периодические напоминания представителями власти о **временном** и **вынужденном** характере сотрудничества со старой интеллигенцией уничтожали с трудом создаваемую «товарищескую атмосферу», о необходимости которой они сами постоянно говорили. «Спец, — пишет один из корреспондентов газеты «Правда», выражая довольно распространенное в те годы мнение — это значит: никчемный бездельник, сумевший внушить какому-либо нашему «чудаку» уважение к своим талантам и произведенный этим «чудаком» в «специалисты»»¹¹⁴. Периодические «пинки» и насмешки, презрительно-враждебное отношение порождали неуверенность интеллигенции в будущем.

Крутые зигзаги советского судопроизводства

Наглядным примером борьбы двух тенденций в социальной политике периода нэпа является так же судебная практика тех лет.

«Суд рабочей совести» против «избытка законности»

Своеобразным отражением эпохи стала развернувшаяся в 1923 г. на страницах газеты «Правда» дискуссия между Ю. Лариным и И. Смирновым о том, каким должно быть правосудие: профессиональным и беспристрастным или классовым, «заведомо пристрастным в пользу трудящихся». Сетую на «отсутствие в народном суде классового направления», Ларин требовал провести «основательную чистку личного состава народных судей». «Нам не нужны, — утверждал Ларин, — люди, злопыхательствующие или хотя бы равнодушные к трудящимся. Нам не нужны и люди, одевающиеся в личину бесстрастия (классового нейтралитета) и под видом беспристрастного служения отвлеченной истине и справедливости, ведущие на деле противотрудовую линию [...] в переживаемую эпоху нам нужна не нейтральная слякоть, а судьи заведомо пристрастные в пользу трудящихся»¹¹⁵. Пусть лучше менее опытные, да надежные в партийно-классовом отношении [...] Первым делом надо начать снимать с должностей народных судей беспартийных и заменять их коммунистами». Особенно рекомендовал Ларин привлекать к работе в суде партийных работниц женотделов, так как «партийная женщина», по его словам, «весьма далека от типа мертвенного формалиста-чиновника» и последовательнее проводит классовую линию¹¹⁶.

С Лариным категорически не согласился Смирнов, считавший, что необходимо привлекать к суду, прежде всего «честных беспартийных ра-

бочих и работниц». «Один раз, как заявляет тов. Ларин, он побывал в одном из районов нарсуда, — возражал Ларину Смирнов, — «только раз», да и то в качестве защитника, — о последнем тов. Ларин умалчивает, — затем он просмотрел пару строк из книги СНК, и этого для него уже достаточно, чтобы крикнуть: «Гони всех таких судей! Они в Советской республике нетерпимы; их 40% буржуев». Мне кажется, что советский буржуйчик, прочитав ларинские цифры, подумает: «Эх, Ларин, вашими бы устами да мед пить»».

Интересно, что в своих статьях Ларин и Смирнов оперируют совершенно различными статистическими данными о социальном составе работников московского суда. Так, по утверждению Ларина, почти 40% народных судей — беспартийные граждане «буржуазного происхождения»; из всех заседателей только 3% коммунисты; рабочие составляют только 27% народных судей, да и те вербуются не из «авангарда рабочего класса» (т. е. коммунистов), а из «наиболее отсталой и пассивной его части» (т. е. беспартийных). Эти цифры вызвали удивление Смирнова. По его утверждению, из 132 судей беспартийных лишь 6 в Москве и 7 «на все 17 уездов губернии»; из 7845 народных заседателей — 3021 коммунисты; 110 судей (т. е. около половины) — «от станка, которых трудненько, даже с помощью Грибоедова и Гоголя, одеть в личину классового нейтралитета». «Как назвать писание т. Ларина о московском суде...» — возмущается в заключении Смирнов¹¹⁷

Столь решительный протест против «заведомо пристрастного суда» ничуть не смутил Ларина. Напротив, он продолжил развивать свои взгляды с еще большей решительностью, предлагая вовсе отметить уголовный кодекс и «предоставить суду свободу судить по своему рабочему сознанию без всяких подробных уголовных кодексов»¹¹⁸.

С развитием нэпа точка зрения Смирнова становилась все более популярной, однако, и сторонников Ларина, придерживавшихся идей революционной целесообразности и суда рабочей совести без «избытка законности», по-прежнему было немало. В их числе и сам Ленин, говоривший в 1922 г., что суды должны «обкорнать» эксплуататоров и бить их по рукам «не так вяло, как делают до сих пор, а помнить, что они — пролетарские суды, окруженные врагами всего мира». Ленин даже предложил «произвести некоторый нажим» (?) на суды в этом отношении¹¹⁹. Видимо, именно этими указаниями руководствовались авторы анкеты, которую в 1925 г. было предложено заполнить членам Московской губернской коллегии защитников (нельзя забывать, что в отличие от судей, среди адвокатов было очень много «бывших»^{*}). Из 17 вопро-

* Так, к началу 1928 г. из 1260 членов Московской губернской коллегии защитников 1126 имели высшее юридическое образование, в подавляющем большинстве полученное до революции (ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. Л. 91).

сов анкеты 8 так или иначе были посвящены дореволюционному прошлому, среди них: партийность (отдельно до 1905 г., с 1905 по 1917 гг. и после 1917 г.); «социальное положение по происхождению»; профессия до 1917 г. с указанием «всех видов деятельности, которые давали средства к существованию»; имущественное положение и др. Следует подчеркнуть, что вопрос о «социальном положении по происхождению» был составлен так, что не допускал формальной отписки «служащий», как это часто бывало в то время. Данный пункт анкеты а состоял из целого комплекса подвопросов: «социальная принадлежность родителей, источники их существования, краткое описание воспитания и обучения» и другие подробности дореволюционной биографии самого анкетиремого и его родителей. В соответствии с требованиями составителей анкеты, ответы на все вопросы, касающиеся дореволюционного прошлого, необходимо было подтвердить документально, в крайнем случае — указать лиц, которые могут подтвердить правдивость изложенной информации. Анкету надлежало заверить подписями трех поручителей с указанием конкретных пунктов, которые «удостоверяет» данное лицо¹²⁰.

Таким образом, в середине 1920-х гг. по-прежнему сохранял свою актуальность принцип *«тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие — для рабочих и крестьян»*, провозглашенный в приказе ВЧК от 1 января 1921 г. Тем не менее, на практике судебные решения нередко основывались на нормах нового советского права, а не классовой справедливости, и выносились в пользу «бывших» или нэпманов. Так, например, вынесенное в июле 1921 г. исполкомом Яранского уездного Совета решение о конфискации у А.В. Киселева локомотива, необходимого для оборудования промышленной мастерской уездного совнархоза, было в феврале 1922 г. отменено постановлением народного суда Вятской губернии как незаконное. Апелляция Яранского уисполкома в Наркомюст, СНК и СТО была отклонена, а действия уисполкома были квалифицированы как «домогательства»¹²¹.

В 1924 г. «классовый принцип» судопроизводства был закреплён утвержденными ЦИК СССР «Основными началами уголовного законодательства СССР». «Основные начала» предусматривали применение «более строгой меры социальной защиты», если обвиняемый «в той или иной мере связан с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд» (ст. 31, пункт «б»); и, напротив, «мягкой меры социальной защиты» для рабочих и трудовых крестьян (ст. 32, пункт «б»)¹²². Однако уже через год был поднят вопрос о недопустимости того, чтобы социальная принадлежность и впредь оставалась фактором «заранее и безусловно определяющим повышение или смягчение меры социальной защиты». В октябре 1925 г. Наркомюст РСФСР вынес на рассмотрение сессии ВЦИК проект изменения неко-

торых статей основных начал уголовного законодательства. Среди прочих изменений проект предусматривал также исключение социального происхождения и социального положения из группы факторов, отягчающих или смягчающих ответственность лица, совершившего преступление¹²³. Проект был отклонен. Тем не менее, в судебной практике середины 1920-х гг. социальное происхождение все реже оказывало влияние на решение суда.

Чья возьмет? или «Платный клиент» против «бесплатного»

Огромное влияние на советское судопроизводство периода нэпа оказал принцип материальной заинтересованности как адвокатов (на законной основе), так и судей (на противозаконной).

Комиссии РКИ, регулярно проверявшие работу юридических служб, не раз отмечали, что бесплатная юридическая помощь обычно оказывается «наспех, небрежно и неряшливо». Совсем другое дело, если клиент при деньгах. Так, например, бесплатному клиенту Сотникову на его запрос о праве получения освободившейся в их квартире проходной комнаты Юридическая консультация Московской губернской коллегии защитников ответила, что комната автоматически переходит к домоуправлению. Напротив, платному клиенту, в аналогичной ситуации та же консультация назначила защитника для возбуждения дела против домоуправления с целью получения освободившейся комнаты¹²⁴. В обоих случаях принцип материальной заинтересованности одержал уверенную победу над классовым принципом. *«Находясь в полной материальной зависимости от клиента, — констатировала комиссия РКИ, — защитник вынужден отстаивать его интересы, которые сплошь и рядом идут вразрез с требованиями закона и политикой правительства»*¹²⁵.

Даже в случае неблагоприятного для богатого клиента исхода дела, по свидетельству современников, ему нередко удавалось каким-либо образом избежать исполнения приговора. Так, по свидетельству помощника прокурора СССР И.С. Кондурушкина, бывший миллионер-металлоторговец С. Пляцкий в 1925—1926 гг. проходил по 18 судебным процессам, каждый раз был признан виновным и каждый раз благополучно возвращался к предпринимательству. *«По всем делам осужден, но по всем делам жив и здоров поныне, — недоумевает Кондурушкин. — [...] Два раза попал в ЧК и оба раза возродился, как феникс»*¹²⁶

Подобные случаи были настолько широко распространены, что регулярно (впрочем, безрезультатно) высмеивались в сатирических журналах тех лет. В частности, типичной для периода нэпа является фельетон об Иване Петровиче, заведующем отделом закупок, и Петре Ивано-

виче, заведующем отделом продаж учреждения, которое «все покупало (по большей части за очень высокую цену) и все продавало (по большей части за очень низкую цену)». Иван Петрович и Петр Иванович были арестованы за спекуляцию и хозяйственные махинации и приговорены к расстрелу. «Смертная казнь, — продолжает автор фельетона, — была заменена 10-летней отсидкой, и Иван Петрович и Петр Иванович до сих пор сидят... в двух смежных комнатах в том учреждении, которое все покупает и все продает»¹²⁷.

Если верить члену Президиума ЦКК ВКП(б) А.А. Сольцу, даже в советских тюрьмах взяточники и нэпманы находились в привилегированных условиях, их хорошо кормили, отпускали «на работы в учреждения», а также домой, повидать семью¹²⁸. По утверждению И.С. Кондурушкина, спекулянты, проходившие по трем-четырем и более делам, нередко «легко отделывались, потому что кто-то за них просил, ходатайствовал по чьей-то еще просьбе, даже лично их не зная». «В случаях судебной высылки спекулянтских элементов из центральных городов, — продолжает Кондурушкин, — не проходит несколько месяцев, как высланный, т. е. социально опасный для нас человек, заводит на месте служебные знакомства и оказывается на ответственной работе [...] Нередки ходатайства ответственных работников за спекулянтов только потому, что этот спекулянт был когда-то хозяином¹²⁹ ныне ответственного работника, который раньше был, положим, у теперешнего спекулянта кучером»¹³⁰.

Любопытно, что требованиям закона и принципам классовой справедливости противоречили порой не только частные, «шкурные» интересы взяточников и платных адвокатов, но и экономические интересы самого государства.

Для специалистов — «принудительные работы по специальности»

Борьбу двух основных тенденций периода — **политкорректности**, с одной стороны, и **прагматизма**, с другой, — наглядно отражают крутые зигзаги советского судопроизводства при рассмотрении дел специалистов. Так, например, в конце ноября 1920 г. Донской областной ревтрибунал за взяточничество приговорил к расстрелу бывшего директора-распорядителя торгового отдела Донского СНХ И.И. Рахлина и бывшего начальника административного управления ДСНХ М.П. Купермана. Суровый приговор был мотивирован, «во-первых, классовым происхождением обвиняемых: представители буржуазии, затесавшиеся в советские учреждения». В сентябре 1921 г. дело было пересмотрено, и, несмотря на чуждое, непролетарское происхождение обвиняемых, расстрел был заменен лишением свободы в исправительном доме со стро-

гой изоляцией сроком на 10 лет. Однако, принимая во внимание «чистосердечное раскаяние обвиняемых и **честное слово**, данное суду в том, что они своими знаниями и трудом окупят свою вину перед Советской Республикой», в том же месяце новый приговор был заменен заключением в исправдом **без изоляции «с принудительной работой по специальности»**. Учитывая специальность обвиняемых, заключительный приговор приобретает несколько комичный характер. *«Их специальность, — недоумевает по этому поводу описавший эту историю журналист А. Львов, — «ответственный работник» [...] Вот их, по приговору суда, в этой «специальности» и должны использовать»*¹³¹. Как тут не вспомнить историю об Иване Петровиче и Петре Ивановиче?

Помимо юридической практики можно привести немало других примеров, когда центральные и местные власти, судебные органы, а также прочие ответственные советские и партийные работники разных уровней в своих решениях исходили из принципа экономической целесообразности или буквального следования юридическим нормам (а то и просто руководствовались личными интересами) в ущерб провозглашенным классовым приоритетам, вплоть до полного игнорирования последних. Так, например, изданная в 1922 г. Редакционно-издательской секцией НКВД инструкция «Принципы регистрации населения (Акты гражданского состояния)» в разделе «Порядок ведения книги записей о происхождении зачатых детей» не содержит никаких требований фиксировать социальное происхождение ребенка, а под «установлением действительного происхождения» в ней подразумевается лишь установление конкретных родителей¹³².

Другим ярким примером «классового либерализма» этого периода являются предпринимавшиеся в Москве в начале 1920-х гг. новации в области учета населения*

Задачи и особенности учета населения

После окончания Гражданской войны в Советской Республике встал вопрос об организации централизованной государственной системы учета населения по единому образцу с целью устранить ту «вакханалию имеющих разнообразных видов на жительство» (старые паспорта, трудовые книжки, временные свидетельства разного рода, удостоверения о личности и пр.), в которых, по признанию членов Комиссии

* Проблема учета населения, особенностей становления паспортной системы в Советской России является сложной и многогранной. В данной монографии затрагиваются лишь отдельные ее аспекты, непосредственно касающиеся положения «бывших» и проводимой по отношению к ним политики.

Моссовета по переучету населения, даже опытные работники затруднялись разобраться¹³³. Если в деревнях и маленьких городках, где все знали друг друга в лицо, отсутствие личных документов единого образца не создавало особых проблем, то в крупных городах и в масштабах всего государства это существенно затрудняло организацию снабжения населения продовольствием, строительство сети детских школьных и дошкольных учреждений, равномерное распределение трудовых ресурсов и т. п.* По свидетельству сотрудников отдела управления Моссовета, через который проходили документы практически всех, приехавших в столицу в поисках работы, в подавляющей части разнообразных удостоверений личности, выдаваемых на местах в 1918-го — начале 1920-х гг., сведения о происхождении либо отсутствовали, либо были указаны неопределенно¹³⁴. Так, например, в Московской губернии учет населения велся в этот период в основном по волостным «семейным спискам». Эти списки включали в среднем 6—14 вопросов, среди них обязательными, помимо полного имени и года рождения, были следующие: отметка о выдаче видов на жительство, отметка о розыске следственными органами и о дезертирстве, отметка о смерти, о «безвестном отсутствии» и «выбытии из членов семьи» по другим причинам; реже — о национальности, образовании, перемене места жительства и т. п. Вопросы о социальном происхождении в волостных «семейных списках» начала 20-х гг. практически не встречаются¹³⁵.

Образовавшаяся за период революции и гражданской войны путаница в личных документах граждан особенно заметна была в столице, куда съезжались люди из разных концов страны. Вот как охарактеризовал сложившуюся к началу нэпа ситуацию управляющий делами Моссовета П.П. Салов:

«Большое разнообразие видов на жительство представляет затруднения разобраться в их подлинности [...] В Москву приезжают граждане со всех сторон РСФСР, имея на руках:

- 1) старые годовые, пятилетние и бессрочные паспорта;*
- 2) удостоверения, выданные волсоветами;*

* По утверждению некоторых исследователей, советская система учета населения имела преимущественно полицейские функции, такие как «надзор за трудовой деятельностью», облегчение «политического преследования и т. д.» (См., например: Мэтьюз М. Указ. соч. С. 32—33). Не отрицая значимость надзорных и политических целей проводившихся в послереволюционной России учетно-регистрационных мероприятий (см., в частности, часть II главу I данного исследования), нельзя игнорировать также и экономические, демографические и даже социальные (учет инвалидов и пенсионеров в отделах социального обеспечения, учет детей школьного возраста органами Наркомпроса и т. д.) цели учета населения.

3) удостоверения, выданные сельсоветами и написанные на клочке бумаги или газетном отрывке с приложенной лепешкообразной печатью из какой-то копоты;

4) разнообразные свидетельства и удостоверения, выданные органами милиции;

5) командировочные удостоверения с указанием лишь должности, имени и фамилии;

6) иностранные виды на жительство;

7) оптационные удостоверения;

8) паспорта, выданные органами власти иных советских республик»¹³⁶.

Начиная с 1921 г. Салов неоднократно предлагал ввести единую государственную систему учета населения, причем в предлагаемой им системе учета не предусматривалось никакого различия между гражданами по их социальному происхождению. По мнению Салова, сведения о социальном происхождении граждан вообще перестали иметь значение; каждому ведомству нужна лишь конкретная информация, необходимая для работы подведомственных учреждений. «Военный комиссариат, — писал Салов, — при учете населения может обойтись без фамилий, происхождения и большинства вопросов личной карточки. Военному комиссариату нужны лишь точные сведения о количестве военнообязанных, подразделении их по годам рождения, родам оружия». Органам Наркомата труда «необходим учет состоящих на службе по возрасту, полу, профессии и, в частности, лиц безработных»; а органам Наркомпроса — «сведения о количестве малолетних по годам рождения»¹³⁷. В апреле 1921 г. Салов предложил разделить все население Республики на 3 основные группы: 1) несовершеннолетние (до 16 лет); 2) трудоспособные; 3) инвалиды труда и войны, а также прочие нетрудоспособные. «От первой группы населения, — пояснял Салов, — государство ничего не требует, а, наоборот, государство обязано воспитывать эту группу населения и снабжать всеми видами довольствия». С третьей группой «дело должен иметь только НК социального обеспечения, а прочие наркоматы к этой группе никаких требований не предъявляют»*

* Как и следовало ожидать, предложение Салова не было реализовано на практике. Вплоть до 1923 г. личные учетные документы единого образца введены не были. 20 июня 1923 г. декретом ВЦИК были введены удостоверения личности, в которые вносились следующие сведения: имя, дата рождения, место постоянной прописки, основная профессия, отношение к воинской обязанности, семейное положение, количество детей в возрасте до 16 лет, личная подпись, место и дата выдачи, подпись лица, выдавшего удостоверение и печать. Удостоверения личности выдавались сроком на 3 года. Старые паспорта, виды на жительство и трудовые книжки аннулировались с 1 января 1924 г. (СУ. 1923. № 61. Ст. 575.)

На фоне подобной классовой терпимости московских властей вызывают удивление неоднократно повторявшиеся в эти годы тем же Моссоветом требования провести «основательную чистку столицы». Аналогичные призывы неоднократно звучали и в северной столице России, и во многих других городах. Требования «очистить город» и конкретные меры, предпринимавшиеся в период нэпа против «социально опасных элементов», традиционно служат одним из важнейших аргументов тех, кто указывает на непрекращавшиеся жестокие репрессии большевиков против «бывших». Действительно, в середине 1920-х гг. на фоне общей либерализации режима происходило ужесточение репрессивной политики государства против так называемых «социально опасных» (или «социально вредных») элементов. Однако правомерно ли отождествление их с «бывшими»? А. Черных, например, утверждает, что на протяжении всего первого послереволюционного десятилетия именно «бывшие» рассматривались властью как «социально опасные элементы»¹³⁸. Сами же представители большевистской власти зачастую трактовали данную группу населения совершенно иначе.

«Вредные» и «чуждые»: пересечение социального пространства

Четких границ социального пространства так называемых социально вредных (или социально опасных) элементов, как и пространства «бывших», нет. В зависимости от конкретной ситуации и личных убеждений того или иного представителя власти эти границы то расширялись, то сужались. Однако можно с уверенностью сказать, что в подавляющем большинстве случаев критерием идентификации «социально опасных» в годы нэпа было не столько социальное происхождение, сколько экономический ущерб, наносимый деятельностью данных людей, или потенциальная опасность этой деятельности для общества. Очевидно, что пространство «социально вредных элементов» неизбежно в значительной мере пересекалось с пространством «бывших», но не совпадало с ним полностью.

Понятие «социально опасные элементы» (СОЭ) было введено в советскую юридическую практику Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., статья 7 которого предусматривала возможность применения наказания по отношению к лицам, чья деятельность «обнаруживает» их опасность для общества¹³⁹. В соответствии с декретом ВЦИК от 16 октября 1922 г. о дополнении к постановлению «Об административной высылке», социально-опасными считались все деятели антисоветских политических партий, а также лица, дважды судившиеся за бандитизм, грабеж, кражу или разбой; подделку денежных знаков и государственных бумаг; изго-

товление, приобретение и хранение взрывчатых веществ или снарядов, а также хранение без разрешения огнестрельного оружия; самогоноварение с целью сбыта и фальсификацию предметов потребления; принуждение к проституции, сводничество и содержание притонов; хулиганство¹⁴⁰. Инструкция НКВД по применению постановления об административной ссылке от 3 января 1923 г. шире истолковывала понятие СОЭ, включив в его пространство всех лиц, которые могли представлять опасность с точки зрения охраны революционного порядка «по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой»¹⁴¹. Что конкретно подразумевалось в данном случае под «прошлым» — происхождение, политическая деятельность или уголовные преступления — остается неясным*

Как трактовалось понятие СОЭ в социально-политической практике, можно проследить по материалам периодически проводившихся в 1920-е годы кампаний «чисток» столицы от социально опасных элементов.

Очистить Москву от социально опасных элементов

В 1922—1923 гг. отдел управления Моссовета, как уже упоминалось выше, настойчиво призывал к «основательной чистке Москвы» от социально опасных элементов. Кого же конкретно предлагали выселить из столицы и почему?*

В декабре 1922 г. начальник отдела управления Моссовета В.Л. Орлеанский объяснил необходимость «чистки» столицы тем, что в ней

* Следует отметить, что на уровне обыденного сознания в эти годы практически не делали различия между уголовными преступниками и бывшими представителями оппозиционных большевикам партий и течений. Типичным в этом отношении является анекдот 1922 г.: И.: «Вы, кажется, раньше были эсером?» П.: «Сами Вы, извините за выражение, рецидивист!» (Красный ворон. 1922. № 3. С. 3.)

** Понятие «чистка» имело в 20—30-е гг. различное значение. Наряду с кампаниями социально-политического характера (партчистки, чистки соваппарата, чистки безработных и т. п.), оно употреблялось и для обозначения мероприятий санитарно-гигиенического, противоэпидемического характера. Так, 26 июля 1919 г. Исполком Моссовета принял решение провести в городе «общую генеральную чистку», имея в виду мероприятия, необходимые для предупреждения эпидемии сыпного тифа. (Красная Москва... Ст. 28). Подобные решения регулярно принимались в 1918—1919 гг. в связи с крайне тяжелой санитарно-гигиенической ситуацией в столице. В литературе (как популярной, так и научной) нередко можно видеть смешение данных понятий, когда любые упоминания об «основательных чистках» города истолковываются исключительно как акции классовой борьбы, что приводит к искаженному отражению исторической реальности.

«наблюдается вспышка вооруженных налетов на квартиры и уличных ограблений». Далее Орлеанский уточнил, что нужно как можно скорее очистить Москву от бандитов, «особенно квалифицированных рецидивистов, в том числе с дореволюционным стажем»¹⁴². Именно «квалифицированные рецидивисты» и составляли в начале 1920-х гг., с точки зрения руководства отдела управления Моссовета, основу так называемых социально опасных элементов. Помимо уголовной среды (воров, насильников, убийц, торговцев морфием и кокаином) и связанных с ними лиц (перекупщиков краденого и содержателей притонов), в число СОЭ включали аферистов, шулеров, игроков на бегах, гадалок, «целителей» и прочие категории граждан, чья деятельность находилась на грани уголовного преступления. Если среди аферистов действительно чаще встречались выходцы из «бывших» (что неудивительно, так как подобная деятельность требовала определенного интеллектуального уровня и знаний), то среди воров и убийц подавляющую часть составляли крестьяне и рабочие. В частности, Кабинет по изучению личности преступника при Мосздравотделе, обследовав 2600 правонарушителей, прошедших через МУУР в 1925 г., сделал вывод об «абсолютном преобладании» среди них рабочих и крестьян, в то время как представители интеллигенции, промышленники, «зажиточные» и «средне богатые» дали минимальный процент правонарушений¹⁴³. К аналогичным выводам пришел и В.Р. Якубсон, проанализировавший в конце 1920-х гг. «добытые разными способами, по различным источникам и за разное время» данные о социальном составе лиц, осужденных после революции за уголовные преступления¹⁴⁴. Эти данные косвенным образом подтверждаются также Ю. Лариным и И.С. Кондурушкиным, по подсчетам которых около 25% государственных служащих, осужденных в 1921—1923 гг. за хозяйственные преступления, имели только низшее образование, были самоучками либо совершенно неграмотными¹⁴⁵.

Столица как магнит притягивала к себе всяческий «уголовный элемент». *«А в городе невесть откуда и черт его знает зачем, повывезла из всех щелей всякая нечисть — профессиональные шулера и надменные котки, спекулянты с воспаленными от алчности лицами и элегантные, молчаливые торговцы живым товаром, бандиты с аристократическими замашками и бывшие аристократы, ставшие бандитами, эротоманы и просто жулики всех оттенков, масштабов и разновидностей»*¹⁴⁶, — писал о годах нэпа Л. Шейнин, бывший в то время следователем МУРа (в то время — МУУРа). 17 октября 1923 г. в связи с перенаселением столицы, сопровождавшимся острым жилищным кризисом, безработицей, ухудшением санитарно-гигиенического состояния города, угрозой эпидемий и обострением криминогенной ситуации, комиссия по разгрузке г. Москвы при СНК РСФСР представила на рассмотрение СНК проект

постановления об ограничении въезда в столицу и о порядке высылки из города некоторых категорий граждан. В первую очередь предполагалось выслать из столицы все социально вредные элементы (но только после рассмотрения каждого конкретного случая Московским губернским судом). В соответствии с проектом, к таковым были отнесены следующие категории населения: а) «лица, не связанные с производительным трудом в государственных, общественных или частных предприятиях и учреждениях»; б) «лица, не имеющие определённых общественно-полезных занятий или профессий или не могущие указать источников своего существования»; в) лица, связанные с преступной средой¹⁴⁷ Таким образом, в основу определения «социальной вредности» того или иного лица брался признак социального положения, а не социального происхождения. Для доработки проекта была создана комиссия Малого СНК под председательством Н.В. Крыленко. Комиссия признала нецелесообразным включение в постановление пункта «а», из-за своей неопределённости допускающего выселение любого, кто не работал по старости или по состоянию здоровья, всех безработных, а также всех лиц свободных профессий, чей труд не связан с производством материальных благ. Пункт «б» в новом проекте был дополнен весьма существенным уточнением: «...и не зарегистрированных на бирже труда», что ограждало от высылки официальных безработных. Третий пункт был расширен: помимо лиц с уголовным прошлым, выселению подлежали также профессиональные игроки на бегах, шулеры, аферисты, содержатели притонов, торговцы кокаином, морфием, самогоном и т. п. лица, которых невозможно было предать суду за недостаточностью улик. Новый проект был принят Малым СНК 21 декабря 1923 г., однако уже 10 января 1924 г. это решение было отменено СНК. Главной причиной отклонения проекта стало заключение Наркомата юстиции, о том, что проект **оставляет возможности для злоупотреблений**. В постановлении говорилось также, что в настоящий момент СНК признает принятие декрета об ограничении въезда в Москву и о порядке высылки из Москвы **нецелесообразным и нежелательным**¹⁴⁸. Несмотря на неоднократные протесты Президиума Моссовета, подчеркивавшего, что перенаселенная столица стоит на пороге эпидемий, 3 апреля 1924 г. ВЦИК подтвердил решение СНК о нежелательности декрета об ограничении въезда в столицу и о порядке высылки из нее отдельных категорий граждан¹⁴⁹

Таким образом, въезд в Москву оставался свободным. Однако выселения отдельных лиц в качестве социально вредных элементов были в эти годы обычным явлением. Не добившись права массового выселения на основании специального декрета, московские власти активно практиковали выселения в индивидуальном порядке по постановлениям ГПУ или Административного отдела Моссовета. В списках лиц, вы-

сылаемых из Москвы в качестве СОЭ, преобладают выходцы из крестьян и рабочих, успевшие за послереволюционные годы получить по несколько судимостей за уголовные преступления¹⁵⁰. Одной из наиболее распространенных причин выселения из столицы было «введение в заблуждение несознательных слоев населения путем занятия хиромантией» и прочие подобные действия, получившие большое распространение в годы нэпа*

Таким образом, на какое-то время основной удар репрессивной политики советской власти был перенесен с социально чуждых слоев на все более разраставшуюся уголовную среду. Конечно, нельзя забывать, что местные власти при выявлении социально опасных лиц далеко не всегда руководствовались исключительно юридическими нормами. Да и нечеткие формулировки инструкций оставляли возможность достаточно произвольного их толкования, как под воздействием собственного «пролетарского чутья», так и в корыстных целях (сведение личных счётов, освобождение приглянувшейся квартиры или должности и т. д.). Однако и в этом случае наиболее пострадавшими оказывались не представители верхушки бывшего буржуазного мира, а средние социальные слои, выходцы из мещан, тяжёлым трудом скопившие небольшое состояние, но не имевшие необходимых связей, высокой квалификации или средств, достаточных для того, чтобы откупиться от не чистых на руку представителей власти. Типичным примером может служить судьба Н.Ф. Голованова.

Выходец из бедной мещанской семьи Н.Ф. Голованов с 13 до 54 лет проработал на табачной фабрике Босанжоглу, начав службу «мальчиком» и дослужившись до заведующего папиросным отделом. В 1916 г. он был вынужден уйти с фабрики из-за обострения туберкулеза и с 1918 по 1922 гг. состоял на службе в Центросоюзе и ВСНХ в должности помощника заведующего транспортной частью, откуда был уволен по сокращению штатов. В 1922 г. Голованов был приглашён в только что организованное Товарищество табачной торговли «Сокол» в качестве

* Целители, гипнотизеры, хироманты и прочие представители оккультных наук зарабатывали в эти годы огромные деньги, наживаясь на невежестве широких масс населения. «У нас в клубе на ст. 3, — рассказывал, в частности, рабкор газеты «Гудок» в 1925 г. — был вечер прорицательницы и гипнотизерки Жанны. Угадывала чужие мысли и заработала 150 рублей за вечер». На основе этого и подобных сообщений, присланных в редакцию газеты, М.А. Булгаков написал фельетон «Мадмазель Жанна», в котором описал типичный для тех лет сеанс прорицательства, «построенного исключительно на силах природы с разрешения месткома и культурно-просветительной комиссии и представляющего собою виталлопатию на основе гипнотизма по учению индийских факиров, угнетенных английским империализмом» (Булгаков М.А. Самоцветный быт. М., 1985. С. 38—39).

специалиста по табачному делу. По утверждению Голованова, в товариществе он участвовал не денежными средствами, но только своим опытом и знаниями. Уйдя из товарищества, Голованов оказался на содержании племянников — инженера Московских городских железных дорог И.Д. Цыбульского и юрисконсульта «Госселькожи» К.И. Логинова. 7 января 1924 г. квартира Голованова в его отсутствие была опечатана сотрудниками ГПУ. Для выяснения обстоятельств Голованов явился в ГПУ, где и был арестован. Через 12 дней его отпустили, предварительно взяв письменное обязательство в семидневный срок выехать из Москвы без права проживания в Петрограде, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону. Никакое обвинение Голованову предъявлено не было, но на словах ему объяснили, что он высылается из столицы как социально вредный элемент. В отчаянии Голованов обратился в Президиум Моссовета с прошением, в котором, в частности, писал:

«Я никогда ни за что не был судим. За время Советской власти спекуляцией, посредничеством не занимался, никаких ни с кем сделок торгового характера не заключал, на «чёрной бирже», на бегах, в казино никогда не бывал и вообще ничего предосудительного не совершал. Наложённое на меня взыскание — высылка, является недоразумением: здесь произошла какая-то ошибка. Подчиняясь распоряжению ГПУ, я оставляю Москву — выезжаю в город Кинешму, но молю Президиум Московского Совета о справедливости — прошу сделать распоряжение о пересмотре моего дела. Если я по каким-либо причинам (по старости моей или неспособности к труду), не могу быть возвращён в Москву, то прошу не оставлять меня старика на верную гибель в чужом для меня месте (г. Кинешма), а разрешить мне проживание у сестры моей — Антонины Клепиковой в Бронницком уезде Московской губернии без права въезда в Москву».

Президиум Моссовета сообщил Голованову (без объяснения причин), что пересмотр дела «не представляется возможным»¹⁵¹.

С середины 1920-х гг. началось массовое (списками, без рассмотрения каждого конкретного дела судом или административными органами) выселение из крупных городов т. н. «накипи нэпа». Эта акция распространялась в основном на мелких торговцев, практически не коснувшись крупных нэпманов. В частности, по свидетельству Ю. Ларина местными властями западных городов СССР было предпринято выселение мелких торговцев-евреев в Южную Украину и Крым, где им давали землю для организации трудовых земледельческих хозяйств. «Это продолжается уже четыре года, — писал Ларин в 1927 г., — переселилось уже около 100 тыс. чел., и результаты оказываются хорошими. Люди превратились в настоящих крестьян, так что в этом году многим из них дано уже избирательное право. Они находятся под контролем местных органов,

и установлено, что они действительно сами работают физически, живут в землянках, ведут тяжелый образ жизни, но организуют хозяйство». В то же время вопрос о массовом выселении из Москвы и других городов с населением более 50 тысяч лиц «уголовной буржуазии», т. е. крупных нэпманов, когда-либо осужденных или административно высланных по хозяйственным делам, был поднят лишь в 1926—1927 гг.¹⁵² На практике же к массовым выселениям наиболее крупных представителей «советской буржуазии» приступили лишь в 1930-е гг.

Выселение помещиков из Московской губернии

Свидетельством крайней противоречивости социальной политики периода нэпа является также проведенная в 1925 г. кампания по выселению помещиков, проживавших в своих бывших имениях. Данная акция, по своей сути носившая ярко выраженный репрессивный по отношению к непролетарским классам села характер, в ходе практической реализации, напротив, продемонстрировала очевидную невыдержанность классового характера социально-экономической политики этого периода.

К середине 1920-х гг., несмотря на проведенную в 1917—1918 гг. конфискацию помещичьих земель, а также принятие в 1922 г. земельного кодекса, согласно которому бывшие крупные землевладельцы не могли получать земельный надел на территории своего бывшего владения, многие помещики по-прежнему проживали в принадлежавших им ранее имениях (создавали на их территории трудовые артели или музеи, брали землю в аренду, устраивались на должность управляющего или специалиста в создаваемых коллективных хозяйствах и т. п.). По данным Джона Ченнона, вплоть до середины 1920-х гг. в родных местах проживало около 11 тысяч бывших помещиков (с семьями около 50000 человек)¹⁵³. 24 февраля 1925 г. СНК СССР одобрил основные положения законопроекта о «лишении бывших помещиков прав на землепользование и проживание в принадлежавших им до октябрьской революции хозяйствах». По ходатайству местных органов и специальному решению ЦИК союзных республик исключение могло быть сделано для помещиков, «имеющих заслуги перед Советской властью и революцией», а также для «бывших земельных собственников трудового или полутрудового типа», которые приобрели в свое время землю при посредстве земельных банков или другими способами, путем закабаления себя платежами за землю в рассрочку». Однако наиболее ревностным коммунистам такие послабления показались чересчур либеральными, противоречащими интересам революции и социалистического строительства. Так, «Правда» опубликовала полную негодования статью В. Карпинского, в которой, в частности, говорилось:

«Законопроект подразделяет бывших помещиков на два разряда — дворян и недворян, белую и черную кость. Белая кость подлежит выселению полностью и без всяких оговорок. Черная кость выселяется лишь в том случае, если это признают необходимым местные органы в силу кабального характера отношений этого разряда б. помещиков с окрестным населением.*

Такое деление представляется нам совершенно неправильным ни с теоретической, ни с практической точки зрения. А вытекающие из него последствия могут смазать наполовину жизненное значение декрета и повредить нашему союзу с крестьянством [...] Мы сделали крупную политическую ошибку, допустив путём ряда циркуляров и постановлений возвращение б. помещиков в их бывшие имения. Эту ошибку надо исправить полностью, выселив целиком, без различия сословий, все остатки помещичьего класса из их гнезд, как элемент экономически паразитический, политически контрреволюционный. Оставлять хотя бы часть б. помещиков в их бывших имениях, возвращать им под тем или иным видом их бывшие имения, сдавать им в аренду ликвидируемые совхозы и т. п. — недопустимо политически, грозит трещиной в нашем союзе с крестьянством»¹⁵⁴.

Статья Карпинского вызвала бурную поддержку читателей. *«Из закона должен быть изгнан сословный характер»,* — пишет некий К. Цодкин, считающий что выселению должны подвергнуться **все лица «являвшиеся собственниками земли»**, независимо от сословного происхождения и от «объективных заслуг во время революции», а также все их родственники, проживающие в бывших помещичьих имениях «под тем или иным соусом» (члены артели, специалисты, управляющие, арендаторы и т. д.)¹⁵⁵.

Тем не менее, законопроект не был пересмотрен, а его практическая реализация оказалась значительно либеральнее и гуманнее, чем могли ожидать от Советской власти сами «бывшие». В марте 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах», а в июне того же года была утверждена инструкция «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений»¹⁵⁶. Для выявления бывших помещиков, проживавших в своих имениях, и определения, кто из них подлежит выселению, на местах были созданы специальные комиссии. К концу 1927 г. на территории РСФСР было взято на учет 10756 бывших помещиков, находившихся в своих прежних имениях, однако к числу подлежащих выселению были отнесены лишь 4112, то есть менее

* Выделение текста жирным шрифтом воспроизводится по подлиннику.

половины взятых на учет¹⁵⁷ Реально же было выселено еще меньше* Как на практике происходил процесс выселения бывших помещиков, какими критериями руководствовались власти, решая, кто подлежит выселению, а кто нет, насколько действенны были жалобы выселяемых? Для ответа на эти вопросы остановимся подробнее на материалах Московской губернской междуведомственной комиссии по выселению.

В Московской губернии к середине 1926 г. было взято на учет 659 помещичьих семей, проживающих в своих бывших имениях. В соответствии с решением Губернской междуведомственной комиссии по выселению, по данным на июль 1926 г., выселению подлежала только 261 семья, к октябрю их количество сократилось до 241. Фактически же было выселено лишь 228, то есть чуть более трети всех зарегистрированных помещичьих семей. Однако и это число не было окончательным, т. к. дела неоднократно пересматривались, и решение могло быть отменено даже после выселения. В результате к концу октября 1926 г. 463 помещичьи семьи (то есть почти три четверти зарегистрированных) оставались на прежнем месте жительства, а из 366 жалоб, поданных бывшими помещиками в ходе кампании выселения, 194 были удовлетворены¹⁵⁸. С точки зрения классового характера проводимой большевиками социальной политики, логично было бы предположить, во-первых, что уж в отношении бывших помещиков закон будет применен по всей строгости. Во-вторых, что при рассмотрении жалоб будет учитываться, прежде всего, социальное происхождение, степень лояльности истца новой власти и площадь его бывших земельных владений. Однако на деле все происходило иначе.

Формально вышеуказанные сведения действительно должны были стать решающими при определении судьбы того или иного помещика. При составлении списков землевладельцев, проживавших на территории принадлежавших им ранее хозяйств, следовало указывать их социальное происхождение, размер владения до революции и в текущий момент, основное занятие ранее и в текущий момент, характер взаимоотношений с крестьянами и ряд других сведений. При этом главным источником информации были сами бывшие помещики, то есть информация записывалась с их слов, порой не подвергаясь никакой проверке. Однако бывшие помещики нередко «уходили» от ответа на наиболее «опасные» вопросы. В частности, в списках комиссии далеко не

* Точных статистических данных о том, сколько именно бывших помещиков было выселено из их прежних имений во второй половине 20-х гг в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» нет.

всегда указана площадь земельных владений до революции, а некоторые данные о прежних владениях выглядят заниженными (дворянское имение в 8—10 десятин). На вопрос о «социальном происхождении» часто давали сведения о социальном положении или о нынешней профессии («служащий», «профессор», «научный работник», «учитель», «врач» и т. п.) или даже о родственных связях. «Брат известного революционера», — именно так определил свое «социальное происхождение» один из респондентов, не указав при этом имени этого «революционера»¹⁵⁹. Желание бывших помещиков скрыть свое социальное происхождение и масштабы прежнего материального благополучия вполне понятны. Вызывает удивление тот факт, что подобные анкеты принимались к рассмотрению без выяснения отсутствующей информации. По данным РКИ Московской губернии, четверть всех уже решенных дел не содержали каких-либо (или нескольких) из обязательных сведений, а именно: о социальном происхождении, о площади земельных владений, о взаимоотношениях с местными крестьянами, о нынешнем занятии бывших помещиков и их детей (в том числе о службе в Красной Армии) и многие другие. В 30 же решенных делах не были указаны практически все основные — и потенциально наиболее опасные для помещиков — сведения: не известно ни социальное происхождение лиц, ни площадь земельных владений, ни характер их взаимоотношений с крестьянами¹⁶⁰.

Не вызывает сомнения, что если бы у власти было стремление выселить всех без исключения бывших помещиков, это было бы сделано без объяснения причин, тем более, что, скрывая требуемую декретом информацию, бывшие помещики сами давали повод для применения к ним суровых репрессивных мер. Тем не менее, даже помещики дворянского происхождения были выселены далеко не все. По свидетельству того же Карпинского, со стороны крестьян никогда не было требований выселить бывшего помещика «только за то, что он дворянин». В Воронежской губернии, например, из 139 бывших помещиков, назначенных к выселению, только 39 были дворянами¹⁶¹. Всего же из 156 помещиков-дворян, состоявших на учете Губернской междуведомственной комиссии, было выселено 123 (по другим данным — 105 из 168). Из 4 помещиков-фабрикантов выселили только 1; из 21 представителя духовенства — также 1; из 118 лиц, не указавших своё социальное происхождение (вероятно, не без умысла), было выселено только 20¹⁶². Таким образом, дела бывших помещиков рассматривались в индивидуальном порядке (в отличие от дел т. н. социально-опасных элементов), и фактор происхождения был далеко не решающим.

Наиболее распространённая причина неприменения декрета к тому или иному представителю бывшего помещичьего сословия — служба сыновей в Красной Армии. Встречаются также и другие обоснования:

«научные заслуги перед революцией», «отсутствие кабальных отношений с крестьянами», «научный работник». В ряде же случаев отмена принятого ранее постановления о выселении никак не объяснена. Так, например, бывший помещик Богородского уезда, дворянин И.С. Шибаев, владевший до революции 2 тысячами десятин земли, был оставлен в своем имении специальным постановлением ВЦИК без объяснения причин¹⁶³ Дворянин Н.А. Протопопов, владевший до революции 124 десятинами земли в Бронницком уезде, не подвергся выселению в соответствии с решением Моссовета, причины которого также не ясны¹⁶⁴. Для того, чтобы понять, насколько произвольными, непредсказуемыми с точки зрения логики диктатуры пролетариата, были многие принимаемые в те годы решения в отношении «бывших», остановимся еще на нескольких конкретных случаях.

Дворянка А.М. Барсукова была выселена с территории своего бывшего поместья, несмотря на то, что «кабальных отношений» с крестьянами не имела, а её сын, член ВКП(б) с 1906 г., участвовал в революциях 1905 г. и Октябрьской 1917 г. Основанием для выселения Барсуковой послужило то, что ее дом был «предназначен» для школы¹⁶⁵. К семьям П.А. Кривчука (владел 175 десятинами земли) и Ф.С. Сагуро (владел 180 десятинами) ВЦИК, напротив, решил не применять декрет, невзирая на протест укома ВКП(б), который писал: *«В виду крайне обострѣнных взаимоотношений между крестьянами селения Вележево с бывшими помещиками Сагуро и Кривчук на почве открыто-кабальных отношений в настоящее время и жесточайшей эксплуатации в прошлом, Каширский Уком ВКП(б) считает необходимым настаивать на выселении из своих хозяйств указанных лиц»*. Тем не менее, по неясным причинам ВЦИК проигнорировал мнение укома партии и взял помещиков под свою защиту. Аналогичная ситуация сложилась в деле помещицы Загоскиной. Правда в ее случае, в отличие от дел Кривчука и Сагуро, есть веские причины для неприменения к ней декрета: оба ее сына служили в Красной Армии, причем один из них был убит¹⁶⁶.

Проявив снисхождение (не всегда объяснимое) к вышеуказанным помещикам, центральная власть оказалась неожиданно суровой к бывшим дворянкам сестрам Мансуровым 64 и 75 лет. Учитывая их возраст, медицинское свидетельство об инвалидности, лояльность к Советской власти (Софья Михайловна Мансурова несколько лет, пока позволяло здоровье, работала учительницей музыки в Обольяновском детском доме) и хорошее отношение к ним местных жителей, помогающих старушкам продуктами, местные власти решили Мансуровых не выселять. Однако, несмотря на настойчивые ходатайства Дмитровского уисполкома, губернская междуведомственная комиссия отказалась утвердить это решение. Обращение уисполкома в Президиум Моссовета с просьбой поместить Мансуровых, в случае их выселения, в инвалидный

дом осталось без ответа. Вынужденный по требованию губернской комиссии выселить старушек, Дмитровский уисполком предоставил им для постоянного проживания сторожку в их же бывшем имении¹⁶⁷. Обратим внимание на то, что решения, принятые по делам Мансуровых, Кривчука, Сагуро и им подобным, противоречат инструкциям НК РКИ рекомендовавшим при решении вопросов о выселении особое внимание уделить взаимоотношениям между бывшими помещиками и окружающим населением¹⁶⁸.

Проведенное МРКИ обследование результатов выселения из Московской губернии бывших помещиков показало «непроработанность многих дел», большинство из которых решались без предварительного сбора требуемых декретом сведений. В результате при повторном рассмотрении по 181 делу было принято диаметрально противоположное решение; некоторые дела пересматривались по 3—5 и более раз, причём в каждом случае принималось новое решение — либо вследствие появления не учтенной ранее информации, либо по причине личной заинтересованности принимавших решение лиц¹⁶⁹.

Новая экономическая политика действительно открывала неплохие возможности для частного предпринимательства, развития инициативы и быстрого обогащения. Однако воспользоваться этими возможностями смогли далеко не все «бывшие». Как следует из вышеизложенного, вернуть свою собственность, подлежащую демунципализации или денационализации, удалось далеко не всем желающим; да и не все бывшие владельцы, изъявили такое желание: кто-то побоялся, у кого-то не было средств на ее восстановление. Возможность воспользоваться экономическими уступками нэпа на практике определялась не столько бывшим социальным и имущественным положением, сколько психологическими особенностями человека, его умением быстро ориентироваться в ситуации, приспособляться к новым условиям, заводить нужные связи и т. п. Как подметил С.В. Шейхетов, **«большинство нэпманов относилось к тому типу людей, которые одинаково неплохо чувствуют себя в любые времена и при любых условиях»**. *«Они сумели занять, — продолжает Шейхетов, — достаточно высокие позиции в социальной иерархии как общества 20-х, так и общества 30-х. После окончания НЭПа многие частные предприниматели стали работать на руководящих должностях на государственных и кооперативных предприятиях, быстро адаптировавшись к новым условиям. Данный факт также говорит в пользу незаурядности этих людей. Причем эта незаурядность выглядит особенно рельефно на фоне огромного количества так называемых «бывших», то есть дворян, офицеров, царских чиновников, многих представителей интеллигенции, так и не сумевших найти свое место в послереволюционном обществе»*¹⁷⁰.

Так каково же реальное соотношение среди нэпманов старой и новой буржуазии?

ГЛАВА 3 СТАРЫЕ И НОВЫЕ «БЫВШИЕ»

НЭП это не только старая буржуазия, которая возвращается на насиженные места [...] НЭП будет создавать свою мелкую буржуазию, целую мелкобуржуазную стихию, которая может оказаться опаснее старой.

Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем (М., 1924)

Место «бывших» в рядах нэпманов

В вопросе о том, какое место занимали «бывшие» в рядах нэпманов, нет единства мнений ни среди современников событий, ни среди исследователей. Причин тому много. Это и несовершенство имеющегося статистического материала, в котором, как уже указывалось выше, данные о социальном происхождении обычно заменяются данными о социальном положении в текущий момент; и сложность социальной идентификации «бывших», многие из которых стремились скрыть свое прежнее положение; и, наконец, различное толкование социального пространства нэпманов* Так или иначе, как советские и партийные

* Социальная категория нэпманов имеет различные толкования. В частности, существуют разногласия о том, считать ли нэпманами только владельцев частных предприятий или всех лиц (включая советских служащих и интеллигенцию), так или иначе получавших доходы от владения имуществом и предпринимательской деятельности (подробнее см.: Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией. 1926—1929 гг. М., 1960. С. 7; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР М., 1975. С. 189, 192; Жиромская В.Б. Советский город в 1921—1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988 116—129; Ее же. После революционных бурь. Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996; Шейхетов С.В. Указ. соч.; У Эньянь. Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5. С. 78—87 и др.). Вопрос о социальных границах нэпманов выходит за рамки исследовательских задач данной монографии. Поскольку для данного исследования представляет интерес не социальная категория нэпманов как таковая, а лишь пересечение социальных пространств нэпманов и «бывших», в дальнейшем понятие «нэпман» будут употребляться в широком его толковании.

лидеры того периода, так и современные исследователи сходятся на том, что по своему социальному составу нэпманы не были однородной группой. Общеизвестно, что новая буржуазия формировалась из людей, различавшихся по социальному происхождению, по национальной и профессиональной принадлежности, по образованию, культуре, уровню материального достатка. Как отмечали современники, нэпманы выделялись особой психологией, их способ ведения дел и манеры поведения часто были иными, чем в среде дореволюционной буржуазии¹⁷¹. Трудно не согласиться с Шейхетовым в том, что главной объединяющей чертой нэпманов были незаурядные волевые и предпринимательские качества, а также исключительно высокие адаптационные способности, умение чувствовать ситуацию и быстро приспособливаться к ней¹⁷².

Доля старой буржуазии среди буржуазии новой, советской, по разным оценкам, колеблется в среднем от 30 до 50%¹⁷³. Однако необходимо учитывать, что «верхушка» нэпманов (т. н. нэпманы-«акулы») существенно отличалась в этом отношении от основной массы нэпманов-середняков, в число которых местные власти относили также всех спекулянтов, мелких аферистов, а то и карманных воришек*

подавляющее большинство нэпманов-середняков по своему социальному происхождению были мало связаны с «бывшими», в основном это были бывшие кустари, мелкие торговцы или крестьяне. Еще в марте 1919 г. В.И. Ленин отметил, что из среды крестьян и кустарей постоянно нарождается новая буржуазия¹⁷⁴. С началом нэпа этот процесс существенно активизировался. Так, по подсчетам С.В. Шейхетова, обработавшего 100 личных дел нэпманов-середняков Новониколаевска, 69% нэпманов происходили из крестьян, 24% — из мещан, 6% — из рабочих и один родился в казацкой семье. Несмотря на то, что социальная история Сибири имеет ряд особенностей, в целом эти цифры отражают общие тенденции того времени. В частности, Ю. Ларин, опираясь преимущественно на столичный материал, также утверждал, что наиболее активные организаторы частных предприятий в подавляющем большинстве «не были людьми, которые уже до революции были частными предпринимателями»¹⁷⁵

О многочисленных случаях, когда неимущие в прошлом люди вдруг становились весьма обеспеченными, регулярно сообщали в различные органы власти и редакции газет бдительные советские граждане. Так,

* Так, сотрудники московского статистического бюро в марте 1923 г. к числу предпринимателей отнесли следующие группы населения: хозяев с наемными рабочими, домовладельцев, землевладельцев, арендаторов недвижимого имущества, частных торговцев, предпринимателей, скрывающих свои занятия и спекулянтов (ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 744. Л. 2).

некий «честный гражданин», совесть которого якобы не позволяла ему молчать, в 1921 г. сообщил в СНК о том, что Моисей Слуцкий и его жена **«раньше были совершенно неимущие люди, а теперь стали богатыми, миллионерами, имеют много денег, бывших царских и думских кредиток, имеют массу бриллиантов, золотых, серебряных и хрустальных вещей, разного гардероба, мануфактуры, шелка, бархата и проч., имеют всевозможные продукты, крупчатку, масло, мясо, сахар, а также напитки, вина и спирт».** В письме сообщалось также, что в доме Слуцких регулярно устраиваются вечеринки и кутежи¹⁷⁶.

В отличие от нэпманов-средняков, **нэпманская «верхушка», по мнению большинства исследователей, состояла преимущественно из бывших крупных промышленников и купцов,** что не удивительно, так как для крупного бизнеса необходимы соответствующие знания, опыт, деловые связи и наличие средств. Однако и среди крупных нэпманов встречались выходцы из простонародья, ранее не имевшие никакого отношения к серьезному предпринимательству. Так, например, Мамычев, один из крупнейших галантерейно-меховых дельцов Сибири периода нэпа, владелец махорочной фабрики, валютчик и ростовщик, родился в крестьянской семье Воронежской губернии. Предпринимательством Мамычев впервые занялся лишь в 1921 г., когда он арендовал у новониколаевского губсовнархоза кожевенный завод. Его дела очень быстро пошли в гору, но в 1926 г. Мамычев был арестован за валютные операции и выслан на 3 года на Урал. Однако он не пропал и там. Уже через год Мамычев был амнистирован, поступил в томский музыкальный техникум и вскоре стал оперным певцом. В 1930-е годы он также активно занимался общественной работой и благополучно избежал репрессий*

* Подробнее см.: *Шейхетов С.В.* Указ. соч. Шейхетов, детально изучивший биографию нэпманской «верхушки» Сибири, приводит немало и других интересных историй из жизни нэпманов, свидетельствующих об исключительно высоком уровне их адаптационных способностей и жизнестойкости. Так, например, один из дореволюционных «тузов» делового мира Новониколаевска С.Д. Шегал, несмотря на свою принадлежность к эксплуататорским классам, благополучно пережил период гражданской войны и красного террора и в годы нэпа вновь занялся предпринимательством, добившись на этом поприще больших успехов. После завершения нэпа Шегалу было уже за шестьдесят, тем не менее, он легко адаптировался к новым условиям, устроившись товароведом в отдел снабжения завода «Электросталь». Не менее впечатляюще выглядит и жизненный путь выходца из эстонских крестьян М.А. Порреса. Начав пастухом и батраком, он встретил революцию в должности торгового агента фирмы «Зингер и К°»; был призван в Красную Армию, где устроился делопроизводителем. В период нэпа занялся предпринимательством и торговлей золотом. Был арестован и сослан, в ссылке выучился на маляра, поступил на работу в государственное предприятие и в 30-е годы стал ударником труда и активным общественником.

Бывшая именитая аристократия и интеллигенция редко пополняли ряды крупных нэпманов. Большинство из них, по свидетельству современников, жили в эти годы преимущественно распродажей личных вещей и мелкой торговлей: дамы торговали собственной выпечкой или предметами рукоделия, владельцы библиотек — книгами и т. п. Бывшая княжна Елена Шереметева, например, занималась тем, что переносила лотки с пирожками из частной квартиры, где их выпекали, в кондитерскую в Столешниковом переулке. Многие дамы из «бывших» жили тем, что преподавали иностранные языки и учили хорошим манерам детей нэпманов. Вообще образование и знание языков оказались ценным багажом в государстве, поставившем своей целью ликвидацию неграмотности. Эти качества были востребованы практически во всех государственных структурах. Они же позволяли молодежи из «бывших» работать в представительствах иностранных компаний и обществ, во множестве появившихся в Советской России в период нэпа (АРА, миссия Нансена, миссия папы Пия XI, карандашная фабрика Хаммер, Lena Goldfields и др.).

Однако при возможности бывшая верхушка аристократии не чуралась предпринимательством и даже спекуляцией, деликатно именуемой ими посредничеством. Так, бывшие князья братья Львовы арендовали в местечке Гжель печь для обжига фаянсовой посуды и успешно продавали производимые там изделия, а бывший конногвардейский офицер, троюродный брат князя С.М. Голицына Г.М. Осоргин стал крупным посредником между дореволюционной российской аристократией и скупщиками золота и драгоценностей¹⁷⁷. Тем не менее, Осоргины, Львовы и им подобные лица, занятия которых ничем не отличались от занятий типичных нэпманов, старательно дистанцировались от последних, пренебрежительно называя их «нуворишами», «нэпачами» и т. п.

«Бывшие люди продавали. Нэпманы покупали и прятали [...] Кроме золота и других ценностей нэпманы запасали иностранную валюту, и в первую очередь наиболее твердую — американские доллары», — писал, в частности, С.М. Голицын о годах нэпа, подчеркивая не только принадлежность нэпманов к иной культуре, но и иные источники получения ими средств существования, иную психологию. *«Такие коллекционеры, как Вишневский*»,* — возмущался Голицын, — *словно вампиры, забирались к какой-нибудь нуждающейся старушке, хранительнице портретов предков, картин, фарфора, давали за фамильные ценности ничтожные суммы и с*

* Ф.Е. Вишневский, презрительно названный Голицыным вампиром, в 1969 г подарил свою богатейшую коллекцию картин (около 300 произведений русского искусства XVIII—XIX вв.) Москве. На базе этой коллекции впоследствии был основан Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени, в котором Вишневский вплоть до своей смерти работал главным хранителем.

торжеством уносили ценности»¹⁷⁸ В то же время своего троюродного брата Осоргина — перекупщика драгоценностей, Голицын называет «человеком безупречной честности», **помогающим** нуждающимся из «бывших».

В действительности отличие заключалось в основном во внешнем лоске (изящные манеры, умение со вкусом одеваться и т. п.), которого не было у нэпманов. Разительные внешние отличия между «новой буржуазией» и именитыми дворянско-купеческими слоями дореволюционного общества не раз подмечали современники. Вот, например, как описывает свои впечатления от посещения в 1923 г. Большого театра З. Рихтер:

«В золото-малиновых ложах, в первых рядах партера — не рабочие блузы, как было в 18—20 гг., а оголенные, украшенные драгоценностями дамские плечи и руки, набриолиненные мужские проборы и сюртуки. Картина довоенного и дореволюционного времени. Публика не менее «шикарная», чем прежде, но если приглядеться, — не прежняя, не первого абонемента и премьер, а новая, иногородная, какая-то пестрая, так называемые нэпачи и нувориши. Старой именитой дворянско-купеческой и старой литературно-аристократической Москвы тут нет»¹⁷⁹

Пролетарские и коммунистические нэпманы

Опасения большевистских лидеров о том, что новая экономическая политика приведет к усилению буржуазного влияния не только на мелкобуржуазные слои, но даже и на наиболее отсталую часть пролетариата, оправдались с лихвой. Помимо всяческих спекулянтов-нуворишей и прочих чуждых рабочему классу «нэпачей» в ряды нэпманов охотно вливались и выходцы из пролетариата, в том числе и вчерашние выдвиженцы. Партийное руководство не раз напоминало об опасностях и соблазнах нэпа, против которых не закалены рядовые коммунисты и рабочие. Среди этих соблазнов — предметы роскоши, производство которых было одним из неизбежных «побочных продуктов» нэпа. *«Для чего этот частный торговец возьмется за работу, — спрашивает А.В. Луначарский. — Для того, чтобы нажиться. А раз он имеет прибыль, то он хочет эту прибыль тратить соответственно своим вкусам и потребностям и, стало быть, надо иметь предметы комфорта, предметы роскоши — иначе нэпман этим делом и заниматься не станет»¹⁸⁰*. В то же время рабочим и рядовым служащим эта роскошь оставалась совершенно недоступной, что порождало не только их массовое недовольство, но и стремление «жить не хуже». По словам А. Залкинда, нэп породил среди «героически заслуженной» молодежи, «делавшей революцию», тип

«активного бытового разложения», тип «рвача, направившего недавнее революционное возбуждение в мешанскую драку за более увесистую порцию житейского, полового и прочего удовольствия»¹⁸¹.

По силе разлагающего влияния на общество советская пресса сравнивала нэпманов с раковой опухолью. Особенное беспокойство вызывали рабфаковцы и студенты. *«Бытие определяет сознание, — объяснял это беспокойство И. Вихирев, — но бытие, в которое попадает рабочий и крестьянин, приходящий на рабфак от станка или сохи, резко отличается от его фабрично-заводского или крестьянского бытия. Жизненная обстановка решительно изменяется, и рабфаковец попадает в совершенно иные бытовые условия, осложняемые «соблазнами» НЭПа»*¹⁸². Эти опасения были не напрасны. Молодые выпускники вузов, которые еще недавно и мечтать не могли о специальности юриста или врача, торопились взять от жизни как можно больше. Работа на благо народа и государства за нищенскую зарплату их не устраивала; классовая солидарность не выдерживала конкуренции с материальным благополучием и быстрыми деньгами. В частности, материалы проводимых в 1923—1927 гг. органами РКИ обследований частных лечебных заведений свидетельствуют о том, что подавляющее число выпускников медвузов, независимо от их социального происхождения, стремились заняться именно частной медицинской практикой¹⁸³. То же самое можно сказать и об адвокатах. И это не удивительно. Государственная медицинская и юридическая помощь были бесплатными, да и обращались к помощи госслужб в основном те, с кого и взять-то было нечего. Напротив, к частнику приходили в основном люди состоятельные, а размер гонорара государством не регламентировался (частные лечебные или юридические заведения самостоятельно устанавливали размер оплаты, с условием предоставления в соответствующие госорганы информации об установленных тарифах и уплаты налогов). Те же, кто был вынужден поступить на советскую службу, не упускал удобного случая подработать частным образом, при этом социальное происхождение клиентов не имело значения и предпочтение отдавалось тем, у кого толще кошелек.

Не отставали от других и опытные советские работники. Многие «ответственные хозяйственники», руководившие крупными предприятиями, или руководители различных государственных и общественных организаций на средства вверенных им учреждений создавали так называемые «подсобные предприятия». *«Было бы странно, если бы какой-нибудь советский хозяйственник для извлечения прибыли открыл дом терпимости, — возмущался в связи с этим помощник прокурора СССР И.С. Кондурушкин. — А вот председатель Областной комиссии Помгола в Ленинграде Гинсбург открывает на деньги Помгола самый низкопробный ресторан «Веселый ад» с кутежами, тройками. В Ельце о-во «Друг детей»*

открывает казино — игорный притон с теми же «придатками». То же делает Узбекистанская деткомиссия»¹⁸⁴

Насколько далекой от коммунистических идеалов была атмосфера, царившая в эти годы в различных советских учреждениях, можно судить по письму одного из стажеров Московской губернской коллегии защитников:

«При МГСПС есть Юрбюро. Заведующим там состоит Бухов, а его помощником некто Головчинер [...] Бухов и Головчинер при назначении на платные должности руководствуются особыми мотивами. Каковы же эти мотивы?»

1. Смазливое женское лицо. Все молодые и смазливые, независимо от знаний и стажу, получают быстро платную работу, а не обладающие смазливым качеством сидят практикантами по несколько лет (2—3) и не могут получить не только платной работы, но и надежды на нее. Происходит всё это зло от того, что Завы Юрбюро настолько обабилась, что порой бывает стыдно за них; так у них в Юрбюро сидит платная «юристка», выкрашенная чуть ли не во все имеющиеся цвета, а сами Завы припудриваются, подкрашивают глаза, а Бухов носит с собой вешалку-растопырку, куда вешает пальто, чтоб оно не смялось и не потеряло фасона, а он репутации приличного кавалера среди смазливых. Такой «романтизм ухажерства» настолько вредно и разлагающе действует на союзных юристов, что были даже среди них случаи самоубийства на романтической почве.

Мы спрашиваем, разве такова политика партии по отношению к женщине, а ведь Бухов и Головчинер — партийцы?»¹⁸⁵

Советские чиновники наркоматов торговли и Внешторга также в подавляющем большинстве отличались предпринимательской жилкой. В 1920-е годы в советских торгпредствах за рубежом то и дело вспыхивали скандалы, связанные с тем, что предприимчивые ответственные работники пытались оговорить заключение контракта с определенной западной фирмой условием получения процентов от сделки в собственный карман.

В первые годы НЭПа немало желающих стать собственниками или арендаторами оказалось и среди коммунистов. Как совершенно справедливо сказал позже о коммунистах один из крупнейших партийных лидеров тех лет Е. Ярославский, все они оставались «в известной степени (физически), людьми прошлого, со всеми недостатками прошлого»¹⁸⁶ Одним из важнейших и наиболее живучих «недостатков прошлого» было стремление к собственному прочному хозяйству. Химик Н. Николаевский, в частности, вспоминал, как некий «рьяный больше-

вик» признался ему как-то, что устал от войн, мечтает о «спокойном житии», о торговом заведении, мол, «побаловались и довольно, пора и за ум взяться»¹⁸⁷ Новая экономическая политика пробудила в бывших крестьянах или рабочих, а ныне председателях сельсовета или заводской комячейки, дремавшие в их душах в ожидании своего часа старые мечты о приобретении источников личного материального благополучия в виде мельницы или фермы, небольшого кирпичного заводика или торговой лавки и т. п. Эти мечты в некоторой мере поощрялись провозглашенным В.И. Лениным лозунгом «Учитесь торговать!», поставленной партией задачей «выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме». Выступая на XI съезде РКП(б) с политическим отчетом ЦК Ленин сказал:

«Разведкой установлено ничтожное количество договоров с капиталистами, но все-таки они заключены. На этом надо учиться и действовать дальше. В этом смысле пора перестать нервничать, кричать, суетиться [...] Все суетятся, получается кутерьма: практического дела никто не делает, а все рассуждают, как приспособиться к нэпу, и результата никакого не получается. А купцы над коммунистами смеются [...]»¹⁸⁸

Этот призыв не суетиться, не нервничать и переходить от разговоров к делу, многие коммунисты восприняли как разрешение развивать частную инициативу и предпринимательство. Кто-то из партийного или советского руководства, не задумываясь, брал в аренду вожделенную недвижимость, порой незаконно отбирая ее у бывших собственников. Другие побаивались становиться владельцами и на всякий случай оформляли аренду на своих родственников. По утверждению Ю. Ларина, можно привести сотни примеров того, как «ответственные и не очень ответственные» деятели хозяйственных и административных органов использовали служебное положение «для обогащения себя через создаваемые ими на имя подставных лиц, родственников и т. п. частные предприятия, чтобы затем превратиться уже открыто и самим в самостоятельных предпринимателей»¹⁸⁹.

Доходило до того, что идейные коммунисты, прежде чем заняться предпринимательством, спрашивали разрешение партии или центральной власти. Так, некий коммунист Шатуновский обратился в «Известия ВЦИК» с вопросом: «Может ли коммунист быть арендатором?» Вот, что ответила Шатуновскому редакция газеты:

«[...] Спросим любого буржуа, почему он не спешит воспользоваться правами, которые дают ему новые декреты, почему он не берет в аренду

предприятий, не вносит денег на текущий счет и т. д. Мы услышим категорический ответ: «Я не верю, что это всерьез и надолго, а главное, когда через каждую пару строк я читаю в ваших декретах — «диктатура пролетариата», — вся «свобода» теряет для меня цену» [...] Новый курс экономической политики не означает, что коммунист должен стать «крепким хозяином», коммунист должен понять государственные задачи, стоящие перед страной, а не мечтать о «своем» прочном хозяйстве!»¹⁹⁰

По сути, редакция «Известий ВЦИК» честно призналась, что нэпман является для Советской власти тем самым поросенком, которого хорошенько откармливают, чтобы зарезать к празднику. Коммунист же в этой ситуации должен был исправно исполнять роль скотовода: следить за тем, как скотина прибавляет в весе и вовремя подать ее к столу. Как сказал И.В. Сталин в заключительном докладе на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., придерживаться новой экономической политики следует лишь до тех пор, пока она служит делу социализма, а «когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту»¹⁹¹.

Как только нэп был «отброшен к черту», все новые хозяева и торговцы из рабочих и крестьян были объявлены перерожденцами, разложившимися элементами, которых автоматически стали причислять к классово чуждым или «бывшим»*

Новые «бывшие»

Постепенно на экономике страны начало сказываться благотворное влияние НЭПа. Более-менее успешно преодолевалась хозяйственная разруха. Прилавки магазинов стали заполняться товарами, на них появились разносолы, о которых еще недавно нельзя было и мечтать. «Шел июнь 1924 года — разгар нэпа, — вспоминал, в частности, писатель А.А. Маринов, бывший в то время одним из сотен тысяч голодных беспризорников. — В зеркальных витринах магазинов висели огромные толстые колбасы, красовались подрумяненные окорока, маслянисто мерцали надрезанные головки сыров, истекали соком янтарные балыки. А торты, пирожные, булочки с изюмом в кондитерских! От созерцания этих вкусных вещей рот забивала голодная слюна, до тошноты подводило живот»¹⁹². Все это изобилие было доступно лишь немногим. На фоне крайне низкого жизненного уровня большинства населения, появившаяся в стране

* Массовая кампания по «искоренению частного предпринимательства» была начата в январе 1930 г.

роскошь неизбежно вызывала ненависть голодающего большинства к благополучному меньшинству. Наиболее ярко это проявилось в центре республики, и, прежде всего, в её столице, где социальные контрасты были особенно заметны. Ненависть к нэпманам зачастую переносилась и на «бывших», условия жизни которых в эти годы нередко мало чем отличались от условий жизни пролетариата. Широкие массы полуголодного населения и наиболее рьяные коммунисты, ненавидящие всякую частную собственность, не делали различия между старой, дореволюционной и новой, нэпманской буржуазией. Достаточно было иметь собственный сад или огород, чтобы попасть в разряд частных или буржуев, что для подавляющего большинства населения было равнозначно.

Таким образом, все больше происходило смешение различных социальных слоев, с одной стороны, и дифференциация единых в прошлом социальных групп, с другой. Бывший царский чиновник или инженер вдруг оказывался на службе у разбогатевшего спекулянта, еще недавно служившего у него швейцаром; вчерашний крестьянин или мелкий лавочник, не умевший правильно говорить по-русски, нанимал бывшего профессора гувернером для своих детей и т. п. Сын рабочих, благодаря Советской власти получивший высшее образование и ставший инженером или врачом, для своих подчиненных автоматически становился «чуждым», «буржуем». *«У нас на заводе сплошь и рядом молодежь смотрит на мастера, инженера или директора, как на людей, чуждых рабочему классу, — сетовал на враждебное отношение к специалистам В. Мятлев, один из новых советских спецов завода «Экономайзер». — Это, мол, выходцы из буржуазных семей — они ученые, а мы — дети простых рабочих. Что же может быть общего между нами? Мы и знать их не хотим»*¹⁹³.

Средства массовой информации и местные власти не делали различий между спекулянтами, кулаками, нэпманами, «бывшими людьми», экспропрированными экспроприаторами и т. п., равно причисляя всех к числу жесточайших врагов новой власти¹⁹⁴. В дискурсе представителей местных властей понятия «бывшие», «нетрудовые элементы» и «нэпмановские элементы» также зачастую оказывались тождественны. Так, к нетрудовым элементам был причислен, например, пекарь, имевший собственную пекарню, хотя и работавший без применения наемных рабочих¹⁹⁵. Выходцы из крестьян и рабочих, вынужденные в годы нэпа заняться мелкой торговлей, в последующем нередко оказывались «вычищенными» как «социально чуждые элементы»¹⁹⁶. В конце концов, нэпманы, включая мелких торговцев, пополнили ряды «бывших», равно став «чуждыми» советской власти, независимо от своего происхождения.

Примечания

¹ См., например: *Горинов М.М.* Нэп и возникновение целостной командно-административной системы // *Власть и общество России XX век.* М.—Тамбов, 1999. С. 88; *Измолик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный контроль за населением Советской России в 1918—1928 гг. СПб., 1995. С. 258.

² См.: *Бубнов А.С.* Экономические предпосылки буржуазного реставраторства // *Бубнов А.С.* Буржуазное реставраторство... С. 58.

³ Известия ВЦИК. 1921. 7 декабря. С. 1.

⁴ *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 262.

⁵ См., например: *Лужков Ю.М.* Мы дети твои, Москва. М., 1996. С. 266.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 219. Л. 105об.

⁷ Власть Советов. 1920. № 5. С. 14.

⁸ *Семашко Н.А.* Не только репрессии, но и реформы // Известия ВЦИК. 1921. 3 дек. С. 1.

⁹ Жилищный вопрос. Сборник декретов, распоряжений и инструкций разъяснениями. М. 1923. С. 5.

¹⁰ СУ 1921. № 60. С. 409.

¹¹ Жилищный вопрос. Сборник декретов... С. 37—39.

¹² *Семашко Н.* Указ. соч. С. 1.

¹³ Жилищное законодательство. Вып. V Немуниципализированные и демуниципализированные строения (частно-владельческие и кооперативные). М., 1927. С. 8.

¹⁴ См. Жилищный вопрос. Сборник декретов... С. 36—50.

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1588. Л. 1. См. также: Там же. Жилищное законодательство. Систематизированный сборник законодательных и ведомственных постановлений, важнейших постановлений и определений Верховного Суда РСФСР и постановлений Мособлисполкома и Моссовета по законодательству на 1 сентября 1932 г. М., 1932. С. 38.

¹⁶ СУ 1921. № 60. Ст. 409.

¹⁷ Жилищное законодательство. Вып. V... С. 10.

¹⁸ Там же. С. 4.

¹⁹ Жилищное законодательство. Вып. V С. 4—5.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056. ЛЛ. 282—283.

²¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1224. Л. 91.

²² Статистических данных о том, сколько муниципализированных домов подлежало возврату прежним владельцам и какая их часть действительно была возвращена, к сожалению, нет.

²³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 41. Л. 49; см. также: Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 167.

²⁴ *Лужков Ю.М.* Указ. соч. С. 266.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 291. Л. 6.

²⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. Л. 55.

²⁷ Там же. ЛЛ. 53—57.

²⁸ См., например: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 3, 11—12, 104, 152 и др.

²⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 32—35.

³⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1588. Л. 46.

³¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1588. ЛЛ. 46—82.

³² ?

³³ Жилищный вопрос. Сборник декретов... С. 39.

- ³⁴ См., например: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 29, 35—35, 91—92, 106, 152, 163, 166, 189 и др.
- ³⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 91—92.
- ³⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 69—70.
- ³⁷ Жилищное законодательство. Вып. V С. 13.
- ³⁸ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 12.
- ³⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 46. ЛЛ. 14—16, 19.
- ⁴⁰ См.: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 46. ЛЛ. 27—31.
- ⁴¹ См.: Там же. ЛЛ. 22—25.
- ⁴² *Ларин Ю.* О судьях // Правда. 1923. 10 ноября. С. 1.
- ⁴³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 11—12.
- ⁴⁴ Там же. ЛЛ. 185—187
- ⁴⁵ Там же. Л. 188.
- ⁴⁶ Там же. ЛЛ. 200—201.
- ⁴⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 2033. ЛЛ. 1—102.
- ⁴⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1588. ЛЛ. 3—6.
- ⁴⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 2045. ЛЛ. 45—50.
- ⁵⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 2010. Л. 10.
- ⁵¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 2010.
- ⁵² ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 60. Л. 73.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 316. Л. 47; см. также: **ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 309—319.**
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 316. Л. 13.
- ⁵⁵ Там же. Л. 14.
- ⁵⁶ Там же. Л. 62.
- ⁵⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. Л. 107
- ⁵⁸ *Рихтер З.* Москва. Из быта нэпачей // Известия **ВЦИК**, 1923. 11 марта. С. 4.
- ⁵⁹ См.: *Кондурушкин И.С.* Частный капитал... С. 235.
- ⁶⁰ *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 144.
- ⁶¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 46. Л. 7
- ⁶² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. Л. 44.
- ⁶³ Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 7.
- ⁶⁴ Жилищный вопрос. Сборник декретов... С. 40—41.
- ⁶⁵ Там же. С. 10—11.
- ⁶⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1295. ЛЛ. 9—10.
- ⁶⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1043. ЛЛ. 5—10.
- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1021. Л. 10об.
- ⁶⁹ Красный ворон. 1922. № 2. С. 2.
- ⁷⁰ СУ 1921. № 47 Ст. 230.
- ⁷¹ СУ № 48. Ст. 240.
- ⁷² СУ № 79. Ст. 684.
- ⁷³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1039. Л. 15—15об. См. также: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1039. ЛЛ. 119—122; Д. 1056. ЛЛ. 106—115 и др. О нечистоплотности представителей местной власти, практически «безвозмездно» (разумеется, для государства, а не для себя) сдающих в аренду наиболее экономически ценные торговые или промышленные объекты, см. также: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М., 1993. С. 457—458; *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.—Л., 1927. С. 30—33, 99—102.
- ⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1039. Л. 119.
- ⁷⁵ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 208. Л. 2об.

⁷⁶ См., например: *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 173; *Жиромская В.Б.* Советский город... С. 117

⁷⁷ Подробнее см.: *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989; *Жиромская В.Б.* Советский город... С. 116—138.

⁷⁸ *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Л., 1969. С. 73.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1018. Л. 2.

⁸⁰ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 144. Л. 6.

⁸¹ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 19.

⁸² О массовых репрессиях против частников см.: *Осокина Е.А.* Указ. соч. С. 53—58.

⁸³ Как работал Московский Совет РК и КД. Краткий отчет рабочим города Москвы. 1926—1928 годы. М., 1929. С. 19, 30.

⁸⁴ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. XII.

⁸⁵ Красный ворон. 1922. № 1. С. 5.

⁸⁶ *Ленин В.И.* П. С. С. Т. 44. С. 166.

⁸⁷ *Бубнов А.С.* Возрождение буржуазной идеологии // *Бубнов А.С.* Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923. С. 25—26.

⁸⁸ *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.—Л., 1927. С. XI.

⁸⁹ *Стеклов Ю.* Еще одна чистка // Известия ВЦИК. 1921. 7 декабря. С. 1.

⁹⁰ *Исаев А.* Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917—1924 гг.). М., 1924. С. 69—70.

⁹¹ Там же. С. 36, 67

⁹² См.: Там же. С. 70, 37

⁹³ *Луначарский А.В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. С. 27; см. также: Там же. С. 20, 35, 41—46, 61; *Его же.* Концентрация интеллигенции // *Луначарский А.В.* Мещанство и индивидуализм. М.—Пг., 1923. С. 80.

⁹⁴ См., например: Красная молодежь. 1924. № 2. С. 122.

⁹⁵ Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* Образ «бывших» в советской литературе...

⁹⁶ *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 274; подробнее см.: *Орлов И.Б.* «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России XIX—XX вв. Новые источники понимания. М., 2001. С. 230—236.

⁹⁷ *Коган С.* Организация массовых народных празднеств. М., 1921. С. 5. См. также: Октябрь в рабочих клубах: Пособие по проведению празднования Октябрьской годовщины. М., 1923; Октябрь: Сборник пособий для проведения праздника Октябрьской годовщины в рабочих клубах. М., 1924; Октябрь в клубах: Сборник материалов к празднованию Октябрьской революции. М., 1924; Как праздновать Октябрь: Пособие для политпросвет работников. М.—Л., 1925; и др.

⁹⁸ Красный ворон. 1924. № 13. С. 5.

⁹⁹ *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 120.

¹⁰⁰ Там же. С. 101.

¹⁰¹ Юша Самарин, сын бывших владельцев спиридоновского особняка, дальних родственников князей Голицыных.

¹⁰² Миша Олсуфьев, сын графа Ю.А. Олсуфьева, бывшего ранее соседом Голицыных по имению.

¹⁰³ *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 140, 144—145.

¹⁰⁴ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 19.

¹⁰⁵ *Луначарский А.В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем... С. 28; см. также: Там же. С. 35, 61—62; *Он же.* О быте. М.—Л., 1927. С. 54 и др.

¹⁰⁶ *Ленин В.И.* П. С. С. Т. 44. С. 351.

- ¹⁰⁷ См.: Жилищный вопрос: Сборник декретов... С. 107—112.
- ¹⁰⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 744. Л. 5.
- ¹⁰⁹ См. Известия ВЦИК. 1922. 9 марта. С. 3; 11 марта. С. 3; 12 марта С. 4; 14 марта. С. 4; 15 марта. С. 4.
- ¹¹⁰ *Жиромская В.Б.* После революционных бурь... С. 115—116.
- ¹¹¹ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.. Журнал «Нева», 2000. С. 329.
- ¹¹² *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 36; см. так же: *Он же.* Итоги, пути, выводы. М., 1923. С. 79.
- ¹¹³ *Луначарский А.В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. С. 35.
- ¹¹⁴ Правда. 1922. 22 дек. С. 1.
В данном случае выделение текста жирным шрифтом воспроизводится по подлиннику.
- ¹¹⁶ *Ларин Ю.* О судьях // Правда. 1923. 10 ноября. С. 1.
- ¹¹⁷ *Смирнов И.* Один из очередных проектов (ответ тов. Ларину) // Правда. 1923. 14 ноября. С. 1.
- ¹¹⁸ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 78—79.
- ¹¹⁹ *Ленин В.И.* П. С. С. Т. 54. С. 98.
- ¹²⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1667. ЛЛ. 2—3. Осуществление источнико-ориентированной обработки данных анкет членов Московской губернской коллегии защитников, хранящихся в фонде Моссовета (ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. ДД. 533, 1022, 1667) предоставило бы ценную информацию, однако, материалы анкетирования до сих пор не изучены.
- ¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1056. ЛЛ. 66—71.
- ¹²² СЗ. 1924. № 24. Ст. 205.
- ¹²³ *Бранденбургский Я.* Вопросы уголовного законодательства на сессии ЦИК Союза // Известия ВЦИК. 1927. 6 февр. С. 6.
- ¹²⁴ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. ЛЛ. 10—15.
- ¹²⁵ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. Л. 15.
- ¹²⁶ *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.—Л., 1927. С. 70—71; См. также: *Ларин Ю.* Частный капитал... С. 450—452.
- ¹²⁷ *Д'Ор О.Л.* Даешь, берешь // Красный ворон. 1922. № 1. С. 5.
- ¹²⁸ *Ли-н А.* Суд. О том, как люди попадают в тюрьму // Беднота 1923. 18 окт. С. 8.
- ¹²⁹ Выделение текста «в разрядку» воспроизводится по подлиннику.
- ¹³⁰ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 203, 204, 205.
- ¹³¹ Правда. 1922. 22 дек. С. 1.
- ¹³² См. *Блюменфельд Р.И.* Принципы регистрации населения. (Акты гражданского состояния.) М., 1922. С. 45—53.
- ¹³³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056а. Л. 13—14.
- ¹³⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056а. Л. 89.
- ¹³⁵ См., например: Там же. Л. 25, 72, 74.
- ¹³⁶ Там же. Л. 89.
- ¹³⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056а. ЛЛ. 22—23.
- ¹³⁸ *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 262.
- ¹³⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг. М., 1953. С. 117
- ¹⁴⁰ Там же. С. 149.
- ¹⁴¹ Там же. С. 155—156. Аналогичное толкование социально-опасных лиц сохранилось и в УК РСФСР редакции 1926 г (Там же. С. 257—258.)

- ¹⁴² Известия ВЦИК. 1922. 31 декабря. С. 4.
- ¹⁴³ *Краснушкин Е.К.* Что такое преступник // Преступник и преступность. Сб. ст. М., 1926. С. 27.
- ¹⁴⁴ *Якубсон В.Р.* Кто находится в местах заключения ? // Административный вестник. 1929. № 4. С. 48.
- ¹⁴⁵ *Ларин Ю.* Частный капитал... С. 443.
- ¹⁴⁶ *Шейнин Л.Р.* Записки следователя. М., 1979. С. 4.
- ¹⁴⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 521. Л. 88.
- ¹⁴⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 521. ЛЛ. 91—92.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 107.
- ¹⁵⁰ См., например: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 521. ЛЛ. 19, 21, 22, 24—25, 67 и др.
- ¹⁵¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 521. ЛЛ. 2а—7
- ¹⁵² См.: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР М., 1993. С. 445, 452.
- ¹⁵³ Данные приводятся по: *Чуйкина С.* Указ. соч. С. 157.
- ¹⁵⁴ *Карпинский В.* Против помещиков // Правда. 1925. 14 марта. С. 1.
- ¹⁵⁵ Правда. 1925. 24 марта. С. 7
- ¹⁵⁶ Сборник декретов по земельному законодательству СССР: РСФСР 1917—1954. М., 1954. С. 19—20.
- ¹⁵⁷ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1998. С. 86. См. также: Там же. С. 82—98.
- ¹⁵⁸ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1294. Л. 5.
- ¹⁵⁹ Там же. ЛЛ. 14—39.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 89.
- ¹⁶¹ *Карпинский В.* Против помещиков // Правда. 1925. 14 марта. С. 1.
- ¹⁶² ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1294. Л. 15; см. также: Там же. ЛЛ. 16, 89, 91, 92.
- ¹⁶³ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1294. ЛЛ. 14—39; см. также: Там же. ЛЛ. 91—92.
- ¹⁶⁴ Там же. ЛЛ. 15об—16.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 43.
- ¹⁶⁶ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1294. Л. 7—8.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 115—116.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 1.
- ¹⁶⁹ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1294. Л. 89.
- ¹⁷⁰ *Шейхетов С.В.* Нэпманы Сибири // Электронный журнал «Сибирская заимка». www.zaimka.ru/soviet/sheikh.
- ¹⁷¹ См.. *Ларин Ю.* Частный капитал... С. 437, 43, 443; *Луначарский А.В.* Интеллигенция в ее прошлом... С. 68—71.
- ¹⁷² *Шейхетов С.В.* Указ. соч.
- ¹⁷³ См.: *Жиромская В.Б.* Советский город... С. 116. Встречаются и исключения. В частности, У Эньюань включает в число нэпманов всех лиц, «лишенных собственности и власти во время Октябрьской революции» (*У Эньюань.* Указ. соч. С. 78).
- ¹⁷⁴ *Ленин В.И.* П. С. С. Т. 38. С. 177.
- ¹⁷⁵ *Ларин Ю.* Частный капитал... С. 443. См. также: Там же. С. 437, 439.
- ¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1091. Л. 335а.
- ¹⁷⁷ См.: *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 129, 148.
- ¹⁷⁸ *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 129.
- ¹⁷⁹ *Рихтер З.* Москва. Из быта нэпачей // Известия ВЦИК. 1923. 11 марта. С. 4.
- ¹⁸⁰ *Луначарский А.В.* О быте. М.—Л., 1927. С. 54. См. также: *Бубнов А.С.* Возрождение буржуазной... С. 5.
- ¹⁸¹ *Залкинд А.* О нашей молодежи // Известия ВЦИК. 1927. 20 февр. С. 6.
- ¹⁸² *Вихирев И.* Итоги и перспективы развития рабфаков // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 92.

См., например: ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. ЛЛ. 33—34.

¹⁸⁴ Кондурушкин И.С. Частный капитал... С. 40.

¹⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. Л. 49.

¹⁸⁶ Ярославский Е.М. Доклад на XVI партконференции 29.IV.1929 г. // Как проводить чистку партии. Сборник директивных статей и материалов. М., 1929. С. 10.

¹⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1235. Л. 15.

¹⁸⁸ Ленин В.И. П. С. С. Т. 45. С. 91.

¹⁸⁹ Ларин Ю. Частный капитал... С. 440—444; см. также: Кондурушкин И.С. Частный капитал... С. 30—33, 40, 76, 99—102, 203.

¹⁹⁰ Коммунисты в мелкобуржуазном окружении // Известия ВЦИК. 1921. 12 авг. С. 1.

¹⁹¹ Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 326.

¹⁹² Маринов А.А. Детский дом. М., 1984. С. 23.

¹⁹³ Мятлев В. Молодежь и спецы // Комсомольская правда. 1926. 21 окт. С. 3.

¹⁹⁴ См., например: Безбожник. 1932. № 7/8. С. 4.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 316. Л. 49.

¹⁹⁶ См., например: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 93. ЛЛ. 2, 5, 7, 8, 11, 13—23. Подробнее о «чистках соваппарата» см. часть 4 главу 2 данной работы.

Часть IV

Окончательная ликвидация эксплуататорских классов и исчезновение «классовой исключительности»

*Враг сломлен, враг побежден, враг повержен на землю.
По отношению к такому врагу победитель обязан быть
великодушным.*

А.Я. Вышинский, 1928 г.

ГЛАВА I

НАГНЕТАНИЕ КЛАССОВОЙ НЕНАВИСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Рушится последняя надежда на восстановление капитализма. Этим, между прочим, и объясняются отчаянные попытки капиталистических элементов нашей страны поднять против наступающего социализма все силы старого мира, попытки, приводящие к обострению борьбы классов. Не хочет капитал «врастать» в социализм [...] О чем еще может свидетельствовать это бешеное озлобление классовых врагов и этот неистовый вой лакеев капитала, как ни о том, что партия одержала решающую победу.

Сталин И.В. Год великого перелома, 1929 г.

«Усилить классовую непримиримость»

Накануне «великого перелома»

Конец 1920-х гг. характеризовался постепенным ужесточением социальной политики. Поначалу этот процесс носил непоследовательный, противоречивый характер, сопровождаясь то усилением репрессий против «классово чуждых элементов», то улучшением положения отдельных групп «бывших». Так, например, 6 февраля 1927 г. была опубликована «Инструкция о лицах, лишенных избирательных прав», в соответствии с которой в число «лишенцев» наряду с бывшими помещиками оказались включены и члены их семей. В то же время, 14 февраля 1927 г., постановлением ВЦИК в избирательных правах были восстановлены жандармы, агенты бывшей полиции и тюремного ведомства.

Несмотря на очевидный курс на свертывание нэпа и ограничение свободы предпринимательства, частники по-прежнему нередко одерживали верх в судебных тяжбах. Так, в январе 1927 г. в Москве состоялось несколько судебных процессов над частными лечебными учреждениями, в связи со смертью их пациентов в том числе и рабоче-крестьянского происхождения. Во всех случаях, были приняты решения в пользу врачей-частников*

* В частности, пациент Мясницкой центральной лечебницы во время рентгена по-

В феврале 1927 г. среди юристов развернулась дискуссия по поводу зависимости применяемой к обвиняемому меры социальной защиты* от его социального происхождения. Представители Наркомата юстиции РСФСР, считая, что положение пролетария налагает особую ответственность, предлагали обвиняемым пролетарского происхождения выносить более суровый приговор, рассматривая, таким образом, пролетарское происхождение как отягчающее вину обстоятельство в случае совершения преступления. Против этого категорически возражал Наркомюст СССР. В частности, Н.В. Крыленко подчеркнул, что классовая природа суда является азбукой, нарушать которую нельзя. В то же время Крыленко согласился с тем, что «голая классовая принадлежность сама по себе» не может определять «тяжесть или слабость социальной репрессии»¹. В итоге этой дискуссии победила точка зрения о нейтральности наказания, его независимости от социального происхождения. Из «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» были исключены положения о применении более суровой меры социальной защиты по отношению к социально чуждым лицам (ст. 31 п. «б» «Основных начал»), а также о смягчении участи обвиняемых из рабочих и «трудовых крестьян» (ст. 32. п. «б»)². Таким образом, несмотря на тенденцию общего ужесточения социальной политики, в 1927 г. был юридически закреплен отказ от зависимости приговора от социального происхождения обвиняемого.

лучил сильный ожог, от которого впоследствии скончался. На врачей частной психиатрической лечебницы Усольцева была подана жалоба женой пациента, покончившего с собой во время пребывания в лечебнице. Несмотря на то, что обоих случаях пострадавшие относились к лицам пролетарского происхождения, а обе клиники были частными, суд не нашел в действиях врачей состава преступления (см.: Известия ВЦИК. 1927. 1 февр. С. 5). Любопытно, что впоследствии, в течение 1927 — 1928 гг., инспектор Московского отдела здравоохранения Скутельский неоднократно обращался в Моссовет с предложением закрыть лечебницу Усольцева ввиду имеющихся в ней многочисленных нарушений медицинских и санитарно-гигиенических норм. Однако Моссовет проигнорировал предложения Скутельского, мотивируя это тем, что инспектор, якобы «недолюбливает лечебницу» и его указания носят «формальный» характер (ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 102).

* В соответствии с утвержденными ЦИК СССР в октябре 1924 г. «Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик» термин «наказание» заменялся термином «мера социальной защиты». Меры социальной защиты подразделялись на три вида: меры судебного-исправительного характера (бывшее наказание, применяемое за преступление); меры медицинского характера (применялись к лицам, признанным невменяемыми); меры медико-педагогического характера (в отдельных случаях применялись к несовершеннолетним правонарушителям). (Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 200—201.)

Неоднозначным было и положение «буржуазных» специалистов и «буржуазной» интеллигенции. С одной стороны, по-прежнему подчеркивалась необходимость бережного отношения к ним. *«Спецы нам нужны до крайности, — утверждал, в частности, А.В. Луначарский в одном из своих выступлений в Ленинграде 18 ноября 1926 г. — Спецу, как сказал В.И. Ленин, нужно создать товарищескую атмосферу для его работы и оплачивать его так, как оплачивает буржуазия»*³. Были улучшены бытовые условия специалистов и художественной интеллигенции. В частности, 30 сентября 1927 г. постановлением ЦИК и СНК СССР работники литературного труда, художники, скульпторы и научные работники в отношении квартирной платы были приравнены к рабочим и служащим, а в 1928 г. ГКК Верховного суда РСФСР инструкционным письмом призвала судебные органы «в интересах обеспечения научной работы» охранять жилищные льготы научных работников⁴.

В то же время пресса все чаще призывала к борьбе с «гнилой интеллигенцией» и «гнилым либерализмом». Усилились нападки на крупнейших ученых страны. В частности, в середине мая 1927 г. в «Ленинградской правде» был опубликован фельетон М. Горина «Академический ковчег», обвинявший Академию наук в проведении «естественного классового отбора», в результате которого Академия якобы превратилась в «ковчег для бывших». *«При знакомстве с личным составом аппарата Академии, — возмущался Горин, — прежде всего, поражает в нем солидное количество бывших людей: бюрократии и родовитой аристократии»*⁵. Начиная с 1928 г., когда было сфабриковано знаменитое Шахтинское дело о якобы существовавшем на шахтах Донбасса заговоре «вредителей», на старых специалистов (*«обер-офицеров капитала», «старых слуг старых хозяев»* и т. п.) все чаще возлагали ответственность за неизбежные в ходе форсированной индустриализации неудачи на производстве. По утверждению А.Я. Вышинского, вредительство стало в конце 1920-х гг. «своего рода модой» среди интеллигенции — **«одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали»**⁶. Информацию о процессах над вредителями и прочими «врагами народа» начали регулярно давать документальные киножурналы. Именно в эти годы формируется особый жанр кинодокументалистики — так называемый фильм-процесс⁷

Противоречия этого периода, сочетание полного отторжения всех «бывших» без исключения как потенциально враждебных новому обществу социальных слоев, с одной стороны, с декларируемой властью готовностью принять в ряды советского общества всех «перевоспитавшихся», с другой, ярко проявилось в предложении Ю. Ларина создать на Дальнем Востоке что-то вроде резервации для буржуев. *«И поскольку у старой буржуазии, которую лишили возможности заниматься зло-*

употреблениями, — писал Ларин в 1927 г., — есть молодежь, есть дети (а может быть, кто-нибудь и из самих буржуев захочет обратиться к трудовой жизни), мы не закрываем им дороги. Можно открыть им доступ на пустующие земли Дальнего Востока и предоставить заниматься там трудовым сельским хозяйством и т. п.»⁸

Провозглашение в 1929 г. «великого перелома» в области социальной политики, заключавшегося в переходе от «ограничения» и «вытеснения» капиталистических элементов к окончательной их ликвидации, стало сигналом к началу очередной массивной кампании пропаганды классовой ненависти. Средства массовой информации призывали усилить, обострить «большевистскую бдительность», «идейную нетерпимость» и «классовую непримиримость»; вести «самую беспощадную борьбу с гнилым либерализмом во всех формах его проявления»; самым решительным образом ответить на «ожесточенное сопротивление уходящего класса», вызванное «наступлением пролетариата» и «успехами социалистического строительства» и т. п.

«Классовый враг, — предупреждал журнал «Советская юстиция», — теряя одну позицию за другой, претерпевая одно поражение за другим, чужая неизбежность своей гибели, сжатый в тиски пролетарской диктатуры, изворачивается и изощряется в способах и методах своего сопротивления, выбирая самые предательские и коварные методы борьбы против успехов социализма»⁹.

Против «протаскивания чуждой идеологии»

«Протаскивание» мещанства, «чуждой идеологии», «махрового гнилого либерализма, граничащего с вредительством», троцкизма и т. п. находили повсюду: в театральных постановках, в иллюстрациях к детским книгам, в росписи на фарфоре, в технологических инструкциях на производстве, в толковых словарях и т. д.¹⁰ Так, например, «вылазкой классового врага» назвала руководитель социально-культурной группы МГКК ВКП(б) Локшина издание «Молодой гвардией» составленного бывшим меньшевиком Овсянниковым словаря «Литературная речь», который якобы содержал в себе протаскивание враждебных троцкистско-меньшевистских взглядов, извращал большевистские лозунги и опошлял марксизм-ленинизм. «Классовая враждебность» словаря заключалась, по утверждению Локшиной, в отсутствии выражения «борьба на два фронта» и наличии около 100 слов «религиозно-церковного обихода» (аминь, Адам, Евангелие и др.), которые «советское большевистское словотворчество» должно изгонять¹¹.

Непременным атрибутом газет и журналов стали классово нетерпимые, призывающие к борьбе рубрики, такие как *«На производственном*

фронте», «На трудовом посту», «На школьном фронте», «На культурном фронте», «Библиотечный поход» и т. п. Все формы творчества, включая самодеятельное искусство, были провозглашены «орудием классовой борьбы». Большое внимание уделяли, в частности, частушкам как наиболее массовой форме творчества. С декабря 1933 г. в Москве стали регулярно проводить совещания фольклористов, семинары частушечников и словесников и т. п. Выступая на одном из таких совещаний в январе 1935 г., фольклорист В.И. Чичеров подчеркнул:

«Специфические особенности жанра частушек дают возможность массового создания их, можно сказать, на ходу. А это, в свою очередь, обуславливает чрезвычайно активное использование их в классовой борьбе [...] Мне пришлось однажды в Сандовском районе наблюдать частушечный бой между колхозниками и единоличниками. Колхозники возвращались с поля. У околицы их встретили единоличники. Резкая антиколхозная частушка зазвенела, как бы ударила по возвращавшимся колхозникам. Жена председателя коммуны, большой знаток и автор многих частушек, быстро повернувшись лицом к группе единоличников, отпарировала их удар советской частушкой. В ответ на нее еще яростнее и злее в частушках стал осуждаться колхоз. Колхозницы же, сгруппировавшись около своей главной песельницы, парировали удары, сами нападали, творили заново частушки, переделывали старые, пели общеизвестные»¹².

На специальных занятиях частушечников обучали правилам «идеологического отбора словесных текстов частушек». Так, автор одного из учебных планов семинара для словесников и частушечников А. Мореева разделила все частушки на советские (или пролетарские) и «пережиточные», «буржуазные». К последним Мореева отнесла: кулацкие («открытая и замаскированная антисоветская агитация»), хулиганские («замаскированная кулацкая агитация»), мещанские («узколобое обывательское толкование советской действительности») и блатные, по своей природе тесно связанные с хулиганскими и кулацкими. Интересно, что в рекомендациях к проведению семинаров Мореева подчеркнула, что кулацкие частушки не надо цитировать на занятиях, а следует лишь дать им классовую характеристику и «разоблачить»¹³.

Не меньшее внимание было уделено и лубочному искусству, в котором, по утверждению А. Михайлова, «больше, чем где бы то ни было живут и распространяются откровенно антипролетарские тенденции»¹⁴. Острой критике подверглись АХРовские художники, на лубках которых не отражалась классовая борьба в деревне, зато были обнаружены такие образцы «идеологически враждебной» халтуры, как «писанные красавицы», «дегенеративные парни с гармошкой», розовощекие гармонисты,

похожие на «кулацких сынков», красноармейцы с «руками аристократа» и т. п.*

«Классовая целеустремленность борьбы» должна была проявляться не только в каждой театральной постановке и каждом литературном произведении (как писал в 1929 г. М. Горький, «литератор — глаза, уши и голос класса»¹⁵), но и в музыке и музыкальной теории; в рисунках на обоях и на занавесках; на каждой советской чашке, каждой тарелке, вазочке и т. п. В частности, Дулевский фарфоровый завод в 1932 г. специальным решением райкома ВКП(б) и Комакадемии обязали выпускать продукцию только с «революционно-тематическими рисунками», такими как: «Завершим дело Ильича», «Культпоход», «Пионеры», «За сплошную» и др.¹⁶ От музыкальных работников требовали «заострять социальный классовый момент», а от музыкальных теоретиков — подвергать музыку «марксистскому, классовому анализу»¹⁷

Робкие попытки некоторых научных работников отстоять идеологическую нейтральность, «аполитичность» своей научной отрасли, отсутствие в ней «классового содержания» также встретили решительный отпор. *«Отдельные части могут не иметь классового характера, — объясняет, в частности, С. Лифшиц т-щу Ильченко из Харькова, полагающему, что естественные и математические науки не имеют «классового характера», — а целое является классовым, но как часть целого получает смысл лишь в связи с этим целым, так и отдельная отрасль научного знания, отдельные достижения наук приобретают особое значение лишь в связи с определенным миропониманием»*¹⁸. Стремление наполнить «классовым содержанием» все и вся (науку, музыку, живопись, поэзию, семейные отношения и т. п.) нередко приводило к откровенно курьезным, несмотря на общий трагизм ситуации, случаям** Однако в целом

* Вот, например, что пишет А. Михайлов по поводу лубочной картинки В. Кузнецова «Чаепитие», изображающей праздничное чаепитие в крестьянской семье в связи с покупкой нового плуга: *«И характерно, что художник взял не момент покупки плуга, не момент его работы, а чаепитие, благодаря которому он может заняться крохоборческим бытовизмом».* (Михайлов А. Советский лубок... С. 49.)

** Интересные исторические «анекдоты», взятые из реальной жизни, приводит в своих исследованиях феномена «смешного» С.В. Кулешов. Например, губернская партийная комиссия Ленинграда вынесла выговор настройщику А.Д. Кульмину за *«антикоммунистический уклон, выразившийся в бессознательном распространении антикоммунистического содержания издания нот».* Или: в статье, критикующей роман В. Ряховского «Четыре стены», рассуждения писателя о любви (*«Любовь определяет наше отношение к жизни, украшает ее, делает ее человеческой»*) были прокомментированы следующим образом: *«Здесь Ряховский поправляет Маркса, который говорил о классовых отношениях в обществе».* И др. (Кулешов С.В. Смешное в истории: опыт социокультурной реконструкции // Отечественная история. 2002. № 3. С. 165, 167.)

в стране складывалась гнетущая атмосфера «охоты на ведьм». Жертвами этой «охоты» стали в том числе и многие талантливые ученые, такие как академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, М.К. Любавский и многие другие. Сигналом к началу массовых репрессий против научных работников стала «чистка» Академии Наук, начатая весной 1929 г. комиссией РКИ и продолженная в ноябре того же года особой следственной комиссией во главе с Я.Х. Петерсом¹⁹.

Любые неудачи социалистического строительства объяснялись в этот период не иначе как массовым распространением «вредительства» — новой формы сопротивления «низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну, ликвидированных в своем экономическом и политическом господстве капиталистических эксплуататорских классов»²⁰. По всей стране искусственно насаждалось взаимное недоверие; население призывали быть «пролетарски бдительным» и «враждебно зорким к классовому врагу».

Проверять всех и каждого!

Призыв к бдительности фактически означал призыв к слежке, слежке за всеми и каждым, в том числе и за теми «чистёхами», у которых «в личном формуляре нет ни единого пятнышка». Никто не должен был оставаться вне подозрения — будь то секретарь райкома или председатель колхоза. Пресса неустанно предупреждала, что хитрый и коварный классовый враг, умело маскируясь, не только «пробирается» в колхозы и советские предприятия, чтобы «взрывать их изнутри», но и «гнездится в порах нашего аппарата». В результате, если верить средствам массовой информации, к началу 1930-х гг. даже партийные ячейки оказались повсюду «засорены чуждыми элементами», «пробравшимися в правящую партию из корыстных, шкурных интересов, чтобы, с одной стороны, выгодно устроиться, а с другой — скрыть свое прошлое, свое лицо, временно примазаться к победившему строю, разлагая его изнутри»²¹. В доказательство в печати периодически публиковались списки разоблаченных «бывших», замаскировавшихся под ответственных работников, руководителей советских учреждений и даже комсомольских и партийных лидеров. Вот, например, из кого состояло «ядро кулацкого саботажа хлебозаготовок» в станице Ивановской Славянского района Северо-кавказского края:

«Кармен С. — член партии с 1931 г. Его отец — активный участник подавления революции 1905 г. — палач. Сам Кармен служил у белых, имел крупное кулацкое хозяйство, но в начале сплошной коллективизации все распродал и пролез в колхоз [...] Рекомендацию этому кулаку давала Левчина. Кто такая Левчина? Дочь лесопромышленника, имевшая вплоть до

1926 г. до 40 рабочих. При вступлении в партию в 1928 г. скрыла свое происхождение.

Ее брат, Левчин Степан, тоже пролез в партию как батрак. Стал во главе руководства комсомолом, пролез в члены станкома и семью свою, состоящую из белых офицеров и белых палачей, он представлял как бедняцкую [...]

Левчин, в свою очередь, постарался протащить в партию Хмеля Семёна. Хмель — кулак, белогвардеец. Все родственники его высланы, он работает в колхозе бригадиром, взрывал колхоз изнутри»²².

По свидетельству А. В. Косарева, «бухгалтерами в колхозах Кубани сплошь да рядом являлись бывшие офицеры, хорунжие, каратели». В одной из станиц Кубани из 7 человек, составлявших колхозное правление, 5 оказались бывшими офицерами, а весь «колхозный актив» (12 человек) — «бывшие офицеры, служители культа, дети кулаков»²³. Коммунист села Манзурки Иркутской губернии Цыков оказался «сыном помещика-дворянина, бывшего крупного мироеда», который «имел крупную торговлю, мельницу, три огромных дома», в период колчаковщины служил при штабе стражником, а после революции «пролез» в партию под видом батрака и пытался «протащить в профсоюз» своего брата — бывшего офицера²⁴. Подобные разоблачительные сообщения появлялись в советской прессе (центральной или местной) почти каждый день.

Ужесточились требования к социальному составу не только партии и органов государственной власти, но и студенчества, общественных организаций. Специальная директива Московской городской РКИ органам прокуратуры от 16 ноября 1930 г. в связи с предстоящей избирательной кампанией рекомендовала срочно проверить состав всех районных избирательных комиссий и при выявлении классово-чуждые немедленно ставить вопрос о выводе их из состава комиссии²⁵. С лета 1930 г. начались аресты крупных специалистов центральных хозяйственных ведомств, включая известных ученых²⁶.

Классовое правосудие

К концу 1920-х годов ушли в прошлое имевшие место в период нэпа дискуссии о том, должно ли правосудие быть профессиональным и беспристрастным или классовым, «заведомо пристрастным». В 1929 г. вновь была пересмотрена статья 31 «Основных начал уголовного законодательства СССР», определяющая обстоятельства, отягчающие вину обвиняемого. К перечисленным ранее обстоятельствам было добавлено также совершение преступления с целью восстановления власти буржуазии²⁷.

На состоявшемся в том же, 1929, году I Всесоюзном совещании работников пенитенциарного дела было выдвинуто требование последовательного усиления мер репрессий по отношению к «классово-враждебным преступникам». Решение совещания нашло широкий отклик читателей и корреспондентов журнала «Административный вестник», печатного органа НКВД. *«Должно быть еще более углублено и еще более резко подчеркнуто, — писал, в частности, начальник Главного управления мест заключения НКВД РСФСР Е.Г. Ширвиндт, — уже выраженное в ИТК противопоставление заключенных из среды трудящихся, совершивших преступление по неосознанности, в первый раз, случайно или вследствие тяжелых материальных условий, с одной стороны, и заключенных, не принадлежащих к классу трудящихся и совершивших преступление в силу классовых привычек, взглядов или интересов, а также деклассированных профессиональных преступников-рецидивистов, — с другой»²⁸*. Ширвиндта поддержал и бывший адвокат, а в то время работник ГУМЗа и научный сотрудник Государственного института по изучению преступности и преступника Б.С. Утевский, приравнявший всех «классовых врагов» к профессиональным преступникам и потребовавший для них суровых мер репрессии наравне с последними²⁹. Преподаватель 3-й школы НКВД Мемнонов предложил классифицировать хулиганство, направленное против советских, партийных и общественных работников, как особое классовое преступление или метод политической борьбы, и потребовал бросить все силы следственных органов на борьбу именно с этими преступлениями. В своем письме в «Административный вестник» Мемнонов, в частности, писал:

«Органы дознания иногда имеют тенденцию не обращать особого внимания на борьбу с этими специфическими преступлениями. Они ведут борьбу по принципу «закон равен для всех». Они уделяют главное внимание борьбе с убийствами, воровством и хулиганством, забывая о борьбе с классовыми преступлениями. Борьба с преступностью в городе и особенно в деревне приобретает иногда внеклассовый характер. В этом сказывается и непонимание классовой карательной политики и недостаточность классового чутья со стороны органов дознания. Этот излом классовой линии наши органы дознания должны выровнять, обратив все свое внимание и всю свою энергию на преступления, совершаемые нашими классовыми врагами»³⁰.

Надежды Мемнонова оправдались, и вскоре этот «излом» был успешно выровнен. В частности, в составленной в 1930 г. программе занятий московского кружка общественных обвинителей говорилось, что в случае совершения какого-либо преступления (поджог, нанесение тяжких телесных повреждений, воровство и т. п.) начинать следствие

необходимо с «выяснения социального лица обвиняемого и потерпевшего», и уже исходя из этого определять полагающееся наказание³¹ Аналогичный подход комиссия РКИ рекомендовала применять торгово-кооперативной группе Мособлпрокуратуры при наложении штрафов на коммерческие предприятия и в борьбе с лжекооперативами³². Отдельные случаи вынесения «классово-невыдержанных» приговоров подверглись резкой критике. Так, например, в результате проведенной в 1931 г. проверки работы прокуратуры и суда г. Москвы комиссией РКИ были выявлены следующие недостатки:

«По отдельным делам приговоры страдали классово-невыдержанностью, были вынесены без учета соцоопасности лиц и содеянного, как, например:

1) Дело № 2194 по обвинению Фокалова И.Д., зажиточный, председатель Церковного Совета, в течение ряда лет вел систематическую антисоветскую агитацию, которая имела реальные результаты по срыву кампаний [...] приговаривается к 1 1/2 годам лишения свободы условно.

2) Дело № 2126 по обвинению Канкова П.Е. Кулак, член Церковного Совета, 3-я судимость. Обвиняется в избиении Предсельсовета [...] Облсуд на предварительном заседании переквалифицировал на хулиганство, допустив этим самым исключительную ошибку с точки зрения определения преступления, потеряв классовое чутье [по] данному делу. Тогда как налицо ярко выраженный террористический акт отъявленного антисоветского элемента — кулака, систематически стремящегося сорвать все мероприятия партии и правительства — приписывается простое хулиганство. И только протест прокурора исправил эту политическую слепоту Облсуда по данному делу».

Комиссия отметила также, что в числе лиц, оправданных Мособлсудом с 1 января по 1 июня 1931 г., оказались 2 торговца, 3 кулака и 2 «зажиточных»; а из 39 человек, оправданных за этот же период кассационной коллегией Мособлсуда только 9 — бедняки и середняки³³.

Постановлением Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ СССР от 25.03.1932 г. о работе органов юстиции рекомендовалось такие меры наказания, как лишение свободы, ссылка и принудительные работы, применять, главным образом, в отношении классовых врагов. В отношении же трудящихся — шире применять меры общественно-дисциплинарного порядка. ЦКК потребовала «решительной борьбы с проявлениями шовинизма и антисемитизма со стороны классово-чуждых элементов», указав в то же время на необходимость «различать контрреволюционное проявление шовинизма и антисемитизма от таких действий со стороны отдельных трудящихся, которые объясняются их культурной отсталостью и которые в силу этого требуют не применения

суровой репрессии, а мероприятий культурно-просветительного порядка»³⁴.

Типичным примером классового правосудия является дело лжеартели «Расшитая набойка» (в действительности — «Расшитая подушка», впрочем, это не единственная неточность, допущенная при рассмотрении дела), в котором отразились все противоречия социальной политики и судопроизводства того периода. В 1929 г. решением торгово-кооперативной группы Мособлпрокуратуры руководители артели — «княгиня Голицына, графиня Уварова, помещица Барыбина [в действительности Е.А. Бабынина, бывшая каширская помещица — Т.С.], жена бывшего председателя московского окружного суда Ольшева и другие также из бывших людей» — были привлечены к уголовной ответственности за организацию лжекооперативной артели³⁵. Организатором артели действительно была бывшая княгиня А.С. Голицына, хотя официальным председателем артели для избежания неприятностей выбрали дочь известного юриста, Н.В. Давыдова, С.Н. Давыдову (последнюю от суда спасло то, что ее отец был другом Льва Толстого). Входили в артель и другие титулованные особы (в том числе две княжны Оболенские и др.), однако основными артельщиками были обычные старушки, умеющие вышивать. Продукция артели через московский Кустарный музей поступала в продажу, в том числе и за границу. Вот как, по словам С.М. Голицына, было начато уголовное дело его матери:

«В нашу квартиру явился весьма развязный парень, предъявил документы и потребовал от моей матери показать все делопроизводство по лжеартели, как он выразился, а также всю продукцию и наличные деньги [...] Парень говорил наглым, исполненным презрения тоном, как это так — сберкнижки нет, готовой продукции мало, не может быть, чтобы хозяйка коммерческого предприятия, замаскированного под лжеартель, да к тому же бывшая светлейшая княгиня, да еще то-то и то-то... Тут подвернулась молодая жена Адамовича и повысила голос до визга. Парень разозлился, спросил, кто она по социальному происхождению, и, узнав, что дочь чиновника, сказал, что собралась настоящая шайка классовых врагов»³⁶.

Именно последнее обстоятельство — чуждое происхождение руководителей артели — и было главным и фактически единственным доказательством того, что артель является замаскированным коммерческим предприятием.

Беспокойство торгово-кооперативной группы прокуратуры понятно: под вывеской кооперативов нередко действовали, как справедливо отмечает Е.А. Осокина, предпринимательские структуры³⁷. Однако, как это обычно и бывает, наиболее крупные «акулы капитала» не попадали в поле зрения судебных органов. Рассмотрев дело артели «Расшитая

подушка», нарсуд, не найдя состава преступления, вынес оправдательный приговор. Далее началось «перетягивание каната» законности и политцелесообразности. По протесту прокуратуры дело было пересмотрено тем же нарсудом, и обвиняемых приговорили к 6 месяцам принудительных работ. Однако и это решение показалось областной прокуратуре слишком мягким, новый приговор также был отменен. В то же время «председатель суда, т. Немцов, принес протест и на приговор нарсуда, и на определение касколлегии облсуда по тем соображениям, что в этом деле вообще нет состава преступления». Президиум облсуда с протестом согласился, и дело было прекращено, с чем вновь не согласилась областная прокуратура, истребовавшая дело в порядке надзора. «На прекращение [дела], — говорится в материалах обследования работы торгово-кооперативной группы Мособлпрокуратуры, — т. Меркулов, руководитель группы, составил 13 июня протест, но он до сих пор не подписан зам. обл. прокурора, и дело в течение двух месяцев лежит в прокуратуре без движения»³⁸. Так в течение 3 лет обвиняемых то оправдывали, то приговаривали к какому-либо наказанию, то снова оправдывали. В конце концов, дело дошло до Верховного суда СССР, оправдавшего Голицыну и ее компаньонов. Интересно, что благополучному исходу дела бывшая княгиня была обязана именно своим старым связям* У представителей средних социальных слоев, не обладавших аналогичными знакомствами, шансов выиграть подобное дело было значительно меньше.

«Социальное лицо» как основной критерий классовой принадлежности

Явно выраженная политическая окраска, которую представители большевистской власти придавали терминам «бывшие», социально-чуждые, привела к постепенной подмене понятия **социальное происхождение** такими категориями, как **социальное (классовое, идеологическое, политическое) лицо, политическая физиономия, идеологически чуждая**

* Среди тех, кто помог членам артели «Расшитая подушка», С.М. Голицын с благодарностью вспоминает «безупречной честности старого большевика» П.Г. Смидовича, с братом которого Голицыны были знакомы еще до революции через Лопухиных, и «высокоидейного большевика» «ручного коммуниста и вполне порядочного господина» адвоката П.Е. Орловского, детей которого учила иностранным языкам одна из близких родственниц Голицыных. Вообще же из воспоминаний Голицына создается впечатление, что в случае особой необходимости у представителей верхушки российской аристократии всегда находились нужные знакомые в аппарате новой власти, или же знакомые, сводившие их с «нужными» людьми в аппарате.

или просто **враждебная сущность**. Соответственно расширялось и социальное пространство «бывших». Наиболее ярко это проявилось в агитационно-пропагандистской деятельности. Призывая безжалостно подавлять «бешеное» сопротивление классового врага, газеты и журналы нередко отождествляли **социально-враждебные элементы с политически-враждебными**, призывали выявлять **истинное классовое лицо** рабочих, совслужащих и даже партийцев. Не только пресса, но и правительственные и партийные постановления все чаще причисляли к числу «бывших людей» кулацкую и троцкистскую «агентуру», «троцкистских контрабандистов», «политических штрейкбрехеров», «примиренцев с кулаками», «разложившиеся элементы», «политических двурушников», «буржуазных перерожденцев», оппортунистов и всех «правых» скопом, «паникеров и нытиков, не верящих в творческую силу пролетариата», перекупщиков-спекулянтов и т. п.; а передовым отрядом контрреволюционной буржуазии был объявлен троцкизм³⁹. Однако все эти «агенты буржуазии», включая ее «передовой отряд», по своему происхождению зачастую не имели никакого отношения к имущим классам царской России.

Постепенно выражение «классовое лицо» перестает быть агитационно-пропагандистским клише, а превращается в реальную социальную категорию, вошедшую в повседневную политическую практику. В частности, говоря о партийной чистке 1929 г., Е. Ярославский подчеркивал, что комиссии по чисткам должны **«делать упор» не на социальное происхождение коммунистов, а именно на их «классовое лицо»**. К потерявшим свое пролетарское и партийное лицо Ярославский отнес шкурников, пьяниц, хулиганов и прочих, разложившихся в бытовом отношении, поддавшихся бытовому загниванию. Все они, по словам Ярославского, должны быть **приравнены к классово чуждым**⁴⁰.

Таким образом, в числе «чуждых» нередко оказывались и представители рабочего класса, в отдельных прослойках которого была якобы «еще живуча, еще сильна старая мещанская, мелкобуржуазная закваска»; а также партийцы, потерявшие партийное лицо, выдвиженцы, разложившиеся под влиянием буржуазной среды, и прочие «перерожденцы». Так, по утверждению комиссии РКИ, обследовавшей в 1926 г. Московскую губернскую Коллегию защитников, создание при коллегии защитников института стажеров не только не поможет оработать коллегию, а напротив, приведет к разложению молодежи. *«Молодняк, комсомолец, попавший в адвокатскую среду, — говорилось в заключении комиссии, — скорее сам разложится и попадет под влияние буржуазного адвоката, имеющего определенную политическую физиономию»*⁴¹.

К аналогичным выводам пришла и комиссия, обследовавшая в 1931 г. работу учреждений здравоохранения Сокольнического района: *«В отдельных случаях выдвиженки-работницы фабрик, попадая в мелко-*

буржуазную среду работников Райздрава, где слабо партийное и профессиональное руководство, быстро попадают под влияние этой среды и теряют свое рабочее чутье и даже иногда партийное лицо»⁴². Потерявший «рабочее чутье» и «партийное лицо» становился «чуждым» (приспешником, пособником буржуазии). Так, выдвиженка Е.И. Трепыханина (из семьи рабочих, член ВКП(б), «выдвинута» на должность завхоза 4-го Тубдиспансера) была «вычищена» за потерю партийного лица, в результате которой, по утверждению комиссии, Трепыханина часто попадала под влияние мелкобуржуазных сплетен и недовольств, а в ее работе отсутствовала активная защита интересов партии⁴³.

Таким образом, критерии определения классовой сущности в конце 20-х гг. заметно расширились. Если поначалу истинное социальное лицо гражданина определялось его политическими убеждениями, идеологией, «политической физиономией», то вскоре в число определяющих факторов вошли также привычки, вкусы, поведение в быту, семейные отношения и т. п. В результате ряды классово чуждых пополнились так называемыми мещанскими перерожденцами, разложившимися элементами и даже обывательскими элементами, к коим помимо пьяниц и хулиганов, относили и всех «ушедших в личную жизнь» и «увлекшихся бытом»*. В частности, М. Горький к числу «остатков человеческого хлама» причислял все «существующие еще многочисленные остатки разрушенного мещанства», притворяющегося «социальными животными»⁴⁴.

Принцип определения социального статуса того или иного лица, исходя из его идеологии, классовой психологии, а не происхождения не был новым. Как уже указывалось выше, именно такой подход широко практиковался в первые послереволюционные годы в рядах т. н. «Ленинской гвардии» большевиков. В частности, Ленин настаивал на необходимости определять понятие «рабочий» таким образом, чтобы «под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию»⁴⁵. Однако, в 1930-е годы данный принцип получил новое толкование и

* Типичный пример бессмысленного нагромождения всевозможных «классовых» ярлыков на не угодивших чем-то граждан представляет собой написанная в 1929 г. эпиграмма А. Безыменского на известного русского писателя, автора антисоветского романа-памфлета «Мы» Е.И. Замятина: Тип — Замятин. / Род — Евгений. / Класс — буржуй. / В селе — кулак. / Результат перерождений. / Сноска: враг. Как известно, ни «кулаком», ни «буржуйем» Замятин не был (он родился в семье священника, окончил кораблестроительный институт и несколько лет работал морским инженером), но, с точки зрения Безыменского, это не имело значения. И уж совсем не понятно, при чем здесь «перерождение», если Замятин и так, по своему происхождению, якобы относится к классу буржуазии?

применялся односторонне. Если в первые годы после революции он позволял всякому гражданину, «проникшемуся интересами пролетариата», встать в ряды его авангарда, то теперь данный подход лишь способствовал максимально расширительной трактовке понятий классовый враг, социально чуждый и т. п. Слова Крупской о том, что «люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями»⁴⁶, приобрели новое звучание и новый смысл. Понятие «рабочий» употреблялось лишь для обозначения представителей определенных профессий, но фактически перестало быть обозначением определенного класса или социальной группы. Рабочий по социальному происхождению и роду занятий мог в то же время по своей психологии («политической физиономии», «идеологической сущности» и т. п.) быть признан чуждым пролетариату. *«Пролетарий в пролетарском государстве на положении подозрительного элемента, а всякая лицемерная сволочь, волею революции пролетаризировавшаяся, может тебя в любой момент утопить в ложке воды»*⁴⁷, — жаловался в письме М.И. Калинин у его старый друг и соратник, зав. энергетическим бюро Трансмаштехобъединения М. Матюхин. О том, что в условиях диктатуры пролетариата сам пролетариат фактически оказался в довольно шатком положении, говорят и слова одного из партийных деятелей того времени И. Короткова, рекомендовавшего комиссиям по чистке не слишком опираться в своей работе на мнение рабочих. *«Каждый член нашей партии, — подчеркивал Коротков, — должен знать, что не всякое заявление рабочего или группы рабочих выражает общий интерес рабочего класса. И не всегда, если даже верно выражено какой-либо группой рабочих их настроение, это настроение выражает именно то, что нужно пролетариату в данный момент»*⁴⁸. В докладах органов ОГПУ рабочий класс делился на враждебные элементы; на политически отсталых и на тех, которые еще могли стать политически сознательными⁴⁹.

Журналисты не стеснялись в своих публикациях развешивать ярлыки классовых врагов. Так, например, М. Шеин, отвечая на присланные в редакцию журнала «Безбожник» критические письма, с легкостью определил, кто есть кто, опираясь лишь на собственные интуицию и классовое чутье. К примеру, читатель, жалующийся на исключение из профсоюза и увольнение со службы за посещение церкви, был им назван «чинушей», который «сидит на советских хлебах, но ненавидит советский строй, тянет в церковь и мечтает о былом царском времени». Читателя, сетующего на притеснение крестьян и уничтожение скота, Шеин без лишних раздумий причислил к кулакам⁵⁰.

Таким образом, ужесточение социальной политики, вызванное якобы усилившейся под влиянием успехов социалистического строительства классовой борьбой, на деле вылилось в ужесточение карательной политики Советского государства в целом. **Усиление классовой борьбы**

на практике означало, прежде всего, усиление борьбы политической, борьбы с инакомыслием.

Классовая борьба на уровне повседневно-бытового общения

Развернувшаяся в конце 1920-х гг. массированная пропаганда классовой ненависти нашла своеобразное преломление на уровне повседневно-бытовых отношений. С одной стороны, по свидетельству современников, в повседневной жизни происходило все большее смешение различных социальных слоев, сближение рядовых коммунистов с беспартийными, представителей бывших буржуазных слоев с пролетариатом. Так, партийцы, по утверждению Ярославского, регулярно принимали участие в «компанейских гуляниях с беспартийными, чуждыми людьми, кулачеством», приглашали в дом «попа с крестом» и т. п.⁵¹ *«До настоящего времени, — сетует в 1929 г. рабочий Переяславль-Залесской фабрики «Красное Эхо» Т. Мартынов, — по рабочим каморкам шляются со святом попы, а свадьбы, в большинстве, справляются еще по-старому, с трехдневным пьянством и разгулом»*⁵². Если верить помощнику прокурора СССР И.С. Кондурушкину, жены ответственных советских и партийных работников охотно заводили знакомство с дамами из «бывших», а сами ответственные работники отнюдь не чурались своих дореволюционных знакомств с либеральной интеллигенцией⁵³. *«В 1905—06 годах буржуазная интеллигенция, как известно, сплошь кадетствовала, либеральничала, — писал по этому поводу И.С. Кондурушкин, — нередко были тогда случаи, что какой-либо кадетствующий адвокат, зубной врач и т. д. принимал и укрывал у себя на квартире действительных революционеров-подпольщиков [...] и эти старые подпольные знакомства очень умело используются теперь, через 20 лет, если тот, кто у него когда-то ночевал, ныне — ответственный работник, а он, тогдашний его «спаситель», ныне сидит в Бутырках»*⁵⁴.

По утверждению современников, новая советская общественность была тесно связана с «мещанской обывательщиной» не только знакомствами, «кухонными разговорами у примуса», «единой экономикой и единым мещанским бытом», но и родственными узами, которые, по словам Кондурушкина, «мещанин (партийный или беспартийный) хранит по традиции, несмотря на противоречие взглядов и убеждений». *«До сих пор встречаются случаи, — возмущался Кондурушкин в 1927 г., — когда ответственные работники госучреждений, партийные и беспартийные, имея ближайших родственников среди частного торгово-промышленного мира, не только не порывают с ними обычной родственной связи, но и живут вместе»*⁵⁵. По свидетельству Ярославского, к началу

года «великого перелома» большинство сельских партийцев имели родственные связи с кулачеством⁵⁶. Расширению родственных связей пролетарской части населения, включая партийных работников, с чуждыми слоями способствовали также брачные союзы между представителями различных в прошлом социальных слоев. Особой популярностью невесты из «бывших» пользовались среди красных командиров.

В то же время ужесточение социальной политики все чаще использовалось в целях сведения личных счетов. В частности, партийный работник С. Ингулов отметил охватившую партийные чистки **«тенденцию обывательского копания в грязном белье отдельных партийцев, мещанского подглядывания и выслеживания»**⁵⁷. Эта тенденция «подглядывания и выслеживания» охватила и широкие массы «рядового» населения.

Истерия доноительства

Широкая пропаганда классовой ненависти в сочетании с тяжелыми жизненными условиями вызвала что-то вроде эпидемии доноительства. В ответ на призыв «выявлять» замаскировавшихся врагов в конце 20-х и, особенно, в начале 30-х гг. в редакции центральных и местных газет, в комиссии по чистке и другие инстанции потоком шли доносы на соседей, сослуживцев, случайных знакомых с сообщением о том, что тот или иной человек скрывает свое истинное «социальное лицо» или имеет «подозрительное социальное происхождение». При этом социально-чуждым объявлялся всякий, кто чем-то не угодил доносчику: был с ним невежлив, занимал лучшую комнату, был лучше одет или просто «косо» посмотрел. Так, рабочий, недовольный долгим ожиданием в очереди в поликлинике, обвинил врача в неправильном классовом подходе к приему пациентов; пациентка профилактория обвинила санитарку в антисоветских настроениях за то, что та будто бы обзывает ее «всякими словами» и ворует казенные булки; обиженные чем-то соседи сообщили в комиссию по чистке, что у них в доме проживает «гнилая мещанская обывательница», прикрывающая «пролетарской идеологией» свое «второе идеологически непролетарское лицо»; уволенная с работы учительница потребовала провести «хорошую чистку» всего состава школы, где она работала (а заодно и соседней), сообщив, что весь учительский персонал обеих школ состоит из лиц духовного звания, бывших помещиц, генеральш и т. п. Для большей надежности на не угодивших чем-то лиц нередко ставили двойное или тройное клеймо чуждого происхождения: «купец-офицер», «помещица-генеральша», «буржуй-контрреволюционер, торгующий в день на 100 руб.» и т. п. Сложившуюся ситуацию наглядно отражает появившийся в эти годы анекдот: женщина, узнав об измене мужа, только что прошедшего партчистку, заявила на партсобрании: «Товарищи! Если он смог

уйти от меня к этой жидовке, то знайте все, что он бывший белогвардейский офицер!»

Обвинение в принадлежности к «бывшим» стало расхожим и зачастую довольно действенным орудием мести, средством сведения личных счетов. Так, коммунист Харитонов, одного из близких родственников которого задержал с краденой мануфактурой служащий Мануфактурного отдела Центросоюза М.П. Мудрецов, сообщил в НКВД о том, что бывший городской Мудрецов «до сего времени остался городovým». Харитонов также сообщил:

«Мудрецов человек весьма религиозный, ни одного церковного собрания не пропускает, часто в ущерб своим обязанностям. Тихонько ругает Советскую власть, агитацией тоже не прочь подзаниматься [...] Мудрецов революционные праздники ненавидит, на собрания не ходит, в манифестациях не участвовал никогда. В 6-й годовщине Октября работал у себя в сторожке, печку перекладывал, и это не случайно, а с определенной целью игнорирования. Вообще Мудрецов политически неблагонадежен и безнадежен. Он и сейчас не расстается с царским портретом».

К счастью для Мудрецова, история с краденой мануфактурой стала известна ответственному секретарю партийной ячейки Центросоюза П.С. Фомину, который сообщил в соответствующие органы, что донос Харитонова вызван личными счетами. Фомин также добавил, что Мудрецов является честным, исполнительным работником. Мнение Фомина поддержали местком и администрация Центросоюза⁵⁸.

Однако далеко не все жертвы доносов нашли заступников в лице ответственных партработников. Многие из них, благодаря «бдительным» гражданам вроде Харитонова подверглись персональным чисткам. Так, сотрудник отдела транспортной политики ВСНХ СССР И. Больбот счел своим долгом сообщить в 1930 г. в комиссию по чистке о «подозрительном прошлом» инспектора профобра Московско-Казанской железной дороги Архипова:

«Знаю Архипова по работе с 1919 г. и в результате длительного ознакомления и соприкосновения по работе вполне убежден, что Архипов человек с подозрительным прошлым, с гнилой идеологией, косный формалист и чиновник и вся его работа отрицательная и вредная, построенная исключительно на шкурном интересе. Держится он, несмотря на все свое невежество в том деле, которым руководит исключительно подхалимством и низким угодничеством»⁵⁹.

Особенно тяжело пришлось учителям. Их обвиняли в антипролетарской, буржуазной психологии за то, что они не так одеваются, «отстают

от современности», что, «применяя советский материал, не вкладывают в работу воспитательный материал в духе классовой направленности», не учитывают социальное происхождение своих учеников, не собирают с детей подписки о непосещении церкви и т. д.⁶⁰

В процесс всеобщего доноительства были вовлечены и дети. В ходе обследований школ с учащихся собирали записки, в которых они должны были высказать свои претензии учителям, а, по возможности, и дать им классовую оценку. Большинство этих записок, написанных на клочке бумаги без подписи, содержат наивные детские обвинения: слишком часто вызывают к доске, слишком много задают и т. п. Однако встречаются и настоящие коллективные доносы учащихся, имеющие идеологический характер. Так, учащиеся VII группы 36-й школы Сокольнического района Москвы 15 марта 1930 г. написали в районную комиссию по чистке заявление с требованием уволить учительницу пения Малкину, выпускницу Петербургской консерватории, проработавшую преподавателем 13 лет. Стилем и языком, в которых угадывается авторство взрослого человека, хорошо знающего, чего он хочет, «дети» писали:

«Мы, нижеподписавшаяся группа учащихся, считаем позорным и недопустимым присутствие в коллективе педагогов нашей школы тов. Малкиной, преподающей уроки пения. Наиболее ярким фактом недопустимости ее присутствия в школе является отсутствие у нее педагогической тактичности, которая выражается в ее мещанско-обывательской внешности: краска, серьги, кольца, ожерелье, недопустимые в школе наряды и т. д. [...] Целый ряд фактов еще, в том числе абсолютно обывательское содержание песен, которым она обучает нас, подтолкнули нас на то, чтобы ходатайствовать перед комиссией по чистке СОНУ о том, чтобы столь вредного педагога, который в некоторых отношениях развращает учащихся, убрать из стен школы. Нам нужны педагоги-коммунисты, которые бы воспитали в стенах нашей школы из наших рядов стойких борцов за социализм [...]»⁶¹

Жертвой чьей-то классовой сознательности могли оказаться и совершенно незнакомые люди. Так, заместитель управляющего Московским областным филиалом треста «Ветснабпром» при НКЗ решил предупредить Центризбирком, Главное управление милиции и Мосжилотдел об антисоветской сущности неизвестной ему семье Садовниковых, а также всех их родственников и близких друзей. Прочитав весной 1930 г. случайно попавшее ему в руки письмо, адресованное семье Садовниковых, «Партизан-Красногвардеец» (как он подписался, не указав фамилию и имя), «с очевидной несомненностью» установил, что «обе семьи Садовниковых являются противниками Советской власти, у которых в

Ленинграде еще не отображены вещи и ценности». Основанием для данного утверждения послужила следующая часть письма, подчеркнутая бдительным «Партизаном-Красногвардейцем» красным карандашом: *«Продукты кончились — передачи не можем делать, и сами на волоске, если не вернется ни один. Моментами утешаем себя, но слишком печальна действительность — нет выхода. У соседей все продано: сидят на ящиках. Может и нам тоже?»* Далее автор доноса призвал ни в коем случае не восстанавливать в избирательных правах семью Садовниковых, а также «принять соответствующие меры» по отношению ко всем их знакомым, указанным в письме⁶².

Для некоторых «наиболее сознательных» граждан выявление повсюду «врагов народа» стало основным занятием, почти смыслом жизни. Так, например, рабкор В. Куликов посвятил разоблачению своих соседей более 10 лет. Вот одно из его многочисленных писем в редакцию газеты «Известия ВЦИК» от 30 января 1930 г., которое, несмотря на значительный объем, приводится полностью, так как особенности лексики и стиля автора, сумбур в изложении, многочисленные противоречия и нелепое нагромождение обвинений (в большинстве своем совершенно абсурдных), не только чрезвычайно любопытны, но и весьма ценны для воссоздания психологической атмосферы тех лет:

«Дети священника (попа), В.П. гр-на Смирнова за время революции 7 человек, с помощью старых религиозных монархических своих друзей, ныне стоящих большинство всюду в разного рода наших советских учреждениях ответственными руководителями и пролезли в разного рода совучреждения и смело говорят, что они там всюду невиданно ведут вредительскую свою работу, как и у себя в живущем бывшем собственном отцовском доме и подтачивают общее наше, ныне социалистическое строительство, а в особенности 5-летку.

Вот нижеуказанные конкретные факты, сами ли но их уличают.

Вся, ныне, эта вредительская поповская семья проживает ныне по Верхне-Красносельской улице в доме № 22, кв. 1, в своем собственном бывшем отцовском доме, отец, который и ныне служит попом в приходской церкви (быв. Лексеевск. монаст.), а его дети все служат в нижеуказанных, разного рода, советских учреждениях.

Анна В. Смирнова — педагог в 31 школе СОНО, Н. Красносельская, Любовь В. — счетовод в Правлении М. Северн. ж. д., Рязанская, 12, Людья В. — учится в 58 школе, химические курсы, Милютинский пер., А.В. служит в лаборатории, Погодинская ул., № 10, Водоиспытательная станция, Николай В., счетовод в Правлении М. Казанской ж.д., Краснопрудная, № 20, Петр В, счетовод, Мосстрой — Ильинка, № 12, а его жена, Е.И. Хлопотина — кассирша в СРРОП, магазин № 33, Стромьинка № 4, а ныне умерший сын в 1928 г. Василий В. Смирнов во время службы

педагогом в Марфинском детдоме в Богородске, по судебному процессу был замешан в растлении девочек, причиной чего, будто бы и явилась неожиданная его смерть, а сын Николай, ныне счетовод в Правлении М. Каз. ж. д. сумел скрыть свое поповское социальное положение и, как сын служащего пролез в комсомольские ряды членом, но я его с помощью прессы оттуда вырвал с корнем в 1926—27 гг.

Вся эта вредительская семейка с помощью тех же, очевидно, лиц при рационализации и разного рода сокращениях не подвергалась сокращению. С момента революции и по сие время в живущем бывшем своем доме они все время ведут самую наглую и открытую вредительскую подрывную работу: склоку, травлю, подсиживание, а главное, разрушение своей квартиры, скрывание отца от правильности обложения фин. налогом и квартплаты, более 2 лет крали 3 к. с. жилплощади у живущего с ними в то время своего отца, а самое важное, что он организованно все время старался тормозить в работе Правления Жил. Т-ва № 2626.

О чем через прессу разных редакций я и забил тревогу в набат еще с 1919 г. и стал сигнализировать во всю ширь, ввиду чего и было много разного рода расследований по заметкам, но ответов конкретных и до сего момента я не откуда не получил. По заметкам в 1929 г. по распоряжению Мосгубпрокурора, через помощника прокурора Сокольнического р-она неоднократно для следствия приходила молодая интеллигентная женщина из их же, очевидно, старого класса, ныне служит вместе с Николаем В. Смирновым в Правлении Казанской ж. д., которая своим следствием и заключением, очевидно, сумела ввести в заблуждение и пом. прокурора, который, очевидно, без ответа ныне и прекратил дело и бросили его без ответа в архив, а семья Смирновых и по сие время в доме ведет свою старую подрывную, вредительскую работу, что подтверждает и само правление Жил. Т-ва в лице 3 коммунистов... и беспартийным активом. Кроме вышесказанного эта семья активно вербовала и помогала собирать 1000 голосов и подписей ходивших по домам о незакрытии церкви, где ныне служит их отец.

А ныне по службе всюду их слепо выдающими своими разного рода справками администрация и профорганы скрывают как антивывержанных работников.

Дорогие товарищи предупреждаю я вас, что эти люди для того, чтобы прикрыться и завоевать себе авторитет, они, конечно, могут быть активными, но помните, что это до момента, а срочно необходимо их всюду вычистить»⁶³.

Остается не совсем ясным, как именно семья Смирновых «подтачивала» пятилетку и зачем они разрушали свою квартиру; ясно лишь, что их и им подобных, с точки зрения Куликова, необходимо срочно ото- всюду «вычистить».

Если бы письмо Куликова было единственным в своем роде — над ним, пожалуй, следовало бы посмеяться. Но тысячи таких куликовых успели испортить жизнь десяткам тысяч ни в чем не повинных людей, подвергнутых на основании доносов персональным чисткам и репрессиям*

«Классовая борьба на жилищном фронте»

Наибольшую активность в содействии комиссиям по чистке в деле выявления классовых врагов неизменно проявляли соседи. Так, например, в январе 1930 г. в Сокольнический отдел народного образования поступило заявление гражданки о том, что ее бывшая соседка по квартире, преподаватель математики и физики Ляховская, — вдова белого офицера. Автор письма также сообщила, что Ляховская будто бы поддерживает связь с сектантами, «очень интересуется теософией и происхождением мира», в то же время в школе проводит антирелигиозную работу; называет Ленина фанатиком, а коммунистов — последователями фанатизма, «ведет себя подозрительно и замкнуто»⁶⁴. Ничем не подтвержденного заявления оказалось достаточно для передачи дела в ОГПУ (дальнейшая судьба Ляховской неизвестна).

Соседи учительницы А.В. Кучеровой, узнав, что в школе, где она работает, проходит «чистка», поспешили сообщить в Комиссию по чистке, что Кучерова не дает им житья, неоднократно «обливала помоями, угрожала убить, оскорбляла неприличными словами»⁶⁵. Удивительные подробности о жизни заведующего школой № 30 Л.И. Рождественского (включая период его пребывания в Пензе), а также о жизни его жены сообщили в комиссию по чистке члены Правления жилищного товарищества. Подчеркивая, что Рождественский «до сих пор не порвал связь с духовными лицами», авторы коллективного доноса (ни одной подписи под заявлением нет) в заключении призвали: «Долой попов! Даешь здоровую школу!»⁶⁶ Гражданин Тихонов сообщил в Сокольнический Совет не менее интересные подробности (также не подкрепленные никакими доказательствами) о жизни проживающего с ним в одном доме якобы бывшего попа (а в действительности сельского учителя, единственная связь которого с духовенством заключается в том, что он окончил учительскую семинарию) А.В. Богословского. В своем письме Тихонов проявил также удивительную осведомленность о биографиях

* О массовых случаях доносительства с целью устранить конкурента или из обыкновенной зависти, а также о наиболее распространенных способах дискредитации человека в те годы см.: Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 75—80; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 163—165.

всех родственников Богословского, включая мужа сестры — якобы польского дворянина⁶⁷

Учительница школы № 42 Сокольнического района Юркун-Лопачук, по свидетельству соседей, прикрываясь пролетарской идеологией и «официальным», как пишут соседи, социальным происхождением, скрывает свое истинное «идеологически непролетарское лицо». *«В школе она конечно воспитательница с пролетарской идеологией, — сообщили в Комиссию по чистке Сокольнического отдела народного образования анонимные жильцы дома, в котором проживает Юркун-Лопачук. — В действительности же, если отбросить все мелкие бытовые кухонные похождения, а остановиться лишь на более существенных моментах в ее бытовой внешкольной жизни, то обнаружится ее второе идеологически непролетарское лицо. По социальному происхождению — дочь железнодорожника (официально) на самом деле воспитание получила в трактире, который содержала ее мать у Красных ворот, имея дешевые продукты привозимые ее мужем железнодорожником»⁶⁸.*

Ссоры между соседями нередко становились предметом судебного разбирательства. Во всех этих случаях жилищным спорам сознательно придавался характер классовой борьбы, хотя на деле речь шла о борьбе за увеличение (или сохранение) жилплощади, улучшение бытовых условий. Типичным примером такого судебного разбирательства является дело Александрова. Бывший московский предприниматель Александров проживал с семьей в принадлежавшем ему до революции, а после демунципализации им же арендованном доме. В июле 1929 г. жильцы этого дома решили организовать жилищное товарищество и добиться передачи дома под их управление. Естественно, данная идея не понравилась Александровым, которых поддержала семья дворника Харламова, служившего в доме еще до революции. Несколько месяцев длилось ожесточенное противоборство. Александров обвинил инициатора создания жилтоварищества Новикова во взяточничестве. В ответ жена Новикова, Тулякова, заявила, что Александровы и Харламовы «травят». Вот как со слов Туляковой описал ситуацию корреспондент газеты «Известия ВЦИК», подписавшийся инициалами «Н. Ч.»:

«С этого момента Туляковой не стало житья. Так, например, узнав, в какие часы она кладет своего ребенка спать, Александровы причинались устраивать в это время оглушительные сеансы пения или барабанного боя в стены. Увидев Тулякову под окном своей квартиры, жена Александрова схватывает все объедки, оставшиеся после еды на столе, и высыпает ей на голову»⁶⁹

На основании выдвинутых Туляковой обвинений народный суд Курско-Воронцовского участка Бауманского района постановил Алек-

сандровых выселить, а Харламовым вынести предупреждение. Это решение было обжаловано Александровым в Московском городском суде, который отменил решение Курско-Воронцовского нарсуда на следующем основании:

«[...] Суду надлежало не вдаваться в разбор классовой борьбы жильцов дома, а потребовать со стороны истицы доказательств, что вытряхивание скатерти и стук в стену были преднамеренными [...] Вопрос о классовой борьбе мог быть обсужден лишь при наличии иска не отдельного жильца дома, а правления жилищного товарищества»⁷⁰.

Однако на этом дело не закончилось. Новое решение, в свою очередь, было обжаловано Туляковой. Кассационная коллегия московского областного суда решительно осудила позицию Московского городского суда. *«Такая постановка вопроса в подобных делах, — подчеркивалось в решении Кассационной коллегии, — смазывает политическое значение классовой борьбы на жилищном фронте [...] Так же неверно указание на то, что вопрос о классовой борьбе мог быть обсужден только при наличии иска жилтоварищества. Сам суд, даже при отсутствии какого бы то ни было заявления, обнаружив в деле наличие классовой борьбы, обязан по своей инициативе поставить и обсудить этот вопрос, привлекая надлежащих истцов»⁷¹.*

Иначе говоря, такие методы, как «обливание помоями» и «оскорбления неприличными словами» были официально квалифицированы как методы классовой борьбы. Главным же (и практически беспроблемным) орудием борьбы на жилищном фронте оставались доносы. Если повнимательнее почитать анонимные доносы, то очевидно, что большинство из них также, вероятнее всего, написано бдительными соседями. Это следует из подробного описания квартиры (под какой именно кроватью, за каким зеркалом или в какой стене следует искать сундуки с богатствами и мешки с продуктами), а также из поименного упоминания всех кровных и некровных родственников и детального описания лиц, часто бывающих в гостях — бывших «польских князей», «царских генералов», «начальников тюрем» или крупных фабрикантов, которые в ходе следствия нередко оказывались сельскими дьячками или железнодорожными рабочими. Расчет прост — в результате ареста или высылки из столицы освободится жилплощадь, главными претендентами на которую будут члены данного жилищного товарищества, т. е. соседи по дому. В ожидании такой добычи любой сосед покажется как минимум генералом. Вспомните как говорил Воланд в известном произведении М.А. Булгакова, москвичи — «обыкновенные люди... в общем напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их».

Любопытно, что истинную цену классовой направленности и политической значимости этих «жилищных боев» прекрасно понимали и сами большевики. В частности, Е. Ярославский в 1929 г выступил категорически против привлечения жилтовариществ к проведению чисток и рекомендовал комиссиям по чисткам отказаться от использования в своей работе материалов жактов. По утверждению Ярославского, подавляющая часть доносов и сообщений жилтовариществ является ни чем иным, как *обыкновенными квартирными склоками, не имеющими никакого отношения к классовой борьбе*⁷².

«Неоднотипные жены»

Не менее острый характер приобрела и проблема т. н. «смешанных браков». Классовый принцип беззастенчиво вторгся в личную жизнь, что нередко приводило к настоящим трагедиям. Так, руководство партийной организации Белорусского военного округа, получив информации о том, что жена командира взвода Камко якобы придерживается антисоветских настроений, заставило комвзвода развестись. Развод произвел такое сильное впечатление на жену Камко, что она убила своего бывшего мужа, а затем застрелилась сама. Проведенное после этого расследование показало, что поступившая в партийные органы информация об антисоветских настроениях погибшей не соответствовала действительности⁷³. Подобные трагедии, безусловно, были исключением. Обычно в аналогичных случаях дело заканчивалось разводом либо запрещением вступать в брак. Так, волостной партийный комитет села Верялички Брянского уезда запретил бывшему красноармейцу жениться на дочери священника, несмотря на его уверения в том, что она им «перевоспитана и желает пойти на все уступки». Герой этой истории был вынужден обратиться за разрешением на брак непосредственно в ЦК ВКП(б), после чего дело получило огласку, политика волисполкома была резко осуждена, а бывший красноармеец благополучно женился на дочери священника⁷⁴.

По свидетельству современников, брачные союзы между представителями различных социальных слоев получили в конце 1920-х гг. широкое распространение. Ответственные советские и партийные работники и командиры Красной Армии охотно женились на девушках непролетарского происхождения (дочерях священников или чиновников, мещанках и т. п.) Это порождало постоянные разговоры о несоответствии мелкобуржуазных, якобы антисоветски настроенных жен своим партийным мужьям. По словам секретаря партколлегии ЦК ВКП(б) А.А. Сольца, «неоднотипные жены» превратились в серьезную проблему, став источником постоянных конфликтов в партийных и советских

органах⁷⁵. «Кое-где наши товарищи не прочь свести чистку партии к разбору того, в какой степени жена или муж соответствуют члену партии и формулируется во всех случаях обвинение в связи с чуждым элементом»⁷⁶, — отмечал Сольц в 1929 г.

«Просветление» и «покаяние»

Опасаясь доносов и связанных с ними последствий, некоторые «бывшие» спешили сами сообщить о своем чуждом происхождении. Покаянные письма направлялись в комиссии по чисткам, в местные и центральные избирательные комитеты, газеты. Подобные «самодоносы», являющиеся в то же время чем-то вроде прощения о помиловании, были очень широко распространены в период массовых чисток. Так, в феврале 1930 г. преподаватель школы № 27, скрывший при поступлении на работу свою принадлежность к духовному сословию, направил в комиссию по чистке аппарата СОНО следующее заявление:

«Довожу до сведения Комиссии о следующем факте. Я начал работать в школе с 1922 г., поступив в этом году в школу № 27 СОНО в качестве преподавателя обществоведения. В анкетах и картах при заполнении графы о социальном происхождении мною проставлялось — сын служащего, в то время как я по своему происхождению являюсь сыном дьякона одной из Московских церквей [...] Если недопустимо такое скрывание своего происхождения вообще, то в настоящее время, когда классовая борьба обострилась и когда происходит резкое размежевание либо на ту, либо на другую сторону — оно вдвойне преступно. Сознание этого заставляет меня сделать настоящее заявление [...]

Со всей силой своих убеждений я заявляю, что мой обман был лишь формальным обманом партии и советской власти, но не обманом по существу. Цель, которую я преследовал, делая это, была — иметь возможность совершенно безпрепятственно работать в интересах Советской власти и партии. Сознавая, что партия — при условии честной и преданной интересам Советской власти работы — не ставит происхождения в вину — я все же не имел достаточного мужества открыто заявить о нем, боясь, что мое происхождение может все-таки помешать мне работать. Еще раз повторяю, что ни Советскую власть, ни партию я не обманывал, ибо являюсь по своим убеждениям сторонником социалистического общества, которое мы строим и убежден в гибели капиталистической системы, исчерпавшей все свои возможности, но еще способной оказывать упорное сопротивление.

* Здесь и далее сохранена орфография подлинника.

[...] С 1919 г. я не живу с отцом. Никакой идеологической связи с ним у меня нет. Связь моя с отцом в настоящее время ограничивается материальной поддержкой его существования. С 1922 или 1923 г. отец не несет постоянной службы при какой-либо церкви»⁷⁷

Подобные покаянные письма, содержащие отречение от своих родных «чуждого» происхождения или осуждение собственной прошлой жизни, нередко использовались в агитационных целях, их рассматривали на собраниях, публиковали в газетах и журналах. Эти публичные акты раскаяния должны были символизировать успехи социалистического строительства, к которому якобы неизбежно тянутся лучшие представители всех социальных слоев. Судьба авторов покаянных писем-отречений была различна — от разоблачения врага, пытающегося пролезть в ряды пролетариата, до демонстративного, широко разрекламированного прощения. Так, священник с. Филяй Кинешемского уезда, Иваново-Вознесенской губернии Елеазар Константинов направил в избирательную комиссию письмо-раскаяние с сообщением о лишении себя сана. *«Больше затемнять сознание и служить невежеству не буду»*, — обещал Елеазар. Тем не менее, в ответ на его прошение о восстановлении в гражданских правах избирательная комиссия вынесла следующую резолюцию: *«Волк в овечьей шкуре. Просьбу отклонить»⁷⁸*.

Бывшему священнику М. Сингицкому повезло больше, его покаяние было принято благосклонно и опубликовано в «Правде» для всеобщего ознакомления. В письме, соединяющем в себе покаяние за прошлое, обличение не порвавших с церковью священнослужителей и прославление советской власти, Сингицкий писал:

«Я — бывший служитель религиозного культа. Только советская власть дала мне возможность постигнуть всю низость этого рода служения капитализму. Только советская власть вывела меня в люди, сделала меня общественно-полезным работником. Такими же полезными гражданами могли стать и другие служители культа. И если они не сделали этого, то только потому, что они сознательно поставили себя по ту сторону революции, сознательно встали в ряды врагов страны строящегося социализма. Вот почему мне кажется, что служителям культов всех вероисповеданий не следует предоставлять избирательных прав. Не потому, конечно, что их участие может повлиять на результаты выборов (их голоса будут каплей в море), а потому, что право избирать в стране трудящихся есть почетное право, и обладать им могут только трудящиеся»⁷⁹.

ГЛАВА 2

«ВЫЧИСТИТЬ С КОРНЕМ СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫХ»

Тихой сапой, одевшись в блузу рабочих, притворяясь другом — враг вредит.

Гурьянов А. За революционную бдительность!
(М.—Иваново, 1933)

«Чистки» соаппарата: цели задачи, механизм

Наиболее распространенным и коварным методом борьбы с социализмом советская пропаганда объявила стремление классовых врагов пролезать в советские учреждения, чтобы «взрывать, разлагать их изнутри». *«Возьмите громаднейший наш советский аппарат, — заметил Г.К. Орджоникидзе на I Московской областной конференции ВКП(б) в сентябре 1929 г. — В нем вы найдете большое количество всякой дряни, которая не хочет успехов социализма в нашей стране, которая не хочет победы рабочего класса [...]»*⁸⁰ Для очищения советских учреждений от этой «дряни» решено было их периодически «чистить».

Разнообразные чистки и обследования социального состава служащих проводились и ранее: партийная чистка 1921 г.; чистка безработных 1922 г.; в марте 1923 г в рамках кампании борьбы со взяточничеством была проведена чистка соаппарата Белоруссии⁸¹; в 1924 г. — чистка студенчества и т. д. В середине 1920-х гг. сообщения о чистках аппарата регулярно публиковались в журнале «Московский служащий»; в газете «Правда» (рубрики «Чистка низового соаппарата» и «За революционную законность на селе») и т. д. Однако вплоть до 1928 г. понятие «чистка» не имело широкого употребления, а определяемое им явление не носило плановый и по-настоящему массовый характер. В июне 1928 г. ЦК ВКП(б) провозгласил лозунг развертывания критики и самокритики, «невзирая на лица», и призвал очищать госаппарат от «негодных элементов». Вслед за этим последовала серия постановлений СНК и ЦК ВКП(б) о чистках⁸², а затем всю страну на несколько лет охватила массовая кампания чисток*

В отличие от проводившихся параллельно партчисток, чистки соаппарата затронули все население и были непосредственно связаны со

* В центре внимания данной главы находятся чистки различных учреждений и организаций, а не компартии. Поэтому в дальнейшем тексте под «чистками» (при отсутствии дополнительных пояснений) будут подразумеваться только чистки соаппарата.

сферой производства, что вносило определенную специфику в их проведение* Г.К. Орджоникидзе по этому поводу говорил:

«Очистить соваппарат от бюрократов, чуждых и разложившихся элементов — задача очень трудная. Чистить партию куда легче, чем чистить советский аппарат [...] Если мы подойдем таким образом, что, мол, всякого, кто непролетарского происхождения, выгонять надо, мы окажемся очень скоро без аппарата, потому что в нашем аппарате по крайней мере больше половины служащих непролетарского происхождения, а если мы всех их из нашего аппарата выгоним, то с оставшимися мы работать не сможем»⁸³.

В постановлении XVI партконференции подчеркивалось, что *«чистка должна производиться, прежде всего, и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхож-*

* Материалы чисток соваппарата являются исключительно ценными по своей информационной значимости источниками, в них нашли отражение многие проблемы политической и социальной истории Советского государства. Между тем степень их изученности крайне мала. Длительное время (а в значительной степени и в настоящий момент) эти материалы были практически недоступны исследователям. Кроме того, по сложившейся в советской историографии традиции «чистки» соваппарата рассматривались преимущественно с точки зрения решения проблемы «орабочивания» госаппарата и формирования советской номенклатуры (см.: Рабочий класс в управлении государством (1926—1937 гг.). М., 1968; Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; Его же. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5. С. 38—46). В последние годы «чистки» все чаще изучаются с точки зрения их влияния на процесс адаптации «бывших» к новым социально-политическим условиям (см.: Иванов В. «Бывшие люди» // Родина. 1999. № 4. С. 71; Шинкарчук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.. новые подходы. СПб., 1995. С. 18—37; Фицпатрик Ш. Жизнь под огнём. Автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы // Там же. С. 38—49; Её же. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Чуйкина С. Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917—1941) // Нормы и ценности повседневной жизни. 1920—1930-е годы. СПб., 2000. С. 175—179). Один из наиболее удачных опытов всестороннего анализа партийных и советских «чисток» как социального явления эпохи содержится в коллективной работе «Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах» (М., 1998, с. 44—46, 74—121). См. также: Смирнова Т.М. «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // Россия в XX веке. Реформы и революция. Т. 2. М., 2002. С. 187—205.

дения» и что «пролетарское происхождение и принадлежность к партии ни в коем случае не должны превращаться в страховку от чистки»⁸⁴. Руководство партии в своих статьях не раз предостерегало комиссии по чисткам от формального подхода к чистке, от оценки проверяемых только по признаку личного дела, единообразного автоматического подхода к рабочим, служащим, красноармейцам, батракам, крестьянам и т. п.⁸⁵

«Вычищению» подлежали не только и не столько лица «непролетарского происхождения», сколько «элементы разложившиеся, извращающие советские законы, срачивающиеся с кулаком и нэпманом, мешающие бороться с волокитой и ее прикрывающие, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящиеся к насущным нуждам трудящихся», а также «растратчики, взяточники, саботажники, вредители, лентяи»⁸⁶. Если с «растратчиками» и «взяточниками» все более-менее ясно, то идентификация прочих перечисленных категорий была лишена какой-либо правовой основы, что обусловило значительную роль субъективного фактора — личной порядочности и непредвзятости людей, осуществлявших чистки. Поэтому, прежде чем говорить о том, кого «вычищали», необходимо выяснить, кто это делал, и что в общих чертах представляла собой данная процедура.

В соответствии с резолюцией XVI партконференции, чистки совпарата должны были производиться комиссиями РКИ «с привлечением профсоюзов и под контролем широких масс рабочих, крестьян и служащих»⁸⁷. Привлечение общественности осуществлялось различными путями. По усмотрению РКИ и администрации местные партийцы и общественники-активисты либо входили непосредственно в состав комиссии, либо создавали независимые «группы содействия», либо высказывали свое мнение на общих собраниях или письменно. Единой общепринятой процедуры чистки, как показывают источники, не было. В каждом конкретном случае ее механизм зависел от личных качеств членов комиссии и администрации, от особенностей политической конъюнктуры, от близости к столице, взглядов администрации «очищаемого» учреждения и т. п. Поэтому любая экстраполяция в данном случае может привести к серьезным ошибкам. Так, например, С. Чуйкина на основании всего лишь нескольких интервью и воспоминаний делает вывод, что «решение о том, кого вычистить, принадлежало трудовому коллективу»⁸⁸. Однако С.А. Шинкарчук считает, что рабочие и служащие предприятий «с очень небольшим желанием» участвовали в работе комиссий по чисткам⁸⁹. Оба эти утверждения можно как подкрепить конкретными примерами, так и опровергнуть.

Обычно проведение плановых чисток тщательно готовили. Для «политической зарядки» партийного, профсоюзного и хозяйственного актива и рабочей общественности, комиссии РКИ проводили подготови-

тельные собрания, выпускали стенгазеты и т. д.⁹⁰ Администрация несла ответственность за оказание комиссии РКИ всяческой помощи, включая предоставление любой затребованной документации. Сама же чистка проходила как в форме индивидуальных бесед с «прочищаемыми» и их коллегами, так и на общих собраниях трудового коллектива. Нередко эти собрания превращались в своеобразный показательный процесс. Вот как описывает эту процедуру один из сотрудников органов РКИ С.И. Лебедев:

«Как же проводилась чистка аппарата?»

Она проводилась членами РКИ при участии представителей райкомов партии, райисполкомов и местных уполномоченных КК—РКИ. Комиссия по чистке обычно начинала свою работу с того, что широко объявляла о дне заседания, указывала место своего пребывания и приглашала всех граждан без исключения принять участие в ее работе. Каждый рабочий, крестьянин или служащий мог прийти в комиссию, изложить свои претензии к работе учреждения или какого-нибудь работника. Заявления принимались устные и письменные и, конечно, подвергались самой тщательной проверке [...] Для заседания комиссии выбиралось самое крупное помещение, но ни одно из них, обычно, не могло вместить всех желающих. Поэтому во многих случаях заседания проводились на открытом воздухе.

Гражданин, который проходил чистку, кратко излагал свою биографию, рассказывал об участии в общественной жизни, а также о том, что он лично сделал для улучшения работы аппарата [...] Активность жителей была исключительной, каждый стремился высказать свое отношение к тому или иному работнику, указать на его достоинства или недостатки, дать отвод негодному работнику, внести предложение о путях улучшения деятельности советских органов»⁹¹.

В то же время, на крупных предприятиях практиковались «чистки низового аппарата списком», персональному же обсуждению подвергался лишь средний и особенно высший персонал. Известны и случаи, когда дела рассматривались вообще без ведома трудового коллектива или вопреки его мнению⁹²; в некоторых же случаях коллектив сам не проявлял желания принимать участие в работе комиссий. Так, например, в отчете комиссии по чистке аппарата отдела здравоохранения Моссовета говорится: «[...] надо отметить исключительно безразличное отношение к проверке аппарата со стороны общественности, в которой комиссия не имела поддержки»⁹³

Помимо плановых чисток всего предприятия или учреждения, специальные «летучие бригады» и «отряды легкой кавалерии» РКИ проводили также персональные чистки на основании частных жалоб граждан (в том числе и анонимных). Комиссии по чисткам, как уже указывалось

выше, были буквально завалены всяческими доносами, как анонимными, так и нет.

Замечание Ш. Фицпартик о том, что доносы в ходе чисток поощрялись и даже вменялись в обязанность⁹⁴, абсолютно справедливо, но лишь в отношении местных партийных и государственных властей, а также прессы. Центральная же власть, напротив, формально неоднократно предостерегала от «всякого предвзятого отношения, всякого подсиживания, всяких склочных моментов», категорически высказываясь против превращения чисток в орудие «сведения личных счетов и выживания». В частности, руководство компартии признало «бесспорно неправильным» призыв иваново-вознесенской газеты «Рабочий край» «писать в газету о фактах разложения и бытового загнивания коммунистов»⁹⁵. Так или иначе, на практике эти призывы обычно не имели никакого результата. По свидетельству одного из партийных работников тех лет К. Межоля, еще в 1921 г. В.И. Ленин отметил, что большинство работников местных проверочных комиссий в ходе партчисток беззастенчиво сводят личные счета⁹⁶. То же самое происходило и спустя 8 лет советской власти. *«Кое-где даже образовались бытовые комиссии по чистке, — с возмущением отмечал А.А. Сольц в 1929 г., — которые наводят справки в домкомах о благопристойности члена партии, о том, кто у него бывает, не пьет ли он, а если пьет, то как часто и с кем. Тут неизбежно будут сбиваться на сведения личных счетов, подсиживание и выживание под флагом заботы о чистоте партии»*⁹⁷. Аналогичные процессы наблюдались и во время чисток соваппарата.

Результаты работы комиссий по чисткам широко освещались в прессе. Таким образом, чистки соваппарата вылились в мощную агитационно-пропагандистскую кампанию общесоюзного масштаба. Охватив все слои общества, они стали неотъемлемой частью его повседневной жизни, оказывая огромное влияние на общественное сознание, на взаимоотношения между людьми на работе и в быту и даже на личную жизнь граждан, которая также нередко становилась объектом пристального внимания сослуживцев и комиссий РКИ.

«...Чтобы не оставлять кусты бывших людей в аппарате»

«Мы все знаем, — подчеркивал Е. Ярославский на XVI партконференции, — что в эти годы к нам [в ВКП(б) — Т.С.] пришли люди, которые несмотря на свое чуждое социальное происхождение доказали свою преданность в борьбе за советскую власть и социализм [...] Многие из них выросли за это время, колоссально выросли, как партийцы воспитались. Поэтому я хотел бы здесь сказать, что нельзя подходить сейчас к решению вопроса только с точки зрения биографии прошлого и только с точки

зрения социального происхождения»⁹⁸. Тем не менее, именно «биография прошлого» и социальное происхождение зачастую оказывались определяющими при принятии решения не только в ходе партчисток, но и во время чисток совapparата. Так, проходившие чистку сотрудники владимирского объединенного союза профсоюзов, по свидетельству И. Либермана, подвергались обсуждению не с точки зрения их работоспособности и умения правильно разбираться в стоящих перед профорганизациями задачах, а с точки зрения их «биографических очерков, которые, нужно сказать, начинались у всех с прабабушки»⁹⁹ «Чуждое» происхождение нередко становилось единственным основанием для увольнения: «чтобы не оставлять «кусты» бывших людей в аппарате», как откровенно указано в протоколе комиссии МРКИ по чистке аппарата «Молокосоюза»¹⁰⁰.

Для наглядности рассмотрим подробнее 2 типичных случая.

Дело Института слепых детей

При обследовании в 1933 г. Института слепых детей комиссия РКИ Дзержинского района установила, что из 24 педагогов-воспитателей 16 — «социально чуждые», партячейка в институте отсутствует. Таким образом, воспитание слепых детей якобы находится в руках классово-чуждых элементов. В качестве доказательства того, что детей воспитывают в «антисоветском духе», были приведены следующие факты: не издана газета, посвященная съезду колхозников-ударников; «дети, по предварительному сговору, разбили бюст Ленина» (здесь стоит напомнить, что речь идет о слепых детях!); 15 детей на Пасху посетили церковь; агроном Подъяпольский, приглашенный в качестве лектора и специалиста по сельскому хозяйству, рассказывал детям о тяжелой жизни колхозников, говорил, что они «работают по 13 часов в день, а питаются исключительно хлебом и водой»; и т. д. Комиссия приняла решение о снятии руководства института и увольнении ряда педагогов-воспитателей. Директор Института Бесперстов и ряд его сотрудников попытались обжаловать принятое решение. Один из педагогов института И.В. Георгиевский писал в Президиум МГКК:

«[...] Более всего внимания при разборе дела, на котором я лично присутствовал, уделялось на подчеркивание моего социального положения: из духовного звания, окончил духовную школу, был год псаломщиком, около 7 лет состоял воспитателем духовной семинарии [...] Нельзя меня укорять и за то, что восемь первых лет своей самостоятельной жизни я служил, в силу социальных условий, в духовном ведомстве. Но обследователи моего жизненного пути должны были увидеть в моем трудовом списке, которым они, по-видимому, руководствовались, что последние 25 лет были проведены мною в педагогической работе среди трудновоспитуемых детей, глав-

ным образом, слепых. За мою службу мне присвоена пожизненная академическая пенсия [...]»

Против смены руководства института выступил и заведующий сектором охраны детства Московского горно Васюков, вынесший следующее заключение:

«[...] В целом коллектив, считаю, преданный своему делу и живет жизнью детей. Не имея возможности самому проверить учебно-воспитательную работу из-за своей неграмотности по специальным вопросам, но, сравнивая с другими нашими институтами, считаю лучшим — это Институт слепых. Исходя из этого, я считаю, что снятие руководства будет неправильным».

Тем не менее, повторное («мимолетное», как назвал его Георгиевский) обследование не изменило мнение комиссии РКИ. Ее окончательное решение гласило:

«Оздоровить работу института, поставив во главе института коммуниста, пересмотрев состав воспитателей, изгнав оттуда классово-чуждых элементов, укрепив институт коммунистами, комсомольцами, воспитателями».

Это решение было поддержано бюро комитета РКП(б) Дзержинского района. Бюро райкома также выразило недовольство работой представителей Наркомпроса и горно, «выставляющих гражданина Бесперстова незаменимым работником в должности руководителя института»¹⁰¹.

Дело Ю.И. Туркестановой

Другим типичным примером может служить дело **Ю.И. Туркестановой**.

Туркестанова Юлия Ивановна, 1893 г. р. Отец — князь, мать — домашняя работница. В 1912—1917 гг. работала учительницей. С 1920 г. — медсестра дома младенца № 8/18. Принимала активное участие в общественной работе, член профсоюза и месткома. В 1931 г. «вычищена» за «сокращение своего социального происхождения» с запрещением в будущем занимать какие-либо должности по воспитанию детей.

Сослуживцы Туркестановой подали в бюро по чистке коллективное письмо (25 подписей) с категорическим протестом против ее увольнения.

ния. По их словам, Туркестанова «зарекомендовала себя в продолжении многих лет в работе по воспитанию детей, а также и в общественной работе, как лучший работник в Учреждении, затем много раз была избираема в Местком. Главным образом, мы предполагаем, что причиной снятия с работы сестры Туркестановой является ее происхождение, ввиду этого все как один заявляем, что Туркестанова никогда себя не проявляла как чуждый элемент в нашем Учреждении, а была всеми уважаема как хороший товарищ». Ходатайство коллектива не было учтено, на его тексте сделана резолюция, которая не может не вызвать удивление: «Когда придут получать справку, сказать им, что коллективные заявления не принимаются, тем более, что от самой Туркестановой не было заявления». Заявление Туркестановой поступило в комиссию через несколько дней, но ничего не изменило: в результате пересмотра дела (состоявшегося лишь на бумаге) было решено подтвердить снятие с работы и запрещение занимать должности, связанные с воспитанием детей. Несмотря на наилучшие рекомендации коллег по работе и их свидетельство о том, что Туркестанова никогда не скрывала свое социальное происхождение (кстати, «чуждое» лишь наполовину), окончательное решение имело следующее обоснование:

«Комиссия обвиняет гр. Туркестанову в скрывании своего социального происхождения (княжна), в силу чего пролезла в общественные организации, как Профсоюз, так и Местком, введя последних в заблуждение. Будучи членом Месткома и состояв в общественных организациях, чем и прикрывалась, одновременно игнорируя общественных работников и создавая склоки против таковых, чем тормозила оживление общественной жизни в лечебном учреждении, каковые в этом отношении не благополучны»¹⁰².

Туркестанова работала с 19 лет, по отзывам коллег была прекрасным работником и хорошим товарищем. Обвинение ее в сокрытии чуждого происхождения и «создании склоки» было лишено каких бы то ни было реальных оснований, а увольнение свидетельствовало не столько о классовом подходе к «прочищаемым», сколько о произволе, самодурстве и непорядочности членов комиссии по чистке.

«Чуждый» или неугодный?

Проблема критериев социальной идентификации «чуждых» при проведении «чисток» является одной из наиболее сложных. В отличие от «лишенцев» данная социальная категория не была юридически оформлена и потому никогда не имела четких границ* К началу «великого

* Мнение В. Иванова о том, что в реальности советской жизни понятие «бывшие»

перелома» эти границы стали еще более расплывчаты и неопределенны. За 12 лет, прошедших после революции, общество существенно изменилось, определить истинное социальное происхождение советских граждан с каждым годом становилось все труднее. Оставшиеся в России представители бывших привилегированных классов приложили немало усилий для того, чтобы каким-то образом интегрироваться в новое общество, приобрести новый социальный статус. Определение этого статуса зависело не только от реального социального происхождения, но и от случая, наличия нужных связей и ряда других факторов. Например, при проведении МРКИ в 1931 г. обследования аппарата прокуратуры и суда г. Москвы, проверяющим был предоставлен список служащих, не содержащий практически никаких сведений об их социальном происхождении и положении до революции. В графе «социальное происхождение» встречаются лишь три социальные категории: служащие, рабочие и крестьяне¹⁰³. Очевидно, что понятие «социальное происхождение» в данном случае заменено термином «социальное положение», — практика довольно распространенная в середине 20-х — 30-х гг. Однако, как уже указывалось выше, значительно чаще при классификации служащих по социальной принадлежности встречается смешение понятий «происхождение» и «положение»¹⁰⁴. Так, члены Московской губернской коллегии защитников были разделены «по социальному происхождению» (как говорилось в документе) на 15 групп: служащие, рабочие, крестьяне, кустари, мещане, торговцы, купцы, казаки, провизоры, дворяне, духовенство, врачи, ремесленники, помещики, юристы¹⁰⁵. Столь запутанная и непоследовательная градация предоставляла проверяющим широкую свободу действий. Бывший дворянин, священник или помещик, поступивший на советскую службу, мог быть зачислен как в группу служащих (либо при наличии соответствующего образования в группу юристов или врачей), так и в группу дворян (духовенства, помещиков); и т. п. При определении социального статуса администрация учреждения или проверяющие нередко руководствовались личными мотивами, решающую роль при этом могли иметь самые различные факторы: от простой симпатии или антипатии до стремления получить какую-либо выгоду: продвижение по службе, партийная карьера, деньги и т. п.

стало срастаться с понятием «лишенец» (см.. *Иванов В.* Бывшие люди... С. 71), верно лишь отчасти. Если в дискурсе рядовых граждан данные понятия действительно нередко были тождественны, то юридически и в политической практике они, в значительной степени «пересекаясь», не совпадали. (Подробнее о «лишенцах» см.. *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. М., 1998. С. 123—134).

На рубеже 20—30-х гг. по-прежнему, как и во все времена, велика была роль **личных связей**. По утверждению современников, родственные связи и полезные знакомства приобрели в эти годы даже большее значение, чем до 1917 г. О широком распространении «приема на службу по запискам знакомых по телефонным разговорам людей случайных, неизвестных, сплошь и рядом совершенно не пригодных к той работе, которая им легкомысленно поручается», сообщает, в частности, работник прокуратуры СССР И.С. Кондурушкин. *«До сих пор еще, — продолжает Кондурушкин, — часть наших администраторов не исчерпала до дна вкус власти, возможности назначать, увольнять, росчерком пера создавать из вчерашней кондитерской продавщицы, девицы приятной «во всех отношениях», управдома, секретаря»*¹⁰⁶. Так, например, стажеры Юрбюро при МГСПС сообщали в МК ВКП(б), что руководство Юрбюро при переводе стажеров на платные должности (что помимо средств к существованию давало возможность получить социальный статус «служащего») «руководствуется особыми мотивами», а именно: «смазливое женское лицо», «протекция и знакомство». Именно по протекции получила, по их утверждению, должность жена председателя губсуда Стельмахович, «женщина не только юридически невежественная, но и вообще безграмотная». «Выходец из духовного звания» Л.И. Рождественский и его жена Г.Г. Рождественская, также происходящая из духовного звания, к тому же владевшая в прошлом домом во Владимирской губернии, статус советских служащих приобрели благодаря родственным связям с членом ВКП(б) Масловым и дружеским отношениям со служащей Моссовета Галкиной (Рождественский был назначен зав. московской школой № 30, а его жена устроилась на работу в секцию

* ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567, Л. 49—49об. Данный факт подтверждается и другими источниками, из которых следует, что Стельмахович, жена члена Президиума МКК и члена коллегии МРКИ, б/п, по специальности зубной врач, по своему происхождению — социально-чуждая, была назначена на должность зав. детской юридической консультацией, которую в это время занимала М.И. Тимофеева, член ВКП(б), находившаяся в тот момент на лечении в санатории (см.: ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567 Л. 58; там же. Оп. 2. Д. 764. Л. 52).

** Дальнейшая судьба Рождественских сложилась не очень удачно: благодаря «бдительным» соседям, они были сняты с занимаемых должностей; Рождественская была также отстранена от общественной работы. Любопытно, что в ходе следствия по полученному доносу РКИ установила, что одна из подписавших его, Лапикова, — «тоже из бывших», причем тесно связана с семьей Рождественских: отец ее владел домом, в котором проживали в настоящий момент все авторы письма, а также совместно с братом Г.Г. Рождественской имел транспортную контору. Дело Лапиковой было передано в Бюро по чисткам, ее дальнейшая судьба неизвестна. (См.: ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. ЛЛ. 179—181, 192—194.)

здравоохранения Бауманского района и вскоре была выбрана «общественной делегаткой» Бауманского райсовета от домохозяек).

Широкое распространение системы протекции нередко ставило представителей социально-чуждых слоев, обладавших, по утверждению современников разветвленной сетью «нужных знакомств», в более выгодное положение, чем выходцев из рабоче-крестьянской среды.

Не меньшей силой, чем личные связи, обладали **деньги**. За «небольшое вознаграждение» фининспекторы (среди которых были как бывшие дворяне, чиновники и офицеры, так и выходцы из рабочих, в том числе партийные) с легкостью зачисляли крупных предпринимателей-нэпманов (в том числе и из «бывших») в число мелких кустарей. По свидетельству МРКИ, финработники «ударяли и ловили часто случайно мелкого торговца с продажей 1 пары ботинок, одной рубашки, куска мыла и т. п. [...] даже попадали рабочие, инвалиды и мелкие кустари, а более крупные выявлялись плохо». Именно служащие районных финансовых отделов, наиболее близкие к деньгам, оказались особенно подвержены «разложению» и «сращиванию с частником»; причем партячейки финансовых отделов не составляли в этом отношении исключение¹⁰⁷

Члены одной и той же комиссии по чистке в одних случаях руководствовались в первую очередь происхождением «очищаемого», в других же — его профпригодностью и трудовой дисциплиной. Так, комиссия по проверке служащих треста Нарпит сняла с работы (не предъявив никаких профессиональных претензий) несколько десятков «социально чуждых», а также работников, не обладающих, по мнению членов комиссии, «пролетарской психологией». В то же время бухгалтер В.Е. Ефтеева была оставлена на работе, несмотря на то, что ее отец, бывший домовладелец, был лишен избирательных прав¹⁰⁸.

Большое внимание в ходе чисток уделяли также умению ладить с людьми. Недоброжелательное отношение к сослуживцам или неспособность наладить контакт с ними порой перевешивали и «хорошее» социальное происхождение, и высокую профессиональную квалификацию. Доходило до откровенных курьезов. Так, например, сотрудник Мосфинотдела Радченко в ходе чистки был обвинен в излишней старательности и добросовестности выполнения своих обязанностей. Комиссия по чистке пришла к следующему выводу: *«Работать с ним трудно, работает как машина, по букве закона, необходимо снять с работы»*¹⁰⁹. В то же время экономист Молокосоюза В.Я. Клипка, несмотря на «чуждое» происхождение и не очень хорошие взаимоотношения с сослуживцами был оставлен, так как он, по утверждению администрации, *«поставил работу в МСПО так, что новый сотрудник ничего в ней не поймет, а Клипка держит это в секрете»*¹¹⁰ Неудивительно, что тема «чисток»

была одной из самых популярных в анекдотах конца 1920-х — начала 1930-х гг. С одной стороны, «вычистить» могли кого угодно и за что угодно. *«В ходе проверки учреждения Рабкрином, — говорилось в частности, в одном из анекдотов тех лет, — служащего, систематически опаздывавшего на работу, уволили за разгильдяйство; служащего, приходившего на работу раньше других, уволили за подхалимство; служащего, всегда приходящего точно вовремя, уволили за бюрократическое отношение к делу»*¹¹¹. С другой стороны, наиболее ушлые из «бывших» нередко выходили «сухими из воды», что также нашло свое отражение в народном творчестве*

Реальная практика «чисток» порой мало отличалась от анекдотов. Вот, например, какие решения комиссий по партчисткам были обнаружены в ходе проверок: *«Батрак, бывший сын дворянина, дисциплинирован. Идеологически устойчив недостаточно, недостаточно партийно выдержан, энергично проводит директивы партии»*; *«Т-ща Н. как политически неподготовленного и мало уделяющего внимания партии — считать проверенным»* или *«Как политически неподготовленного и мало себя проявившего считать проверенным»*¹¹². В Калужской области комиссией по чистке был оставлен в партии сын пристава, в характеристике которого было указано, что он «пассивен и систематически пьянствует»; а одной из кандидаток в партию, про которую было известно, что в прошлом она была близко знакома «с виднейшими руководителями контрреволюции Астраханского края» (в ее деле даже имелись соответствующие фотографии), было порекомендовано «немедленно подать заявление о переводе» в члены ВКП(б)¹¹³. Аналогичные ситуации складывались и в ходе чисток совпартата.

Трудно сказать, что в подобных случаях играло решающую роль — личная заинтересованность членов комиссии, халатность или просто случай. Нельзя исключать также влияние плана по выявлению окопавшихся в совучреждениях (или в партии) замаскированных классовых врагов. Нередко «выявив» и «вычистив» нужное для отчета количество «чуждых», члены комиссии на этом успокаивались и снижали свою активность.

* «Три служащих из «бывших» проходят чистку. Выходит первый: «Я им сказал, что у меня был завод, но не такой большой, как «Серп и молот», а маленький — вот такой... Оставили». Выходит второй: «Я им сказал, что у меня был дом, но не такой большой, как Кремль, а маленький — вот такой... Обошлось». Выходит третий: «Я им сказал, что у меня был бардак, но не такой, как у вас — на всю страну, а маленький. И что вы думаете? Уволили. Скажите на милость, почему?» (Соколова Н. Краткий курс. Материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. № 1. С. 30.)

Сохранить специалиста или вычистить «чуждого»? Борьба прагматизма с классовым принципом

Лидеры партии и правительства не раз призывали бережнее относиться к специалистам, подчеркивая, что нет и не может быть «двух мнений относительно значения проблемы специалистов» и вопроса о том, какую роль в системе управления должно играть «знание дела»¹¹⁴. В то же время средства массовой информации, контролируемые той же партией и тем же правительством, с их санкции продолжали разжигать классовую ненависть, призывая к «классовой непримиримости», «революционной бдительности», «идейной расчистке» и т. п. Очевидно, что развернутая СМИ агитационно-пропагандистская кампания оказалась более действенной.

Яркий пример неумеренной пролетарской бдительности продемонстрировала в 1930—1932 гг. Ленинская районная РКИ. Материалы чисток свидетельствуют о нескрываемом предубеждении членов данной комиссии ко всем «чуждым», ко всем отличающимся от типичного представителя пролетариата. «Не за чем ему говорить, мы знаем, что он скажет», — грубо оборвал председатель комиссии врача профилактория им. Шумской Гурова, пытавшегося доказать необоснованность обвинений медсестры Победоносцевой (любопытно, что Гуров происходил из крестьянской семьи, но, получив высшее образование, стал чуждым для проводившей чистку рабочей бригады)¹¹⁵. При определении социальной принадлежности того или иного гражданина комиссия исходила из принципа «презумпции виновности». От доносчика не требовали никаких доказательств, напротив, обвиненный в принадлежности к «чуждым классам» должен был доказать несправедливость обвинения. «Подозрительное прошлое» фактически приравнивалось к «враждебному прошлому», «чуждому происхождению». Так, медсестры дома младенца № 39 не смогли предоставить документы, «достаточно подтверждающие прошлое», вследствие чего они были заподозрены в принадлежности к аристократической верхушке царской России¹¹⁶. Врач Н.А. Голубенцев с 1914 г. служил в различных военных госпиталях. Данный факт вызвал у комиссии «подозрения», что Голубенцев «мог» служить в белой армии. Доказать обратное врач не смог и был направлен на персональную чистку¹¹⁷.

Зав. профилакторием им. Шумской М.Е. Гальперин, сын торговца, будучи студентом медицинского факультета университета в октябре 1917 г. принимал участие в «отряде по перевязкам раненых». У комиссии по чисткам возникло подозрение, что среди раненых, которым оказывал помощь Гальперин, могли оказаться юнкера. За отсутствием свидетельств, опровергающих данное подозрение, Гальперин был снят с

работы по 3-й категории, без права занимать административные должности в течение 3 месяцев¹¹⁸.

Врач-окулист М.А. Спектор (из мещан, после смерти отца находился на воспитании дяди-торговца) несколько лет работал в Мариупольской городской больнице. В течение этого времени власть в Мариуполе несколько раз менялась, город переходил то к белым, то к махновцам. По признанию Спектора, он лечил всех, кто попадал в больницу, за что и был обвинен в оказании помощи Махно и подвергнут персональной чистке¹¹⁹. Если Голубенцев, Гальперин, Спектор и многие другие были «вычищены» за то, что они **могли сделать в прошлом**, то медсестра социальной помощи Г.Г. Рождественская была «вычищена», так как, по мнению комиссии РКИ, пользуясь своим положением она **в будущем может «устроить пользу для таких же бывших, как они с мужем»**¹²⁰. Несмотря на всю абсурдность подобных обвинений, основанных на предположении о том, что могло быть когда-то и что может случиться в будущем, материалы «чисток» свидетельствуют о том, что подобная практика была распространена по отношению к «бывшим» (а также и ко всем, необоснованно к ним причисляемым) достаточно широко.

В то же время сохранилось немало свидетельств того, что **фактор профессиональной пригодности нередко оказывался более значимым, чем «чуждое» происхождение**. Так, например, в материалах проведенных в 1930 г. чисток сберкасс Сокольнического района столицы социальное происхождение служащих вообще не упоминается. Все сотрудники характеризуются исключительно по своим деловым качествам, основаниями для увольнения служат обвинения в растратах, халатном отношении к работе и т. п.¹²¹ Заседания комиссии по чистке Мосфинотдела и комиссии по чистке аппарата Управления производственных предприятий ОСО Мособлсполкома, судя по сохранившимся протоколам, тоже были посвящены преимущественно вопросам профессиональной пригодности, служебной добросовестности и трудовой дисциплины «прочищаемых»¹²². Дирекция Правления Московско-Казанской железной дороги предоставила комиссии по чистке характеристики служащих, основанные прежде всего на профессиональной пригодности. При этом многие выходцы из рабочих и крестьян получили отрицательные характеристики: делопроизводитель А.И. Васильев, несмотря на свое пролетарское происхождение, был охарактеризован как ленивый и грубый; старший счетовод И.А. Антуфьев (из крестьян) — как «средний» работник. В то же время о дочери бывшего купца, а ныне заведующей делопроизводством Н.М. Масловой дирекция отозвалась как о дисциплинированном, внимательном и аккуратном работнике, хорошо знающем свое дело. Бывшая дворянка М.Н. Пашенко (делопроизводитель) также была охарактеризован как добросовестный, дисциплинированный и старательный работник, хотя и «неврастеник в высшей степени». Блес-

тящую характеристику получил старший бухгалтер Успенский, сын псаломщика, выпускник духовного училища. О его работе было сказано: *«По улучшению работы то, что сейчас есть, лучше придумать нельзя»*. Социальное происхождение А.В. Кожевниковой, признанной дирекцией лучшей работницей Правления дороги, осталось неизвестным, как и социальное происхождение большинства служащих Московско-Казанской ж. д., так как принятая в ее аппарате система учета кадров вообще не предусматривала учета социального происхождения¹²³.

Комиссия по чистке аппарата Молокосоюза нашла необходимым оставить на работе 12 сотрудников, по своему происхождению «явно чуждых», но хорошо справляющихся с работой; и в то же время предложила уволить «целый ряд партийцев» за «склочность», пьянство, злоупотребления по службе и халатность и т. п.¹²⁴ (Вообще надо отметить, что, по признанию самих же большевиков, партийцы значительно чаще нарушали трудовую дисциплину¹²⁵).

В результате чистки аппарата Мосфинотдела комиссия пришла к следующим выводами: *«Личный состав должен быть пересмотрен, и слабые в деловом отношении работники должны быть заменены более квалифицированными, а последние должны получить уверенность в твердости своего служебного положения»*¹²⁶.

Тройка Бюро жалоб Сокольнического РКИ, рассмотрев жалобу инженера Энфи, в июне 1933 г. уволенного за «сокрытие своего социального происхождения»*, в том же месяце вынесла следующее постановление: **«Увольнение инженера Энфи за то, что он только являлся выходцем из буржуазной семьи, не верно, тем более к работе он относился хорошо и действительно являлся специалистом в области эксплуатации водного хозяйства, что не отрицают и руководители Главводхоз»**. Виновных в незаконном увольнении было решено вызвать для обсуждения на ячейку ВКП(б)¹²⁷

Наглядный пример стремления к объективности представляет собой работа комиссии по чистке учреждений народного образования Сокольнического района. После получения информации о враждебном

* Энфи осиротел в 4 года, воспитывался на средства крупного фабриканта Закавказья Энфеджана. В 1918 г. окончил Петроградский политехнический институт и до 1932 г. работал по специальности в Закавказье. В октябре 1932 г. по приглашению Главводхоза приехал на работу в Москву. В июле 1934 г. без объяснения причин был уволен с мотивировкой «по собственному желанию». Устроиться на новую работу не смог, так как из Главводхоза было прислано письмо, характеризующее Энфи как хорошего специалиста, но социально чуждого, скрывшего свое социальное происхождение. Подал жалобу в районную РКИ, в ходе расследования выяснилось, что коллеги Энфи и его непосредственный начальник знали о его происхождении, но не придавали ему значения. Восстановлен в должности. (ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 310. ЛЛ. 38—42.)

социальном происхождении какого-либо должностного лица, комиссия проводила тщательное расследование. В случае подтверждения полученной информации, комиссия выясняла следующие вопросы: поддерживается ли после революции «бытовая и идеологическая связь с родными»; соответствует ли квалификация человека его служебному положению и каковы его взаимоотношения с коллегами по работе. В некоторых случаях, с целью выяснения возможности личной мести, собиралась информация и о социальном положении доносчика и его взаимоотношениях с объектом расследования. Например, полученное в 1930 г. анонимное сообщение о том, что сестры Близнецовы, преподающие в школе № 29 Сокольнического района, происходят из семьи духовенства, подтвердилось. Однако, собрав всю необходимую информацию, комиссия приняла решение сестер «на чистку не ставить», так как «особого материала нет»¹²⁸. Нередки случаи, когда в результате проведенного расследования, комиссии по чисткам устанавливали ложность содержащейся в доносе информации, либо оставляли без внимания анонимные обвинения, не считая нужным их проверять¹²⁹.

Наиболее распространенными основаниями для вынесения дела на персональную чистку являются, судя по документам, не чуждое происхождение, а «организация склоки», «грубое отношение к сослуживцам», пьянство, служебные злоупотребления или профессиональная непригодность и т. п. Однако установить истинное соотношение узкоклассового и сугубо профессионального подходов к выявлению лиц, подлежащих чистке, крайне сложно, так как материалы комиссий по чисткам нередко подвергались последующей «редакции», в результате которой причины чистки приобретали совершенно иной характер.

Фальсификация материалов чисток

Типичным примером фальсификации материалов чистки является дело патронажной сестры яслей № 39 Л.Л. Карповой.

Лидия Леопольдовна Карпова родилась, по ее словам, в «большой бедной семье» лесничего и учительницы нем яз. Окончила гимназию, вышла замуж за военного В.А. Карпова, в годы первой мировой войны последовала за мужем (полковником) на фронт в качестве сестры милосердия. В 1915 г. ее муж был убит на германском фронте, получив незадолго до этого чин генерал-майора. После революции 2 года работала статистиком в ВСНХ, затем в Мосэлектрике, с 1920 г. — сестрой-экономкой в детском санатории, с 1922 г. — патронажной сестрой в яслях № 39. В советские годы окончила двухгодичные губернские курсы профдвижения, курсы кулинарии и курсы медсестер. Вела активную общественную работу: профуполномо-

ченная, секретарь (затем председатель) месткома, председатель культкомиссии, секретарь Общества Безбожников. Положение мужа никогда не скрывала, в связи с чем дети не смогли получить желаемого образования¹³⁰.

В 1931 г комиссия РКИ приняла постановление «передать на персональную чистку» патронажную сестру Л.Л. Карпову «как социально чуждую». Однако в принятом приказе обоснование передачи Карповой на персональную чистку звучало иначе: «1) за неоказание помощи рабочей бригаде и выдвигенцам на протяжении нескольких лет; 2) за создание склоки; 3) за безразличное отношение к детям». После подачи апелляции было проведено расследование, материалы которого свидетельствуют о полной беспочвенности предъявленных обвинений. За 7 лет работы Карповой в яслях ни одна рабочая бригада в них не работала. Родители не только не жаловались на безразличное отношение к их детям, но, по их словам, ни с кем из них данный вопрос вообще не обсуждался. По свидетельству врача яслей Зориной, занимавшаяся делом Карповой бригада не задала ей **ни одного вопроса** о работе патронажной сестры Карповой и даже не поставила ее в известность о принятом решении. Протоколы общего собрания матерей (38 чел.) и общего собрания родителей и сотрудников (27 чел.), а также личные письма матерей с протестами против снятия Карповой с работы, полностью опровергают обвинения в безразличном отношении к детям и в «создании склоки». *«Она честно призналась, что она жена полковника. Нам важно, как она работает, — сказал на собрании родителей и сотрудников Васильев, отец одного из детей. — Она честно работает. Злоупотреблений нет. Надо снять с нее эту склоку от звания генеральши»*¹³¹. Несмотря на заступничество коллег по работе и родителей детей, Карпова не была восстановлена* Очевидно, что истинные причины ее увольнения заключались именно в ее социальном происхождении.

Инструктор яслей № 5/80 А.Н. Лилиенталь в анкете указала, что она дочь служащего, на вопросы рабочей бригады по чистке о своем происхождении, по словам членов бригады, «старалась не отвечать, на вопрос, где она родилась, отвечала незнанием». Тем не менее бригаде удалось установить ее дворянское происхождение, что стало причиной следующего постановления: «За неясные сведения о себе, где именно

* Дело Карповой наглядно свидетельствует об ошибочности встречающегося в литературе утверждения о том, что решающим в ходе чисток было мнение трудового коллектива. С. Чуйкина, в частности, пишет: *«Характерно, что решение о том, кого вычистить принадлежало самому трудовому коллективу. Представители рабоче-крестьянской инспекции осуществляли контроль за работой комиссий по чистке, однако решение, принятое на местах, не опротестовывалось»* (Чуйкина С. Указ. соч. С. 177).

она родилась, передать на персональную чистку». Как и в случае с Карповой, в окончательном варианте постановления обоснование персональной чистки звучит иначе: за «неоказание помощи рабочей бригаде» и за «допущение антисанитарного состояния яслей»*.

Кого «вычистили»?

Очевидно, что проводимые в атмосфере нагнетания классовой ненависти, «чистки совалпарата» должны были в наибольшей степени затронуть представителей бывших привилегированных слоев. Руководство страны не скрывало, а, напротив, подчеркивало необходимость соблюдения «классовой линии» при проведении чисток. На XVI партконференции «чистки» были названы одной из «важнейших форм классовой борьбы». В то же время большевистское руководство отнюдь не было столь глупым и самоуверенным, чтобы не понимать, что, «бывшие» обладали неоспоримым преимуществом перед миллионами безграмотных крестьян и рабочих. Материалы чисток содержат немало примеров стремления сохранить наиболее ценных специалистов и «очистить» аппарат от недисциплинированных и неквалифицированных сотрудников, вне зависимости от социального происхождения тех и других. В этом отношении трудно согласиться с утверждением С.А. Шинкарчук о том, что «профессионализм не ценился и самое главное было, кто твой отец и как ты относишься к коллективизации»¹³². Даже в разгар «чисток» в политике советских и партийных властей боролись две тенденции: политкорректность и прагматизм, попеременно одерживая верх друг над другом. Причем первая тенденция побеждала преимущественно в ходе чисток работников наиболее идеологически значимых сфер деятельности (партийные руководители, преподаватели, воспитатели, библиотекари, юристы и т. п.), а также неквалифицированных рабочих (чернорабочие, уборщицы и т. п.). При «чистке» же квалифицированных рабочих, экономистов, специалистов производственной сферы, напротив, победу обычно одерживал разумный прагматизм.

Показательно в этом отношении, что в ходе проведенного в 1930 г. РКИ анонимного опроса учащихся 31-й школы Сокольнического района г. Москвы на вопрос «Кем я хочу быть, когда вырасту?» 130 мальчиков и 85 девочек (что составило более 31% опрошенных) выразили же-

* ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. Лл. 121—122. Любопытно, что несмотря на дворянское происхождение Лилиенталь и попытку его скрыть, ее судьба сложилась более удачно, чем судьба Карповой, бывшей «социально-чуждой» не по своему происхождению, а по происхождению своего мужа, которое она к тому же ни от кого не скрывала. После апелляции было принято решение «поставить на вид».

ление стать инженерно-техническими специалистами. Рабочими пожела-ли стать лишь 19,3% опрошенных, 3-е по популярности место заняла профессия врача — 11,5%¹³³. Столь явное предпочтение инженерно-техническим специальностям, несмотря на проводившуюся в то время кампанию по борьбе с вредительством, затронувшую в первую очередь именно спецов, свидетельствует о востребованности и престижности «образованных профессий» в обществе, более высоком уровне заработной платы ИТР, врачей, работников системы просвещения* В то же время нельзя забывать о том, что в этот период ставилась задача подготовки новых ИТР из рабоче-крестьянской среды, так как старые спецы не устраивали власть.

Члены рабочих бригад по чисткам жаловались в центр, что «чистят уборщиц да машинисток, все добираются нет ли дочерей попов или царских чиновников»; «материал на карасей и щук кладется под сукно, а мелкую рыбешку ловят, шельмуют, перебирают грязное белье»¹³⁴.

Нельзя также забывать, что в атмосфере нарастания социальной агрессии и психоза доноительства рядовые учителя, врачи, мелкие конторские служащие, в том числе и выходцы из рабочих и крестьян, оказывались перед клеветником в равном положении с бывшим генералом, крупным помещиком или предпринимателем. Для того чтобы испортить человеку жизнь, не нужно было доказывать его чуждое происхождение, достаточно было бросить тень сомнения** В списках «вычищенных» в качестве «классово чуждых» можно найти представителей всех социальных слоёв, в том числе передовиков производства, ударников.

* Так, например, зарплата столичных работников системы образования составляла в первой половине 1930-х гг более 110% среднестатистической зарплаты по городу. К сожалению, наиболее ранние данные о зарплате научных работников Москвы относятся лишь к 1940-м гг. В частности, в 1946 г. средняя зарплата столичных работников науки превышала 137% среднестатистической зарплаты москвичей. (Москва в цифрах: с начала века до наших дней. М., 1997 С. 73—74.)

** Данный принцип действовал не только применительно к «чисткам». Так, например, в апреле 1935 г. народный суд 3-го участка Сталинского района г. Москвы, опираясь на донос, признал гр. Ботырева виновным в том, что он, «являясь сыном кулака высланного с места постоянного жительства, приехав в Москву, скрыл свое социальное происхождение, вступил в профсоюз, а затем пытался пролезть в ряды РККА». Обвиняемый предъявил справку от сельсовета о том, что его отец — типичный середняк и никогда не был сослан, но тем не менее, был приговорен к полутора годам лишения свободы. Жалоба, поданная прокурору Сталинского района была оставлена без внимания, а Касколлегия Мосгорсуда оставила приговор в силе. Лишь по счастливой случайности Ботыреву удалось добиться пересмотра дела и отмены приговора Президиумом Мосгорсуда. (Советская юстиция. 1936. № 22. С. 21.)

Противоречивый характер материалов «чисток соваппарата» и диаметрально противоположные характеристики этой акции современниками породили столь же противоречивые их оценки исследователями. Если В. Иванов утверждает, что в ходе чисток 1928—1929 гг. «лица не-пролетарского происхождения подлежали безжалостному увольнению»¹³⁵; то С. Чуйкина, напротив, сравнивает чистки соваппарата с «профессиональной переаттестацией»¹³⁶. Уже сам факт наличия столь различных выводов говорит о полной недопустимости каких-либо односторонних оценок столь сложного и неоднозначного явления. Стоит признать, что в ходе «чисток соваппарата» было уволено немало пьяниц, бездельников, а также зарвавшихся от головокружительной карьеры «выходцев из пролетариата», которые, прикрываясь партийными билетами, действовали по принципу «все дозволено». Однако их место нередко занимали люди столь же неквалифицированные и беспринципные. Как справедливо отметили авторы коллективного документального исследования «Общество и власть. 1930-е годы», «на смену «вычищенных» устремлялся встречный пестрый поток новых членов партии, стремящихся сделать карьеру»¹³⁷. В то же время, с «волчьим билетом» были изгнаны многие квалифицированные специалисты, добросовестные работники.

Неуверенность в завтрашнем дне обусловила формирование атмосферы нервозности и страха, вызывала взаимное недоверие, враждебность, склоки, доносы. Наиболее незащищенными и пострадавшими в результате нагнетания классовой ненависти оказались представители средних слоев интеллигенции, а также крестьяне и выходцы из крестьян как носители мелкобуржуазной, так называемой «собственнической» психологии.

Таким образом, несмотря на ужесточение классовой политики и усиление действия т. н. «классового подхода» во всех сферах жизни, включая быт, углубление дифференциации населения по принципу происхождения носило в первой половине 1930-х гг. лишь внешний характер. В действительности происходило дальнейшее смешение социальных слоев, различных по своему дореволюционному положению. Причем смешение это происходит не столько за счет интеграции «бывших» в советское общество, сколько за счет искусственного расширения толкования властью понятия «социально-враждебные элементы», в социальное пространство которого оказались включены все политически (или идеологически) враждебные, «разложившиеся в бытовом отношении», а также и просто подозрительные «элементы». То есть, можно говорить о том, что на уровне государственной политики «бывшие» перестают существовать как отдельный социум, растворившись в категории так называемых социально опасных элементов.

ГЛАВА 3

НАЧАЛО «КЛАССОВОГО ПРИМИРЕНИЯ»: ОБЕЩАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Мы живем в эпоху, когда классы в основном уничтожены, но когда все же далеко не наступило второе условие, — не укрепилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество. Отсюда вытекает настоятельность борьбы с мелкобуржуазными пережитками и ее важность в наше время.

Н.В. Крыленко, 1936 г.

«Россия розовеет»

Параллельно с пропагандой классовой ненависти в начале 1930-х гг. начали предприниматься отдельные шаги, направленные на стабилизацию положения «бывших», выравнивание гражданских прав различных социальных групп населения. В частности, был предпринят ряд мер, облегчающих положение «лишенцев». В марте 1930 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР», в котором, наряду с указанием в трехмесячный срок рассмотреть все заявления граждан о неправильном лишении их избирательных прав, подчеркивалась недопустимость применения к «лишенцам» каких-либо дискриминационных мер, помимо лишения их избирательных прав. Постановление рекомендовало всем центральным исполнительным комитетам союзных республик «принять меры к безусловному устранению имевших место отдельных случаев дополнительных ограничений в отношении лиц, лишенных избирательных прав, и членов их семей, как-то: выселение из квартир и городов, огульное лишение заборных книжек, лишение медицинской помощи, лишение права застройки, исключение детей из школ, лишение избирательных прав членов семей лиц, лишенных избирательных прав, не находящихся на их иждивении»¹³⁸.

24 апреля 1930 г. НКВД издал циркуляр «О недопустимости специальных ограничений, не предусмотренных законодательством, в отношении лиц, лишенных избирательных прав», а еще через год, 30 октября 1931 г. постановлением Президиума ВЦИК госучреждениям и организациям было запрещено требовать от граждан предоставления справок о наличии избирательных прав при приеме на работу, а также при оформлении пенсий. В том же 1931 г. было принято постановление о восстановлении во всех гражданских правах кулаков, лишенных изби-

рательных прав и выселенных «за противосоветские и противоклхозные выступления», по истечении пяти лет с момента выселения при условии, что они за этот срок докажут, что «прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий Советской власти» и стали «честными и добросовестными тружениками»¹³⁹. В мае 1934 г. краевым и областным исполнительным комитетам предоставили право досрочно восстанавливать в гражданских правах «наиболее отличившихся спецпереселенцев, в особенности из молодежи, являющихся ударниками на производстве и активно участвующих в общественной работе»¹⁴⁰. Инструкция ЦИК СССР «О выборах в Советы в 1934—1935 гг.» включала развернутую главу «О порядке восстановления в избирательных правах», в соответствии с которой «лица, лишённые избирательных прав как принадлежащие к классу эксплуататоров» могли быть восстановлены в избирательных правах при условии, что они не менее 5 лет занимались производительным общественно полезным трудом и доказали свою лояльность по отношению к Советской власти. Для членов профсоюза, «зарекомендовавших себя честным трудом и преданностью Советской власти» допускалось исключение: они могли быть восстановлены в избирательных правах без пятилетнего трудового стажа¹⁴¹.

В наибольшей степени наметившаяся тенденция либерализации социальной политики затронула специалистов. В частности, в 1930—1931 гг. ВЦИК и СНК приняли ряд постановлений, направленных на улучшение их жилищно-бытовых условий и материального положения¹⁴². Негативные последствия развернувшейся после Шахтинского дела кампании по борьбе с «вредительством» на производстве начали сказываться уже в 1930 г., и правительство было вынуждено взять курс на осуждение массовых репрессий против спецов. Судебные дела, обвиняемыми на которых выступали специалисты, все чаще возвращались на доследование или пересмотр. В частности, ряд протестов против необоснованного осуждения специалистов направила в Президиум Мособлсуда в первом полугодии 1931 г. Московская областная прокуратура. Одновременно МГКК ВКП(б) и РКИ настоятельно рекомендовали Мособлпрокуратуре и судебным органам отказаться от «слишком суровых мер социальной защиты» в отношении специалистов¹⁴³.

10 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения», предусматривающее целый комплекс мер юридической и политической реабилитации специалистов, в том числе предлагалось немедленно освободить арестованных специалистов отдельных отраслей и амнистировать всех специалистов, осужденных к принудительным работам; отменялся дискриминационный в отношении старых специалистов подход при назначении на руководящие по-

сты на предприятиях. Принятое в тот же день постановление Политбюро «Вопросы ОГПУ» запрещало ОГПУ производить аресты специалистов без согласия соответствующего наркома, в случае же разногласия между наркомом и ОГПУ вопрос должен был решаться в ЦК ВКП(б)¹⁴⁴.

Наглядным примером наметившейся смены курса государственной политики по отношению к буржуазным специалистам может служить дело о выселении врача В.В. Розанова из квартиры, предоставленной ему Московским областным союзом жилищной кооперации (МОСЖК). Основными претендентами на эту квартиру были 2 врача: Розанов (из «бывших»), проживающий с семьей в квартире площадью 31,8 квадратных метров; и Хан Магометов, член ВКП(б), участник Гражданской войны, проживающий с семьей из 4 человек в квартире площадью 13,5 квадратных метров. Несмотря на очевидные преимущества Хан Магометова (как по идеологическим, так и по общечеловеческим соображениям) квартиру, тем не менее, предоставили Розанову, обосновывая это решение большим стажем Розанова в МОСЖК. Однако в ходе рассмотрения жалобы Хан Магометова выяснилось, что в действительности Магометов вступил в Облжилсоюз раньше Розанова, таким образом последний лишился своего единственного преимущества. Первоначальное решение было отменено как ошибочное, новую квартиру передали Магометову, а Розанову предложили вернуться на старое место жительства. Розанов, в свою очередь, подал жалобу в МГКК ВКП(б), предъявив справку о том, что «в результате переживаний, связанных с выселением из квартиры», он заболел «расстройством кровообращения в мозгу и припадками болей со стороны сердца». Рассмотрев жалобу, Президиум МГКК объявил тройке по распределению жилья МОСЖКТ строгий выговор «за извращение линии партии в отношении советских специалистов и проявление нечуткого отношения к врачу Розанову», а также обязал правление Облжилсоюза «в 2-декадный срок предоставить Розанову равноценную квартиру»¹⁴⁵

В 1933 г. ЦИК и СНК СССР одно за другим приняли постановления об улучшении жилищных условий научных работников (27 марта), писателей, состоящих членами Союза советских писателей СССР (7 июля) и советских композиторов (2 октября). В том же году на преподавателей и инструкторов физкультуры было распространено постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.03.1931 о жилищных льготах работникам просвещения в городах (1 октября).

Один из корреспондентов нью-йоркской газеты «Форвертс» М. Хинной охарактеризовал происходившие в СССР изменения словами «Россия розовеет». «Бросается в глаза изменение отношения к интеллигенции как к социальному слою, — отмечал также «Форвертс». — За ней ухаживают, ее обхаживают, ее подкупают. Она нужна»¹⁴⁶.

Процесс «классового примирения» нашел свое отражение и на уровне обыденных отношений. Если частные жалобы 1929—1930 гг. (как подписанные, так и анонимные) почти всегда делали акцент на «чуждом» происхождении обидчика, то в жалобах середины 1930-х гг. преобладает бытовая тематика (обвесы и грубость в магазинах, отсутствие необходимых товаров в торговой сети; несвоевременная доставка багажа или денежного перевода; грязь в общественных помещениях; плохое качество пищи в столовых; бюрократизм и волокита в местных органах власти и т. п.)¹⁴⁷ По-прежнему значительное место в письмах занимают семейные и соседские склоки, но они уже не сопровождаются неизменными ссылками на то, что соседка — дочь бывшего князя, а неверный муж — бывший белый офицер. Так, Сокольническая РКИ, проанализировав содержание поступивших в 1932 г. частных жалоб, пришла к выводу, что наибольшее недовольство населения вызывает «халатное отношение к служебным обязанностям как в промышленных и советских предприятиях, так и в руководящих жилищных инстанциях»¹⁴⁸.

Освободить советские города и учреждения от «бывших людей»

Обозначившийся в начале 1930-х годов процесс либерализации социальной политики, как и прежде, был ограниченным и противоречивым. Каждый раз, протягивая руку поверженному и покорившемуся «врагу», делая шаг навстречу «бывшим», власть не забывала напомнить им их истинное место в новом обществе. Крайняя противоречивость, двойственность, характеризующая социальную политику большевиков, не раз удивляла представителей различных социальных слоев. *«Левая рука Советской власти, — писал, в частности, в 1921 г. во ВЦИК некий И. Горбунов-Посадов, — уничтожает то, что старается сделать правая [...] Это — простите за выражение — какой-то огромный государственный сумасшедший дом»*¹⁴⁹ Противоречивость и кажущаяся непоследовательность социальной политики в действительности имели хорошо организованный, спланированный характер — **протягивая «бывшим» «пряник», власть всегда держала наготове «кнут».**

Одновременно с провозглашением курса на восстановление в гражданских правах всех «бывших», честным трудом доказавших свою лояльность советской власти, был ужесточен контроль за населением вообще и, в первую очередь — «противосоветскими элементами», к коим неизменно причисляли всех «социально чуждых». В частности, в 1931 г. было сфабриковано «Дело гвардейских офицеров», по которому проходили выпускники закрытых военных учебных заведений¹⁵⁰.

27 декабря 1932 г ЦИК и СНК приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». В соответствии с постановлением, эта акция предпринималась «в целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов»¹⁵¹. В первую очередь паспортизация охватила население Москвы и Ленинграда. Уже 21 января 1933 г. Президиум Мособлисполкома принял постановление, запрещающее проживать в городе и на территории в радиусе 100 км от него лицам, не получившим паспорта или временные удостоверения. Эти лица должны были покинуть город в течение 10 дней. С 1 июня был также запрещен прием на работу лиц, не имеющих паспорта¹⁵².

Введение единой паспортной системы было воспринято современниками как крупнейшее **политическое** мероприятие. Так, А.Я. Вышинский охарактеризовал паспортизацию населения как одно из могущественнейших средств преодоления сопротивления классового врага, якобы готового все больше и больше вредить социалистическому строительству. Вышинский открыто признал, что главной целью принятой акции является освобождение советских городов и рабочих поселков не от уголовного элемента, а именно от ««бывших людей», прикрывшихся маской «служащего» и «рабочего»»¹⁵³. В этом отношении вспоминаются слова Ю. Ларина, который еще в 1924 г. писал, что честному человеку паспорт не нужен, а с точки зрения борьбы с преступностью паспортная система лишена смысла, так как «нет такого сколько-нибудь разумного преступника, который дал бы словить себя по паспорту»¹⁵⁴.

Очевидно, что введение паспортной системы не ограничивалось репрессивными задачами, о которых писал Вышинский. В действительности паспортизация и прописка должны были решить целый комплекс политических, экономических и демографических проблем (борьба с преступностью, нормализация карточной системы снабжения, предотвращение массового бегства из деревень в города и т. д.). Однако на практике эта акция послужила поводом для массовой чистки городского населения не только от уголовного элемента, но и от «социально чуждых». Формально социальное происхождение не являлось основанием для не выдачи паспорта, тем не менее, у «бывших» появились существенные проблемы. Как полагает Ш. Фицпатрик, «комиссия Политбюро сделала все возможное, чтобы определить, кому не следует выдавать паспорта». Фицпатрик, в частности, ссылается на свидетель-

ство одного из подчиненных А.С. Енукидзе, утверждавшего, что работники ОГПУ, ведавшие паспортизацией, давали своим людям устные инструкции не выдавать паспорта «классовым врагам» и «бывшим»¹⁵⁵. Несмотря на то, что достоверность этого свидетельства проверить не удалось¹⁵⁶, следует признать, что оно вполне укладывается в общую логику событий. Так, подводя итоги социальной политики в январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), И.В. Сталин подчеркнул, что последние остатки умирающих классов «вышиблены вконец со своих производственных позиций, а также и из жизненной «колеи» вообще. Однако этого, по словам Сталина, было недостаточно. На повестку дня встала задача «вышибить» «бывших людей» из всех предприятий и учреждений. *«Будучи вышибленными из колеи и разбросавшись по лицу всего СССР, — предупреждал Сталин, — эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию. С чем они пришли туда? Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры».* К «бывшим людям», которых было необходимо «вышибить» из советских предприятий, учреждений и городов, Сталин отнес «частных промышленников и их челядь, частных торговцев и их приспешников, бывших дворян и попов, бывших белых офицеров и урядников, бывших полицейских и жандармов, всякого рода буржуазных интеллигентов шовинистического толка и все **прочие антисоветские элементы**»¹⁵⁷. В число последних, в свою очередь, входили перерожденцы, двурушники, а также все обывательски-благодушно относящиеся к фактам воровства и расхищения социалистической собственности.

Классы уничтожены, классовая борьба продолжается

Переломным моментом в процессе «классового примирения» (а точнее «классового прощения») стал состоявшийся в январе-феврале 1935 г. VII съезд Советов СССР. Съезд констатировал, что «Россия неповская стала Россией социалистической» и что «новому соотношению классовых сил в стране» должна соответствовать новая избирательная система: замена не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми. Было принято решение предложить ЦИК СССР избрать Конституционную Комиссию для разработки текста новой Конституции и ближайшие очередные выборы органов Советской власти провести на основе новой избирательной системы.

Новая Конституция должна была стать Конституцией «бесклассового общества», то есть общества без социально привилегированных групп населения* В средствах массовой информации звучали слова о том, что чуждое происхождение потеряло опасность для общества, которую оно представляло собой еще недавно¹⁵⁸ В то же время параллельно с разработкой проекта этой Конституции в феврале-марте 1935 г. органы НКВД провели в Ленинграде операцию «Бывшие люди», в ходе которой было арестовано 4833 главы семей «бывших»¹⁵⁹. По свидетельству современников, местные власти и администрация учреждений продолжали проводить политику дискриминации по признаку происхождения. В частности, член Верховного суда СССР и КСК СССР А.А. Сольц, выступая в июне 1936 г. в Институте уголовной политики с докладом «Последствия отбытия наказания и вопросы снятия судимости», подчеркнул, что в трех четвертях поступивших в первой половине 1936 г. в Комиссию советского контроля жалоб говорилось именно о притеснениях из-за «чуждого» происхождения¹⁶⁰ В июле 1936 г. III пленум КСК принял постановление «О рассмотрении жалоб трудящихся», в котором подчеркивалась необходимость «прекратить увольнения и отказ в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников». В то же время Сольц призвал судей быть «классово бдительными»¹⁶¹.

Столь же противоречивым, с точки зрения степени «классового примирения» было и «всенародное обсуждение» проекта новой Конституции¹⁶². Советские юристы, комментируя проект новой Конституции, каждый раз, говоря о ликвидации эксплуататорских классов и переходе к «новой, еще более высокой ступени советской демократии» — всеобщему избирательному праву, непременно добавляли, что классовая борьба не закончена. Так, Н.В. Крыленко в июле 1936 г. писал, что задача — уничтожения классов решена, построено бесклассовое социалистическое общество, а все граждане СССР стали «свободными социалистическими тружениками города и деревни»¹⁶³. Однако в следующей статье Крыленко пояснил: *«Это не значит, что уже можно сложить оружие в борьбе против остатков классовых врагов, что наш удар должен быть в отношении их менее жестоким»*¹⁶⁴ Другой известный государственный деятель, В.П. Антонов-Саратовский, комментируя задачи суда в соответствии с основными принципами новой Конституции, подчеркнул, что отныне суд должен охранять экономические и полити-

* Следует учитывать, что под «бесклассовым» обществом подразумевалось общество без антагонистических классов, а говоря об «уничтожении классов» в те годы имели в виду прежде всего уничтожение эксплуататорских классов, а не общественных классов вообще как таковых.

ческие права всех граждан, независимо от социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Нарушение же этих принципов должно строго наказываться. В то же время Антонов-Саратовский отметил, что новая конституция «не отменяет диктатуры рабочего класса», а всякие разговоры о том, что классовая борьба «отпала» или «отменена» — являются «грубым непониманием положения»¹⁶⁵.

По словам А.А. Сольца новая Конституция — это, прежде всего новое отношение к социальному происхождению. *«Люди, бывшие когда-то против нас, самой жизнью переубедились, — подчеркнул Сольц. — [...] Надо поставить дело так, чтобы человек мог забыть свое социальное происхождение [...]»*¹⁶⁶ Соглашаясь в принципе с необходимостью изменить отношение к фактору социального происхождения, Антонов-Саратовский, истолковал это изменение как переход в сфере межклассовых отношений от принуждения к «убеждению принуждением»¹⁶⁷

«Все граждане СССР, достигшие 18 лет, — говорилось в статье 135 новой Конституции, — независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав». Однако «разоблачение» «бывших» и их детей продолжалось еще не один год. Ушедшие в прошлое с юридической точки зрения понятия «бывшие люди», «чуждые», классовые враги, «эксплуататоры» и т. п., еще долго сохранялись как в сфере социальной практики, так и в официальном лексиконе властных структур и репрессивных органов*. В частности, в прессе конца 1930-х гг. нередко встречается противопоставление старых, буржуазных специалистов (учителей, врачей, инженеров и т. п.) новым, советским.

С ликвидацией классов не закончилась классовая борьба, однако изменилось ее содержание. Острые так называемой классовой борьбы все чаще направлялось в сторону рабочих и крестьян. *«Сами трудящиеся (даже рабочие) не однородны, — пояснял, в частности необходимость продолжения классовой борьбы после ликвидации классов Антонов-*

* Так, в «Справке о составе заключенных, содержащихся в лагерях НКВД на 1 января 1942 г.» в разделе, характеризующем заключенных «по окраскам», в качестве отдельных групп названы бывшие помещики, фабриканты и торговцы (81458 чел. из 1390458 заключенных), а также церковники и сектанты (6888 чел.). Аналогичные категории заключенных «по окраскам» присутствуют и среди заключенных, содержащихся в 1942 г в системе ИТК НКВД: 7138 бывших помещиков, фабрикантов, кулаков, чиновников, офицеров и служащих полиции и 1144 церковников и сектантов. (ГУЛАГ 1918—1960. Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Науч. ред. В.Н. Шостаковский. М., 2000. С. 424, 427.)

Саратовский, — [...] наряду с высоким авангардом существуют и отста-
лые слои, зараженные в той или иной степени пережитками, оставшими-
ся от капиталистической системы общественных отношений; наконец
среди них есть глубоко развращенные и разложившиеся люди, которым в
силу своей антиобщественной деятельности смыкаются с политическими
врагами социалистического государства»¹⁶⁸. После принятия новой Кон-
ституции — Конституции бесклассового общества — Советская власть,
как и прежде, последовательно придерживалась политики «поиска вра-
гов». Объявив о полной и окончательной ликвидации в стране эксплуа-
таторских классов началось выявление их «последышей», «озлоблен-
ных, хотя и бессильных», а также их «агентуры» среди «развращенных и
разложившихся» рабочих и крестьян.

Примечания

- ¹ Известия ВЦИК. 1927. 17 февр. С. 2.
- ² СЗ. 1927. № 12. Ст. 122.
- ³ Луначарский А.В. О быте. М.—Л., 1927. С. 54.
- ⁴ Жилищное законодательство: Систематизированный сборник... С. 164.
- ⁵ Горин М. Академический ковчег // Ленинградская правда. 1927. мая. С. 3.
- ⁶ Вышинский А.Я. Вредители электростанций перед пролетарским судом. М., 1933. С. 18. См. также: Он же. Итоги и уроки шахтинского дела. М.—Л., 1928. С. 9—10, 19, 25.
- ⁷ Подробнее об этом см.: Малькова Л.Ю. Современность как история. Реализация мифа в документальном кино. М., 2002. С. 99—117
- ⁸ Ларин. Ю. Частный капитал в СССР М., 1993. С. 452.
- ⁹ Советская юстиция. 1932. № 10. С. 1; см. также журналы «Большевик», «Историк-марксист», «Борьба классов» «За пролетарское искусство» и др.
- ¹⁰ Подробнее см.: Общество и власть. 1930-е годы: Повествование в докумен-
тах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998. С. 47—58, 114—119.
- ¹¹ ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 821. ЛЛ. 1, 9.
- ¹² Фольклор России в документах советского периода. 1933—1941. Сб. док. М., 1994. С. 26—27
- ¹³ Там же. С. 41—49.
- ¹⁴ Михайлов А. Советский лубок // Революция и культура. 1929. № 13. С. 46.
- ¹⁵ Горький М. О действительности // Горький М. О мире толстых. М., 1931. С. 337
- ¹⁶ За пролетарское искусство. 1932. № 2. С. 16.
- ¹⁷ См., например: Келдыш Ю. За ленинизм в музыкальной теории // Марксистско-ленинское естествознание. 1932. № 2. С. 56—76.
- ¹⁸ Лифшиц С. О классовом характере естественных и математических наук (Ответ т-щу Ильченко из Харькова) // Революция и культура. 1929. № 13. С. 71.
- ¹⁹ Подробнее см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы след-
ственного дела, сфабрикованного ОГПУ Вып. 1. Дело по обвинению академика
С.Ф. Платонова. СПб., 1993; То же. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле.
СПб., 1998; Перченков Ф.Ф. Трагические судьбы: репрессированные члены Академии
наук СССР. М., 1991; Его же. «Дело» Академии наук // Природа. 1991. № 4. С. 96—
105.

Вышинский А.Я. Вредители электростанций... С. 16—17

Сольц А.А. К чистке // Как проводить чистку партии: Сборник директивных статей и материалов. М.—Л., 1929, С. 32.

²² Выше знамя ленинской партии // Большевик. 1932. № 22. С. 8.

²³ *Косарев А.В.* О задачах комсомола // Большевик. 1932. № 23/24. С. 39.

²⁴ *Ярославский Е.М.* Доклад на XVI партконференции 29.IV.1929 г. // Как проводить чистку партии... С. 17. См. также: *Пашуканис Е.Б.* Советский государственный аппарат в борьбе с бюрократизмом // Строительство советского государства. М., 1929. С. 36—41.

²⁵ ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. Л. 61.

²⁶ Подробнее об арестах крупных специалистов центральных хозяйственных ведомств см.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 34; Общество и власть... С. 82—92.

²⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 246.

²⁸ *Ширвиндт Е.* Директивы даны — надо их выполнять // Административный вестник. 1929. № 4. С. 4.

²⁹ *Утевский Б.* Сколько у нас преступников профессионалов и что с ними делать // Там же. С. 12—13.

³⁰ Административный вестник. 1929. № 4. С. 74.

³¹ ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. Л. 84—85.

³² См.: Там же. ЛЛ. 54—56, 62об.

³³ Там же. Л. 122.

³⁴ Советская юстиция. 1932. № 10. С. 2.

³⁵ ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. Л. 39.

³⁶ *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 409—410.

³⁷ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». М., 1999. С. 39.

³⁸ ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. Л. 39; См. также: *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 406—414.

³⁹ См., например: СЗ СССР. 1931. № 17. Ст. 159; Там же. 1932. № 50. Ст. 298; Историк-марксист. 1932. № 1/2. С. 7; Большевик. 1932. № 22. С. 2; Борьба классов 1932. № 2/3. С. 29—34; Там же. № 11/12. С. 10; На трудовом посту. 1929. № 1. С. 2. и др.

⁴⁰ *Ярославский Е.М.* Доклад на XVI партийной конференции... С. 8—9.

⁴¹ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. Л. 19.

⁴² ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7 Д. 60. Л. 8об.

⁴³ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. Л. 162—164.

⁴⁴ *Горький М.* О социалистическом реализме // Горький М. О мире толстых... С. 349.

⁴⁵ *Ленин В.И.* П. С. С. Т. 45. С. 20.

⁴⁶ *Крупская Н.К.* Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 19.

⁴⁷ Цит. по: Общество и власть... С. 90.

⁴⁸ *Коротков И. К.* проверке и чистке производственных ячеек // Как проводить чистку... С. 86.

⁴⁹ Подробнее о «пристальном наблюдении» органов ГПУ за рабочим классом см.: *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 145.

⁵⁰ Безбожник. 1929. № 19. С. 11

⁵¹ *Ярославский Е.М.* Доклад на... С. 18.

Мартынов Т. Мимо жизни // На трудовом посту. 1929. № 1. С. 27.

⁵³ *Кондурушкин С.И.* Указ. соч. С. 202, 204—205.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 203.

⁵⁶ *Ярославский Е.М.* Доклад на... С. 18.

- Ингулов С.* Под лозунгом большевистской принципиальности // Как проводить чистку... С. 60.
- ⁵⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 112. Л. 10.
- ⁵⁹ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 145. Л. 84.
- ⁶⁰ См., например: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. ЛЛ. 100, 106, 157об; Там же. Д. 227 ЛЛ. 7, 57—66, 189, 191; Там же. Оп. 7 Д. 60. Л. 73об; Д. 61. ЛЛ. 22, 45; ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. Л. 69.
- ⁶¹ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. Л. 47—48.
- ⁶² ГА РФ. Ф. Р-5404. Оп. 11. Д. 22. Л. 3.
- ⁶³ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. Л. 248. См. также: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. ЛЛ. 100, 106, 157об; Д. 227. ЛЛ. 7, 57—66, 189, 191; Там же. Оп. 7. Д. 60. Л. 73об; Д. 61 ЛЛ. 22, 45; ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. Л. 69; ГА РФ. Ф. Р-5404. Оп. 11. Д. 22. Л. 3 и др.
- ⁶⁴ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. Л. 2.
- ⁶⁵ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. Л. 127.
- ⁶⁶ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. Л. 181.
- ⁶⁷ Там же. С. 109.
- ⁶⁸ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. Л. 7.
- ⁶⁹ *Н. Ч.* «Классовая борьба» между соседями // Известия ВЦИК. 1929. 5 ноября. С. 5.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Ярославский Е.* Доклад на XVI партийной конференции 29.IV.1929 г. // Как проводить чистку партии. М.—Л., 1929. С. 12.
- ⁷³ *Сольц А.А.* К чистке // Как проводить чистку партии... С. 29.
- ⁷⁴ *Ярославский Е.М.* Доклад на XVI партийной... С. 11.
- ⁷⁵ *Сольц А.А.* К чистке // Как проводить чистку партии... С. 30.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. ЛЛ. 185—186об.
- ⁷⁸ Безбожник. 1929. № 12. С. 19.
- ⁷⁹ Правда. 1936. 18 июня. С. 3.
- ⁸⁰ *Орджоникидзе Г.К.* Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 249.
- ⁸¹ Подробнее см.: Известия. 1923. 5 марта.
- ⁸² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1981. С. 338, 342, 388, 469—484, 493.
- ⁸³ *Орджоникидзе Г.К.* Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 254.
- ⁸⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. М., 1981. С. 473.
- ⁸⁵ См, например: *Ингулов С.* Под лозунгом большевистской принципиальности // Как проводить чистку партии. Сб. директивных статей и материалов. М.—Л., 1929. С. 60; *Коротков И.* К проверке и чистке производственных ячеек // С. 93—94 и др.
- ⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 4. С. 473.
- ⁸⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 4. С. 473.
- ⁸⁸ *Чуйкина С.* Указ. соч. С. 177.
- ⁸⁹ *Шинкарчук С. А.* Указ соч. С. 32.
- ⁹⁰ См., например: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 211. Л. 14; Там же. Оп. 7 Д. 63. Л. 8; ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. ЛЛ. 23, 27, 29.
- ⁹¹ *Лебедев С.И.* Опираясь на помощь общественности // Как мы работали в Рабкри-не. Харьков, 1963. С. 28.
- ⁹² См., например: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61.
- ⁹³ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7 Д. 60. Л. 4.
- ⁹⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 164.
- ⁹⁵ См.: *Ингулов С.* Указ. соч. С. 60.

- Межоль К.. Недочеты проверок и чисток в прошлом // Как проводить чистку партии... С. 127.
- ⁹⁷ Сольц А.А. К чистке // Как проводить чистку партии... С. 30.
- ⁹⁸ Ярославский Е.М. Доклад на... С. 21.
- ⁹⁹ На трудовом посту. 1929. № 4/5. С. 5.
- ¹⁰⁰ Зд. ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1. См. также: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 63. Л. 5; Там же. Д. 93. ЛЛ. 2, 5, 7, 14—15, 18—23.
- ¹⁰¹ См. ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 854. ЛЛ. 108—144.
- ¹⁰² ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. ЛЛ. 144—151.
- ¹⁰³ ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. Л. 22; см. также. ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 201. ЛЛ. 46—63.
- ¹⁰⁴ Подробнее об особенностях социальной идентификации «бывших» в первые послереволюционные годы см. часть I главу 2 данного исследования.
- ¹⁰⁵ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. Л. 8.
- ¹⁰⁶ Кондурушкин И.С. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁰⁷ См., например: ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. ЛЛ. 54—55; Там же. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 211. ЛЛ. 15—16.
- ¹⁰⁸ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 93. ЛЛ. 2, 5, 7, 8, 11, 13—23.
- ¹⁰⁹ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. Л. 54.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 1653. Л. 3.
- Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. М., 1992. С. 19.
- ¹¹² См.: Межоль К. Недочеты проверок и чисток... С. 128—129.
- ¹¹³ Там же; см. также: Ярославский Е.М. Доклад на XVI партконференции... С. 17.
- ¹¹⁴ Дзержинский Ф.Э. На борьбу с болезнями управленческого аппарата. Речь на совещании ответственных работников ВСНХ СССР 9 июля 1926 г. // Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М., 1967. С. 369.
- ¹¹⁵ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. Л. 63об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 86.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 49.
- ¹¹⁸ Там же. ЛЛ. 33—41.
- ¹¹⁹ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. ЛЛ. 132—134.
- ¹²⁰ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. Л. 193об.
- ¹²¹ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 201, См. также: Там же. Д. 220.
- ¹²² См. ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. ЛЛ. 39—40, 50—60, 72—86, 90—108, 110—113; ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 63. ЛЛ. 9—19, 31, 34—41, 59—60.
- ¹²³ См. ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 145. ЛЛ. 43—73.
- ¹²⁴ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1653. Л. 3.
- ¹²⁵ См., например: Коротков И. Указ. соч. С. 89.
- ¹²⁶ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. Л. 11.
- ¹²⁷ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 310. Л. 42.
- ¹²⁸ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. Л. 174; см. также: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. ЛЛ. 39—45, 112—140, 157об, 161об, 174—182; Там же. Д. 227. ЛЛ. 4—10, 46об, 51, 109—112.
- ¹²⁹ См., например: ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. ЛЛ. 51, 190, 204об; Там же. Оп. 7. Д. 67. Л. 57; ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1652. Л. 63.
- ¹³⁰ См. ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. ЛЛ. 98, 105—107.
- ¹³¹ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. Л. 108, см. также: Там же. ЛЛ. 99—103, 107.
- ¹³² Шинкарчук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. С. 28.

ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227 Л. 208. О профессиональных приоритетах советских учащихся 20-х гг. см. также: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Т. 1. С. 113—114.

¹³⁴ Цит. по: *Общество и власть...* С. 80.

¹³⁵ Иванов В. Бывшие люди... С. 71. См. также: *Шинкарчук С.А.* Указ. соч.

¹³⁶ *Чуйкина С.* Указ. соч. С. 176.

¹³⁷ *Общество и власть...* С. 78.

¹³⁸ СЗ СССР 1930. № 19. Ст. 212.

¹³⁹ Там же. 1931. № 44. Ст. 298.

¹⁴⁰ Там же. 1934. № 33. Ст. 257

¹⁴¹ СЗ СССР 1934. № 50. Ст. 395.

¹⁴² См., например: *Жилищное законодательство: Систематизированный сборник...* С. 163—168.

¹⁴³ ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 188. Л. 91.

¹⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Хлевнюк О.В.* Указ. соч. С. 55.

¹⁴⁵ ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 223.

¹⁴⁶ Цит. по: *Хлевнюк О.В.* Указ. соч. С. 108. (Подробнее об этом см. также: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 114—117.)

¹⁴⁷ См., например: ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 307

¹⁴⁸ ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 307. Л. 170.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф.Р-130. Оп. 5. Д. 1091. Л. 320.

¹⁵⁰ Подробнее об этом см.: *Иванов В.А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20—40-х гг. (на материалах Северо-Запада СССР СПб., 1997. С. 62—116).

¹⁵¹ СЗ. 1932. № 84. Ст. 516.

¹⁵² О введении единой паспортной системы в СССР. Законодательные и директивные материалы. М., 1933. С. 22—23.

¹⁵³ О введении единой паспортной системы... С. 9—10.

¹⁵⁴ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 82.

¹⁵⁵ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 146—147.

¹⁵⁶ См.: Там же. С. 296.

¹⁵⁷ *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки // *Вопросы ленинизма.* С. 426—427.

¹⁵⁸ См., например: *Советская юстиция* 1936. № 22. С. 15.

¹⁵⁹ Подробнее об операции «Бывшие люди» см.: *Иванов В.* «Бывшие люди»... С. 70—73.

¹⁶⁰ *Советская юстиция* 1936. № 22. С. 15—16.

¹⁶¹ Там же. № 21. С. 8.

¹⁶² Подробнее о том, как проходило «всенародное обсуждение» проекта новой Конституции, см.: *Общество и власть...* С. 122—161; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 159.

¹⁶³ *Крыленко Н.В.* О суде и праве в эпоху социализма // *Советская юстиция.* 1936. № 19. С. 8.

¹⁶⁴ *Крыленко Н.В.* Суд и прокуратура по проекту Конституции СССР // Там же. № 20. С. 2.

¹⁶⁵ *Антонов-Саратовский В.П.* Советский суд в свете новой Конституции // *Советская юстиция.* 1936. № 21. С. 3—4.

¹⁶⁶ *Советская юстиция* 1936. № 22. С. 15—16.

¹⁶⁷ *Антонов-Саратовский В.П.* Указ. соч. С. 3.

¹⁶⁸ *Антонов-Саратовский В.П.* Указ. соч. С. 3.

ЧАСТЬ V

**«СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ»:
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ
«СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫХ»
1917–1936-Е ГОДЫ**

Процесс интеграции детей «социально чуждых элементов» в после-революционное российское общество имеет ряд особенностей и заслуживает особого внимания. С одной стороны, он проходил не менее, а порой и более, сложно и болезненно, чем процесс адаптации самих «бывших» к новым социально-экономическим и политическим условиям. Этап личностного становления детей «бывших» пришёлся на период наибольшей нестабильности как в экономическом, так и в социально-политическом плане, что неизбежно порождало социальную дезориентацию, неуверенность в будущем, сложности в получении образования, профессии, а также в установлении контактов со сверстниками. Выходцы из непролетарских слоев, еще не успевшие стать чиновниками, помещиками, капиталистами, урядниками и прочими «эксплуататорами», тем не менее, воспринимались широкими слоями рабочих и крестьян как неотъемлемая часть «умирающего буржуазного мира». *«Каждый, даже малоимущий студент, — писал Ю. Ларин, — каждый юнкер «имел в своем ранце маршальский жезл», т. е. мог рассчитывать со временем «сделать карьеру», совершенно недоступную до революции рабочему и крестьянину»*¹ Этой потенциальной возможностью было достаточно для того, чтобы ненависть к родителям во всем объеме распространялась и на их детей.

С другой стороны, юридически дети представителей бывших привилегированных слоев не несли ответственности за деяния своих родителей. В отличие от взрослых, они также были свободны от груза воспоминаний о прошлой жизни. Дети «чуждых», рожденные уже после революции, не пережили той кардинальной ломки привычного жизненного уклада, которая для многих представителей старшего поколения стала причиной тяжелых стрессов, мучительных поисков своей социальной ниши и дальнейшей жизненной стратегии.

Следует также учитывать особенности положения представителей различных возрастных групп. В частности, необходимо разделять положение в Советской республике малолетних детей, относившихся по своему происхождению к «социально чуждым» слоям (в том числе и родившихся уже после октября 1917 г.), и тех выходцев из «бывших», кто уже вышел из детского возраста.

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О «ДИСКРИМИНАЦИИ» ДЕТЕЙ ПО КЛАССОВОМУ ПРИЗНАКУ

В Советской Республике [...] нет места предпочтению одних детей другим. Все дети, и в первую очередь дети рабочих, как наиболее обездоленные прежним строем, должны быть обеспечены охраною их здоровья государством.

Радин Е.П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей (Вятка, 1921)

Равенство всех детей как основной принцип социалистического строительства

«После Октябрьской революции, — писала в 1923 г. сотрудница Детской социальной инспекции при Наркомпросе Е. Хазанова, — государство взяло под своё покровительство всех детей республики, сделавшись как бы их Верховным Опекун²». Эти слова, какими бы наивными ни казались они сегодня, подтверждаются не только многими послереволюционными декретами о защите детей и детства, но и реальными практическими действиями. Так, 14 сентября 1918 г. был принят декрет СНК об «усилении детского питания», а 26 сентября — о создании специального продовольственного фонда для детей; декретом от 17 мая 1919 г. в столицах и в промышленных районах было введено бесплатное питание для всех детей до 14 (а постановлением СНК от 12 июня 1919 г. — до 16) лет, независимо от социального происхождения. В наиболее голодные годы встречались отдельные попытки распространения классового принципа и на систему продовольственного обеспечения детей, но они носили единичный характер и обычно не доходили до практической реализации. Так, в июне 1921 г. на заседании СНК после обсуждения вопроса о положении с детским питанием в связи с невозможностью обеспечить бесплатное питание всех детей детских учреждений, было принято решение просить Деткомиссию ВЦИК «выработать срочные меры для очищения детских учреждений от детей непролетарских элементов и от детей в возрасте свыше 16 лет»* Однако данная

* ГА РФ. Ф. 5207 Оп. I. Д. 15. Л. 41. Не исключено, что в данном случае речь шла не о детях непролетарского происхождения, а о детях, родители которых в текущий момент по роду занятий не относились к числу трудящихся. Однако с уверенностью сказать, от кого именно следовало, по мнению СНК, очистить детские учреждения, не представляется возможным.

идея не встретила поддержки ни Деткомиссии, ни наркоматов, в ведении которых находилась организация детского питания. Напротив, 10 сентября 1921 г. СНК утвердил подготовленное Народными комиссариатами продовольствия и просвещения распоряжение «Об организации питания в сельских школах». Распоряжение обязывало все упродкомы, волисполкомы и сельсоветы «в осуществление **основного принципа советского строительства о полном равенстве всех детей Республики, независимо от классовой принадлежности и имущественного положения их родителей**», принять «самые энергичные меры» к перераспределению продовольствия с целью обеспечения питанием всех учащихся сельских школ³. В период голода 1921—1922 гг. бесплатное питание для детей было распространено на всю территорию Советской России. С учетом установленной общей численности детей в республике предполагалось организовать постоянное обеспечение детучреждений соответствующим количеством пайков по специально установленной норме. Был разработан список продуктов, подлежащих распределению только среди детей и тяжело больных. К сожалению, реальные пайки были вдвое, а то и втрое меньше разработанных; масла, мяса, молока и сахара дети практически не видели, вместо пшеничного и ржаного хлеба им давали суррогатный. Продукты для детских учреждений, вопреки указаниям правительства, отпускались в последнюю очередь и часто были несвежими. Однако те, кто обворовывал детей, не спрашивали об их социальном происхождении. Дети крестьян и рабочих голодали, болели и умирали наравне с детьми «бывших».

В 1922 г. учащихся одной из подмосковных школ (среди которых были дети разных слоев населения: крестьян, железнодорожных служащих, бывших предпринимателей и т. д.) попросили написать сочинение на тему «Как бы мне хотелось жить, и как я живу». Оказалось, что мечты детей, родившихся и выросших в семьях разных социальных слоев, практически не отличались: сытная еда, теплый дом и собственное хозяйство. Вот, например, что написала девочка из крестьянской семьи, имевшей до революции неплохое хозяйство и по своему положению приближавшейся к «помещичьей»:

«Я живу сейчас очень плохо, ничего нету, хлеба не вдоволь, а попросишь еще, то скажут: «подожди, время придет». Каши, масла, сахара, сыра, масла сливочного нет. Всё стало дорого, да и купить негде. И вспомнишь прошлое время. Всё было; жила я очень хорошо: ела, пила, пела, бегала. А теперь не забегаешь, не запоешь, только еще захвораешь. Бывало придешь домой из школы, то того поешь, то другого, а теперь не поешь. Хорошо еще, что в школах устроили завтраки, — все-таки заправишься, и силенка есть. А силенка нужна, ведь на плечи детей работа легла не маленькая: надо и в доме прибратся, и дров напилить, и воды принести, нередко и

сготовить обед, ведь сплошь и рядом все взрослые в семье служат, а прислуги нету. Даже там, где мать ведет все хозяйство, без детской помощи не обойтись»⁴

Примерно о том же написал и 11-летний крестьянский мальчик, в семье которого никогда не было достатка:

«[...] Теперь же я стал уставать, ноги у меня каждый вечер стали ныть, и мне страшно хотелось бы жить одному, иметь избушку тепленькую, чистенькую и уютную и иметь свое хозяйство, например, лошадь, коров, овец, а первым делом — это развести кроликов. Но, наверное, этому никогда не быть, так как дела идут всё хуже и хуже, наступает холод и голод, и многие люди от этого умирают. И каждый вечер, когда ложишься спать, то благодаришь бога, что прожил день и не умер»⁵.

Дети нарождающейся советской номенклатуры

Голод, эпидемии, экономическая разруха одинаково коснулись всех детей, без учёта их социального происхождения. Исключение составляли лишь дети работников высших органов власти. 1 июня 1922 г. при ВЦИК был создан отдел детских учреждений, занимающийся «обслуживанием работников центральных правительственных учреждений детскими садами, яслями и санаторией» (фактически закрытые «вциковские» детучреждения начали создаваться уже в 1921 г.) Питание, бытовые условия и методы воспитания в этих учреждениях существенно отличались от тех, что были распространены в обычных детучреждениях. Если в финансовых и хозяйственных планах и отчётах «рядовых» государственных детучреждений значатся в основном такие статьи расходов, как починка протекающей крыши, развалившейся лестницы и полусгнившего пола, замена разбитых стекол в окнах, ремонт водопровода или очистка колодца и т. п., то смета «правительственных» детучреждений предусматривала натирку полов, строительство лифта и веранды для сна на воздухе, установление «голландского отопления», покупку аппаратов «горное солнце» и т. п. В то время, как в государственных яслях молоко и молочные смеси выдавали меньше установленной, необходимой для жизни нормы, во «вциковских» яслях на каждого ребенка разрабатывали индивидуальное меню, а при необходимости изготавливали «специальные смеси»⁶. На основании декрета СНК от 23 июня 1921 г., дополнительного постановления от 16 сентября 1921 г., а также ряда инструкций детские учреждения, обслуживающие работников «верхушки» госаппарата, подчинялись непосредственно ВЦИК и имели двойное обеспечение: снабжались государством на

общих основаниях и дополнительно — на средства, выделенные ВЦИК*

Плохое обеспечение «обычных» государственных детских учреждений, нехватка в них воспитателей и педагогов привели к тому, что в начале 1920 г. закрытые ведомственные детучреждения получили широкое распространение: вслед за «вциковскими» возникли детучреждения при Центросоюзе, ОГПУ, Союзе Совторгслужащих, Наркомпути, Госторге, Военной Академии и даже при Институте востоковедения⁷. Впрочем, находившиеся на особом положении дети ведомственных детучреждений также не были равны между собой. В частности, «вциковские» дети подразделялись на 4 категории: дети ответственных работников; дети низших и средних служащих; дети военных и служащих РККА и дети рабочих. Аналогичное разделение детей существовало и в других закрытых детских учреждениях.

Таким образом, уже в первые послереволюционные годы начался процесс расслоения детей на «самых привилегированных», просто «привилегированных» и «всех остальных». Причем это **расслоение основывалось не на социальном происхождении, а на служебном положении родителей, степени их близости к власти.** Дети новой, формирующейся советской номенклатуры (среди которых были и выходцы из «бывших», составлявших значительный процент среднего звена работников госаппарата) были противопоставлены не только детям «рядовых» советских служащих, но и самим этим служащим. На недопустимость такого положения в июне 1926 г. указала Президиуму ВЦИК член комиссии по обследованию детских учреждений А. Артюхина. В направленной в Президиум докладной записке Артюхина, в частности, подчеркнула, что дети ответственных работников «очень нервозны», избалованы и чрезмерно требовательны к учителям. По словам Артюхиной, большой вред нравственности этих детей наносит тот факт, что им в течение многих лет «вбивают в голову» мысль об их исключительности и о том, что именно им предстоит перестраивать жизнь и т. п. Дабы не отрывать детей ответственных работников от остальных детей, Артюхина предложила передать все детские учреждения в ведение Наркомпроса. Как и следовало ожидать, это предложения было категорически отвергнуто⁸

* ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 117 Д. 7. Л. 200. Так, например, в 1927/28 учебном году I Кремлевской школе при ВЦИК на организацию питания учащихся было выделено 12 тысяч рублей, благодаря чему дети ежедневно получали горячие завтраки из двух блюд. В то же время финансирование питания учащихся обычных московских школ составляло в среднем 600—900 рублей в год (т. е. меньше в 13—20 раз!): дети ежедневно получали лишь стакан чая, в редких случаях с булкой. В провинции положение было еще хуже. (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 117 Д. 7. Л. 185.)

В последующие годы грань между «обычными» и «элитными» учреждениями для детей не только не стиралась, но становилась все отчетливее и все непреодолимее. В 1935 г. Президиум ВЦИК принял специальное постановление, в котором подчеркивалась необходимость в дальнейшем «строго придерживаться установленного Президиумом ВЦИК приема и комплектования детских учреждений, построив систему комплектования по принципу обслуживания номенклатурных работников»⁹

В то время как пропасть, отделяющая детей «номенклатуры» от детей рядовых граждан, становилась всё глубже, грань, разделяющая детей разных социальных слоев, становилась всё прозрачнее и неопределеннее. С одной стороны, происходила пролетаризация тех детей «бывших», чьи родители пополнили ряды чернорабочих или безработных. Практически полностью «ассимилировались» малолетние выходцы из «бывших», оставшиеся без родителей и выросшие в детских домах или на улице среди беспризорников. Как вспоминал А. Маринов, все воспитанники детских домов, независимо от своего происхождения (а большинство из них его и не знали), считали себя «пролетарской косточкой» и «задирались» с «буржуями», к которым относили всех детей из более или менее благополучных семей¹⁰.

Платное образование: классовая дискриминация или экономическая необходимость?

Широко распространенное в постсоветской историографии утверждение о том, что, несмотря на объявление начального обучения обязательным и общедоступным, в области школьного образования советская власть проводила дискриминационную политику по отношению к выходцам из «буржуазных» слоев, справедливо лишь отчасти. Так, например, А. Черных упрекает советскую власть в том, что обучение в единой трудовой школе, вопреки громким декларациям о бесплатности начального образования, было платным для выходцев из «буржуазных» слоев¹¹. Действительно, в 1922 г. местные власти начали по своему усмотрению вводить плату за обучение в школе. Например, в Красноярске с сентября 1922 г. обучение в школе I ступени обходилось родителям в 4 золотых рубля в месяц, а в школе II ст. — в 6 рублей золотом ежемесячно. От платы освобождались лишь дети рабочих и беднейших крестьян, но не более 40% от общего числа учащихся. Ярославский губисполком также признал возможным допустить введение платного обучения в школах I и II ступени — соответственно 150 и 300 руб. в месяц. В Тюмени на содержании государства в 1922 г. осталось лишь 275 школ

I ступени, остальные 725 были переведены на содержание населения¹². Аналогичные процессы происходили и в других регионах.

Проще всего (и удобнее всего, с точки зрения современной тенденции к одностороннему негативному освещению истории революции и Советской России) объяснить это сознательно дискриминационной политикой советской власти, классовой ненавистью большевиков. Однако данная позиция игнорирует общеисторический контекст. Нельзя забывать, что в 1921—1922 гг. страна пережила страшный голод; система народного образования была обеспечена помещениями менее чем на 50%; еще хуже обстояло дело с топливом и учебно-методическими материалами, бумагой, карандашами и т. п.¹³ Учителя не получали зарплату по 5—6 и более месяцев, что приводило к их массовому «бегству» из системы просвещения¹⁴ По данным обследования народного образования, проведенного губернскими статистическими бюро, в 1920/21 учебном году учащиеся составляли лишь 9% от общего числа населения Республики¹⁵, фактически же число учащихся было еще меньше и продолжало катастрофически сокращаться. Школы закрывались одна за другой, необходимо было принимать срочные меры.

Введение платы за школьное обучение было вынужденной и временной мерой, обусловленной более экономической необходимостью, чем классовым характером социальной политики. Размер оплаты в первое время устанавливался местными властями. В тех регионах, где местный бюджет позволял финансировать работу школ, начальное обучение оставалось бесплатным. В частности, в отчете Моссовета за 1922 г. говорится, что, несмотря на экономические сложности, в Московской губернии платность начального образования «фактически отсутствует, но единичные случаи платности школ можно наблюдать, например, в Пушкинском районе Московского уезда, где она организована на добровольных началах»¹⁶.

Наибольшее распространение получили различные формы так называемого «школьного самообложения» («натурального» или денежного), вводимого как по решению местных властей, так и по инициативе самих родителей учащихся* Школьное «самообложение» было обязательно для всего населения данной местности, независимо от социального происхождения. В случае если кто-то отказывался вносить установленный налог, его вызывали в народный суд. За неявку в суд с

* Так, например, Дмитровский уездный съезд Советов в 1922 г. принял решение для содержания школ ежемесячно взимать с каждой «ревизской души» по 2,5 фунта ржи и 5 фунтов картофеля (малоимущим разрешалось вносить «школьный сбор» деньгами); в Московском уезде на содержание школ собирали по 0,5 фунта ржи и 3 фунта картофеля (ЦГАМО. Ф.66. Оп. 12. Д. 1056. ЛЛ. 76—77).

виновника, помимо школьного налога, дополнительно взимали 25% от суммы налога в пользу уездной комиссии помощи школе¹⁷

Жители одной из станиц Царицынского уезда в сентябре 1922 г. добровольно обложили себя налогом, необходимым для содержания 7 начальных школ, 1 высшей школы, народного театра, библиотеки, клуба и газетного зала. (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 7. Д. 291. Л. 4); в некоторых регионах родители по собственной инициативе приносили в школы дрова и продукты (См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17об; Д. 45. Л. 18) и т. п.

В соответствии с «Инструкцией о порядке взимания платы за обучение в учреждениях соцвоса», утвержденной Наркомпросом 15 января 1923 г., плата за обучение должна была устанавливаться в зависимости не от социального происхождения ребёнка, а от **размеров доходов семьи в текущий момент** (с учетом количества иждивенцев), что представляется вполне разумным. Причём общая сумма оплаты за обучение всех детей семьи для рабочих и служащих (независимо от их социального положения до революции) не должна была превышать 5% получаемой ими тарифной ставки. Это правило не распространялось на тех, кто владел промышленными или торговыми предприятиями (в текущий момент, а не до революции), и прочих лиц, живущих на «нетрудовые доходы». Представители этой категории населения должны были платить за обучение ребенка не менее двойного размера платы, установленной для детей служащих и рабочих высшей категории. Независимо от социального происхождения, от платы за обучение освобождались сироты, дети красноармейцев и работников просвещения. Кроме того запрещалось взимать плату со всех учащихся низших профессиональных школ, школ рабочих подростков, учебно-показательных мастерских и педагогических учебных заведений¹⁸. «Устав СНК о единой трудовой школе» от 18 декабря 1923 г. отнюдь не отменил право всех детей, независимо от их социального происхождения на бесплатное образование, как это нередко представляют в последние годы. Относительно приема учащихся была сделана лишь одна оговорка: *«В случае, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школы всех детей, преимущественное [право] при приеме отдается детям трудящихся»*¹⁹ Таким образом, дети трудящихся действительно получили **преимущественное**, но не **исключительное** право на бесплатное образование.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О взимании платы в учебных и воспитательных учреждениях» от 24 января 1927 г. не внесло принципиальных изменений в порядок оплаты обучения. Для рабочих, служащих и членов их семей плата за обучение по-прежнему зависела от их заработка. Так, родители, получавшие в месяц от 101 до 150 руб., должны были платить за обучение ребенка в школьном учреждении

1% от зарплаты; получавшие 151—200 руб. — 1,5% зарплаты; 201—250 руб. — 2%; свыше 251 руб. — 3%, но не более 100 руб. в год. Лицам, живущим на «нетрудовые доходы», обучение их детей в школе ежемесячно обходилось в сумму, равную уплачиваемому ими подоходному налогу, но не должно было превышать 300 руб. в год. По-прежнему запрещалось взимать плату с учащихся определенных категорий учебных заведений (низших профессиональных школ, школ рабочих подростков и др.); были установлены льготы для детей работников системы просвещения, а также для сирот, инвалидов и некоторых других групп населения²⁰.

Что касается учета социального происхождения школьников, то вплоть до конца 1920-х гг. он не был обязательным и не носил систематический характер. Учителя (кстати, в большинстве своём происходившие из «бывших») данному вопросу значения не придавали, руководство же учебных заведений было занято другими проблемами (ремонт помещения, «добыванием» методических материалов, письменных принадлежностей, топлива и средств на выплату зарплаты учителям). Судя по отчетам местных органов Наркомпроса, в начале 1920-х годов в городах администрация учебных заведений располагала информацией о социальном положении (но не происхождении!) родителей около 70% учащихся, на селе же — менее 30%²¹. Учет социального происхождения учащихся (а точнее, социального положения их родителей в текущий момент) был более или менее налажен лишь в школах-девятилетках и городских школах для подростков*. Хуже всего в этом отношении обстояло дело в школах-коммунах, где социальным происхождением учащихся практически не интересовались.

Наиболее ранние обобщенные данные о социальном составе учащихся общеобразовательных школ РСФСР относятся к 1926/27 учебному году. Среди учащихся школ I ступени подавляющее большинство (78,9%) составляли в этот период дети крестьян (9,5% — дети рабочих; 11,6% — дети «прочих»). В то же время более половины (60,1%) учащихся школ II ступени составляли дети «прочих» социальных слоев (дети рабочих — 15,2%, дети крестьян — 24,7%)²². То есть, дети рабочих и крестьян чаще были вынуждены довольствоваться получением самых элементарных знаний в рамках начальной школы.

* В частности, в отчетах за 1923—1924 учебный год сельские школы-девятилетки предоставили сведения о социальном положении 48,5% учащихся, что составляет высший процент по всем сельским учебным заведениям; а городские школы для подростков дали сведения о «социальном составе» 72% учащихся; и лишь школы-девятилетки Ленинграда в своих отчетах указали социальное положение всех учащихся. (Народное образование в РСФСР... М., 1925. С.102—103.)

В первое послереволюционное десятилетие органы власти и средства массовой информации не только не разжигали классовую ненависть по отношению к малолетним детям «социально чуждых», но напротив, предостерегали от нее, объясняя, что эти дети лишь «физически» родились до Октябрьской революции, «духовно же они родились в разгар революции», являются равноправными детьми Советской республики и никакой ответственности за деяния родителей нести не должны*. Не отрицая наличие отдельных случаев враждебного к ним отношения, следует признать, что **вплоть до середины 1920-х гг. дискриминация детей по классовому признаку носила эпизодический характер и не была проявлением государственной политики.** Труднее приходилось тем выходцам из социально чуждых слоев, кто уже вышел из детского возраста. Вместе с привилегиями детства они лишались и статуса равноправного члена общества. Социальное происхождение нередко становилось для них серьезным препятствием не только в профессиональной карьере, но и в личной жизни.

ГЛАВА 2

Молодежь «чуждых классов» в Советской России: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ

...И почти только среди детей их, вырастающих в совершенно других условиях, заметны бывают уже иногда признаки другой ориентировки — и то не слишком часто.

Ларин Ю. Интеллигенция и Советы (М., 1924)

В рядах Красной Армии

В годы гражданской войны самым простым (а порой и просто вынужденным) способом интегрироваться в новое общество для взрослых

* *Роков Г.* Облик современной молодежи // Современный ребенок. М., 1923. С. 3. Мысль о равенстве всех детей, независимо от их социального происхождения, активно пропагандировалась в ходе разнообразных мероприятий в защиту детей («неделя беспризорного и больного ребенка», «неделя защиты ребёнка»); через все издания общества «Друг детей», Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и местных Деткомиссий («На помощь ребенку», Пг.—М., 1923; «На помощь детям», М., 1926; «На помощь детям», Семипалатинск, 1926 и др., начиная с конца 1920-х гг названия этих сборников приобрели иной характер: «На помощь детям рабочей бедноты, поступающим в школу», М.—Л., 1929 и т. д.).

сыновей «социально чуждых» стала служба в Красной Армии. Юридически этого было достаточно, для того, чтобы освободиться от «клейма» эксплуататора. В течение 1918 г. Реввоенсовет Республики издал ряд приказов (от 11.09, 18.09, 7.10, 12.10, 21.10 и др.), освобождавших красноармейцев и членов их семей от выселений или переселений, конфискации и реквизиций, бесконечных «чрезвычайных», «революционных» и прочих налогов. Декретом СНК от 24 декабря 1918 г. красноармейцы и члены их семей, независимо от социального происхождения, были освобождены от всех видов прямых налогов, кроме натуральных, а также от квартирной платы. Однако реальное положение выходцев из «бывших» определялось не только и не столько их юридическим положением, сколько их взаимоотношениями с представителями местной власти, соседями, преподавателями учебных заведений, коллегами по работе и т. п. В первые послереволюционные годы, когда центральная власть была ещё недостаточно сильна и её связь с местными органами не была налажена, судьба «бывших» (как, впрочем, и остальных жителей данной местности) в значительной степени зависела от порядочности представителей местной власти, их политических убеждений, степени революционного фанатизма, а также личных симпатий и антипатий.

В частности, несмотря на неоднократные «разъяснения» НКВД Московскому губсовдепу о недопустимости реквизиций и конфискации в семьях красноармейцев «независимо от того, к какому классу общества они бы ни принадлежали», подобные реквизиции были обычным явлением даже в столичной губернии. Так, в январе 1919 г., вопреки запрету РВС, по решению Гребневского и Ильинского волостных советов Богородского уезда Московской губернии было конфисковано имущество в семьях красноармейцев Яковлева (сын бывшего купца I гильдии) и братьев Смирновых (сыновья бывшего помещика). При рассмотрении жалобы Смирновых Гребневский волисполком постановил удостоверения Трифона Смирнова (выданное 39 Мартинским резервным дивизионом) и Георгия Смирнова (выданное военным комиссариатом Сушевско-Марьинского района) считать «**выданными по недоразумению**»²³ Юрисконсультская часть НКВД признала действия волисполкомов незаконными и направила в Отдел управления Московского губсовдепа следующее заключение:

«[...] Если гражданин Яковлев бывший купец первой гильдии и имел четыре дома, фабрику, лесопильный завод и мельницу, а гражданин Смирнов — 15000 десятин земли и леса, то это уже в прошлом. В настоящее время, согласно законам Социалистической Советской республики, это все принадлежит уже не им, а Республике, и суровое к ним отношение в настоящее время было бы лишь мстью за прошлое, а на такую точку зрения Социалистическая Республика становиться не может [...] Реквизиции и

конфискации имущества в семьях красноармейцев недопустимы независимо от того, к какому классу общества они бы не относились»²⁴

Несмотря на настойчивые требования центральной власти (в том числе и Московской губернской ЧК) вернуть конфискованное имущество (зеркала, постельные принадлежности, лампы, скатерти, столовую посуду и т. п.), местные власти остались при своем мнении, считая, что «приказ Революционного Военного Совета паразитов от реквизиции не спасает». Московский губернский совет откровенно заявил, что таким, как помещик Смирнов, «место не в советской Красной Армии, не в советских учреждениях, не в рядах борющегося пролетариата, а за бортом революции»²⁵.

Аналогично по своей сути и дело семьи служивших в Красной Армии братьев Ратнер из Рославля. Однако, в случае с семьей Ратнер представителя местного Совета не прикрывались политическими мотивами и лозунгами «классовой справедливости», а действовали как банальные вымогатели, фактически взяв в заложники младшего сына. Ратнеры жили на средства 4 старших сыновей: студента-медика, служившего в продовольственном отделе местного Совета; студента-техника, служившего в Центротекстиле и 2 сыновей-красноармейцев. В декабре 1918 г., вопреки приказам РВСР, освобождающим семьи красноармейцев от всех чрезвычайных налогов, глава семьи И.Г. Ратнер был обложен чрезвычайным революционным налогом на сумму 10 тысяч руб. Деньги были уплачены, на что ушли все семейные сбережения, и, когда при новой разверстке в феврале 1919 г. от него потребовали еще 5 тысяч руб., платить было уже нечем. Семья подала местным властям ходатайство об освобождении от дополнительного налога, ссылаясь на декреты о льготах для семей красноармейцев. В результате ходатайства сумма налога была сокращена до 3 тысяч, однако сам налог отменен не был. Затем, в связи с неуплатой 3 тысяч, местный Совет вынес постановление об аресте И.Г. Ратнера. Принимая во внимание его преклонный возраст и плохое состояние здоровья, Совет разрешил младшему сыну, учащемуся школы II ступени, «отсидеть» (!) за отца. После чего мальчик был заключен под стражу впредь до уплаты его родителями 3 тысяч рублей²⁶.

Многочисленные постановления властей не смогли защитить и семью лекарского помощника Высшей стрелковой школы командного состава РККА А. Давыдова. Давыдов зарекомендовал себя как «в высшей степени добросовестный работник»; был на хорошем счету у комиссара школы. Однако пока он добросовестно служил, его родителям пришлось нелегко. В частности, в одном из писем отец Давыдова сообщил сыну:

*«Наши коммунисты применяют телесные наказания за неуплату чрезвычайного налога: бьют прикладами, раздевают и водят босиком по снегу, после чего сажают в холодный амбар. Это повторялось по нескольку раз над пострадавшими. Мне в рот вставляли револьвер, истязаниям нет границ [...]» **

Многочисленные жалобы красноармейцев на незаконные конфискации и реквизиции у них и у членов их семей продолжали поступать в Президиум ВЦИК и в последующие годы²⁷. В то же время известно немало примеров, когда представители чуждых социальных слоев добились в армии немалых успехов. Так, Тягунов, выходец из известной в Петрограде купеческой семьи, в РККА возглавил один из агитационных комитетов; «сын буржуа» Гинзбург занимал в армии ряд ответственных должностей: командира броненосца, командира 84 бригады ВНУС, комбрига погранохраны, главного инспектора трудчастей и председателя окружного полигона²⁸.

Очевидно, что, вопреки многочисленным постановлениям, распоряжениям и инструкциям, служба в Красной Армии не давала гарантий успешной интеграции в новое общество, однако и отрицать полностью успешность этого пути также нельзя²⁹.

В вузах и в рядах рабочего класса

Те, кто не мог или не хотел служить в Красной Армии, должны были устроиться на советскую службу или завод, не столько для заработка, сколько для приобретения нового социального статуса — служащего или рабочего. При этом в качестве временного пристанища и лучшей стартовой площадки сознательно выбирался какой-нибудь прославленный революционными традициями завод. Навсегда становится рабочими дети «бывших» обычно не стремились. Другое дело — служба в советских учреждениях. Выходцы из «бывших», обладавшие перед молодёжью из рабочих и крестьян очевидным преимуществом — хорошим образованием, вплоть до начала 1920-х гг. довольно успешно вливались в среднее звено советских служащих. Особенно много их было среди учителей, медицинских работников, а также работников финансовой

* Там же. Л. 303. Интересно, что в написанном комиссаром Высшей стрелковой школы ходатайстве за семью Давыдова, говорится: *«Репрессивные меры, предпринятые против родителей, затрагивают и его интересы, так как у него дома есть имущество»*. Применяемые же местными властями «методы» борьбы с неплательщиками чрезвычайного налога, как и сам факт незаконного взимания налога с семьи красноармейца, не встретили осуждения со стороны комиссара. (Там же. Л. 302об.)

(фининспекторы, бухгалтеры, экономисты и т. п.) и делопроизводительной (стенографистки, секретари-машинистки и т. д.) сфер. Труднее пришлось тем, кто не успел до революции получить высшее образование и «полезную» специальность.

2 августа 1918 г. Совнарком принял Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» и подготовленное В.И. Лениным постановление «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Декрет снимал все ограничения на поступление в вузы (не требовался даже диплом о среднем образовании), отменялись вступительные экзамены и плата за обучение. «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» (1921 г.) предписывало принимать в вузы всех детей рабочих и крестьян, имеющих направления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций* В результате среди студентов резко вырос процент выходцев из рабочих и крестьян. Так, например, из 350 студентов, принятых в 1922 г. на медицинский факультет Донского университета (Ростов-на-Дону), 250 были из рабочих и крестьян, 25 из красноармейцев и только 85 — из служащих³⁰.

Были ли новые правила приема в вузы дискриминационными по отношению к представителям бывших имущих слоев? Положительный ответ очевиден. Сложнее ответить на другой вопрос: чем была вызвана данная политика в области образования и была ли она оправдана? Не вызывает сомнений, что у миллионов искренне стремившихся к знаниям, представителей рабоче-крестьянской молодежи при поступлении в вуз не было практически никаких шансов выдержать равные с детьми из семей бывших имущих классов конкурсные испытания. При отсутствии приоритетного права на обучение в вузах массовое приобщение их к высшему образованию растянулось бы на несколько десятилетий. Необходим был коренной перелом. Вполне разумная цель — открыть дорогу в вузы детям рабочих и крестьян — как это часто бывает в переломные периоды истории, решалась не самыми разумными средствами. «Перегибы» в этой сфере стали очевидны уже в первые годы советской власти. В феврале 1922 г. вузы столицы и ряда крупных городов объявили забастовку. Среди многочисленных причин этой акции (отсутствие средств на ремонт зданий, скудные пайки преподавателей, недоверие к профессуре со стороны власти и стремление оказать давление на нее и т. п.) важное место занимало недовольство новыми правилами приема в

*Так, например, в 1921/1922 уч. г. 58,9% учащихся рабфаков были приняты по рекомендации профсоюзов, 11% — по рекомендации комсомола, 26% — по рекомендации других общественных организаций и лишь 4,1% учащихся были приняты по индивидуальному приему на общих основаниях (*Жиромская В.Б.* Советский город. С. 140).

высшие учебные заведения, которые, по словам работников вузов, «откидывали людей с наиболее развитыми духовными запросами». *«Прием в школы массы неподготовленных, иногда почти безграмотных лиц, — писал 8 февраля 1922 г. в СНК возмущенный коллектив преподавателей МВТУ, — заставивших столь немногочисленный в России и потому особенно для нее ценный персонал научных работников расточать силы на элементарную подготовку принятых лиц и притом несомненно с худшим результатом, чем это могла бы сделать правильно поставленная средняя школа»*³¹ Многочисленные акции протеста преподавателей вузов, а также резкое снижение качества образования способствовали тому, что уже в 1923/24 учебном году доля выходцев из непролетарских слоев населения увеличилась до 62,2% (рабочие и их дети составили лишь 15,3%, выходцы из крестьян — 22,5%)³². По данным же Н.И. Бухарина доля рабочих и их детей среди студенчества Советской Республики не превышала в этот период 14%³³! Особенно велик был процент выходцев из «чуждых слоев» среди студентов художественных и педагогических вузов³⁴

Отмена вступительных экзаменов в вузы способствовала их крайней перегрузке. *«Вузы стали переполняться сверх того, что они могли вместить, — писал в 1924 г. студенческий ежемесячник «Красная молодежь». — [...] Такое переполнение ни в малейшей мере не могло гарантировать сколько-нибудь нормальную учебную работу, и кто хочет понять причины расстройств учебной жизни до конца 1921 г., пусть среди разных других основательных причин (голод студенчества и профессуры, отсутствие топлива и т. п.), — вспомнит и невероятную перегрузку вузов»*³⁵. Эта перегрузка стала важной, хотя, безусловно, не единственной, причиной проведенной в 1924 г. массовой проверки студенчества с целью сокращения его численности. Получившее в последние годы распространение утверждение о том, что переполнение институтских аудиторий было лишь предлогом для освобождения вузов от лиц непролетарского происхождения³⁶, представляется не вполне верной. Эта цель была скорее «попутной», чем главной. Вряд ли кто-либо станет оспаривать тот факт, что в начале 1920-х гг. советские вузы находились в исключительно бедственном положении: не хватало средств на выплату зарплаты преподавателям и стипендий студентам; занятия проводились в неотапливаемых, часто полуразрушенных и нуждающихся в капитальном ремонте помещениях; профессора были крайне недовольны низким уровнем подготовки студентов, наряду с успеваемостью падала и дисциплина; не хватало учебных пособий и оборудования для практических занятий и т. п. Все это сказывалось и на квалификации выпускников, в то время как государство нуждалось в высококвалифицированных специалистах.

В директивных документах и статьях руководства высшей школы подчеркивалось, что «чистка» студенчества должна проводиться, прежде всего, по принципу успеваемости, «путем академической проверки всех студентов, в том числе и комсомольцев, и коммунистов». В то же время оговаривалось, что подход к выходцам из разных социальных слоев должен быть дифференцированным. *«С рабочего, который не учился в гимназии, и которому поэтому трудно дается работа в вуз, — пояснял известный партийный деятель И.И. Ходоровский, — мы спрашиваем гораздо меньше, чем с того студента, который вырос и воспитался в другой социальной среде и с детства готовился к работе в высшей школе»*³⁷. Тем не менее, «чистка студенчества» 1924 г. не внесла радикальных изменений в социальный состав студенчества. *«Несмотря на всю беспощадность и жестокость проверочных комиссий, напор на них был так силен извне, — с досадой констатировал в 1924 г. Е. Ярославский, — что результат работы этих комиссий был в значительной степени смягчен»*³⁸.

Одновременно с проведением проверки и сокращением студенчества в 1924 г. был отменен прием в вузы по «командировкам» различных организаций и учреждений; дети некоторых групп так называемой трудящейся интеллигенции (педагогов, инженеров, врачей и т. п.) при поступлении в вузы были уравниены в правах с детьми рабочих; на вновь введенных вступительных экзаменах были повышены требования для всех абитуриентов, вне зависимости от происхождения. В то же время усилился приток в вузы детей «чуждых» классов, проработавших некоторое время на производстве и поступавших на правах рабочих. По иронии судьбы, наиболее доступным путем к высшему образованию стали в эти годы для «социально чуждых» рабфаки, созданные по декрету СНК от 17 сентября 1920 г. с целью широкого привлечения в высшую школу рабочих и крестьян. Подавляющую часть рабфаковцев (81% в 1921/1922 уч. г. и 90% в 1927/1928)³⁹, как и было задумано, составляли рабочие и крестьяне. Однако это были рабочие не по происхождению, а по положению на момент поступления в рабфак.

Немаловажную роль при устройстве выходцев из «бывших» в учебные заведения играли и личные связи, полезные знакомства, о значении которых при советской власти уже говорилось выше. *«Все мои школьные товарищи, — вспоминал, в частности, В. Шаламов, — абсолютно все: из детей дворян, купцов, торговцев — все поступили в Ленинграде — туда, куда хотели... У всех оказались какие-то связи, какие-то знакомства»*⁴⁰. С помощью старых знакомых князь М. Голицын в 1926 г. устроил своего сына Сергея на бухгалтерские курсы, на которые принимали только по направлениям учреждений. *«Направления у меня не было, — вспоминал позже Сергей Голицын, — но один знакомый отца являлся знакомым секретарши директора курсов, и этого оказалось достаточно»*⁴¹.

Не меньшей силой, чем полезные знакомства обладал и путь «материального поощрения» преподавателей или администрации вузов, а, точнее, взятки. Так, например, 3 сестры и 2 брата Уша из семьи торговцев, трое из которых привлекались к суду за спекуляцию и систематическую дачу взяток, не только обучались в различных вузах Ленинграда, но и были их стипендиатами. По свидетельству помощника прокурора СССР И.С. Кондурушкина, получение детьми торговцев и спекулянтов госстипендий не было редкостью в годы нэпа⁴².

Так или иначе, к середине 1920-х гг. наблюдался заметный рост численности выходцев из чуждых классов среди студентов и аспирантов. В частности, среди поступивших в аспирантуру в 1925/1926 учебном году рабочие составили лишь 9,5%⁴³. Многие представители старинных дворянских родов (Андрей Дурново, внук двоюродного брата министра внутренних дел П. Н. Дурново; Мария и Сергей Голицыны и др.) учились в эти годы на Высших государственных литературных курсах в Москве. В 1927 г. среди студентов-юношей Одессы выходцы из мелкобуржуазной среды составили 25,7% (42,4% — из крестьян и 31,9% — из рабочих); среди девушек же их доля оказалась в 2 раза больше — 51,8% (26% — из рабочих, 22,2% — из крестьян)⁴⁴. Всего по РСФСР в 1926/1927 учебном году выходцы из непролетарских слоев составляли 49,4% (25,3% — рабочие и их дети, столько же крестьян и их детей)⁴⁵. То есть, судя по официальным данным, процентное соотношение среди студентов представителей социально чуждых и пролетарских и полупролетарских слоев населения приблизительно соответствовало (с небольшим перевесом в пользу последних) их процентному соотношению среди самодеятельного населения в целом*. При этом следует учитывать, что официальная статистика и отчеты вузов и отделов образования не отражают реальной картины, так как понятие «социальное происхождение» в них в большинстве случаев заменено понятием «социальное положение». Установить же, сколько так называемых «служащих» в действительности являются по своему происхождению «социально чуждыми», практически невозможно.

Таким образом, до конца 1920-х гг. подростки и молодые люди из среды «социально чуждых», несмотря на проводимую по отношению к ним дискриминационную социальную политику, довольно успешно

* Установить точное соотношение среди населения пролетарских и непролетарских слоев крайне сложно в силу неопределенности социальных границ как первых, так и последних. По данным Комиссии СНК СССР, промышленный и сельскохозяйственный пролетариат вместе с так называемым «трудовым непролетарским населением» составил в 1926/1927 году чуть более 40% самодеятельного населения. Правда, среди населения в целом доля этой группы была значительно ниже — всего 24%. (Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 42—43.)

преодолевали возникавшие на их пути препятствия. Благодаря знаниям, умению говорить и «владеть аудиторией», а также прочим преимуществам, которые давало им хорошее воспитание, они не только лучше учились, но и нередко становились профсоюзными и комсомольскими лидерами.

Молодость брала свое и, вопреки опасному социальному «клейму», «молодежь чуждых классов» продолжала жить и радоваться жизни. Эта особенность хорошо прослеживается в воспоминаниях самих выходцев из «бывших», в которых мрачные краски переплетаются с жизнерадостностью и весельем. Так, С. Голицын, сын князя Голицына, описывая бедствия, обрушившиеся на «бывших» во второй половине 1920-х гг., в то же время вспоминает: *«Зиму 1926/1927 года мы жили очень весело. Почти каждую субботу к моей сестре Маше и ко мне собирались гости, и мы большой компанией танцевали фокстрот под граммофон Любошинских, постоянно сами ходили в гости, ходили в театр, столь же большой компанией ездили по воскресеньям к Осоргиным, катались там на лыжах...»*⁴⁶

Наиболее успешно поначалу делали карьеру (производственную, научную и даже партийную) те выходцы из «бывших», чьи родители своевременно позаботились о сокрытии социального происхождения своих чад с помощью замены документов и переезда на новое место жительства, где их никто не знал. Однако данный путь интеграции оказался впоследствии самым опасным, а нередко и трагическим. Если в первые годы после революции к поданным в администрацию сведениям о социальном происхождении относились в основном формально, то с конца 1920-х гг. их тщательно проверяли и перепроверяли комиссии по чистке. Не меньшую опасность представляли и многочисленные бдительные «доброжелатели». Сокрытие «чуждого» происхождения рассматривалось как тяжкое преступление и сурово наказывалось.

В условиях ужесточения социальной политики

Конец 20-х гг. характеризовался ужесточением классовой политики и вытекающим отсюда значительным ухудшением положения самих «бывших» и их детей. «Плохое» социальное происхождение не только препятствовало дальнейшей карьере, но и грозило потерей всего, уже достигнутого за годы советской власти. Пропаганда классовой ненависти в конце 1920-х гг. достигла детских учреждений для самых маленьких. Детей «бывших», родившихся уже при советской власти и не имеющих никакого отношения к «миру эксплуататоров», их сверстники дразнили недобитыми барчуками, барчатами, буржуйками, карандашами (как называли до революции гимназистов за узкие шинели) и т. д.

От воспитателей детских садов и преподавателей школ требовали проведения среди детей «правильной классовой политики» и воспитания у них ненависти к «социально чуждым». В дошкольных детских учреждениях 3—4-летних ребят заставляли отвечать на вопросы о сущности классовой борьбы; о том, что такое буржуазия, каковы ее цели и т. п. Например, «политвопросник», разработанный в 1934 г. в детском очаге № 1 Ростова-на-Дону, содержал 48 подобных вопросов и ответов, которые дети должны были выучить наизусть⁴⁷. В школах специальные комиссии проверяли, со всех ли учеников собраны подписки о непосещении церкви, проведены ли беседы в антирождественскую кампанию, проводится ли «индивидуальная обработка ребят, отрицательно настроенных со стороны общественно-политической», и т. п.⁴⁸ Редакция журнала «Революция и культура» призвала своих коллег с «большевистской жесткостью вскрыть, вытащить на свет, показать всей советской общественности и решительно исправить недостатки подготовки «сырья» для высшей школы», которая «поставляет «готовый продукт» для промышленности в виде инженеров, техников и т. д.»⁴⁹ Одним из указанных «недостатков», по мнению Ю. Ларина, являлось чрезмерное «увлечение «общепросветительными» задачами в ущерб интересам пролетариата». *«Лишь бы побольше школ, без достаточного внимания к тому, кто их оканчивает»*, — возмущался Ю. Ларин⁵⁰. Такие высказывания, как «учитель должен учить ребят», расценивались как речи «кулаков» и «подкулачников»⁵¹. От учителя требовали не учить, а идеологически воспитывать, поэтому и «идеологическая квалификация» работников системы просвещения оценивалась неизмеримо выше квалификации профессиональной⁵². *«Мы добиваемся, чтобы дети писали без единой ошибки, но оправдано ли это. Определенный процент ошибок мешает вести общественную, партийную работу, работу государственную и т. п., — недоумевал сотрудник Наркомпроса В. Шульгин. — По-видимому не мешает [...] Борясь за темпы коммунистического воспитания мы должны освободиться от традиционных излишеств [...] Надо выкинуть все ненужное из программ, надо пересмотреть их под углом зрения ускорения темпа»*⁵³ Подобно Шульгину, Ю. Ларин возмущался тем, что даже в одобренных ГУСом учебниках русской истории сохранились главы об Олеге, Святославе, Владимире Мономахе, Иване Калите и т. д. Все эти излишние «подробности», по мнению Ларина, следовало бы оставить любителям и «перейти к ознакомлению с историей человека большими мазками»⁵⁴.

Выполняя указания партии о воспитании подрастающего поколения в духе коммунизма, сотрудники учебных заведений сокращали учебные часы, отводимые на нужные якобы только отдельным любителям «подробности», и вводили в постоянную практику «проработку» с учащимися партийных решений, что вызывало крайнюю перегрузку детей и

ухудшало успеваемость по общеобразовательным предметам. Для контроля качества проводимого в учебных заведениях классового воспитания комиссии РКИ проводили опросы детей на социально-политические темы. Так, например, в 1930 г. районная комиссия РКИ провела анкетирование 694 учащихся 31-й московской школы (включая учащихся младших классов). Проанализировав полученные анкеты, комиссия пришла к выводу, что в школе «слабо осуществляется классовое воспитание». В частности, преподавателей упрекнули в том, что 108 учащихся «слабо и совсем не разбираются в вопросах отличия социализма от капитализма», а 205 «отрицают всякую войну, т. е. не понимают ее классовой сущности»⁵⁵

Школьным учителям было вменено в обязанность не только знать «социальное лицо» каждого ученика, но и бороться за улучшение социального состава учащихся, проводить «массово-разъяснительную, разоблачающую классово-чуждый элемент» работу. Попытки же некоторых учителей отказаться от «воспитания вражды у учащихся к чуждому им классу», как антипедагогичного приема, вызвали бурю негодования в прессе⁵⁶.

Еще более жесткие требования предъявлялись к социальному составу студенчества. Тем не менее, самые разные источники свидетельствуют о том, что процент студентов «из бывших» даже в самые суровые, с точки зрения социальной политики, времена традиционно оставался достаточно высоким. Так, в 1929 г. среди студентов педагогического факультета II МГУ служащие составили 42,3%, крестьяне — 38,5%, рабочие же — только 18,4%. Из 292 учащихся Волоколамского педагогического техникума 18 были лишены избирательных прав, а в педтехникуме им. Профинтерна лишенец (отнюдь не скрывавший своего происхождения) был избран председателем студенческого профкома, что, впрочем, не было из ряда вон выходящим фактом⁵⁷. Среди поступивших в аспирантуру в 1928/1929 учебном году, несмотря на массивную идеологическую кампанию по борьбе за «улучшение социального состава» студентов и аспирантов, доля рабочих составила всего 19,5%⁵⁸. В частности, после проведенного в 1928 г. в аспирантуре Московского института инженеров транспорта «отсеивания» аспирантов, исходя из задачи «усиления рабочего ядра», на 1 октября 1929 г. из 39 оставшихся аспирантов только 5 были детьми рабочих и 4 детьми крестьян (2 — дети ремесленников, 6 — научных работников, 1 — «сын служителя религиозного культа» и 21 — «из служащих», т. е. фактически их происхождение не известно)⁵⁹. Реально же выходцев из «бывших» среди студентов, как уже говорилось выше, было значительно больше. Как совершенно справедливо заметил К. Попов, *«надо иметь ввиду, что среди этих рабочих и крестьян есть далеко не настоящие пролетарии, и далеко не настоящие крестьяне»*⁶⁰. По подсчетам комиссии СНК, обсле-

довавшей в 1927 г. социальную структуру республики с целью разработки «методологии определения» ее классового состава, только за 2 года (с 1925 по 1927) в состав пролетариата «влилось» более 6 млн «человек из других классов общества»⁶¹. Кроме того, работники учебных заведений нередко по различным причинам (в частности, для улучшения «показателей», чтобы выбиться в «передовики») сознательно завышали процент выходцев из пролетариата среди учащихся. Так, например, в 1930 г. комиссия РКИ обнаружила, что дети рабочих составляли не более 50% учащихся школ Сокольнического района, в то время как по данным педагогов их доля достигала 60—70%⁶². В вузах, где интересы выполнения плана по социальному составу, сталкивались с желанием преподавательского состава отобрать при приеме наиболее подготовленных абитуриентов, данные о социальном составе учащихся подтасовывались еще более.

Таким образом, статистические данные 1920—1930-х гг. о социальном составе учащихся (как школьников, так и студенчества) существенно завышают степень его пролетаризации. Но даже с учетом несовершенства статистического учета, в «год великого перелома» «рабочие и дети рабочих» составили только 32,5% студентов всех столичных вузов (по художественным, педагогическим, социально-экономическим и медицинским вузам их доля еще ниже, соответственно — 17,6%; 18,2%; 23,3%; 23,7%)⁶³

Развернувшаяся в средствах массовой информации кампания нагнетания классовой ненависти способствовала резкому ухудшению положения «бывших» на уровне повседневно-бытовых отношений. На некоторых московских предприятиях было организовано публичное отречение выходцев из социально чуждых слоев от своих родителей⁶⁴. Даже те, кто не испытывал личной вражды к своим соседям или коллегам «из бывших», из страха предпочитали держаться от них подальше; многие родители не позволяли своим детям играть с детьми «чуждых»; молодым девушкам и юношам советовали «обходить стороной» их сверстников непролетарского происхождения. Что уж говорить о непримиримых борцах за «чистоту» пролетарских рядов, о чьей неистребимой любви к доносам уже говорилось выше.

Разнообразные «чистки» (партии, комсомола, соваппарата, рядов РККА и даже безработных) с конца 1920-х гг. приобрели чрезвычайно широкие масштабы. Выяснение социального происхождения того или иного лица входило в «обязательную программу» работы всех комиссий по чисткам⁶⁵. Наиболее безжалостно «вычищали» «бывших» из партии. Средства массовой информации уверяли общественность, что выходцы из «чуждых классов» не могут искренне придерживаться коммунистической идеологии, в партию же они вступают «не по идейным соображениям, не по революционной преданности, а в целях устройства свое-

го мещанского благополучия, личной карьеры»⁶⁶. Примеру старших товарищей последовали комсомольцы. *«Ряды свои оглядывай зорче, — предостерегал в эти годы комсомольцев В.В. Маяковский. — Все ли комсомольцы на самом деле, или только комсомольца корчат?»* Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев в 1932 г. призвал «очистить» комсомольскую организацию «от чуждых и колеблющихся элементов, разжечь ярость комсомольских ячеек против кулака, против кулацкой агентуры, против того, кто является примиренцем к кулаку». *«Лучше не принять в комсомол десяток достойных молодых рабочих и колхозников, — учил Косарев, — чем принять в числе их одного классово чуждого или политически колеблющегося, в борьбе не проверенного»*⁶⁷ «Чистки совпарата» также нередко проводились на основании изучения биографий «прочищаемых». «За сокрытие своего социального происхождения», «за неясные сведения о себе, где именно она родилась», «как классово-чуждый элемент», — вот типичные обоснования передачи дела на «персональную чистку». Однако в «неясных сведениях» о происхождении нередко оказывались «повинны» не только дети «бывших», но и дети рабочих и крестьян, чьи документы были утрачены (если они вообще когда-либо существовали) в годы революции и гражданской войны.

«В происхождении своем никто не повинен...»

Процесс интеграции выходцев из «бывших» в советское общество был не только сложным и болезненным, но и крайне противоречивым. С одной стороны, по мере ужесточения классовой политики всё громче звучали призывы «разоблачать» классовых врагов, «взрывающих, разлагающих изнутри советские учреждения». Каждый, кто имел какое-либо отношение к «чуждым классам», в любой момент мог лишиться всего достигнутого в жизни. С другой стороны, в ходе индустриализации страна особенно остро нуждалась в хороших специалистах, значительную часть которых составляла в это время молодежь из «бывших». Для тех, кто относился к чуждым классам лишь по своему рождению, но вырос и получил образование уже при Советской власти, был сделан ряд исключений. Уже с конца 1920-х гг., в период наивысшего подъема кампании преследования «социально чуждых», лидеры большевиков все чаще стали говорить о том, что никто не в силах изменить свое происхождение и прошлое своих родителей. *«Место и время своего происхождения никто изменить не может. Отвечать за деятельность своих отцов и матерей также никого нельзя заставить»*⁶⁸, — писал в 1929 г. И. Коротков. Был взят курс на дифференцированное отношение к «бывшим» и их детям, не имеющим «бытовой и идеологической связи» с родителями.

Постановлением ЦИК СССР от 23 марта 1930 г были восстановлены в избирательных правах все занимающиеся в момент принятия постановления «самостоятельным общественно полезным трудом» дети «чуждых», достигшие совершеннолетия не ранее 1925 г. и лишенные избирательных прав только потому, что ранее находились на иждивении лиц, лишенных избирательных прав⁶⁹ Через 2 года, в марте 1933 г. было решено восстановить в избирательных правах достигших совершеннолетия детей высланных кулаков, при условии, «если они занимаются общественно-полезным трудом и добросовестно работают»⁷⁰ В соответствии с постановлением Политбюро от 10.7.1931 «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения» дети инженерно-технических работников при поступлении в вузы получили равные права с детьми промышленных рабочих.

Однако призывы к отказу от мести за происхождение, поскольку, дескать, «родителей не выбирают» и «сын за отца не отвечает», по-прежнему соседствовали с призывами безжалостно «вычищать» из соваппарата всех социально чуждых. Причем оба эти призыва находили живой отклик в деятельности местных властей и комиссий РКИ. На повестку дня встал вопрос, «как быть с молодежью ликвидируемых классов?» Именно так и назвал в 1933 г. свою статью член Президиума ЦКК ВКП(б) А.А. Сольц, призвавший **бережно** относиться к «молодежи чуждых классов», но в то же время **не терять бдительность**:

«Как быть с молодежью этих чуждых, историей нашего времени осужденных на исчезновение классов? Эта молодежь в массе своей должна перейти к нам, но не следует забывать, что из той же молодежи не может не рекрутироваться наиболее активная часть нам сопротивляющихся. Поэтому нам нужно быть бдительными [...] Эта молодежь бывает разная, и мы в отношении ее должны больше считаться с ее социальным положением, чем с ее происхождением. Если принадлежность ее к чуждому классу основывается на дореволюционном прошлом, а после революции семья, в которой она выросла, жила в трудовых условиях, или если уже значительное время она ушла из классово-чуждой среды и живет собственным трудом, то такая молодежь, если нет определенных данных о ее враждебном к нам отношении, должна быть допущена на производство, когда она идет туда, а лучшая часть — принята и на учебу. Она должна пользоваться гражданскими правами. Не следует удалять из производства только в связи с чуждым происхождением и создавать такое положение, когда эта молодежь вынуждена скрывать свое социальное происхождение. Если в комсомоле попадает такая молодежь, то ее, если только она не скрывала своего прошлого, в случае надобности, для проверки можно переводить в кандидаты, но ни в коем случае не следует только за происхождение исключать. Не надо заменять необходимую бдительность упрощен-

чеством при решении этого вопроса. Все молодое, все предприимчивое и активное не может в массе своей не переходить в наши ряды, ибо за нами творчество, за нами успех и молодежь не может не тянуться в нашу сторону, надо только рассеять представление, что мы обязательно будем их преследовать за грехи, за прошлое их родных, что происхождение закрывает им двери в наше трудовое общество, что их судьба всегда и при всех обстоятельствах — быть для нас чуждыми [...] В происхождении своем никто не повинен и родителей себе мы не выбираем [...]»⁷¹

Статья Сольца, опубликованная в «Комсомольской правде» ознаменовала начало поворота к политике «терпимости» по отношению к «выходцам из бывших». Значительно смягчилась пропаганда классовой ненависти в начальных и средних учебных заведениях, в деятельности которых на передний план вновь выдвинулась учеба, а не идеологическое воспитание. В частности, в апреле 1934 г. ЦК ВКП(б) принял решение полностью прекратить «проработку» партийной жизни в начальной школе и не допускать перегрузку общественно-политическими заданиями учащихся средней школы. «*Детей 8—12 лет в школе и пионерской организации, — говорилось в Постановлении ЦК, — заставляют отвечать на вопросы совершенно недоступные их пониманию, крайне отвлеченные и отбивающие у них всякий интерес даже к доступным для понимания детей явлениям общественной жизни и социалистического строительства*»⁷². Жесткой критике подверглись учебные программы средней школы. В частности, рекомендовали больше внимания уделять физике и химии (особенно лабораторным занятиям)* Соответственно изменились и критерии отбора педагогического персонала. Если раньше от учителя требовали, прежде всего, проявления «политической грамотности» и «идеологической выдержанности», то с 1933—1934 гг. все больше внимания начали уделять профессиональной квалификации учителя. Наличие в школах учителей без педагогического образования было названо недопустимым явлением, граничащим с нарушением интересов государства⁷³.

Процесс демонстративного «примирения» с детьми «чуждых» активизировался после VII съезда Советов СССР 6 апреля 1935 г. приказом Наркомпроса РСФСР «О приеме детей врачей в учебные заведения» дети врачей также были уравнены в правах с детьми индустриальных рабочих. 1 декабря 1935 г., выступая на совещании комбайнеров, И.В. Сталин произнес свою знаменитую фразу «Сын за отца не отвечает».

* В 1933/1934 уч. году на лабораторные занятия по физике было отведено всего 3% учебного времени, в то время как по программе Наркомпроса полагалось 16% (в то же время во Франции — 30%, а в США — 40%). (Эпштейн М. О советской школе // Большевик. 1934. № 16. С. 12.)

Вскоре после этого был принят ряд решений, облегчающих положение детей «социально чуждых элементов». 23 декабря Политбюро (а затем и Совнарком) одобрили циркуляр об использовании на работе лиц, высланных и сосланных в административном порядке, и приеме их детей в учебные заведения. Дети, высланные или сосланные как иждивенцы своих родителей, подлежали приему в учебные заведения по месту ссылки. Из-за отсутствия учебных заведений в местах ссылки воспользоваться новыми правами ссыльные чаще всего не могли. Тем не менее, открывшиеся перед «социально чуждой» молодежью новые перспективы (преимущественно теоретические) имели важное психологическое и идеологическое значение. 29 декабря 1935 г. Политбюро утвердило постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы». Постановление отменяло все существовавшие ранее ограничения, «связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей». Руководство некоторых вузов еще какое-то время продолжало по привычке отдавать предпочтение абитуриентам пролетарского происхождения, однако власть уже не только не поощряла подобную практику, но и боролась с ней. *«Вместо тщательной проверки знаний каждого поступающего в вуз, — говорилось в принятом в июне 1936 г. совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», — директора вузов, в погоне за выполнением установленных контингентов приема, снижают уровень требований для поступающих. Вследствие этого состав студентов засоряется малограмотными, случайными людьми».* Постановление напомнило руководству вузов, что при поступлении в вуз равными правами обладают *«все граждане Советского Союза обоего пола, в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие аттестат об окончании полного курса средней школы и успешно выдержавшие установленные для поступления в эти учебные заведения испытания»*⁷⁴.

В то же время 28 сентября 1932 г. ОГПУ разослал на места секретную почтотелеграмму «Об усилении агентурно-оперативной работы по бывшим людям и организации по молодёжи». В ходе предпринятого в начале 1935 г. массового выселения «бывших» из Ленинграда в соответствии с циркуляром Управления НКВД СССР по Ленинградской области от 27.2.1935 г. **дети и внуки** также подлежали выселению как представляющие собой **«контрреволюционный резерв»**⁷⁵.

Вопреки принятым постановлениям, в 1930-е гг. по всей стране продолжались увольнения, выселения и даже аресты за «сокрытие социального происхождения». *«Люди, в том числе молодежь, — возмущался в июле 1936 г. корреспондент журнала «Советская юстиция» В. Деготь, — выбрасывались на улицу только по признаку социального происхождения,*

несмотря на то, что сами увольняемые хорошо работали и на деле доказывали свою преданность советской власти»⁷⁶

Несмотря на провозглашение дифференцированного подхода к «чуждым» по положению и «чуждым» по рождению, на практике процесс их интеграции в советское общество был одинаково сложен и противоречив, но не безнадежен.

Примечания

- ¹ Ларин Ю. Интеллигенция и Советы... С. 4.
- ² Хазанова Е. Рост детской беспризорности и организация борьбы с нею // На помощь ребенку. Пг.—М., 1923. С. 47
- ³ ГА РФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
- ⁴ Спасская К. Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребенок. М., 1923. С. 54.
- ⁵ Там же. С. 55.
- ⁶ См. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 117. Д. 6, 7
- ⁷ Там же. ЛЛ. 192—193.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 121—122.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 301.
- ¹⁰ Маринов А.А. Детский дом. М., 1984. С. 51.
- ¹¹ Черных А.И. Указ. соч. С. 106.
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 291. Л. 33, 67, 97
- ¹³ Подробнее см.: Смирнова Т. М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2002 (в печати); Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 153—154, 300, 506—559.
- ¹⁴ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 74об; Д. 17. Л. 42; Д. 41. Л. 11; Д. 48. ЛЛ. 13, 70; Д. 70. Л. 24; Д. 72. ЛЛ. 1—2; Д. 159. Л. 10об; и др.
- ¹⁵ Вестник статистики. 1921. № 5—8. С. 150.
- ¹⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056. Л. 79.
- ¹⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056. ЛЛ. 77
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 7. Д. 171. Л. 39.
- ¹⁹ Там же. Д. 245. Л. 3об.
- ²⁰ Известия ВЦИК. 1927. 10 февр. С. 7
- ²¹ См., например: Народное образование в РСФСР. Статистический ежегодник за 1923—1924 год. М., 1925. С. 102—103.
- ²² Хозяйственное, советское и партийное строительство: Альбом диаграмм. М.—Л., 1928. Диаграмма 104.
- ²³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. Л. 818.
- ²⁴ Там же. Л. 805.
- ²⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49. ЛЛ. 800—815.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 219. Л. 301.
- ²⁷ См., например: Известия ВЦИК. 1921. 12 авг. С. 3.
- ²⁸ Кондурушкин И.С. Указ. соч. С. 17
- ²⁹ О социальном составе РККА в 1920-х гг см.. Рожков А.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 11—18.
- ³⁰ ГА РФ. Р-130. Оп. 6. Д. 292. Л. 75.

- ³¹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 871. Л. 7—9.
- ³² Хозяйственное, советское и партийное строительство: Альбом диаграмм. М.—Л., 1928. Диаграмма 107.
- ³³ См.: *Львов В.* Коммунисты и беспартийные в вузах // *Красная молодежь.* 1924. № 2. С. 116.
- ³⁴ См., например: Хозяйственное, советское и... Диаграмма 107; *Ходоровский И. К.* Проверке состава учащихся // *Красная молодежь.* 1924. № 1. С. 114; *Кровицкий Г.* Руководящие кадры народного образования // *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 23 и др.
- ³⁵ *Ходоровский И.И.* К проверке состава учащихся // *Красная молодежь.* 1924. № 1. С. 113.
- ³⁶ См., например: *Черных А.И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 113.
- ³⁷ *Ходоровский И.И.* Указ. соч. С. 116; см. также *Крупская Н.К.* Партия и студенчество... С. 18—19; *Ярославский Е.М.* Партия и вузы // *Красная молодежь.* 1924. № 2. С. 39—45.
- ³⁸ *Ярославский Е.М.* Партия и вузы... С. 40.
- ³⁹ *Жиромская В.Б.* Советский город... С. 139.
- ⁴⁰ Цит. по: *Рожков А.Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 223.
- ⁴¹ *Голицын С.М.* Указ. соч. С. 268.
- ⁴² *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 203, 235.
- ⁴³ *Революция и культура.* 1929. № 17. С. 7
- ⁴⁴ *Ласс Д. И.* Современное студенчество // *Молодая гвардия.* 1927. № 9. С. 135.
- ⁴⁵ Хозяйственное, советское и партийное строительство: Альбом диаграмм. М.—Л., 1928. Диаграмма 107.
- ⁴⁶ *Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 281.
- ⁴⁷ *Эпштейн М.* О советской школе // *Большевик.* 1934. № 16. С. 11.
- ⁴⁸ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. ЛЛ. 100, 106.
- ⁴⁹ *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 4.
- ⁵⁰ *Ларин Ю.* Боевые вопросы народного образования // *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 10.
- ⁵¹ *Лысянов П.* Под огнём // *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 70.
- ⁵² *Кровицкий Г.* Руководящие кадры народного образования // *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 18.
- ⁵³ *Шульгин В.* Заметки о народном просвещении // *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 26.
- ⁵⁴ *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы... С. 83—84.
- ⁵⁵ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 227. Л. 200—200об.
- ⁵⁶ См., например: *Фейгельсон М.* На школьном фронте // *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 60—61.
- ⁵⁷ *Революция и культура.* 1929. № 14. С. 23.
- ⁵⁸ Там же. № 17. С. 7.
- ⁵⁹ Научный работник. 1929. № 11. С. 21.
- ⁶⁰ *Попов К.* Вопросы подготовки научной смены // *Революция и культура.* 1929. № 17. С. 7.
- ⁶¹ *Ларин Ю.* Социальная структура... С. 5.
- ⁶² ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 168. Л. 100.
- ⁶³ Москва в цифрах. М., 1934. С. 226.
- ⁶⁴ См.. Общество и власть... С. 45—46.
- Подробнее о «чистках» соваппарата см. часть IV, главу 2 данной монографии. О «чистках» рядов РККА см.. *Рожков А.Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 88.

- ⁶⁶ Выше знамя ленинской партии // Большевик. 1932. № 22. С. 4, 8.
- ⁶⁷ Косарев А.В. О задачах комсомола // Большевик. 1932. № 23/24. С. 47, 50.
- ⁶⁸ Коротков И. Указ. соч. С. 93.
- ⁶⁹ СЗ СССР 1930. № 19. Ст. 212.
- ⁷⁰ Там же. 1933. № 21. Ст. 117; см. также: Там же. 1934. № 50. Ст. 395.
- ⁷¹ Комсомольская правда. 1933. 8 сент. С. 3.
- ⁷² Известия ВЦИК. 1934. 23 апр. С.1.
- ⁷³ Эпштейн М. О советской школе... С. 16.
- ⁷⁴ Правда. 1936. 24 июня. С. 1.
- ⁷⁵ Подробнее об операции «Бывшие люди» см.: Иванов В. «Бывшие люди»., С. 70—
- 73.
- ⁷⁶ Советская юстиция. 1936. № 21. С. 8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ АДАПТАЦИЯ?

44. *Рабоче-крестьянское государство не мстило своим классовым противникам лишь за то, что они принадлежали ранее к эксплуататорским классам...*

С.А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты (М., 1965)

Большинство этих людей, отнесенных к категории «бывших», было обречено на потерю фундаментального для человека признака — собственного места в мире [...] отныне они оказались беззащитны перед любой угрозой, а власть вместо защиты только преследовала их за то, чем они непоправимо были — рожденными в «плохом» классе.

А.И. Черных. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии (М., 1998)

45.

В заключение необходимо вернуться к главному вопросу этого исследования: была ли у «бывших» и их детей реальная возможность стать полноправными гражданами советского общества или «чуждое» происхождение являлось «приговором», в лучшем случае — приговором с отсрочкой исполнения?

Читатель, ожидавший получить четкий и ясный ответ, будет разочарован. Крайне противоречивая картина, возникающая в результате реконструкции судеб «бывших» в Советской России, ставит под сомнение возможность простого и однозначного ответа на вопрос, насколько успешно интегрировались представители социально чуждых слоев в послереволюционное российское общество.

В последние годы большинство исследователей склоняются к мнению, что в условиях Советской России «люди были обречены дворянским происхождением, родством с генералами, наличием родственников за границей, службой в белой армии, университетским образованием, умением правильно говорить по-русски и еще бог весть чем»¹. В частности, один из крупнейших зарубежных специалистов в этой области Ш. Фицпатрик неоднократно подчеркивала в своих исследованиях, что «пятно социального происхождения смыть было невозможно». «Если пятно преступного прошлого в некоторых случаях еще можно было смыть, — пишет Фицпатрик, — пятна другого рода оставались практически навечно. Клеймо «пло-

хого» социального происхождения упорно не желало исчезать, даже когда власть сама пыталась в середине 1930-х годов упразднить его»². К аналогичным выводам пришли и многие другие исследователи. «Обладание полезной профессией не было достаточным условием для выживания, это только отодвигало срок их отторжения системой: классовое происхождение приводило в итоге к приговору»³, — утверждает, в частности, Д. Берто, анализируя пути интеграции детей «бывших» в советское общество. Тех же позиций придерживаются и многие другие исследователи, считающие что в 1920—1930-е гг. судьбу каждого советского гражданина решала прежде всего анкета⁴. Акцент на замалчивавшихся ранее фактах дискриминации исключительно по признаку происхождения обусловил широкое распространение в постсоветской и зарубежной историографии той точки зрения, что понятие интеграция, то есть процесс взаимного, двустороннего приспособления, не может быть употребимо по отношению к «бывшим» и их детям; речь может идти лишь об их адаптации. «Поскольку советское государство, — пишет, в частности, Е. Фотеева, — не имело намерения изменяться в соответствии с потребностями бывших имущих слоев, то ни о каком процессе послереволюционной интеграции не могло быть и речи»⁵. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы речь шла о нескольких десятках человек. Однако социальное пространство так называемых «бывших людей» не имело четких социальных границ и охватывало значительную часть общества, все слои которого неизбежно взаимосвязаны и оказывают влияние не только друг на друга, но и на государство, являющееся не чем-то автономным, изолированным от общества, а его неотъемлемой частью. Так называемая «мелкобуржуазная стихия» оказалась сильнее проводимой властью политики. В частности, помощник прокурора СССР И.С. Кондурушкин в 1920-х гг. неоднократно сетовал на ощущающиеся буквально «на каждом шагу» «невидимые нити», переплетающие все слои общества и связывающие советских и партийных работников с «мещанским болотом»⁶. С каждым годом эти «нити» становились все крепче и запутаннее. С одной стороны, рабочие, по словам партийно-государственного руководства, были подвержены «буржуазному перерождению». «Вы думаете, если вы рабочий, то гарантированы от всего, — спрашивал, в частности, Г.К. Орджоникидзе в сентябре 1929 г. выступая на I Московской областной конференции ВКП(б). — Извините, пожалуйста...»⁷ С другой стороны, молодежь «чуждого» происхождения, выросшая при советской власти, нередко искренне разделяла коммунистические принципы и активно включалась в «строительство коммунизма». Даже те, кому пришлось немало вытерпеть от новой власти из-за поставленного на них классового «клейма», порой не только не обижались на своих гонителей, но и, более того, в душе считали себя коммунистами, фактически таковыми не являясь⁸. Иначе говоря, советское

общество создавалось в процессе **постоянного и тесного взаимодействия и взаимовлияния различных социальных слоев.**

Утверждение о том, что многие представители бывших имущих слоев «сумели найти *modus vivendi* с новыми властителями и вполне благополучно устроить свою жизнь»⁹, представляется вполне справедливым, хотя и не исчерпывающим. Даже последовательные сторонники той точки зрения, что «бывшие» оказались в полном смысле «отверженными», не отрицают достаточно высокого процента случаев удачной интеграции «чуждых». *«История удачной реинтеграции молодой девушки дворянского происхождения в советское общество — не уникальна»*¹⁰, — пишет, в частности Д. Берто. Ш. Фицпатрик также признает, что довольно многие ходатайства лишенцев (значительную долю которых составляли, как известно, «бывшие») о восстановлении их в гражданских правах принесли желаемый результат¹¹. В то же время, нельзя отрицать, что ни производственные успехи, ни профессиональная или партийная карьера, ни близкое знакомство с ответственными советскими и партийными работниками из пролетарских слоев не давали гарантий последующего благополучия. Можно вспомнить немало примеров, когда выходцы их бывших, добившись значительных успехов, внезапно на пике своей карьеры теряли всё исключительно по причине «чуждого» происхождения. Клеймо «чуждого» в течение всей жизни висело над головой, как дамоклов меч. Как совершенно справедливо отметила Ш. Фицпатрик, *«класс имел большое значение в определении лица человека в советском обществе»*¹². Однако следует учитывать, что к концу 1920-х гг. понятие **классовой принадлежности существенно трансформировалось, означая не столько социальное происхождение человека, сколько его политическое (идеологическое) лицо, его социальную психологию, идеологическую сущность и т. п.**

К началу 1930-х гг. границы между представителями различных в прошлом социальных слоев все больше размывались не только в силу естественного их смешения, но и в результате изменения характера социальной политики, трансформации самой сущности т. н. классового принципа. Классово-дискриминационная социальная политика на практике зачастую оказывалась дискриминационной по идеологическому признаку. Введение в политическую практику таких обвинений, как классовое (или мелкобуржуазное) перерождение, потеря социального (партийного) лица и т. п., позволяло свободно манипулировать «классовым принципом», причисляя к числу классовых врагов любого, не угодного власти. В этом отношении нелишне вспомнить, что еще в 1918 г. один из основоположников учения о диктатуре пролетариата приравнивал к капиталистам всех «тунеядцев, хранящих капиталистические привычки». В.И. Ленин также подчеркнул, что *«классовая борьба» заключается помимо прочего и в том, чтобы «охранять интересы рабочего*

класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма»¹³ Иначе говоря — охранять интересы рабочих не только от «социально чуждых элементов», но и от самих рабочих, если они не придерживаются идеологии компартии. «Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего»¹⁴, — перефразировав этот горький упрек Г.И. Мясникова В.И. Ленину, можно сказать, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «замахиваясь» на классовых врагов, власть попадала, прежде всего, по крестьянам и средним социальным слоям. Постепенно критерий «классовой справедливости» все больше превращался в атрибут революционной риторики; удобное объяснение тех или иных действий властей или частных лиц. Им прикрывались как центральная власть в борьбе с политически неблагонадежными лицами, так и нечистые на руку представители местной власти и даже частные граждане в своей повседневной жизни.

Процесс «перевоспитания», «переделки», «перековки» представителей социально чуждых слоев проходил крайне сложно, болезненно и неравномерно, затянувшись на долгие годы. Тем не менее, представление о том, что лица «плохого» происхождения в Советской России были обречены, если не на смерть, то на прозябание, является слишком упрощенным в оценке столь сложных социальных процессов. С конца 20-х и особенно в 30-х гг. классовая борьба начала переноситься непосредственно в ряды рабочего класса. Сформировавшееся к середине 1930-х гг. советское общество впитало в себя все социальные слои дореволюционной России, «перемолотые» и «переваренные» в едином «котле» гражданской войны, коллективизации, индустриализации, культурной революции, разнообразных «чисток» и прочих кампаний. Новая советская социальная элита, новые высшие, средние и низшие слои общества отнюдь не являлись преемниками какой-либо одной социальной группы, а возникали на основе синтеза различных слоев дореволюционного общества.

Принятие Конституции 1936 г. не означало полного прекращения преследований по социальному признаку. Отдельные всплески ужесточения социальной политики происходили и позже — в ходе массовых репрессий конца 30-х годов, в первые годы Великой Отечественной войны, а также сразу после ее завершения. Социально чуждое происхождение порой оказывало свое трагическое воздействие на судьбу человека спустя 10, 20, а то и более лет после принятия Конституции, отменившей социальное неравенство граждан. Однако в большинстве этих случаев происхождение было не причиной, а удобным поводом для увольнения, выселения, ареста и прочих мер репрессий. Так называемая классовая борьба, в действительности уже практически утратила классовую направленность.

Примечания

- ¹ См., например: *Шинкарчук С.А.* Указ. соч. С. 27, 30, 33.
- ² *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 98, 141. См. также: Там же. С. 155; *Ее же.* Жизнь под огнем... С. 38—49.
- ³ *Берто Д.* Указ. соч. С. 227
- ⁴ *Шинкарчук С.А.* Указ. соч. С. 27, 30, 33.
- ⁵ *Фотеева Е.* Социальная адаптация после 1917 года. Жизненный опыт состоятельных семей // Судьбы людей... С. 246.
- ⁶ *Кондурушкин И.С.* Указ. соч. С. 204; см. также: Там же. С. 17, 205.
- ⁷ *Орджоникидзе Г.К.* Генеральная линия партии... С. 255.
- ⁸ Подробнее об этом см., например: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 268—270.
- ⁹ Петроград на переломе эпох... С. 72.
- ¹⁰ *Берто Д.* Указ. соч. С. 222.
- ¹¹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 157.
- ¹² *Фицпатрик Ш.* Жизнь под огнем... С. 39—40.
- ¹³ *Ленин В.И.* П. С. С. Т. 37. С. 90, 91.
- ¹⁴ Цит. по: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917—1923. М., 1995. С. 176—178.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список основных источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. Р-130. Совет Народных Комиссаров РСФСР
- Ф. Р-336. Следственный комитет революционного трибунала при Петроградском Совете РСИКД
- Ф. Р-337. Революционный трибунал печати
- Ф. Р-393. Наркомат внутренних дел РСФСР
- Ф. Р-543. Следственный комитет Верховного революционного трибунала ВЦИК
- Ф. Р-1074. Революционный трибунал при Петроградском Совете РСИКД
- Ф. Р-1235. ВЦИК
Оп. 117 Отдел детских учреждений
- Ф. Р-1240. Уполномоченные ВЦИК и ответственные представители ЦК РКП(б) по всестороннему контролю и ревизии губернских, уездных и волостных советских учреждений и партийных организаций
- Ф. Р-1250. Комиссия ВЦИК по обследованию наркоматов РСФСР
- Ф. Р-3524. Комиссия по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК. 1917—1919 гг.
- Ф. Р-5207. Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК
- Ф. Р-5404. Межведомственная комиссия при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах
- Ф. Р-7275. Главный комитет по проведению всеобщей трудовой повинности при СТО РСФСР

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 5. Управление делами СНК РСФСР
Оп. 1. Письма и телеграммы председателю СНК РСФСР

- В.И. Ленину и управляющему делами СНК РСФСР
В.Д. Бонч-Бруевичу.
- Ф. 17. Центральный Комитет КПСС
Оп. 1а. ЦК РСДРП(б). 1917—1918 гг.
Оп. 6. Информационный отдел ЦК РКП(б). 1919 г.
Оп. 84. Бюро секретариата ЦК. 1918—1926 гг.
- Ф. 19. СНК РСФСР
Оп. 1. Протоколы заседаний СНК. 1917—1922 гг.
Оп. 2. Протоколы заседаний Малого СНК. 1917—1922 гг.
- Ф. 60. Московское областное бюро КПСС

Центральный муниципальный архив г. Москвы (ЦМАМ)

- Ф. 150. Московский городской исполнительный комитет (Мосгорисполком)
- Ф. 1289. Московская городская комиссия РКИ и городская контрольная комиссия
- Ф. 1474. Районные комиссии РКИ

Центральный архив Московской области (ЦАМО)

- Ф. 66. Моссовет
- Ф. 165. Московская губернская РКИ

1.2. Сборники документов

- Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; То же. Вып. 2. СПб., 1998.
- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. Авторы текста и комментариев А.К. Соколов, С.В. Журавлев, В.В. Кабанов. М., 1997.
- ГУЛАГ 1918—1960. Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Науч. ред. В.Н. Шостаковский. М., 2000.
- Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1954; Т. 6. М., 1973; Т. 9. М., 1978.
- Жилищное законодательство. Вып. V. Немунципализированные и демунципализированные строения (частно-владельческие и кооперативные). М., 1927
- Жилищный вопрос: Сборник декретов, распоряжений и инструкций разъяснениями. М. 1923.
- Жилищное законодательство: Систематизированный сборник законодательных и ведомственных постановлений, важнейших постановлений и определений Верховного Суда РСФСР и постановлений Мособлиссуда.

- полкома и Моссовета по законодательству на 1 сентября 1932 г. М., 1932.
- История советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства. 1917—1936. М., 1936.
- История Советской Конституции (в документах). 1917—1956 гг. М., 1957.
- Как проводить чистку партии: Сборник директивных статей и материалов. М.—Л., 1929.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Изд. 9. Тт. 2—6. М., 1983—1985.
- Красная книга ВЧК. Тт. 1—2. М., 1990.
- О введении единой паспортной системы в СССР Законодательные и директивные материалы. М., 1933.
- Общество и власть. 1930-е гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. Авторы текста и комментариев С.В. Журавлев, А.К. Соколов. М., 1998.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Тт. 1—4. М., 2001.
- Сборник декретов и постановлений Союза Коммун Северной области. Вып. 1. Пг., 1919.
- Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. М., 1953.
- СЗ СССР
СУ РСФСР
- Фольклор России в документах советского периода. 1933—1941 гг. Сб. док. М., 1994.
- Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. М., 1992.
- Хозяйственное, советское и партийное строительство: Альбом диаграмм. М.—Л., 1928.

1.3. Статистические источники

- Вестник статистики. 1921. № 5—8.
- Москва в цифрах: с начала века до наших дней. М., 1997.
- Народное образование в РСФСР за 1923—1924 год. Статистический ежегодник. М., 1925.
- Народное хозяйство СССР Статистический справочник. 1932. М.—Л., 1932.
- Социалистическое строительство СССР Статистический ежегодник. М., 1936.
- Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929.

1.4. Периодические издания

1.4.1. Оппозиционная пресса.

Конец 1917 — нач. 1918 гг.

- «Дело народа» («Дело народное», «Дело народов»)
- «День»
- «Воля народа»
- «Воля страны»
- «Время»
- «Начало»
- «Общественный врач»

1.4.2. Советские газеты и журналы.

1917—1936 гг.

- «Административный вестник»
- «Беднота»
- «Безбожник»
- «Большевик»
- «Борьба классов»
- «Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейский депутатов»
- «Власть Советов»
- «Всходы»
- «Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией»
- «За пролетарское искусство»
- «Известия ВЦИК»
- «Историк-марксист»
- «Комсомольская правда»
- «Красная молодежь»
- «Красный ворон» («Бегемот»)
- «Культура и быт»
- «Культура и жизнь»
- «Марксистско-ленинское естествознание»
- «На трудовом посту»
- «Народное просвещение»
- «Научное слово»
- «Научный работник»
- «Петроградская правда»
- «Правда»
- «Пролетарская диктатура»

«Пролетарская революция»
«Рабочий суд»
«Революция и культура»
«Советская юстиция»

1.5. Синхронные издания и работы 1920—1930-х годов

- Блюменфельд Р. И.* Принципы регистрации населения. (Акты гражданского состояния). М., 1922.
- Бубнов А. С.* Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923.
- Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989; *Его же.* Путь к социализму. Избр. произв. Новосибирск, 1990.
- Вишневский Н.* Принципы и методы организованного распределения продовольствия и предметов первой необходимости. М., 1920.
- Владимирова В.* Год службы социалистов капиталистов. М., 1927
- Владимирский М. Ф.* Организация советской власти на местах. М., 1919.
- Волин В.* Октябрьская революция и интеллигенция // Исторический журнал. 1938. № 11.
- Вольфсон С.* Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме // Под знаменем марксизма. 1939. № 8.
- Вышинский А. Я.* Итоги и уроки шахтинского дела. М.—Л., 1928; *Его же.* Вредители электростанций перед пролетарским судом. М., 1933.
- Гастев А. К.* Восстание культуры. Харьков, 1923.
- Гельбрас Г.* Рабочие домовые коммуны в Москве. Итоги массового улучшения жилищного быта рабочих за время 1918—1919 гг. // Власть Советов. 1920. № 5.
- Горин М.* Академический ковчег // Ленинградская правда. 1927 мая.
- Горький М.* О мире толстых: Сб. ст. М., 1931; *Его же.* О литературе. Статьи и речи 1928—1936 гг. М., 1937
- Гурьянов А.* За революционную бдительность! Суд над вредителями Все-союзного конкурса на лучшего ткача и подмастерья на фабрике НИМ. М.—Иваново, 1933.
- Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения в 2 т. Изд. 2-е. Т. 1—2. М., 1967
- Исаев А.* Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917—1924 гг.). М., 1924.
- Как праздновать Октябрь: Пособие для политпросвет работников. М.—Л., 1925.
- Келлер Б. А.* Пролетарская революция и советская интеллигенция. М., 1937
- Коган С.* Организация массовых народных празднеств. М., 1921.

- Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.—Л., 1927.
- Красная Москва, 1917—1920 гг. М., 1920.
- Ларин Ю.* У колыбели // Народное хозяйство. 1918. № 11; *Его же.* Итоги, пути, выводы. М., 1923; *Его же.* Уроки кризиса и экономическая политика. М., 1924; *Его же.* Интеллигенция и Советы. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М., 1924; *Его же.* Работа правительства. Наши успехи и неудачи. М.—Л., 1927; *Его же.* Частный капитал в СССР. М., 1927; *Его же.* Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М.—Л., 1928; *Его же.* Жилище и быт. Жилищный вопрос в реконструктивный период. М., 1931.
- Ласс Д.И.* Современное студенчество // Молодая гвардия. 1927. № 9.
- Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; *Его же.* Возникновение Народного Комиссариата Внутренних Дел и организация власти на местах // Пролетарская революция. 1925. № 3(38); *Его же.* Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9; *Его же.* ВЧК на страже завоеваний Октября // Рабочий суд. 1927. № 24.
- Ледер В.Л.* Специалисты и их роль на производстве. М., 1926.
- Ленин В.И.* П. С. С. Тт. 37—54.
- Лопухин В.Б.* После 25 Октября // Минувшее. Вып. 1. М., 1990.
- Луначарский А.В.* Мещанство и индивидуализм. М.—Пг., 1923; *Его же.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924; *Его же.* О быте. М.—Л., 1927.
- Луппол И.* Интеллигенция и революция // Новый мир. 1939. № 7.
- Мельгунов С.П.* Красный террор в России: 1918—1923 гг. Берлин, 1923.
- Мингулин И.Г.* Пути развития частного капитала. М.—Л., 1927.
- Мороз Г.* ВЧК и Октябрьская революция // Власть Советов. 1919. № 11; *Его же.* Из истории гражданской войны в России // Коммунистический интернационал. 1920. № 16.
- Немцов Н.* Историческая роль чрезвычайных комиссий и ГПУ в Республике диктатуры пролетариата // Рабочий суд. 1927. № 24 (136).
- Октябрь: Сборник пособий для проведения праздника Октябрьской годовщины в рабочих клубах. М., 1924.
- Октябрь в клубах: Сборник материалов к празднованию Октябрьской революции. М., 1924.
- Октябрь в рабочих клубах: Пособие по проведению празднования Октябрьской годовщины. М., 1923.
- Орджоникидзе Г.К.* Избранные речи и статьи. М., 1939.
- Пашуканис Е.Б.* Советский государственный аппарат в борьбе с бюрократизмом // Строительство советского государства. М., 1929.
- Преступник и преступность. Сб. ст. М., 1926.

- Рашин А.Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930.
- Самохвалов И.С.* Численность и состав научных работников СССР // Социалистическая реконструкция и наука. Вып. 1. М., 1934.
- Серебрянский З.* Саботаж и создание государственного аппарата // Пролетарская революция. 1926. № 10.
- Сорокин П.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4—5. *Его же.* Жизнь среди смерти // Господин народ. 1991. № 7
- Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1953.
- Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920; *Его же.* Как вооружалась революция (На военной работе). М., 1924; *Его же.* К истории русской революции. М., 1990.
- Этчин А.* Партия и специалисты. М., 1928.
- Яковлева М.И.* Выдвижение и орабочивание госаппарата Московской области. М., 1930.

1.6. Мемуарная литература

- Амнуэль А.* Первые дни ВЧК // Рабочий суд. 1927. № 24 (136).
- Аронсон Г.* К истории правого течения среди меньшевиков // Менше-визм после Октябрьской революции. Chalidze publications. 1990.
- Аросев А.* Как закрывались буржуазные газеты // Красная нива. 1929. № 4.
- Булгаков М.А.* «Под пятой». Мой дневник. М., 1990.
- Вересаев В.В.* Воспоминания // Огонек. 1988. № 30.
- Волин С.* Меншеви́зм в первые годы НЭПа // Меншеви́зм после Ок-тябрьской революции. Chalidze publications. 1990.
- Воронов С.* Петроград—Вятка в 1919—20 году // АРР. Т. I. М., 1991.
- Воспоминания об Октябрьском перевороте на заседании участников переворота в Петербурге 7.11.1920 г. // Пролетарская революция. 1922. № 10.
- Врангель М.Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // АРР Т. IV. М., 1991.
- Врангель П.Н.* Записки // Русское зарубежье. Вып. 1. М., 1993.
- Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. 1914—1919 гг. // Гиппиус З.Н. Живые лица. Т. I. Тбилиси, 1991.
- Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М., 1990.
- Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. №№ 6—12; Там же. 1992. №№ 1—5, 11—12; Там же. 1993. №№ 1—5.
- Изгоев А.* Пять лет в Советской России. (Обрывки воспоминаний и за-метки) // АРР Т. X. М., 1991.
- Как мы работали в Рабкрине. Харьков, 1963.

- Карпинский В.А.* Два года борьбы. Пг 1919; *Его же.* Три года борьбы. Пг., 1920; *Его же.* Величайшая из революций. М.—Л., 1925.
- Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции. 1915—1922 // Русское прошлое. 1991. Кн. 2.
- Короленко В.Г.* Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. № 1. *Его же.* Письма А.В. Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10; *Его же.* Письма Г Раковскому // Вопросы истории. 1990. № 10.
- Лопухин В.Б.* После 25 Октября // Минувшее. Вып. 1. М., 1990.
- Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде // АРР. Т. VIII. М., 1991.
- Мехоношин К.* От захвата власти к овладению аппаратом // Война и революция. М., 1928. Кн. 2.
- Милицын С.В.* Из моей тетради // АРР Т. II. М., 1991.
- Набоков В.Д.* Временное правительство // АРР Т. I. М., 1991.
- Невский В.И.* Как образовалась Советская власть и что ею сделано за три года. М., 1920; *Его же.* В буре деяний. Петроград за пять лет советской работы. М.—Пг., 1922.
- Оболенский В.* Из первых дней Высшего Совета Народного хозяйства // Народное хозяйство. 1918. № 11.
- Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента // АРР. Т. X. М., 1991.
- Постникова Е.* Жизнь в ленинской России // Русский рубеж. 1992. № 3.
- Разгон Л.* Непридуманное // Юность. 1988. №№ 5, 8; Там же. 1989. №№ 1—2.
- Раппопорт И.* Полтора года в советском Главке // АРР Т. II. М., 1991.
- Смильг-Бенарио М.* На советской службе // АРР. Т. III. Москва, 1991.
- Чубарь В.* Октябрьские дни 1917 года. (Воспоминания) // Народное хозяйство. 1918. № 11.
- Чуковский К.И.* Дневник. 1918—1923 гг. // Новый мир. 1990. №№ 7—8; Там же. 1991. № 5.
- Шингарев А.И.* Как это было. Дневник. М., 1918.
- Шульгин В.В.* Годы. М., 1979; *Его же.* 1920 год. М., 1989.
- Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989.

1.7. Художественная литература

- Булгаков М.А.* Самоцветный быт. М., 1985.
- Маринов А.А.* Детский дом. М., 1984.
- Нароков Н. В.* Мнимые величины. М., 1990.
- Ропшин В. (Б. Савинков)* Конь вороной. М.—Л., 1924.
- Шейнин Л.Р.* Записки следователя. М., 1979.

2. ЛИТЕРАТУРА

Анатомия революции. СПб., 1994.

Барбаков К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М., 1991.

Белова Т.Д. Культура и власть. М., 1991.

Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственно-го механизма. М., 2001.

Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997.

Булдаков В.П., Иванова И.А., Шелохаев В.В. Место и роль средних слоев города в буржуазно-демократической и социалистической революциях // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7.

Власть и общество в СССР: Политика репрессий (20—40-е гг.). М., 1999.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923. М., 1995; *Его же.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; *Его же.* «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5.

Глезерман Г. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949.

Голинков Д.Л. Крах вражеского подполья. М., 1971.

Горинов М.М. Нэп и возникновение целостной командно-административной системы // Власть и общество России XX век. М.—Тамбов, 1999.

Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М.—Тамбов, 1984.

Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.

Городские средние слои накануне Октября. М., 1970.

Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть. М., 1993.

Добкин А.И. Лишенцы: 1918—1936 годы // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.—СПб., 1992.

Думова Н. Московские меценаты. М., 1992.

Жиромская В.Б. Советский город в 1921—1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988; *Ее же.* После революционных бурь. Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996.

Иванов В. А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20—40-х гг. (на материалах Северо-Запада СССР). СПб.: ЛИСС, 1997; *Его же.* Бывшие люди // Родина. 1999. № 4.

Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. М., 1958.

Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма. М., 1961.

- Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976.
- Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. М., 1979.
- Измозик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный контроль за населением Советской России в 1918—1928 гг. СПб., 1995.
- Ильина И.Н.* Общественные организации в политической системе СССР в 1920-х годах // Власть и общество России. М.—Тамбов, 1999.
- Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917—1922 гг.). Смоленск, 1998.
- Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988. *Его же.* Военспец в революции. Какую роль сыграли в военном строительстве бывшие офицеры и генералы старой русской армии // Переписка на исторические темы. М., 1989.
- Квакин А.В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа 1921—1927. Саратов, 1991.
- Комин В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970.
- Кораблев Ю.И.* Советская власть и военные специалисты (1918—1941 гг.) // Власть и общество России XX век. М.—Тамбов, 1999. *Его же.* Защита Республики. Как создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия // Переписка на исторические темы. М., 1989.
- Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. М., 1991.
- Краус Т.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. 1917—1928. Будапешт, 1997
- Куликова Г.Б., Ярушина Л.В.* Взаимоотношения Советской власти и интеллигенции в 20—30-е годы // Власть и общество России. XX век. М.—Тамбов, 1999.
- Кулешов С.В.* Смешное в истории: опыт социокультурной реконструкции // Отечественная история. 2002. № 3.
- Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991.
- Куртуя С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999.
- Лебина Н.Б.* Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997 № 1.
- Малькова Л.Ю.* Современность как история. Реализация мифа в документальном кино. М., 2002.
- Мэтьюз М.* Ограничения свободы проживания и передвижения в России (до 1932 года) // Вопросы истории. 1994. № 4.
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

- Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы / Под общ. ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2000.
- Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941. М., 1998; *Ее же.* Частное предпринимательство в период наступления экономики дефицита // Нормы и ценности повседневной...
- Перченко Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные члены Академии наук СССР М., 1991; *Его же.* Дело Академии наук // Природа. 1991. № 4.
- Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.
- Писарев И.Ю.* О народонаселении СССР. М., 1962.
- Плаггенборг Штефан.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Поляков Ю.А.* Гражданская война в России. (Поиски нового видения) // История СССР 1990. № 2. С. 108.
- Попов В.П.* Государственный террор в советской России, 1923—1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2.
- Потехин М.Н.* Петроградская трудовая коммуна. (1918—1919 гг.). Л., 1980.
- Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956.
- Революция и человек. М., 1997.
- Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002.
- Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995.
- Селунская В.М.* Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987.
- Сикорский Е.А.* Советская система политического контроля над населением в 1918—1920 годах // Вопросы истории. 1998. № 5.
- Смирнова Т.М.* «Бывшие». Штрихи к социальной политике Советской власти // Отечественная история. 2000. № 2; *Ее же.* Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов. (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000; *Ее же.* «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // Россия в XX веке. Реформы и революция. Т. 2. М., 2002; *Ее же.* Образ «бывших» в советской литературе // История России XIX—XX веков. Новые источники понимания. М., 2001; *Ее же.* Жилищная политика советской власти в годы НЭПа. (По материалам демун-

- ципализации в Москве и Московской губернии) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002; *Ее же*. «Сын за отца не отвечает». Проблемы адаптации детей «социально чуждых элементов» в послереволюционном обществе (1917—1936 гг.) // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002.
- Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999.
- Соколова Н.* Краткий курс. Материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. № 1.
- Соскин В.Л.* Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973.
- Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998.
- Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999.
- Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000.
- Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968; *Его же*. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1975; *Его же*. Россия. 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987.
- Степин А.П.* Социализм и средние слои города: опыт преобразования общественных отношений городских средних слоев. М., 1975; *Он же*. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновича и Е. Фотеевой. М., 1996.
- Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1998.
- Трифонов И.Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937 гг.). М., 1960; *Его же*. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1925 гг.). Ч. 1. Л., 1964; Ч. 2. Л., 1969.; *Его же*. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- У Эньюань.* Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5.
- Федюкин С.А.* Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М., 1960; *Он же*. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; *Его же*. Великая Октябрьская революция и интеллигенция. М., 1968; *Его же*. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; *Его же*. Партия и интеллигенция. М., 1983.
- Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. *Ее же*.

- Жизнь под огнем. Автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы // Российская повседневность 1921—1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995; *Ее же*. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.
- Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.
- Черных А.И.* Жилищный передел: политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10; *Ее же*. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.
- Чураков Д.О.* Социально-политический протест рабочих в 1918 г. // Отечественная история. 2001. № 4.
- Шейхетов С. В.* Нэпманы Сибири // Электронный журнал «Сибирская заимка». www.zaimka.ru/soviet/cheikh.
- Шинкарчук С.А.* Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995.
- Шмидт С.О.* Золотое десятилетие советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990.
- Юшин И.Ф.* Социальный портрет московских «лишенцев» (конец 1920-х начало 1930-х годов) // Социальная история. Ежегодник. 1997 М., 1998.
- Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОМС	— Административный отдел Московского совета
АРА	— Американская администрация помощи (American Relief Administration)
ВИК (волисполком)	— исполнительный комитет волостного Совета
ВНУС	— войска внутренней службы
ВСНХ	— Высший совет народного хозяйства
(В)ЦИК	— (Всероссийский) Центральный Исполнительный комитет
ВЦСПС	— Всероссийский (Всесоюзный) Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК	— Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГКК Верховного суда РСФСР	— Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР

Главкомтруд	— Главный комитет по проведению всеобщей трудовой повинности при СТО РСФСР
ГОЭЛРО	— Государственная комиссия по электрификации России
ГУКХ	— Главное Управление коммунального хозяйства НКВД
ГУМЗ	— Главное управление мест заключения
Деткомиссия	— Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК
ДСНХ	— Донской Совет народного хозяйства
ИТР	— инженерно-технические работники
Комхоз (укомхоз, губкомхоз)	— отдел (уездный, губернский) коммунального хозяйства
КСК	— Комиссия советского контроля
МВТУ	— Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана
МГСПС	— Московский губернский Совет профессиональных союзов
МГКК ВКП(б)	— Московская городская контрольная комиссия ВКП(б)
МКУБУ	— Московская комиссия по улучшению быта ученых
МОНО	— Московский отдел народного образования
МОСЖК	— Московский областной союз жилищной кооперации
Мосотсобез	— отдел социального обеспечения Моссовета
Моссовет	— Московский городской Совет депутатов трудящихся
МУНИ	— Московское управление недвижимым имуществом
МУС	— Московский уездный Совет
МУУР	— Московское управление уголовного розыска
МЧК	— Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКВД	— Народный комиссариат иностранных дел
Петрокубу	— Петроградская комиссия по улучшению быта ученых
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РКИ (Рабкрин)	— Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная Армия

РКСМ	— Российский Коммунистический Союз Молодежи
РОУНИ (РУНИ)	— районный отдел управления (районное управление) недвижимым имуществом
СНК (Совнарком)	— Совет Народных Комиссаров
совнархоз	— совет народного хозяйства
Совет РСиКД	— Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов
СОНО	— Сокольнический отдел народного образования
СОЭ	— социально опасные элементы
СТО	— Совет труда и обороны
УИК (уисполком)	— исполнительный комитет уездного Совета
уком	— уездный комитет ВКП(б)
УКХ (укомхоз)	— Управление коммунального хозяйства
усовнархоз	— уездный совет народного хозяйства
ЦЕКУБУ	— Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦГАМО	— Центральный государственный архив Московской области
ЦКК	— Центральная контрольная комиссия
ЦМАМ	— Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦСУ	— Центральное статистическое управление
ЭКОСО	— Экономический совет РСФСР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
	Ликвидация эксплуататорских классов, или Хождение «бывших» по мукам: историография проблемы	3
	Судьбы «бывших» как неотъемлемая составляющая жизни советского общества	9
	Источниковедческая база и историческая концепция: что первично?	11
	<i>Примечания</i>	17
Часть I	«БЫВШИЕ»: ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	
<i>Глава 1</i>	<i>«Остатки старого мира» в официальном и обыденном понимании</i>	23
	Эксплуататоры и их «приспешники» в дискурсе большевиков	23
	Представления о «буржуях» на уровне обыденного сознания	31
<i>Глава 2</i>	<i>Проблемы социальной идентификации «бывших»</i>	36
	Социальная мобильность российского обывателя накануне революции	37
	Где кончается буржуй и начинается пролетарий? (Особенности социальной самоидентификации «бывших»)	40
	Критерии классовой принадлежности: социальное происхождение или социальное положение?	43
	<i>Примечания</i>	50

РКСМ	— Российский Коммунистический Союз Молодежи
РОУНИ (РУНИ)	— районный отдел управления (районное управление) недвижимым имуществом
СНК (Совнарком)	— Совет Народных Комиссаров
совнархоз	— совет народного хозяйства
Совет РСиКД	— Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов
СОНО	— Сокольнический отдел народного образования
СОЭ	— социально опасные элементы
СТО	— Совет труда и обороны
УИК (уисполком)	— исполнительный комитет уездного Совета
уком	— уездный комитет ВКП(б)
УКХ (укомхоз)	— Управление коммунального хозяйства
усовнархоз	— уездный совет народного хозяйства
ЦЕКУБУ	— Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦГАМО	— Центральный государственный архив Московской области
ЦКК	— Центральная контрольная комиссия
ЦМАМ	— Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦСУ	— Центральное статистическое управление
ЭКОСО	— Экономический совет РСФСР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
	Ликвидация эксплуататорских классов, или Хождение «бывших» по мукам: историография проблемы	3
	Судьбы «бывших» как неотъемлемая составляющая жизни советского общества	9
	Источниковедческая база и историческая концепция: что первично?	11
	<i>Примечания</i>	17
Часть I	«БЫВШИЕ»: ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	
<i>Глава 1</i>	<i>«Остатки старого мира» в официальном и обыденном понимании</i>	23
	Эксплуататоры и их «приспешники» в дискурсе большевиков	23
	Представления о «буржуях» на уровне обыденного сознания	31
<i>Глава 2</i>	<i>Проблемы социальной идентификации «бывших»</i>	36
	Социальная мобильность российского обывателя накануне революции	37
	Где кончается буржуй и начинается пролетарий? (Особенности социальной самоидентификации «бывших»)	40
	Критерии классовой принадлежности: социальное происхождение или социальное положение?	43
	<i>Примечания</i>	50

Часть II	ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВУ РАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. 1917—1920-е ГОДЫ	
Глава 1	«Беспощадное подавление эксплуататоров» как основная задача нового государства	55
	На страже интересов революции или по пути «революционной романтики»: две тенденции социальной политики	55
	«Вся власть на местах»	62
	Буржуазный обыватель в условиях красного террора	66
	От массового террора к выявлению отдельных врагов: декларации и реальность	80
Глава 2	На перепутье: представители бывших привилегированных слоев в поисках новой социальной ниши	84
	Социальная дезориентация и поиск путей интеграции	84
	«Бывшие» на советском рынке труда: успехи и неудачи	97
	<i>Примечания</i>	108
Часть III	НЭП в судьбах «БЫВШИХ»	
Глава 1	«Новые широкие перспективы», или Влияние экономических реформ на повседневную жизнь «бывших»	117
	Демунципализация и особенности жилищной политики	118
	Денационализация и аренда промышленных предприятий	136
Глава 2	Противоречия социальной политики: классовая справедливость или экономическая целесообразность?	138
	«Время обещанной свободы» в условиях политической диктатуры	138
	Границы терпимости к «выползанию буржуазии на свет»	142
	Крутые зигзаги советского судопроизводства	145
	Задачи и особенности учета населения	150
	«Вредные» и «чуждые»: пересечение социального пространства	153

<i>Глава 3</i>	<i>Старые и новые «бывшие»</i>	165
	Место «бывших» в рядах нэпманов	165
	Пролетарские и коммунистические нэпманы	169
	Новые «бывшие»	173
	<i>Примечания</i>	175
Часть IV	Окончательная ликвидация эксплуататорских классов и исчезновение «классовой исключительности»	
<i>Глава 1</i>	<i>Нагнетание классовой ненависти и его влияние на повседневную жизнь советского общества</i>	183
	«Усилить классовую непримиримость»	183
	«Социальное лицо» как основной критерий классовой принадлежности	194
	Классовая борьба на уровне повседневного общения	198
<i>Глава 2</i>	<i>«Вычистить с корнем социально чуждых»</i>	210
	«Чистки» совapparата: цели задачи, механизм	210
	Чтобы не оставлять кусты бывших людей в аппарате»	214
	Сохранить специалиста или вычистить «чуждого»?	
	Борьба прагматизма с классовым принципом	222
	Фальсификация материалов чисток	225
	Кого «вычистили»?	227
<i>Глава 3</i>	<i>Начало «классового примирения»: обещания и реальность</i>	230
	«Россия розовеет»	230
	Освободить советские города и учреждения от «бывших людей»	233
	Классы уничтожены, классовая борьба продолжается	235
	<i>Примечания</i>	238
Часть V	«Сын за отца не отвечает»: проблемы адаптации детей «социально чуждых». 1917—1936-е годы	
<i>Глава 1</i>	<i>К вопросу о «дискриминации» детей по классовому признаку</i>	246

Равенство всех детей как основной принцип социалистического строительства	246
Дети нарождающейся советской номенклатуры	248
Платное образование: классовая дискриминация или экономическая необходимость?	250
Глава 2 <i>Молодежь «чуждых классов» в Советской России: пути интеграции</i>	254
В рядах Красной Армии	254
В вузах и в рядах рабочего класса	257
В условиях ужесточения социальной политики	262
«В происхождении своем никто не повинен...»	266
<i>Примечания</i>	270
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ АДАПТАЦИЯ?	273
<i>Примечания</i>	277
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Список основных источников и литературы</i>	278
1. Источники	278
2. Литература	286
<i>Список сокращений</i>	290

Редактор *Н. Ляховская*

Техническое редактирование и компьютерная верстка —
И. Филимонов

Корректор *В. Щеглова*

Подписано в печать 15.06.2003 г
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 5000 экз.

Заказ № 256.

ООО «Издательский дом «Мир истории»
119146 г. Москва, Комсомольский просп., 13.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Полиграф»
125480 г. Москва, ул. Героев-Панфиловцев, 24

Смирнова Татьяна Михайловна -
кандидат исторических наук (1995),
научный сотрудник Института российской
истории РАН.

Окончила Московский историко-архивный
институт и аспирантуру ИРИ РАН.

Специализируется в области социальной
истории России XX века и
источниковедения. Автор более 20
научных статей в ведущих отечественных
и зарубежных журналах, а также разделов
в коллективных монографиях и
энциклопедических изданиях.

ISBN 5-98308-002-4

9 785983 080027

Издательский дом «Мир Истории»
Москва 2003 г.